Est. A- 16424

Калевичъ

(Kalewi poeg)

Древняя эстонская сага

въ двадцати пѣсняхъ.

Перевелъ

Юрій Трусманъ.

Второй выпускъ.

Ревель, 1889.

Печатня Эстляндскаго Губернскаго Правленія.

Est. A – 16424

КАЛЕВИЧЪ

(Kalewi poeg)

ДРЕВНЯЯ ЭСТОНСКАЯ САГА

въ двадцати пѣсняхъ.

Перевелъ

Юрій Трусманъ.

Второй выпускъ.

Ревель, 1889.

Печатня Эстляндскаго Губернскаго Правленія.

Дозволено цензурою. — Ревель, 18-го Февраля 1889 г.

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU
i 2947342x

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

Господину Эстляндскому Губернатору

КНЯЗЮ

СЕРГІЮ ВЛАДИМІРОВИЧУ

ШАХОВСКОМУ

посвящаетъ

Переводчикъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО 2-му ВЫПУСКУ.

Для болѣе вѣрной оцѣнки эстонскаго эпоса необходимо сопоставить его съ финскимъ эпосомъ „Калевалой“ и дать кое-какія указанія о времени и характерѣ его происхожденія. На первый взглядъ оба эпоса повидимому имѣютъ мало общаго между собою: въ финскомъ много дѣйствующихъ лицъ, въ эстонскомъ только одно, сынъ Калева, заслоняющій своими подвигами всѣхъ своихъ товарищей; въ первомъ описывается преимущественно борьба съ враждебными Калевалѣ силами сѣвера, Пойолы, во второмъ — дѣятельность и похожденія сына Калева на родинѣ; „Калевала“, по выраженію ученаго Шотта, есть „свѣжее весеннее утро, въ которое при ясной погодѣ колышатся серебристыя облака; „Калевичъ“ — осенній вечеръ, окрашенный въ пестрые иногда странные переливы цвѣтовъ“. Пѣвецъ эстонскій желаетъ воспѣть, что собралъ „съ пня дуба Тары“, „съ пояса Ванемуйне“, „съ пучка волосъ Ютты“; финскій пѣвецъ желаетъ и дѣйствительно поетъ о томъ, что собралъ „съ пояса Вейнемейнена“, „съ горнила Ильмаринена“, „съ острея меча Каукоміелена“, „съ самострѣла Іоукагайнена“ (Kalewala, Helsingissa 1877, I, 30—34). Эстонскій пѣвецъ однако не сдерживаетъ своего обѣщанія; онъ поетъ нѣ о Ванемуйне, Тарѣ и Юттѣ, а исключительно о сынѣ Калева. Въ финскомъ эпосѣ Калевъ не играетъ никакой роли, и лишь нѣкоторые предметы называются его именемъ. Названіе самаго эпоса „Kalewala“ значитъ „страна Калева“. Упоминаются женщины Калева, прибѣгающія послушать пѣніе Вейнемейнена (XLIV, 265); чаще — народъ Калева (XV, 572, 610) въ противоположность народу крайняго сѣвера, Пойолы, не происшедшему отъ Калева. Встрѣчается также упоминаніе о сыновьяхъ Калева (Kalewan pojat). Лемминкейненъ храбрый героическій авантюристъ, называется сыномъ Калева (XIII, 103 и др.), а также самъ Вейнемейненъ (VI, 214, XLII, 424), хотя онъ и обязанъ своею жизнью дѣвѣ воздуха, ставшей беременной отъ вѣтра. Разъ онъ называется Kalewaipen (IV, 94), что прямо указываетъ на его происхожденіе отъ Калева. Разъ упоминается вообще о потомкахъ Калева — Калевичахъ (Kalewaiset XX, 416). Въ финскомъ эпосѣ изображается однако личность, которая по своимъ подвигамъ соотвѣтствуетъ сыну Калева эстонскаго эпоса, имѣетъ такую аналогію съ нимъ, что трудно

не замѣтить ихъ первоначальнаго тожества, хотя эта личность и носитъ имя Кулерво, а отецъ его называется Калерво (Suomi 2 j. 5 osa, p. 140—166). Это имя его, равно какъ и его отца, по изслѣдованіямъ оказывается позднѣйшаго происхожденія, а первоначально по болѣе древнимъ извѣстьямъ онъ именовался сыномъ Калева и носилъ имя Soini. Извѣстно, что и эстонскій сынъ Калева первоначально носилъ имя Soini. Въ народныхъ пѣсняхъ. какъ финскихъ, такъ и эстонскихъ, не вошедшихъ въ оба эпоса и представляющихъ жизнь этихъ двухъ героевъ уже подъ позднѣйшими вліяніями, находимъ также значительную аналогію между ними.

Въ одной финской пѣснѣ пѣвецъ спрашиваетъ: „Кукуетъ-ли еще кукушка Калева въ рощѣ Калева? Выглядываютъ-ли еще дочери Калева изъ оконъ Калевалы?“ (Kanteletar, III, p. 102) Воспоминанія о Калевѣ и его сыновьяхъ существуютъ и внѣ предѣловъ Эстоніи и Суоміи. Европеусъ собралъ нѣсколько пѣсень въ Ингерманландіи, въ которыхъ говорится о происхожденіи Калева и сыновей его (См. Abhand. d. Kön. Akad. d. Wiss. zu Berlin 1862, 437). Одна гласитъ такъ: „моя мать воспитала большую стаю лебедей и отнесла ихъ въ рѣку. Вдругъ прилетѣлъ съ шумомъ орелъ, схватилъ ихъ и улетѣлъ. Одного онъ перенесъ въ Россію, другого въ Карелію, третьяго оставилъ на родинѣ, спустивъ его въ Суоміи. Тотъ, который выросъ въ Карелiи, сдѣлался рыбакомъ подъ именемъ Калева“ и т. д. Здѣсь значительное сходство съ тѣмъ, что разсказывается о Калевѣ и его сыновьяхъ въ эстонскомъ эпосѣ (Калевичъ, I, 85—108) и въ финскомъ эпосѣ о Кулерво, Унтамо (Kalewala, XXXI, 1—13) и Вейнемейненѣ (VII, 109—116). Сюда примыкаетъ сказаніе и изъ Лапландіи о сыновьяхъ солнца. Сынъ солнца, взявъ себѣ въ жену дочь великана на безмѣрно далекомъ западѣ, порождаетъ съ нею по возвращеніи на родину трехъ Kalla pane (сыновья Kalla), которые становятся сильными охотниками. Родъ ихъ, говорится въ томъ же сказаніи, исчезъ въ Швеціи съ застрѣленнымъ холостымъ сыномъ. Одна вѣтвь распространилась въ Россіи, другая (слѣд. третья) южнѣе за Датчанами Ютами (a. c. Abhand p. 447). Калевичъ эстонскій, одинъ изъ трехъ сыновей, умираетъ также холостымъ, неестественною смертью. Лапландцы нѣкогда называли „Kalla pane“ созвѣздіе Оріона. Въ качествѣ самострѣла этого небеснаго стрѣлка, по ихъ представленію, служила Медвѣдица, а созвѣздіе Кассіопея представляло оленя, котораго Kalla pane преслѣдуетъ въ сопровожденіи своей собаки. У финновъ созвѣздіе Оріона называется Kalewan miekka (мечъ Калева), а иногда косою Вейнемейнена.

Сравненіе языка обоихъ эпосовъ приводитъ также къ выводу о значительной древности ихъ. Финскій ученый Кронъ (Suomi 2 j. 10 osa, p. 135—176) находитъ значительное количество словъ, встрѣчающихся въ Калевалѣ и у нынѣшнихъ Эстовъ, но чуждыхъ нынѣшнимъ финнамъ и нуждающихся для своего пониманія въ объясненіяхъ; далѣе, онъ замѣчаетъ значительное грамматическое сходство между языкомъ Калевалы и нынѣшнихъ эстовъ. Съ другой стороны, и въ эстон-

скомъ эпосѣ, нужно прибавить, встрѣчается не мало словъ, свойственныхъ теперешнимъ финнамъ, но непонятныхъ для самихъ эстовъ. Языкъ рунъ, по справедливому мнѣнію Крона, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ подчиняется въ большей или меньшей степени вліянію мѣстнаго нарѣчія, но тѣмъ не менѣе въ каждой отдѣльной мѣстности онъ далеко отступаетъ отъ мѣстнаго нарѣчія; въ Карелiи онъ скорѣе западно-финскій, въ Эстоніи гораздо болѣе карельскій, чѣмъ обыкновенный разговорный языкъ. Отсюда Кронъ находитъ возможнымъ дѣлать тотъ выводъ, что древнія руны Финновъ не суть только твореніе однихъ Карелoвъ, но общее достояніе всего финскаго племени, унаслѣдованное съ того времени, когда возникли семейныя и діалектическія особенности отдѣльныхъ народовъ этого племени.

Вопросъ о времени происхожденія эстонскаго эпоса не можетъ быть рѣшенъ независимо отъ другаго вопроса: когда эсты поселились въ нынѣшней Эстоніи? Дѣло въ томъ, что центромъ дѣятельности сына Калева въ продолженіи всей его жизни остается нынѣшняя Эстляндія и особенно мѣстности около западнаго берега Пейпуса. Съ именемъ Калева связано и названіе города Ревеля, котораго основателемъ онъ считается (ср. Колывань—? Kalewan linna—городъ); но древнѣйшее названіе его Lindanisse — едва ли происходитъ отъ жены Калева Linda, а скорѣе отъ linta, linde (у Карелъ и Води) — городъ и будетъ значить „въ городъ“, какъ въ народѣ обыкновенно говорится о Ревелѣ.

Если принять мнѣніе финскихъ ученыхъ, по которому нынѣшняя Эстляндія была заселена Эстами не ранѣе VIII в. по Р. Х., то придется допустить, что въ продолженіи 3—4 вѣковъ до XIII в., когда эсты были порабощены Меченосцами, ихъ мѣстожительство успѣло сдѣлаться предметомъ поэтическаго вдохновенія, слиться съ ихъ религіозно — миѳическими представленіями, вынесенными изъ общей родины на сѣверо-востокѣ Россіи, откуда западная вѣтвь финновъ, долго останавливаясь между Ильменемъ и Чудскимъ озеромъ, перешла черезъ послѣднее и медленно подвигалась къ западу. Но столь короткое время для созданія эпоса представляется мало вѣроятнымъ. Несомнѣнно, что общій финнамъ эпосъ по разселеніи въ Эстляндіи эстовъ сталъ быстро измѣняться и пріурочиваться къ новой мѣстности; въ народной памяти жизнь и дѣятельность сына Калева тѣсно связывается съ началомъ культивированія страны переселенцами; дѣятельность остальныхъ героевъ, первоначально пріуроченная къ Тарбатѣ (Юрьеву), отодвинулась на задній планъ, такъ какъ одно изъ незначительныхъ первоначально лицъ, именно сынъ Калева, отличавшійся по преимуществу воинскими подвигами, сдѣлался въ воображеніи поэта пѣвца царемъ эстовъ, борющимся за свободу и независимость своего народа; на него были перенесены нѣкоторыя свойства главныхъ дѣятелей прежняго эпоса, которыя впрочемъ не всегда приличны ему какъ воину, напр. даръ и сила поэзіи Вейнемейнена (Ср. Кал. III, 502—540 и Kalewala III, 295—340). Нужно признать поэтому, что часть эстонскаго эпоса принадлежитъ ко времени послѣ потери національной свободы въ XIII вѣкѣ. Отсюда

и объясняются нѣкоторыя представленія несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія.

Связываніе фрагментовъ эпоса Dr. Крейцвальдомъ въ одно цѣлое едва ли можно назвать удачнымъ: нерѣдко въ эпосѣ попадаются эпизоды и пѣсни, не имѣющіе никакаго отношенія къ сыну Калева, въ уста его влагаются рѣчи и слова, очевидно произвольно связываемыя съ его личностью и т. д.

Переводчикъ.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:					Читай:
61	стр.	344	стихъ	.. возвванія	воззванія
—	—	400	—	.. тетерки на ...	тетеркина
65	—	751	—	.. отецъ	отецъ
66	—	802	—	.. катилось	катилась
—	—	823	—	.. въ неба	съ неба
71	—	285	—	.. широкато	широкаго
74	—	580	—	.. желзѣная	желѣзная
82	—	293	—	.. лиственницый .	лиственницы
86	—	620	—	.. Всмахнувъ ...	Взмахнувъ
87	—	649	—	.. Бъ	Въ
95	—	544	—	.. пріобрѣтюатъ .	пріобрѣтаютъ
104	—	257	—	.. несчасный....	несчастный
107	—	509	—	.. допывался....	допытывался
119	—	630	—	.. брозды	бразды
123	—	15	—	.. слышала	слыхала
125	—	177	—	.. землу	землю
127	—	391	—	.. прощебитали ..	прощебетали
136	—	166	—	.. (сполна I)....	(сполна)
—	—	207	—	.. ускольнула ...	ускользнула
146	стр.	1	стихъ	.. одинадцатая ..	одиннадцатая
152	—	538	—	.. меня	маня
157	—	39	—	.. чути	пути
158	—	65	—	.. разбойики	разбойники
162	—	438	—	.. путяхъ	путахъ
179	—	894	—	.. мальчикамъ ..	мальчикомъ
181	—	1	—	.. сынъ сынъ ..	сынъ
196	—	266	—	.. проторъ	просторъ
201	—	768	—	.. Закалдованы..	Заколдованы
212	—	714	—	.. очачу	очагу
—	—	734	—	.. вопрсоилъ	вопросилъ
216	—	1041	—	.. Вещій	Вѣщій
—	—	—	—	.. отозвалѣся ...	отозвался
219	—	75	—	.. железны	желѣзны
220	—	137	—	.. Выростилъ ...	Выростили
—	—	139	—	.. уложилъ	уложили
244	—	475	—	.. счастьѣ	счастьи
246	—	671	—	.. сталомъ	столомъ
257	—	525	—	.. насчастья	несчастья

ТРЕТЬЯ ПѢСНЬ.

Сыновья Калева втроемъ на охотѣ — 166; Финскій знахарь вѣтровъ похищаетъ Линду — 433; возвращеніе сыновей Калева домой и рѣшеніе отправиться на поиски за матерью.

При сіяньи палящаго солнца
Сидѣлъ на берегу моря
Младшій сынъ Калева.
Взиралъ на веселую игру волнъ,
На покатыванье водныхъ струй,
Кружащихся отъ легкаго вѣтра.
Внезапно угрожая,
Вырвалось съ лона темнаго облака
Порывистое дуновеніе вѣтра,
Заставило волны вздуваться,
Вздыматься съ глухимъ шумомъ.
*Äike[1]) ѣздилъ по желѣзному мосту
На телегѣ мѣдноколесной,
Металъ на ходу огонь,
При поѣздкѣ — искры;
Дѣдушка-Пиккеръ гремѣлъ,
Грохоталъ при поступи,
Бросалъ учащенно молніи. *
Злые духи въ трепетѣ
Услышали голосъ карателя,
Удалились отъ Пиккера
Въ волны широкаго моря,
Взывая: Äike, понюхай!
Пиккеръ, засунь носъ въ з—!“
Спрыгнули съ высокаго берега
Стремглавъ на дно морское,
Въ лоно пѣнящихся водъ.
Сынъ Калева вскочилъ
По ихъ слѣдамъ въ волны,
Спустился съ быстротою орла
Въ погоню за исчадіями злобы,
Наловилъ ихъ, какъ раковъ изъ норъ,
Полную большую суму.
Поднявшись на поверхность моря,
Поплылъ сынъ богатыря
Нѣсколько ближе къ берегу,
Бросилъ изъ кисы исчадія злобы
Могучимъ размахомъ на берегъ,
Подъ желѣзный прутъ Пиккера,
Гдѣ ихъ разбили на части,
Раздробили на пищу волкамъ.
Братья Калевичи
Ушли изъ дома втроемъ
Погулять весело по лѣсу;
Мать осталась дома
Одинокою охранительницею сундука,
Защитницей сокровищницы,
Опорой комнаты для талеровъ.
Мать поставила котелъ на огонь,
Варила пищу для сыновей,
Держала въ порядкѣ огонь,
Охраняла искры огня,
Чтобы пламя не вырвалось до потолка,
Искры не полетѣли на крышу.
Таковъ законъ для пряжкогрудой,
Обязанность царицы очага.
*Младшіе сыновья Калева
Пошли въ лѣсъ погулять,
Гнаться по слѣдамъ птицъ,
Искать слѣдовъ медвѣдя,
Ловить слѣды оленя,
Высматривать зубра,
Заманивать волка.
Медвѣдь ходилъ въ овсѣ,
Былъ въ гостяхъ у пчелъ,
Оленя видѣли около поля,
Волковъ—во множествѣ на выгонѣ,
На пустоши—въ изобиліи лисицъ,

ТРЕТЬЯ ПѢСНЬ.

Сыновья Калева втроемъ на охотѣ — 166; Финскій знахарь вѣтровъ похищаетъ Линду — 433; возвращеніе сыновей Калева домой и рѣшеніе отправиться на поиски за матерью.

При сіяньи палящаго солнца
Сидѣлъ на берегу моря
Младшій сынъ Калева.
Взиралъ на веселую игру волнъ,
На покатыванье водныхъ струй,
Кружащихся отъ легкаго вѣтра.
Внезапно угрожая,
Вырвалось съ лона темнаго облака
Порывистое дуновеніе вѣтра,
Заставило волны вздуваться,
Вздыматься съ глухимъ шумомъ.
*Äike[1]) ѣздилъ по желѣзному мосту
На телегѣ мѣдноколесной,
Металъ на ходу огонь,
При поѣздкѣ — искры;
Дѣдушка-Пиккеръ гремѣлъ,
Грохоталъ при поступи,
Бросалъ учащенно молніи. *
Злые духи въ трепетѣ
Услышали голосъ карателя,
Удалились отъ Пиккера
Въ волны широкаго моря,
Взывая: Äike, понюхай!
Пиккеръ, засунь носъ въ з—!“
Спрыгнули съ высокаго берега
Стремглавъ на дно морское,
Въ лоно пѣнящихся водъ.
Сынъ Калева вскочилъ
По ихъ слѣдамъ въ волны,
Спустился съ быстротою орла
Въ погоню за исчадіями злобы,
Наловилъ ихъ, какъ раковъ изъ норъ,
Полную большую суму.
Поднявшись на поверхность моря,
Поплылъ сынъ богатыря
Нѣсколько ближе къ берегу,
Бросилъ изъ кисы исчадія злобы
Могучимъ размахомъ на берегъ,
Подъ желѣзный прутъ Пиккера,
Гдѣ ихъ разбили на части,
Раздробили на пищу волкамъ.
Братья Калевичи
Ушли изъ дома втроемъ
Погулять весело по лѣсу;
Мать осталась дома
Одинокою охранительницею сундука,
Защитницей сокровищницы,
Опорой комнаты для талеровъ.
Мать поставила котелъ на огонь,
Варила пищу для сыновей,
Держала въ порядкѣ огонь,
Охраняла искры огня,
Чтобы пламя не вырвалось до потолка,
Искры не полетѣли на крышу.
Таковъ законъ для пряжкогрудой,
Обязанность царицы очага.
*Младшіе сыновья Калева
Пошли въ лѣсъ погулять,
Гнаться по слѣдамъ птицъ,
Искать слѣдовъ медвѣдя,
Ловить слѣды оленя,
Высматривать зубра,
Заманивать волка.
Медвѣдь ходилъ въ овсѣ,
Былъ въ гостяхъ у пчелъ,
Оленя видѣли около поля,
Волковъ—во множествѣ на выгонѣ,
На пустоши—въ изобиліи лисицъ,

На пару—много зайцевъ.
У нихъ было три собаки:
Одна была Ирми, другая—Арми,
Третья—злая Мустукене.
Сыновья въ чащѣ лѣсной
По слѣдамъ собакъ нашли медвѣдя,
Въ соснякѣ медоволапаго,
Рвала Ирми, терзала Арми,
Душила Мустукене;
Собаки осилили медвѣдя.
Младшій братъ — мальчикъ
Связалъ медвѣдя, чрезъ плечо
Повѣсивъ за ноги;
Хотѣлъ понести домой,
Мясо въ пищу, шкуру въ одѣянье,
Сыновья пошли на поле,
Вышли изъ лѣса на поляну;
Тамъ встрѣтился рогатый,
Самъ старый олень.
Собаки — травить оленя,
Умерщвлять рогатаго;
Рвала Ирми, терзала Арми,
Душила Мустукене;
Собаки осилили оленя.
Младшій братъ — мальчикъ
Бросилъ оленя черезъ плечо,
Повѣсилъ подлѣ медвѣдя;
Хотѣлъ понести домой,
Мясо въ пищу, шкуру въ одѣянье.
Сыновья пошли въ ельникъ
Ловить зубра;
Въ бору молодцы нашли
Зубра по слѣдамъ собакъ,
Рвала Ирми, терзала Арми,
Душила Мустукене;
Собаки осилили зубра.
Младшій братъ — мальчикъ
Связалъ быка за рога,
Повѣсилъ чрезъ плечо;
Хотѣлъ понести домой,
Мясо въ пищу, шкуру въ одѣянье.
Могучіе сыновья Калева
Направились съ веселіемъ къ дубравѣ,
Въ чащу кустарниковъ;
Тамъ встрѣтилась стая волковъ,
Стадо щенятъ лѣсныхъ.
Собаки напали на волковъ,
Терзали обитателей лѣсовъ;
Рвала Ирми, терзала Арми,
Повалила наземь Мустукене;
Убивали по дюжинамъ.
Младшій братъ — мальчикъ
Началъ лупить волковъ,
Облупилъ около четырехъ дюжинъ,
Началъ лупить пятую:
Братья спѣшили домой.
Младшій братъ взялъ шкуры,
Закинулъ въ связкѣ чрезъ плечо,
Какъ покрывало на спину медвѣдя;
Хотѣлъ понести домой.
Сыновья ходили по лѣсному пути,
Милю прошли по дорогѣ въ бору;
Тамъ встрѣтилась стая,
Большое стадо лисицъ.
Собаки напали на лисицъ;
Рвала Ирми, терзала Арми,
Повалила на земь Мустукене;
Убивали по дюжинамъ,
Умерщвляли по сотнямъ.
Младшій братъ — мальчикъ
(Началъ) обдирать лисицъ;
Ободралъ около четырехъ дюжинъ,
Началъ обдирать пятую,
Но братья спѣшили домой.
Младшій братъ взялъ шкуры,
Закинулъ въ связкѣ чрезъ плечо,
(Какъ)сумку на спину оленя.
Могучіе сыновья Калева
Шагали по лѣсному пути,
Милю прошли по дорогѣ въ бору;
Попалось стадо зайцевъ
Имъ навстрѣчу на полянѣ.
Собаки погнались за зайцами,
Давили господъ осинника.
Рвала Ирми, терзала Арми,
Душила Мустукене;
Убивали по дюжинамъ,
Умерщвляли по сотнямъ.
Младшій братъ,—мальчикъ

(Началъ) лупить зайцевъ,
Облупилъ около четырехъ дюжинъ,
(Началъ) лупить пятую:
Братья спѣшили домой.
Младшій братъ взялъ шкуры,
Закинулъ въ связкѣ чрезъ плечо,
Какъ сѣдло на спину быка.
Тогда братья втроемъ
Зашагали къ дому. *

*Ахъ, ты коварный сватъ,
Обманчивый женишекъ!
Какъ ты зналъ сюда придти?
Какъ смекнулъ чрезъ скалы,
Чрезъ широкія волны,
Съумѣлъ чрезъ пропасти,
Ухитрился чрезъ горы
(Найти) дорогу во дворъ талеровъ,
Тропинку въ семейство пфениговъ?
Ты, коварный сватъ,
Обманчивый женишекъ,
Потому съумѣлъ сюда придти,
Перескакивая чрезъ скалы,
Перелетая чрезъ волны,
Потому зналъ дойти сюда,
Съумѣлъ чрезъ пропасти,
Смекнулъ чрезъ горы
(Придти) сюда въ домъ Калева,
Сюда въ семейство пфениговъ,
Во дворъ старыхъ талеровъ,
Что серебряная капитель была на дворѣ,
Двѣ на сокровищницѣ,
Три — на крышѣ амбара,
Пять — на воротахъ игрища,
Шесть — въ коппелѣ для стада.
Потому — то женихъ нашелъ дорогу,
Потому обманщикъ съумѣлъ придти
Въ домъ вдовы Калева,
Когда не было дома сыновей орла,
Въ гнѣздѣ кривоклювыхъ,
Защитниковъ матери.*
Финскій Тусларъ, вѣдунъ вѣтровъ!
Ты навѣрно въ тайныхъ затѣяхъ,
Питая обманчивые планы,
Сильно ломалъ голову,
Какъ бы искусить вдову?
Навѣрно, ты подстерегалъ въ тѣни,
За обломкомъ береговой скалы:
Какъ во дворѣ Калевичей
Приводили въ порядокъ дѣла.
Навѣрно ты, коварный сватъ,
Обманчивый женишекъ,
Выжидалъ удобнѣйшаго времени,
Болѣе подходящаго мгновенья,
Чтобы дорогую вдову Калева
Коварнымъ образомъ уловить,
Запутать немощную женщину.
Лодка стояла въ засадѣ,
Челнокъ скрытъ за скалою,
Ты, обманщикъ, самъ въ челнокѣ
Рано и поздно на сторожѣ.
Финскій Тусларъ, вѣдунъ вѣтровъ,
Сидѣлъ какъ разъ въ лодкѣ,
Когда сыновья ушли изъ дома
Весело разгуливать по лѣсу.
Вѣдунъ вѣтровъ понялъ,
Что мать осталась дома
Одинокой, беззащитной,
Неохраняемой мощною рукою,
Когда нельзя было ждать помощи,
Ни надѣяться на опору дѣтей.
Ушедшіе изъ дому сыновья орла,
Полетѣвшіе далеко воронята
Не могли крика матери,
Зова на помощь въ бѣдѣ,
Рыданія въ когтяхъ искусителя,
Услышать собственными ушами.
Тусларъ, вѣдунъ вѣтровъ, думалъ:
Теперь-то сокровище въ волѣ вора!
*Изба оставлена безъ опоры,
Стѣны зданія—безъ крыши
Подъ дуновеніемъ каждаго вѣтра,
Подъ разливомъ волнъ водныхъ.
Улетѣли изъ гнѣзда кривоклювые,
Кривоклювые, съ желѣзными когтями,
Теперь-то власть у вора,
Сила въ рукахъ насильника *

Финскій Тусларъ, вѣдунъ вѣтровъ,
Толкнулъ лодку изъ-за скалы,
Челнокъ—на открытое мѣсто;
Приладилъ весла на греблю,
(Поставилъ) гребла гнать челнъ,
Разбивать волны,
Заставилъ надуваться паруса,
Тянуть при дуновеніи вѣтра.

Лодка качалась на волнахъ,
Катилась на колыбели водъ,
Неслась, колыхаясь, къ берегу,
Ко двору Калевичей.

Финскій Тусларъ, знахарь вѣтровъ,
Погналъ челнъ къ берегу,
Подъ коппель Калевичей,
Скрылъ челнъ въ тайникѣ,
Близь могилы Калева;
Самъ легкимъ шагомъ спрыгнулъ
На утесистый берегъ,
Откуда по воровскимъ путямъ,
По тропинкамъ разбойничьимъ,
Подъ сѣнію муравы ползкомъ,
За камнемъ присѣдаючи —
Какъ кошка при ловлѣ птицъ,
Приближался къ избѣ.

Тайно приползъ Финскій Тусларъ
Къ воротамъ двора Калева,
Вскочилъ быстро на пятки,
Живо (сталъ) на цыпочки,
Шагалъ смѣло черезъ дворъ,
Вступилъ въ сѣни;
Взглянулъ разъ чрезъ полудверь,
Прежде чѣмъ устремиться въ избу.

Вдова сидѣла при очагѣ,
Ложкою мѣшала супъ въ котлѣ;
Испуганная матушка
Не успѣла воспротивиться.
Финскій Тусларъ, вѣдунъ вѣтровъ,
Захватилъ вдову насильно,
Опутавъ въ воровскихъ объятіяхъ,
Втиснулъ раздирающіе орлиные когти
Безжалостно подъ поясъ матушки,
Хотѣлъ вдову понести въ лодку,
Добычу воровскую — въ челнъ.

Хотя Линда, цѣломудренная вдова,
Сильно оборонялась,
Разбойнику показывала кулакъ,
Искусителю — ногти,
Прибѣгала къ помощи зубовъ;
Всетаки ослабѣла сила бѣдной,
Исчезла поблекшая мощь вдовы
Предъ могуществомъ вора,
Подъ узами чарующихъ словъ,
Которыми уничтожилъ силу,
Сковалъ крѣпость,
Плѣнилъ мощь вдовы.
Финскій Тусларъ, вѣдунъ вѣтровъ,
Былъ богатъ волшебными словами,
Искусенъ въ составленіи словъ;
Зналъ сто таинственныхъ словъ,
Другую сотню — мудрыхъ словъ,
Третью — сильнѣйшихъ,
Для усиленія крѣпости,
Для увеличенія силы,
Въ опору мощи.
Зналъ тысячу другихъ словъ,
Таинственныхъ словъ для уничтоженія силы,
Для утомленія мощи,
Для ослабленія крѣпости,
Которыми опуталъ силу,
Сковалъ мощь (вдовы).

Линды, бѣдной вдовы,
Отчаянные вопли,
Воззванія о помощи въ бѣдѣ
Понеслись на крыльяхъ вѣтра,
Погрузились въ волны,
Умолкли въ чащѣ,
Исчезли въ трущобахъ лѣсныхъ,
Погасли въ скалахъ:
Но воззванія о помощи
Не коснулись слуха сыновей.

Линда умоляла трогательно,
Умоляла о спасеніи отъ Туслара,
Звала на помошь лѣшихъ,
На помощь — добрыхъ людей,
Звала на помощь чужихъ,
Духовъ покровителей;

Звала на помощь тѣнь супруга,
На помощь — добрыхъ боговъ,
Вздыхала все къ Укко,
Къ тѣни дѣдушки!
Финскій Тусларъ, вѣдунъ вѣтровъ,
Богатый узами таинственныхъ словъ,
Затыкалъ (свои) уши,
Чтобы жалобныя мольбы вдовы,
Отчаянные вопли въ бѣдѣ
Не стали порабощать умъ.
Бодрствующая милость боговъ,
Мощная воля сильнѣйшихъ,
Защита крѣпчайшихъ рукъ
Услышали возвванія Линды,
Стоны сѣтованія вдовы,
Трогательныя восклицанія (ея):
По велѣнію дѣдушки,
Изъ облака должна помощь,
Изъ вѣтра — пособіе явиться.
Финскій Тусларъ, вѣдунъ вѣтровъ,
Шагая съ воровскою добычею,
Достигъ горы Иру;
Хотѣлъ направиться съ горы
Прямо къ морю,
Гдѣ его ожидалъ челнъ,
Ä[illegible] выступилъ внезапно,
Угрожая разбойнику на пути,
Пиккеръ потрясалъ въ облакѣ!
Съ грохотомъ по желѣзному мосту
Ѣхала телега дѣдушки,
Разсыпая сильно огонь.
Финскій Тусларъ, вѣдунъ вѣтровъ,
Упалъ въ обморокъ,
Плѣненный мнимой смертью;
Молнія отняла мощь тѣла,
Притупила совсѣмъ чувства:
Потому онъ упалъ, какъ мертвый,
На горѣ на мураву.
Сила покровителей,
Прочная опора небесныхъ (боговъ)
Спасли вдову Калева,
Птичку изъ когтей орла,
Мгновенно превратили
Цѣломудренную вдову Калева
Въ обломокъ высокой скалы,
Въ каменный столбъ на горѣ Иру.
Нити жизни освободились
Отъ долгихъ мукъ сѣтованія,
Изъ широкаго ольховника заботы,
Изъ ельника печали.
И не удалось Финскому Туслару
Опозорить ложе вдовы.
Финскій Тусларъ, вѣдунъ вѣтровъ,
Проснулся спустя немного
Отъ узъ тяжелаго обморока,
Изъ плѣна мнимой смерти.
Протирая глаза,
Расширяя вѣки,
Смотритъ онъ кругомъ,
Не видны ли гдѣ слѣды,
Куда ушла вдова - Линда,
Исчезла домашняя курочка.
Но вдова осталась ненайденной.
Дочь тетерки неузнанной.
Превращенную въ скалу домашнюю курицу,
Линду, вдову Калева,
Вы можете нынѣ распознать,
Ясно видѣть собственными глазами:
На горѣ Иру сидитъ вдова,
Дочь, высиженная изъ тетерки на яйца,
Сидитъ Линда близь дороги;
И это знаютъ ѣздящіе въ городъ,
Хотя у нашего поколѣнія,
При тупости нынѣшнихъ дней,
Имя Линды исчезло изъ памяти.
Народъ зоветъ каменный обломокъ
Большею частью Иру-бабушкою.
Ѣдущіе въ первый разъ въ городъ
Должны, по древнему обычаю,
Привѣтствовать Иру-бабушку,
Съ почтеніемъ на голову бабушки
Парни (должны) положить шляпу.
Хотя въ каменномъ обломкѣ
И не находятъ видимой жизни,
Ни движенія съ мѣста,
Все-же отъ старыхъ людей,

По воспоминаніямъ мудрѣйшихъ
Разсѣяно не мало разсказовъ,
Передано не мало извѣстій:
Что въ нѣдрахъ каменнаго обломка
Какъ бы родится таинственная сила,
Развивается чудная мощь.
Кто со склона горы бабушку
Вечеромъ скатитъ въ долину,
Находитъ на другое утро
Ее снова на прежнемъ мѣстѣ,
Тамъ, гдѣ она прежде стояла.
Поэтому, сынокъ,
Поди почтить бабушку,
Привѣтствовать дочь тетерки!
Надѣнь шляпу на голову бабушки,
Обними матушку вокругъ шеи:
За это тебя не осудятъ,
Не будетъ дальнѣйшихъ упрековъ!

* Калевичи втроемъ
Веселою поступью шагали
По тропинкамъ радости,
Ходили по полянамъ,
По зыбкой дубравѣ,
По топкому болоту;
Тамъ встрѣтились три лѣса,
Четыре стройныя рощи:
Одна золотаго еловаго лѣса,
Другая вѣщаго дубоваго лѣса,
Третья прелестнаго березоваго лѣса,
Четвертая ольховаго лѣса вдовы.
Золотой еловый лѣсъ —
Это лѣсъ царскій;
Вѣщій дубовый лѣсъ, —
Это лѣсъ самаго Тары;
Прелестный березовый лѣсъ, —
Это лѣсъ (дѣвицъ) съ жемчугомъ
на шеѣ;
Ольховый лѣсъ вдовы, —
Это лѣсъ сѣтователей,
Пріютъ для печальныхъ дѣтей.
Старшій братъ удалой
Сѣлъ на землю въ рощѣ еловой,
Въ рощѣ веселія царей,
Подъ золотымъ еловымъ навѣсомъ.
Запѣлъ торжественную пѣснь,
Звучно раздавшуюся:
Воспѣлъ — и листья на деревьяхъ
Блестя зазеленѣли,
Возликовалъ — и хвои въ бору
Засверкали красотою шолка,
Запѣлъ — и шишки на еляхъ
Зардѣлись при сіяніи солнца,
Запѣлъ — и жолуди на дубѣ явились,
Прекрасныя сережки на березѣ,
Грянулъ — явились лепестки цвѣтовъ,
Краса цвѣтущихъ деревьевъ,
Чтобы распускаться при сіяніи солнца,
Рости при лунномъ свѣтѣ;
Пѣлъ, — и лѣса зашумѣли,
Поляны загудѣли,
Пустыни откликались,
Дочери Кунгласкаго царя
Плакали по юношѣ.
Другой братъ удалой
Сѣлъ на землѣ въ березовой рощѣ,
Подъ навѣсомъ березы сѣтованія;
Запѣлъ крылатую пѣснь,
Вознесъ могучую,
Грянулъ звучнѣйшую.
Воспѣлъ — и растенія зацвѣли,
Цвѣтки заблестѣли,
Запѣлъ — и хлѣба на нивѣ (появились,)
Вызвалъ яблоки на яблоню,
Орѣхи на орѣшникъ;
Воспѣлъ — явились ягоды на вишнѣ,
Земляника низкая на муравѣ,
Клубника на мшистомъ болотѣ,
Брусника по опушкамъ бора,
Морошка по кочкамъ,
Кисти на рябинѣ;
Пѣлъ — и лѣса зашумѣли,
Поляны же загудѣли,
Чащи загремѣли,
Пустыни откликались,
Юныя русалки - дѣвы
Плакали по юношѣ.

Третій братъ удалой
Сѣлъ на землю въ дубнякѣ
Въ рощѣ веселія дѣдушки,
Подъ навѣсомъ вѣщаго дуба;
Запѣлъ крылатую пѣснь,
Вознесъ могучую,
Грянулъ звучнѣйшую,
Затянулъ звонкую;
Воспѣлъ — явились въ ольховникѣ птицы,
Пѣвчія пташки въ березнякѣ,
Поющіе пѣтушки въ ельникѣ,
Мудрыя птицы въ соснякѣ,
Вѣщія птицы въ дубнякѣ,
Воззвалъ на верхушки деревьевъ
Кукушекъ куковать,
Голубей ворковать;
Пѣлъ — и (явились) дрозды въ чащахъ,
Насѣдки въ кустарникѣ,
Жаворонки на полянахъ,
Ласточки на солнышкѣ,
Пѣлъ — и явились лебеди въ волнахъ,
Утки вблизи береговъ,
Гуси у источниковъ,
Воззвалъ прелестнаго соловья
Разливаться для красы ночей,
Свистать въ сумерки,
Гласить до зари;
Пѣлъ — и моря ревѣли,
Скалы въ отвѣтъ грохотали,
Верхушки деревьевъ нагинались,
Горные холмы колебались,
Облака явно распадались,
Но вѣщее небо внимало . . . .
Единственная дочь лѣснаго Hallija,[2])
Лѣсныя дѣвы, стройныя,
Дѣвы русалки, злато-волосыя,
Плакали по юношѣ:
О, еслибы этотъ былъ нашъ мужъ,
Возросъ бы намъ въ супруги!

Солнце, стоявшее надъ верхушками,
Прохладное дуновеніе вѣтра,
Приближая вечернюю прохладу,
Возвѣщали потуханіе дня,
Конецъ веселья,
Напомнили героямъ
О пути къ дому.
Младшій братъ удалой
Носилъ бремя лѣсной добычи,
Что не прижимало плечъ,
Ни давило лопатокъ.

Герои втроемъ спѣшили
Чрезъ широкія поляны
Скорымъ шагомъ къ дому;
Зорко напрягали глаза,
(Чтобы) усмотрѣть признакъ дыма,
Не виднѣется ли съ очага
Котелъ съ супомъ, паръ съ котла,
Но дымъ не восходилъ къ глазамъ.

Герои втроемъ спѣшили
Чрезъ широкіе песчанники
Быстро ближе къ дому;
Зорко напрягали глаза,
Чтобы выслѣдить дымъ изъ дымника,
Высмотрѣть паръ съ очага;
Но дымъ не восходилъ въ глаза,
Ни виднѣлся съ котла съ супомъ
Знаменательный паръ.

Герои достигли двора,
Подошли къ воротамъ,
Прошли полетомъ чрезъ муравy,
Поспѣшно къ сѣнямъ,
(Подступили) быстро къ порогу.
По пеплу потухшаго огня,
По лишенному дыма очагу
Молодцы смекнули,
Что царица очага,
Бодрствующая охранительница огня,
Исчезла изъ дома.
Младшій братъ молвилъ:
„Криво течетъ рѣка,
Тропинки ведутъ въ лѣсъ,
Дѣло не хорошее.
Ворота дворовыя стоятъ открытыми,
Открытыми оставлены двери избы,
Чужіе шаги на муравѣ

Возвѣщаютъ печальную вѣсть,
Несчастный случай.“
* Сыновья возвысили голоса,
Подняли воззванія на вѣтеръ,
Послали при тихой вечерней прохладѣ
Призывы въ даль:
„Откликнись, матушка!
Отвѣчай, золотая!
Воспой въ отвѣтъ, пташечка,
Подай голосъ, тетерка!“
Но мать не возвышала голоса,
Не послала въ отвѣтъ ни словечка;
Отзывался лишь косоглазый (эхо [3]),
Откликалась обширная дубрава,
Прошумѣлъ въ отвѣтъ Викскій лѣсъ,
Взывалъ въ отвѣтъ островъ Даго,
Куковалъ въ отвѣтъ островъ Эзель.
Сыновья возвысили голоса,
Подняли вторично воззванія,
Послали при тихой вечерней прохладѣ
Призывы въ даль:
„Откликнись, матушка, въ отвѣтъ!
Закукуй въ отвѣтъ, кукушка,
Запой въ отвѣтъ, лебедушка,
Возвысь голосъ, дочь тетерки!“
Но мать не отвѣчала,
Не подымала голоса тетерка.
Отвѣчали морскія берега,
Куковали стѣны скалъ,
Шумѣли въ отвѣтъ морскія волны,
Гласило въ отвѣтъ завываніе вѣтра.
Сыновья возвысили голоса,
Воззванія въ третій разъ,
Послали при тихой вечерней прохладѣ
Призывы въ даль:
„Откликнись въ отвѣтъ, матушка!
Закудахтай, домашняя курица,
Запой въ отвѣтъ, исчезнувшая вдова,
Отвѣчай на нашъ зовъ,
На ласковый зовъ дѣтей!“
Но мать отвѣта не давала,
Не подымала голоса тетерка,
Не кудахтала домашняя курица,
Не пѣла лебедушка.
Гдѣ были слышны голоса,
Тамъ растрескались скалы,
Куда достигалъ зовъ,
Тамъ низринулись лѣса,
Куда долеталъ звукъ,
Тамъ забушевали волны,
Разступались вдоль облака. *
Нельзя было найдти матушки,
Ни слышать кудахтанья курицы,
Ни токованія тетерки,
Кукованья кукушки;
Ни откуда съ муравы,
(Ни) изъ обширнѣйшаго мшистаго болота,
(Ни) изъ волнъ широкаго моря,
(Ни) изъ чащи кустарника,
Ни изъ средины дубравы.
*Воздухъ умолкъ, вздремнули вѣтры,
Заснулъ весь этотъ міръ.
Братья вышли изъ воротъ,
Отправились вмѣстѣ подъ дворъ,
Втроемъ (пошли) въ коппель
Поискать слѣдовъ матери,
Подмѣтить путь вора.
Одинъ изъ нихъ отправился на игрище,
Другой вступилъ въ коппель,
Третій-на берегъ морской.
Старшій братъ удалой,
Который отправился на игрище,
Не нашелъ матушкиныхъ слѣдовъ,
Не набрелъ на примѣты.
Другой братъ, удалой,
Который вступилъ въ коппель,
Не нашелъ слѣдовъ матери,
Ни тропинокъ разбойника,
Не набрелъ на примѣты,
Куда пропала курица,
Полетѣла пташечка.
Третій братъ, удалой,
Который отправился на берегъ морской,

Усмотрѣлъ ясныя примѣты,
Дѣйствительныя указанія,
Куда пропала нѣжная матушка,
[Исчезла] домашняя (курица).
Финскій Тусларъ, вѣдунъ вѣтровъ,
На лодкѣ по волнамъ
Удалился во свояси,
Окончилъ бодрственную засаду
На хребтахъ волнъ,
Гдѣ онъ нѣсколько длинныхъ дней,
Нѣсколько темныхъ ночей,
Въ теченіе сумерокъ
Сторожилъ воровскую добычу.*

У героевъ возникли опасенія,
Нѣсколько думъ о матери:
Не коварный ли сватъ,
Обманчивый женишекъ
Попытался искусить мать,
Уловить въ воровскіе когти.

Старшій братъ, говоря,
Повелъ звучную рѣчь:
Пойдемъ закусывать,
Поискать вечерней пищи,
Подкрѣплять утомленное тѣло.
Ляжемъ потомъ отдохнуть,
Пожалуй, скорое сновидѣніе
Укажетъ слѣды матери;
Завтра пустимся на поиски.

Другой братъ, говоря,
Повелъ звучную рѣчь:
Въ дремотѣ на ложѣ,
Можетъ, небесная мудрость, —
Укко во снѣ обнаружитъ,
Какъ найдти слѣды по росѣ
При поднятіи облака тумана,
(Слѣды) исчезнувшей матери,
Какъ спасти
Дорогую домашнюю курочку,
Улетѣвшую пташку изъ когтей орла.

Послѣ совѣщанія,
Обсужденія мудраго плана
Два брата растянулись,
Чтобы подкрѣпить утомленное тѣло.

Младшій братъ удалой,
Дражайшій сынъ Калева,
Утѣшитель сѣтованія вдовы,
Потушитель печали (ея),
Направилъ думы на другой путь,
Размышленія на особую стезю.

Дорогой сынъ могучаго героя
Такъ перебиралъ въ мысли:
"Сегодняшнихъ дѣлъ
Не оставляй на завтра;
У каждаго дня свое бремя,
(У каждаго) часа свои дѣла,
Гнетъ подъ бременемъ заботы,
Свои предметы пожеланій.
Хочешь извлечь пользу отъ часа,
Условить счастьице,
Не медли временемъ,
Не мѣшкай долѣе.
Быстро идутъ шаги счастія,
*У медлителя пять бѣдъ,
У мѣшкателя шесть бременъ,
Семь невѣдомыхъ путъ" *

Исчезновеніе дорогой матери
Опечалило душу молодца,
Изнуряло сердце подъ бременемъ заботы.
Въ то время какъ два брата
Протягивались на ложѣ,
Поспѣшилъ младшій сынъ
Чрезъ порогъ въ сѣни,
Шагнулъ легко чрезъ мураву,
Пошелъ живо на игрище.
Но тамъ, пріостановивъ шаги,
Повернулъ на могилу отца.

*Дражайшій сынъ Калева
Ступаетъ на могилу отца,
Садится на могильный холмъ,
(Чтобы) облегчить печальное сердце.

Отецъ вопрошалъ изъ могилы:
„Кто это движется на пескѣ,

Кто это ступаетъ на могилу?
Грантъ падаетъ на глаза,
Хрящъ спускается на брови.“

Сынъ, понявъ, отвѣчаетъ:
„Младшій сынъ, мальчикъ,
Онъ-то и движется на пескѣ,
Онъ и ступаетъ на могилу,
Сидитъ подъ гнетомъ печали
На курганѣ покойнаго отца.
Встань, дѣдушка!
Проснись, батюшка!
Приди указывать путь,
Куда пропала матушка!“

Отецъ отвѣчаетъ изъ-подъ кочки,
Дѣдъ говоритъ изъ могилы,
Возвышаетъ голосъ изъ-подъ дерна:
„Не могу встать, юный сынокъ,
Не могу встать, ни проснуться!
Скала давитъ на грудь,
Тяжелый камень на тѣло,
Куколь покрываетъ брови,
Фіалки покрываютъ глаза,
Скороспѣлки - щеки.
Вѣтры да указываютъ тебѣ путь,
Тихія вѣянія пусть научатъ (тебя),
Пусть звѣды дадутъ тебѣ мудрость!“*

Сынъ поспѣшилъ скорыми шагами,
Быстролетною поступью къ морю
На высокій скалистый берегъ:
Искать слѣдовъ матушки,
Ловить пропавшую курицу.
Мѣсто, гдѣ прежде стояла лодка,
(Гдѣ) въ засадѣ быль челнъ,
Было пусто какъ выметено.

Дражайшій сынъ Калева
Взиралъ съ высокой скалы
При свѣтѣ зари на море,
Спустилъ глаза на волны,
Глядѣлъ, куда могли глаза,
(Куда) достигли крылья зрѣнія:
Не осталось ли гдѣ на морѣ,
На хребтахъ широкихъ волнъ
Слѣдовъ вора?
Не видно ли гдѣ примѣты
Или какого особаго указанія
О грабежѣ разбойника:
Не оставила ли слѣда пятка,
Палецъ ноги пропавшей матушки
Не провелъ ли гдѣ-либо борозды?

Волна катилось за волною
При мѣрномъ теченіи водъ,
Колыхаясь къ береговой скалѣ,
Разбивалась въ пѣну о берегъ,
Разсыпая брызги въ воду —
Иного же знака не было,
Другихъ извѣстій никто не принесъ
О томъ, кто сегодня на хребтахъ волнъ,
Катясь по поверхности водъ,
Ѣздилъ по тайному пути.
Звѣзды сверкали съ неба
Ласковымъ взоромъ на волны;
Но рѣчи не было нигдѣ,
Ни слова у кого либо въ устахъ.

Такъ игра спусканія волнъ,
Круженіе водной поверхности
Колышется вѣчно одною красою
И никогда не спрашиваетъ, кто это
Нынѣ на ея влажномъ лонѣ,
Въ ея холодныхъ объятіяхъ нашелъ смерть.

Дивное круженіе водъ,
Взирающіе въ неба глаза звѣздъ
Не вопрошаютъ о нашей радости,
(Ни) о нашихъ печаляхъ.

Волна катится за волною
При мѣрномъ теченіи водъ,
Колыхаясь къ береговой скалѣ,
Разбивается въ пѣну о берегъ,
Разсыпая брызги въ воду,
Влажный паръ на берега;
Но не приносятъ извѣстій,
Вопрошающему никогда отвѣта.

Волна катится за волною
При мѣрномъ теченіи водъ,
Колыхаясь къ береговой скалѣ,
Розбивается въ пѣну о берегъ!
Волны нашей жизни
Катятся въ вечернюю прохладу,
Устремляясь къ могильному холму,
Подъ кровъ кочекъ зеленѣющихъ;

Луна взираетъ съ высоты,
Солнце сіяетъ радостнымъ ликомъ
На разстающихся и усопшихъ.
Рѣчи нѣтъ у могилы,
Ни слова въ устахъ звѣзды,
Луна не умѣетъ бесѣдовать,
Ни солнце говорить,
Дать отвѣта вопрошающему,

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Äike — одно изъ наимонованій громоваго божества.
2) Такъ называется лѣшій, хотя впрочемъ онъ не совсѣмъ сходится съ русскимъ понятіемъ о лѣшемъ.
3) Kõwer silm — описательное выраженіе для обозначенія эхо.

ЧЕТВЕРТАЯ ПѢСНЬ.

Сынъ Калева плыветъ въ Финляндію за матерью — 185; случай на островѣ — 455, смерть дѣвушки въ волнахъ морскихъ и поиски за нею родителей.

* Кукуй, кукушка — золотая птица,
Возглашай, сереброклювая,
Пой, мѣдноязычная!
Прокукуй намъ вѣсти,
Возгласи о событіяхъ,
Открой сокровище пѣнья,
Пряди пряжу повѣствованія!
Если не закукуешь, я самъ закукую,
Буду повѣствовать уточкой,
Запою лебединыя пѣсни,
Седьмеричныя извѣстія,
Гласящія о старинѣ.
Одно извѣстіе изъ устъ тюленя,
Другое — отъ дочери волнъ,
Третье — отъ береговыхъ скалъ,
Четвертое — отъ дѣвъ русалокъ,
Пятое — отъ госпожи водъ,
Шестое — отъ творца образовъ,
Седьмое — отъ дѣдушки острова,
Изъ воспоминаній бабушки острова.

Стѣны скалъ внимали
Широкія волны подслушивали,
Глаза звѣздъ были свидѣтелями,
Какъ сынъ Калева
Смѣло безъ лошади пустился
Искать слѣдовъ матери,
Стезей пропавшей тетерки,
Пустился безъ жеребца въ путь,
Безъ конька на странствія.
Иной мужчина задумался бы,
Иная женщина зарыдала бы,
Иная дѣвица прослезилась бы,
Еслибъ они узрѣли сына Калева
Плавающимъ по великому морю,
Среди широкихъ волнъ,
Въ нѣдрахъ пѣнистыхъ водъ,
Одинокимъ въ сумракѣ ночномъ
На невѣдомомъ пути. *

Когда съ берега всматриваніе,
Прицѣлъ глаза, сила зрѣнія,
Не выдали нигдѣ слѣдовъ,
Не указали стези тетерки,
Юноша спрыгнулъ съ высоты,
Съ края берега въ волны,
Въ широкое ложе волнъ,
Въ лоно шумящихъ водъ;
* Заставилъ руки грести,
Ноги служить рулемъ,
Волосы на головѣ — парусами.
Гребъ поспѣшно къ Суоміи,
Правя къ Турьѣ,
Плывя къ сѣверу;
Спѣшилъ найдти мать,
Избавить изъ тенетъ тетерку,
Высвободить Линду изъ западни.
Желалъ Финскаго Туслара,
Вѣдуна вѣтровъ растрепать,
Отдубасить воришку,
Отколотить разбойника,
Чтобъ болѣе похищенія женъ,
Захвата дѣвицъ воровскаго
Не случилось въ этомъ мірѣ. *
Старая Телѣга, Шведскій медвѣдь,
Оріонъ, сынъ звѣздъ,
Указывали сверкающимъ взоромъ
Съ поднебесья направленіе пути
Идущему по морскимъ волнамъ,
Освѣщали влажный путь,
Мокрую стезю въ Суомію, —
Къ высокому скалистому берегу.

На морскомъ пути не живетъ толмачъ
Ни въ деревнѣ, ни въ корчмѣ,
Нѣтъ также въ будкѣ
На водной равнинѣ сторожа нигдѣ,
Отъ кого можно бы узнать дорогу,
Вѣрный путь при заблужденіи.

Могучая рука разбивала волны,
Ударяла по волнамъ морскимъ,
Качающаяся водная колыбель
Уносила ретиваго героя,
Быстраго пловца
На хребтѣ колышащихся волнъ
Далѣе къ сѣверу,
Къ берегамъ скалистаго края.

Сынъ Калева, богатырь,
Утѣшитель сѣтованія вдовы,
Не чувствовалъ ты утомленія,
Ослабленія силъ,
Ни истощенія мощи,
Когда ты въ мирномъ странствіи,
Искалъ слѣдовъ матушки,
Шелъ по пути пропавшей тетерки.
Звѣзды нисходили и восходили
По обыкновенію на горизонтѣ неба,
Оріонъ держался на мѣстѣ,
Старая Телѣга была неподвижна,
Мощная рука разбивала волны,
Ударяла по волнамъ морскимъ;
Качающаяся водная колыбель
Уносила ретиваго героя,
Быстраго пловца
На хребтѣ колышащихся волнъ
Далѣе къ сѣверу,
Къ берегамъ скалистаго края.

Дражайшій сынъ Калева,
Стремясь далѣе,
Спѣшилъ застать матушку,
Побить злаго разбойника.
* Пожеланія любви въ сердцѣ,
Злыя думы, бродящія въ умѣ.
Укрѣпляли богатыря:
Онъ не утомился на длинномъ пути,
Не усталъ на водныхъ стезяхъ.
* Уже Плеяды стояли бокомъ,
Оріонъ склонялся къ свѣту — *

Могла быть уже полночь,
Хотя нигдѣ вѣстникъ,
Свидѣтель о шагахъ часовъ
Не даетъ указанія на морскомъ пути,
Чѣмъ герой могъ бы измѣрить время.
Здѣсь не поетъ пѣтухъ Творца,
(Не) кудахчетъ курочка;
У рыбъ рѣчь въ гортани,
Слово на языкѣ связано.
На волнахъ водныхъ показался,
Подымаясь, холмикъ,
Изъ него сдѣлался островокъ,
Значительной клокъ сухой земли.
Калевъ плылъ прямо къ острову,
Спѣша далѣе;
Мощная рука разбивала волны,
Ударяла по волнамъ морскимъ;
Качающаяся водная колыбель
Уносила ретиваго героя,
Быстраго пловца
На хребтѣ колышащихся волнъ
Далѣе къ сѣверу,
Направляла ближе къ острову.
Дражайшій сынъ Калева
Желалъ имѣть мѣсто отдыха,
Улучить время — перевести духъ
Нѣсколько времени на островѣ.
Мощная рука разбивала волны,
Ударяла по волнамъ морскимъ;
Качающаяся водная колыбель
Приносила ретиваго героя
Быстро къ берегу острова.
Мощный сынъ Калева
Распростеръ изнуренную спину,
Бока промокшіе въ водѣ
На обломкахъ скалы,
Усадивъ сѣдалищныя кости
На лоно мшистаго камня,
Посреди скалистой скамьи,
* Оставилъ висящими ноги,
Пальцы — на теченіе водъ,
Ступню — на хребетъ волнъ,
Лодышки — на колыханіе водъ,
Для игры морю; *

Старался отдохнуть нѣсколько,
Сомкнуть вѣки,
Вздремнуть на полъ-часа,
Провести во снѣ четверть часа.
Прежде чѣмъ власть сна,
Порождающая сладкую дремоту,
Осѣняя духовный взоръ,
Помрачила разумѣніе ума,
Овладѣла молодцомъ:
Раздались изъ ночнаго безмолвія,
Изъ лона мрачной тѣни,
Изъ глубины объятій покоя,
Вознесясь, потоки пѣнія,
Достигли ушей:
* Прекрасный звукъ дѣвы,
Юный дѣвственный голосъ,
Подобно разливанію пѣвчей птицы,
Звонко раздавались,
Какъ кукушка въ ельникѣ,
Соловей въ ольховникѣ.
Могучій сынъ Калева
Повернулъ уши къ звукамъ:
Не кукуетъ ли кукушка золота,
Серебра изъ подъ зубовъ,
Сверху языка пфенинговъ,
Съ середины языка шиллинговъ.
Пѣніе же дѣвицы гласило,
Юное кукованіе раздавалось такъ:
„Далеко мой супругъ,
За водами мой милый,
Далеко находится, далеко виднѣется;
Промежду нами много противнаго:
Одно было великое и широкое море,
Промежду было пять озеръ,
Сухихъ боровъ было шесть,
Болотъ семьсотъ,
Восемь выгоновъ для стада,
Девять стремительныхъ рѣкъ,
Десять холодныхъ источниковъ,
Двадцать иныхъ препятствій.
Не смогу я пойти,
Ни онъ ко мнѣ придти;
Не могу въ мѣсяцъ его слышать,
Ни въ недѣлю его видѣть,
Ни въ годъ испытать его любви,
Согрѣванья любовнаго объятія,
Теплоты дружественнаго лона.
Далеко мой супругъ,
За водами мой милый;
Далеко находится, далеко виднѣется,
Промежду много противнаго,
Препятствій отъ воды и суши.
Да понесетъ ему вѣтеръ привѣтъ,
Крылья времени — ласки,
Облака — долгій вѣкъ (жизни),
Волны — ласковые дни жизни,
Дождевое облако — руководителей,
Небо — смѣтливый умъ:
Если счастливъ, пусть живетъ,
Если здоровъ, пусть работаетъ;
Понеси ему столько привѣтовъ,
Сколько думъ у меня,
Столько привѣтовъ ему,
Сколько пожеланій въ сердцѣ;
Столько привѣтовъ ему,
Сколько листьевъ въ ольховникѣ,
Березовыхъ сережекъ въ березнякѣ,
Еловыхъ хвой въ ельникѣ;
Столько привѣтовъ ему,
Сколько волнъ въ морѣ,
Сколько звѣздъ на небѣ!“ *
Дражайшій сынъ Калева
Вытягивалъ шею,
Слыша прелестное пѣніе:
Нельзя ли увидѣть дорогую пѣвицу,
Богатую пѣніемъ птичку,
Краснорѣчивую чернобровую
Дѣвицу?
Тѣнь ночнаго мрака,
Сплошной туманный покровъ
Окутывалъ островокъ.
Сверкающее огненное пламя
Только въ одномъ мѣстѣ
Восходило изъ подъ дуба,
Пылало не далеко отъ дуба;
На границѣ свѣта отъ огня
Сидѣла прелестная пѣвчая птица,

Златоклювая дѣвица.
Кудри покрывали шею,
Узорчатые рукава — высокую грудь.
250 * Она-то пѣла языкомъ птичьимъ,
Разливалась какъ соловей;
Она-то открывала тайное сѣтованіе,
Повѣдала тоску свою,
Сидя при яркомъ свѣтѣ огня,
Бодрствуя (какъ) ночлежница.
Сторожила полотна матери,
Которыя, растянутыя на муравѣ,
На солнечномъ сіяніи бѣлились,
Припаривались въ прохладѣ ночной,
260 Что сама она въ долгую зиму
Веретеномъ скрутила въ пряжу,
Что сама она затѣмъ
Соткала на ткацкомъ станкѣ,
Сколотила въ полотно:
Хотя руки ткали ткань,
Пальцы приподнимали ниченицы,
Ноги топтали подножки,
Но уста складывали пѣсни.
Дорогой сынъ Калева,
270 Началъ кликать въ отвѣтъ,
Передѣлывать пѣснь,
Надсмѣхаясь надъ пѣснею дѣвицы,
Связалъ плавные стихи:
Къ чему ты, тоскуя по далекомъ,
За водами, въ слезахъ,
Какъ вдова, сѣтуешь?
Къ чему ты, дѣва,
Презираешь жениха вблизи?
280 Вблизи находится, вблизи виднѣется,
Ближе дражайшій супругъ,
Милѣйшее согрѣвающее объятіе.
Нѣтъ посреди противнаго,
(Нѣтъ) нигдѣ препятствія:
Нѣтъ посреди широкато моря,
Задерживающихъ озеръ,
Нѣтъ сухихъ песчаныхъ степей,
Посединѣ нигдѣ топей,
Нѣтъ выгоновъ для скота,
290 Также быстротекучихъ рѣкъ,
Ни холодныхъ источниковъ.

Вблизи находится, вблизи виднѣется,
Вблизи находится лучшій женихъ,
Здѣсь-то лучшее любовное объятіе,
Здѣсь-то обильнѣйшее лоно радости.
Вблизи находится, вблизи виднѣется
Вблизи лучшій женихъ,
Сильнѣйшій герой изъ славной деревни,
Лучшій молодецъ, хозяйскій сынъ.
Высокія ноги, широкіе плавники 300
Поддерживали его при качаніи волнъ
Несли на волнахъ водныхъ
Тайкомъ къ берегу острова,
На счастіе дѣвамъ острова,
На пользу дочерямъ острова."
Дѣва острова, тоненькая,
Ты навѣрно, слышала сладкое пѣніе,
Рѣчь лживаго парня,
Ты, навѣрно, желала украдкой
Увидѣть пѣвца-пѣтушка,
Искоса мальчика, 310
Который распѣвалъ пѣснь.
Можетъ быть, ты, бѣдненькая, нечаянно
Ступила робкими шагами
Ближе, подсматривая,
Ступила шагъ, ступила два,
Нечаянно — десять шаговъ,
Незамѣтно — другихъ десять,
Необдуманно — еще съ сотню.
Негаданно — много сверхъ этого; 320
Хотѣла узнать пѣвца:
Не пришелъ ли родичъ изъ Суоміи,
Или изъ Вироніи съ винною кружкою,
Сватъ съ вѣномъ?
Дѣва острова, тоненькая,
Старайся удалиться прочь,
Прежде чѣмъ взоръ не плѣнитъ тебя,
Глазъ не прикуетъ къ нему,
Не сдвинешься съ мѣста,

Ни съ точки, курочка. *
Дѣва острова, тоненькая,
Увидѣла на муравѣ юношу,
Увидѣла на берегу богатыря,
И подошла немного ближе.
Медля при прохладѣ ночной,
Они стали перекидываться словами.
Открыто заводить рѣчь,
Пока оковы любви,
Узы дружбы
Не смягчили сердца,
Не помрачили разсудка.
Дѣва острова, тоненькая,
Сама сѣла подлѣ героя,
Спустилась съ дѣтскою глупостью
Нечаянно на берегъ,
Въ каменную мшистую постель.
Дѣва острова, черноокая,
Что за бѣда случилась съ тобою?
Отчего ты громко зарыдала,
Жалобнымъ слезнымъ плачемъ
Стала взывать о помощи?
Не въ объятіи ли Калева,
При согрѣваніи любовнаго лона,
* У тебя свихнулись бедра,
Или лопатку сдвинуло,
Придавило поясницу?
Какое оскорбленіе нанесли тебѣ,
Какую бѣду причинили тебѣ? *
Отецъ услышалъ крикъ дочери,
Мать — рыданіе дѣтища,
Проснулись отъ узъ сна,
Освободились изъ путъ усыпленія,
Сперва думая,
Не злое ли сновидѣніе
Произнесло обманчивые слова.
Но горькое рыданіе дѣвицы,
Жалобные вопли
Звучали отчетливо въ ушахъ.
Дѣдушка острова всталъ изъ кровати,
Сошелъ съ постели,
Взялъ въ руки дубину,
Поспѣшилъ узнать случившееся,
Самъ посмотрѣть бѣду:
Не парень ли обманомъ,
Разбойникъ злымъ грабежомъ
Сокровище матери у дочери
Укралъ подъ сѣнію ночи.
Когда жъ глаза дѣда острова
Усмотрѣли мощнаго мужа на берегу:
Дубина выпала изъ сильныхъ рукъ,
Замерло слово на языкѣ
Отъ сильнаго испуга,
Лицо поблѣднѣло отъ страха.
Юная дочь стояла поникши,
Печальной уткой у берега,
И не поднимала робкихъ взоровъ,
Вѣкъ, отяжелѣвшихъ отъ слезъ,
Зардѣвшихся ярко щекъ
Нисколько къ верху съ муравы,
И не заикнулась ни словомъ.
Сынъ Калева, богатырь,
Сидя на скалистомъ холмѣ,
На лонѣ (поросшаго) мхомъ камня,
Безбоязненно спросилъ у дѣдушки:
Вчера поздно вечеромъ
Финскій Тусларъ, вѣдунъ вѣтровъ,
Мчась по пути изъ Вироніи,
Плывя къ дому,
Не проѣзжалъ ли мимо острова?
Дѣдушка острова отвѣтилъ:
„Не видѣли, братецъ,
Вѣдуна вѣтровъ Туслара
Мои глаза уже нѣсколько дней,
Ни нѣсколько недѣль.
Скажи, чужой храбрый мужъ,
Гдѣ у тебя домъ, гдѣ родина,
Гдѣ гнѣздышко дѣтства?
Кто тебя породилъ,
Произвелъ на свѣтъ?
Чье материнское нѣдро,
Обильное грудное молоко
Вскормило мощнаго сына?
Какъ бы божественная отрасль,
Мощный отпрыскъ Таровичей
Просвѣчиваетъ изъ твоихъ щекъ,
Сверкаетъ изъ глазъ,
Проявляется въ движеніяхъ тѣла.

* Сынъ Калева, понявъ,
Хитро отвѣчалъ:
Въ извилинахъ берега Вирони,
На хребтахъ скалъ Гарріи,
На песчанникахъ Війкскаго берега
Провели нѣсколько дорогъ,
Проторили нѣсколько тропинокъ,
Отпечатлѣли слѣды шаговъ.
Одна тропинка — путь къ дому,
Ходьбище болѣе знакомое,
Милѣйшій для меня слѣдъ ступней,
Что меня скорѣе всего поведетъ
Ко двору отца,
Въ коппель любви матери,
Въ ворота игрища братьевъ.
Тамъ-то поднялся я изъ дубоваго ствола,
Какъ отпрыскъ выросъ изъ пня,
Какъ отрасль отдѣлился отъ корня;
Тамъ стояла моя колыбель,
Тамъ и гнѣздо въ тѣни скалы;
Тамъ воспоминанья игръ
Остались на поверхности муравы.
Породилъ меня,
Произвелъ на свѣтъ
Дѣдушка мощныхъ мужей;
Плодовитая бабушка,
Дающая обильною грудью молоко,
Выросла изъ Війкскаго ольховника,
Поднялась изъ яйца тетерки.
Ты видишь отрасль божественную,
Мощный отпрыскъ Таровичей:
Подумай, не одинъ ли только
Сильный дѣдушка Калевичей
Могъ произвести (такаго) сына,
Насадить (такой) отростокъ?
Или можетъ быть послѣдній позднякъ,
Подкладень вдовы Линды
Стоитъ предъ твоими глазами? *
Дѣва острова, тоненькая,
Слушала рѣчь незнакомца съ ужасомъ,
Поблѣднѣвши какъ мертвецъ:
Когда онъ призналъ отцемъ Калева,
Матерью — Линду.
*Испуганная нѣжненькая,
Дѣва острова, тоненькая,
Подкрадывалась ближе къ берегу,
На крутой край;
Тамъ-то, споткнувшись на шагу,
Тамъ-то дѣва, поскользнувшись,
Стремглавъ упала въ море,
Погрузилась въ широкія волны,
Въ глубь на морское дно.
Волна покрыла дѣтище,
Вода похоронила дѣвушку,
Покрыла, похоронила молодицу.
Волна покрыла, вода похоронила
Зѣницу ока матери островитянки,
Голубушку дѣдушки островитянина.
Отецъ поднялъ крикъ о бѣдѣ,
Голосъ взыванія на помощь.
Калевичъ вскочилъ въ море,
Погрузился подъ покровъ волнъ
Искать пропавшую курицу,
Пособить тонувшей дѣвицѣ,
Спасти изъ нѣдра волнъ.
Но широкое лоно волнъ,
Прохладная постель водъ
Задержала дѣвушку
И не выдала возлюбленной
Болѣе изъ влажнаго объятія. *
Калевичъ поднялъ голову,
Широкую шею изъ волнъ,
Крикнулъ ожидающему на берегу,
Произнесъ отцу дѣвушки:
„Прощай, дѣдушка острова,
Прощай, печальный отецъ!
Дочь твоя попала въ воду,
Мать моя — въ сѣти вора;
Злополучны, мы братцы,
Несчастны одинаково!—
Такъ молвивъ, пустился
Дражайшій сынъ Калева
Плыть быстрыми плавниками,
Грести отъ острова.
При покатѣ пѣнящихся волнъ,
Качаясь на волнахъ подъ дуновеніемъ вѣтра,

Исчезъ сынъ богатыря
Съ глазъ дѣдушки острова.
Мощная рука разбивала волны,
Ударяла по волнамъ морскимъ,
Качающаяся водная колыбель,
Уносила ретиваго героя,
Быстраго пловца,
На хребтѣ спускающихся волнъ
Далѣе къ сѣверу,
Къ берегамъ скалистаго края.
На крикъ дѣдушки острова,
По призыву на помощь
Поспѣшила изъ кровати мать остро-
витянка,
Поспѣшила узнать горе,
Посмотрѣть на случившееся.
* О, моя нѣжная матушка!
Къ чему ты вышла изъ теплой
кровати,
Изъ-подъ осѣняющаго одѣянья?
Холодныя извѣстія горести,
Хладно-ледяныя откровенія,
Тяжелыя, какъ градъ, обнаруженія
Охладятъ сердце,
Остудятъ кровь въ жилахъ.
Въ волнахъ кровать твоего дѣтища,
Въ водахъ золотая постель,
Въ рыбьей икрѣ нѣжная колыбель,
Въ морѣ свѣтлица ягодки.
Изъ волнъ не получить няньки,
Изъ воды — качающей дугу,
Изъ рыбьей икры—покровительницы,
Ни изъ моря—забавляющей.
О, моя нѣжная матушка!
Къ чему ты рано вышла изъ пос-
тели,
До зари изъ объятія кровати
Услышать извѣстія о смерти?
(Та) которую ты, матушка,
Воспитала лелѣя,
Убаюкивала при устахъ,
Вскормила нѣжнымъ молокомъ,
Выростила въ объятіяхъ любви,
Качала на двухъ рукахъ:
Спитъ подъ холодными волнами,
Въ морской кровати на морскомъ
днѣ.
О, моя нѣжная матушка!
Сдѣлай грабли съ длиннымъ граб-
ловищемъ,
Сдѣлай длинные зубцы граблямъ,
Грабловище изъ старой мѣди,
Зубцы изъ крѣпкой стали:
Иди грести море,
Перешаривать волны,
Выгребать изъ ила песокъ!
Возьми, дѣдушка, новыя сѣти,
Возьми неводы крѣпчайшіе,
Поди испытать счастіе:
Не найдешь ли слѣдовъ дочери,
(Не) уловишь (ли) дѣвицу изъ волнъ,
Изъ глубины морскаго дна! *
* Отправились мести море,
Грести морское дно,
Снимать покосъ съ волнъ;
Въ рукахъ грабли съ длиным грабловищами,
Зубья у граблей очень длинные,
Грабловища изъ мѣди,
Зубья граблей изъ стали,
Валокъ у граблей изъ желѣза.
Что поднялось изъ сора,
Что произошло изъ сгребковъ?
Изъ сора поднялся дубъ,
Золотистая ель — изъ сгребковъ;
Понесли дубъ домой,
Потащили ель въ коппель.
Отправились мести море,
Грести морское дно,
Шарить по краямъ;
Мѣдныя грабли въ рукахъ,
Зубья у граблей изъ стали,
Валокъ у граблей изъ желѣза.
Что поднялось изъ сора,
Что выросло изъ сгребковъ?
Изъ сора поднялось яйцо орла,
Изъ сгребковъ — желзѣная шляпа;
Положили яйцо въ шляпу,
Понесли домой въ свѣтлицу.
Отправились мести море,

Грести морское дно,
Перешаривать морскіе края,
Изслѣдовать морскія норы.
Что же поднялось изъ сора,
Что тамъ выросло изъ сгребковъ?
Изъ сора поднялась рыба,
Изъ сгребковъ — серебряная чашка.
Положили рыбу въ серебряную чашку,
Понесли домой въ погребъ.
Отправились мести море,
Грести дно морское,
Снимать покосъ съ волнъ,
Шарить морскіе края,
Изслѣдовать морскія норы:
Не найдти ли домашнюю курицу,
Упавшее въ волны дѣтище?
Внимайте, внимайте, печальныя уши!
Что тамъ поетъ въ волнахъ?
Внимайте, внимайте, печальныя уши,
Обременныя заботою сердца!
Что тамъ въ морѣ гласитъ,
Поетъ на склонѣ волнъ,
Насвистываетъ при покатѣ водъ?
Изъ средины шумящихъ волнъ
Вырвалась трогательная пѣснь,
Изъ глубокой колыбели морской
Воспарили такъ слова:
Дѣвица пошла въ море качаться,
Воспѣвать — въ волны;
Положила башмаки на камень,
Ожерелья на длинную иву,
Шелковыя ленты на песокъ,
Перстни на грантъ:
Начала качаться въ морѣ,
Воспѣвать пѣсни волнъ.
Что это сверкало изъ моря,
Что это блестѣло изъ волнъ?
Золотой мечъ сверкалъ изъ моря,
Серебряный дротикъ — изъ волнъ,
Мѣдный лукъ — изъ рыбьей икры.
Пошла взять мечъ,
Уловить серебряный дротикъ,
Удить мѣдный лукъ.
Пришелъ на встрѣчу старикъ,
Старый мужчина, мѣдный мужчина,
Мѣдная шляпа на головѣ,
Мѣдная рубаха надѣта,
Мѣдный поясъ вокругъ стана,
Мѣдныя рукавицы на рукахъ,
Мѣдные сапоги на ногахъ,
Мѣдныя шпоры у сапогъ,
Мѣдные щиты, пряжка у пояса,
Мѣдное туловище, мѣдная шея,
Мѣдный ротъ и мѣдные глаза.
Мѣдный мужчина сталъ спрашивать дѣвицу:
Что дѣлаетъ невѣста въ морѣ,
Маленькая въ волнахъ водныхъ,
Домашняя курица въ рыбьей икрѣ?
Дѣвица поняла, отвѣтила,
Произнесла какъ уточка:
“Пошла въ море качаться,
Воспѣвать въ волны;
Увидѣла сверканіе золотаго меча,
Блескъ мѣднаго лука,
Пожелала вытребовать мечъ,
Пріобрѣсти серебряный дротикъ,
Купить мѣдный лукъ.“
Мѣдный мужчина отвѣчалъ,
Говорилъ мѣднымъ языкомъ:
„Золотой мечъ Калевича,
Серебряный дротикъ Олевича,
Мѣдный лукъ Сулевича—
Тайно оберегаемое сокровище.
Мѣдный мужчина-стражъ сокровища,
Покровитель золотаго меча,
Охранитель серебрянаго дротика,
Защитникъ мѣднаго лука.
Приди супругой мѣдному,
Домашней курицей стражу меча,
Вечерней игрой—охранителю дротика
Возлюбленной — защитнику лука:
Тогда получишь дорогой золотой мечъ,
Дротикъ Олева изъ серебра,
Въ подарокъ — мѣдный лукъ,
Въ залогъ вѣна — дорогіе дары.“
Дѣвица поняла, отвѣтила,
Произнесла уточкой,

Выговаривала лебедемъ-птицей:
„Тоненькая дочь земледѣльца,
Дочь-ягненокъ крестьянина
Найдетъ мужа съ сухой земли,
Жениха изъ рода земледѣльческаго,
Супруга изъ деревни хлѣбопашца.„
Мѣдный мужчина засмѣялся,
Нога дѣвицы спотыкнулась,
Спотыкнулась нечаянно,
Скользнула по гладкому песку,
Опустилась въ тайныя глубины,
Упала въ рыбью икру,
Въ морскую нору, въ туманъ,
Въ широкую свѣтлицу волнъ.
Вода приняла дѣвицу,
Волны покрыли дѣтище,
Икра рыбья — домашнюю курочку.
Отецъ поспѣшилъ искать,
Мать поспѣшила искать,
Уловить исчезнувшіе слѣды:
Куда дѣлась дорогая курица,
Красивѣйшій дворовый гусенокъ:
Не ястребъ ли — злая птица,
Не ворона ли, воровская птица,
Не лживый ли женишекъ
Унесъ курицу изъ-подъ сѣни гнѣзда,
(Унесъ) гуся съ мѣста плаванія,
Дѣвицу изъ сокрытой свѣтлицы?
Нашли башмаки на каменьяхъ,
Ожерелья на длинныхъ ивахъ,
Нашли ленты на песчанникѣ,
Перстни на грантѣ,
Наряды на вѣтвяхъ ивы:
Юная дѣва не была найдена,
Дорогая курица не была замѣчена.
Юная дѣва, — дорогая дочь,
Осталась невидимой для ихъ взоровъ.
Дѣва опустилась на дно морское,
Дорогая курица дремала въ икрѣ,
Заснула въ свѣтлицѣ волнъ.
Начали кликать дѣвицу,
Звать дорогую курицу:
„Приди домой, доченька!
Спѣши, курица, въ свѣтлицу,
Торопись домой, золотая!“
Дочь разумѣла, отвѣтила,
Тѣнь говорила изъ моря,
Гласъ сѣтованія — изъ волнъ:
„Не могу придти, дѣдушка!
Не могу спастись, матушка!
Бремя водное угнетаетъ брови,
Тяжесть волнъ — вѣки глазъ,
Глубокое море — сердце.
Пошла въ море качаться,
Воспѣвать въ волны,
Повѣствовать на поверхности водъ,
Положила башмаки на камень,
Ожерелья — на высокую иву,
Шелковыя ленты — на песокъ,
Перстни — на грантъ,
Наряды — на ивовыя вѣтви;
Начала качаться въ морѣ,
Воспѣвать пѣснь волнъ,
Разсказывать пѣснь водъ.
Золотой мечъ сверкалъ въ морѣ,
Серебряный дротикъ блестѣлъ въ волнахъ,
Отражалъ сіяніе мѣдный лукъ;
Я хотѣла взять мечъ,
Уловить серебряный дротикъ,
Схватить мѣдный лукъ;
Пришелъ навстрѣчу старикъ,
Старый мужчина, мѣдный мужчина;
Мѣдная шляпа на головѣ,
Мѣдная рубаха надѣта,
Мѣдныя рукавицы на рукахъ,
Мѣдные сапоги на ногахъ,
Мѣдныя шпоры у сапогъ,
Мѣдный поясъ вокругъ стана,
Мѣдные щиты на поясѣ,
Мѣдные узоры у щитовъ,
Мѣдная шея и мѣдное туловище.
Мѣдный ротъ и мѣдные глаза.
Мѣдный мужъ сталъ спрашивать дѣвицу:
Что дѣлаетъ невѣста въ морѣ,
Маленькая въ волнахъ водныхъ,
Домашняя курица въ рыбьей икрѣ,
Гусь во мглѣ морской норы?

Я поняла, тотчасъ отвѣтила,
Произнося уточкой,
Кудахтая курочкой,
Птицей сребоклювой:
Пошла качаться въ море,
Воспѣвать въ волны,
Посвистывать при покатѣ водъ;
Увидѣла сверканіе золотаго меча,
Блескъ ручки серебрянаго дротика,
Сіяніе мѣднаго лука:
Хотѣла схватить мечъ,
Пріобрѣсти серебряный дротикъ,
Откупить мѣдный лукъ."
Мѣдный мужъ отвѣчалъ,
Говорилъ мѣднымъ языкомъ:
„Золотой мечъ Калевича,
Серебряный дротикъ Олевича,
Мѣдный лукъ Сулевича —
Въ тайнѣ сберегаемое сокровище.
Мѣдный мужъ — стражъ сокровища,
Покровитель золотаго меча,
Охранитель серебрянаго дротика,
Защитникъ мѣднаго лука."

Старикъ, мѣдный мужъ,
Хотѣлъ сватать меня супругой,
Приманить домашней курицей,
Возростить птицей объятія;
Посулилъ въ вѣно золотой мечъ,
Въ тайный залогъ серебряный дротикъ,
Въ даръ любви мѣдный лукъ,
Еслибы я вышла за него,
Дала бы старому руку.
Я стала противиться,
Жениховъ своей страны,
Сватовъ своего мѣста
Хвалить передъ нимъ.
Мѣдный мужъ засмѣялся,
Моя нога спотыкнулась,
Поскользнулась на гладкомъ пескѣ,
Попала въ тайныя глубины,
Спустилась въ рыбью икру,
Въ морскую нору, въ туманъ.
Вода одолѣла дѣвицу,
Волны покрыли курочку.

Тамъ я поблекла молодою,
Тамъ исчезла я курицей,
Птицей попала въ тенеты,
Ракомъ забрела въ сакъ.
Пошла въ море качаться,
Воспѣвать въ волны,
Посвистывать пѣснь водъ,
Ловить золотой мечъ,
Домогаться серебрянаго дротика,
Удить мѣдный лукъ.
Тамъ у меня нога спотыкнулась,
Попала въ невѣдомыя глубины,
Повалилаеь въ рыбью икру,
Въ морскую нору, въ туманъ.
Тамъ я, какъ курица, исчезла,
Тамъ, какъ птичка, уснула,
Тамъ я молодая поблекла,
Тамъ я, какъ цвѣтокъ, увяла.
Не плачь, матушка!
Не печалься, батюшка!
Въ морѣ у меня изба,
Подъ волнами тайная комната.
Пошла я въ море качаться,
Воспѣвать въ волны,
Насвистывать пѣснь водъ:
Попала въ тайныя глубины,
Повалилась въ рыбью икру,
Въ морскую нору, въ туманъ.
Тамъ я, курица, исчезла,
Тамъ я, птица, умерла,
Тамъ я юная поблекла,
Тамъ я цвѣтокъ увяла,
Тамъ я чернобровая уснула.
Не плачь, матушка!
Не печалься, батюшка!
Въ морѣ у меня изба,
Подъ волнами тайная комната,
Свѣтличка въ рыбьей икрѣ.
Пошла я въ море качаться,
Воспѣвать въ волны,
Пошла ловить мечъ,
Домогаться серебрянаго дротика,
Взять мѣдный лукъ;
Презрѣла я мѣднаго жениха;
Мѣдный мужъ засмѣялся.

Попала я въ рыбью икру.
Въ морскую нору, въ туманъ.
Тамъ я, курица, исчезла,
Тамъ я, птица, умерла,
Тамъ я молодая поблекла,
Тамъ я цвѣтокъ увяла,
Тамъ я чернобровая вздремнула,
Тамъ дѣвушка уснула.
Не плачь, матушка!
Не печалься, батюшка!
Въ морѣ у меня изба,
Подъ волнами тайная комната,
Свѣтличка въ рыбьей икрѣ,
Гнѣздышко въ морскомъ туманѣ.
Пошла я въ волнахъ
Ловить золотой мечъ,
Домогаться серебрянаго дротика,
Взять мѣдный лукъ:
Тамъ я, курица, исчезла,
Тамъ я, птица, умерла,
Тамъ я молодая поблекла,
Тамъ я цвѣтокъ увяла,
Тамъ я чернобровая вздремнула,
Тамъ я дѣвушка уснула,
Тамъ я голубушка застыла.

Не плачь, матушка!
Не тоскуй, батюшка!
Въ морѣ у меня изба,
Подъ волнами тайная комната,
Свѣтлица въ рыбьей икрѣ,
Гнѣздышко въ морскомъ туманѣ;
У меня на прохладѣ постель,
Влажная водная кровать —
Прелестная колыбель въ волнахъ.
Алевичи колеблютъ меня,
Калевичи качаютъ меня,
Сулевичи убаюкиваютъ меня. *

ПРИМѢЧАНІЕ.

Весь трагизмъ происшествія на островѣ долженъ выступить ярче и сильнѣе, если принять, что погибшая въ волнахъ морскихъ дѣвица была сестра Калевича, и только нравственное чувство позднѣйшаго пѣвца скрыло для слушателей трагическую черту происшествія, которая въ Калевалѣ (Runo XXXV) выступаетъ со всею яркостію въ исторіи Кулерво.

Эта пѣснь сохранила въ себѣ слѣды древняго вѣрованія въ подводное царство, владыкой котораго представляется мѣдный старикъ.

Намъ думается, что эта пѣснь въ древности представляла драму, исполнявшуюся болѣе чѣмъ двумя дѣйствующими лицами; эта мысль тѣмъ болѣе правдоподобна, что переходъ отъ пѣнія рунъ двумя пѣвцами, державшими другъ друга за руки и раскачивавшимися взадъ и впередъ, къ драматическому представленію, могъ произойти легко и естественно. Что Эсты распѣвали свои пѣсни вдвоемъ, такъ что одинъ начиналъ, а другой заканчивалъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Меркель въ своей исторіи.

ПЯТАЯ ПѢСНЬ.

Сынъ Калева приплываетъ къ Финскому берегу — 132; дѣдушка островитянинъ сажаетъ дубъ и ель въ память дочери — 262; Сынъ Калева въ борьбѣ съ Финскимъ Тусларомъ, смерть послѣдняго — 401; сновидѣніе сына Калева.

Уже утренняя краса —
Предвѣстница утренней зари
Окаймляетъ сводъ неба;
Уже звѣзды сверкаютъ,
Блѣднѣя на границѣ зари;
* Ужъ пропѣлъ пѣтухъ Творца
Въ дверяхъ новаго дня,
Ужъ кудахтала курица дѣдушки
Въ свѣтовыхъ воротахъ двора. *

Сынъ Калева, богатырь,
При покатѣ водныхъ теченій,
По склонамъ широкихъ волнъ
Плыветъ къ берегу Суоміи.
Мощная рука разбивала волны,
Ударяла по волнамъ морскимъ,
Колышащееся теченіе водъ
Прикатывало прилежнаго мужа,
Быстраго пловца,
На хребтѣ спускающихся волнъ
Далѣе къ сѣверу,
Къ берегамъ скалистаго края.

Ярчайшій отблескъ зари
Заставляетъ краснѣть море,
Пламенѣть морскія волны.
Уже виднѣется изъ далека
Скалистый Суоміи берегъ,
Подымается все выше (и выше),
Выдѣляясь при взорѣ.

Мощная рука разбивала волны,
Ударяя ихъ на поверхности моря;
Качающаяся водная колыбель
Пригнала прилежнаго молодца,
Быстраго пловца
На хребтѣ спускающихся волнъ
Ближе къ берегу.
И когда свѣтъ, производя день,
Высвободился изъ объятій зари,
Привѣтствуя сталъ разсѣвать
Съ неба лучи,
Что, какъ блестки на поверхности моря,
Шелковыя ленты на волнахъ,
Украшаютъ водяную дѣву:
Достигъ сынъ Калева,
Питомецъ богатырей,
Береговъ Финской земли,
Сѣлъ утомленный удалецъ
На обрывѣ высокой скалы,
Чтобы при покатѣ водъ
Дать нѣсколько отдыхъ разслабѣвшимъ членамъ,
Сѣлъ на обломкѣ скалы —
Укрѣпить уставшее тѣло
При вѣяніи утренняго вѣтерка,
При прохладѣ водныхъ волнъ;
Сѣлъ на скалу —
Подкрѣпить истощенную мощь
На слѣдахъ прохлаждающей росы,
На закаляющемъ морскомъ туманѣ.
Финскій Тусларъ, вѣдунъ вѣтровъ,
Оставилъ лодку на берегу,
Лодочку на цѣпи
Привязалъ къ скалѣ,
Чтобъ игра волнъ,
Колыханіе высшихъ (волнъ),
Бушеваніе бури
Не разбило лодочки.

Пѣвчія птицы проснулись
Привѣтствовать солнце языкомъ веселія;
Уже жаворонокъ, выбивая трели,
Легко топчетъ вѣтряный путь,
Соловей насвистываетъ въ ольховникѣ,
Кукушка кукуетъ въ ельникѣ,
Другіе пѣвцы въ дубнякѣ
Пѣли благодарственныя пѣсни
На радость дѣда,
Во славу дѣдушки Тары. *
Другое существо на полянѣ,
Ни на широкомъ скалистомъ берегу
Нигдѣ не (было) въ движеніи;
Ни суетливость народа,
(Ни) слѣды людей
Нигдѣ не виднѣлись.
Лѣса, горы и нивы
Дремали сномъ зари
При разсвѣтѣ новаго дня.

Сынъ Калева поднялъ глаза,
Направилъ взоръ далѣе:
Не найти ли гдѣ признака слѣдовъ,
Признака слѣдовъ, указанія
О Финскомъ Тусларѣ.
Но, насколько достигалъ глазъ,
Не видѣть (было) никакаго признака,
Ни найдти примѣтъ.

Тихое утреннее безмолвіе
Окутывало землю, окутывало море,
Окутывало родъ человѣческій
Покровительственномъ крыломъ
Сынъ Калева, богатырь,
(Далъ) отдыхъ истомленному тѣлу,
Позволилъ дремотѣ вѣками
На часокъ овладѣть,
Покуда сіяніе солнца,
Просыхающее дуновеніе вѣтра
Сушили мокрую одежду.
Быстрота сна не давала времени
При восходѣ солнечнаго диска
Явиться сновидѣнію.

Дражайшій сынъ Калева!
Покуда ты на спинѣ,
На скалистомъ обрывѣ сну зари
Быстро позволяешь (спуститься на) вѣки,
Пѣвецъ обозрѣваетъ духовнымъ взоромъ
Изгибы твоихъ путей,
Стези на Финскомъ берегу.
Мирнымъ ликомъ освѣщаетъ солнце
Спящаго на обрывѣ скалы;
Но бушеваніе бури,
Порывистое дуновеніе вѣтра
Уже устремляются быстролетно
Потушить солнышко счастья.
Эйке выступаетъ угрожая,
Пикеръ разсыпаетъ изъ облака молніи
Огненными искрами на твой путь,
Боевыя орудія грохочутъ,
Шумъ брани вздымается на вѣтеръ,
Кровь льется на мураву,
Плачъ сѣтованія раздается въ ольховникѣ:
Разбойникъ — хозяинъ меча.
(Дай) отдыхъ, сынъ, утомленному тѣлу!
Крылья пѣвца воспарятъ,
Какъ солнце на краю неба,
Радостнымъ сіяніемъ выше,
Полетятъ на другіе луга.

Когда теперь дѣдушка острова,
Нѣжная матушка островитянка
Не нашли въ волнахъ дочери,
(А) слышали пѣніе дитяти,
Гласъ тѣни дочери,
Кудахтанье домашней курицы:
Тогда — то они оставили свои поиски,
Ушли съ горемъ домой,
Пошли посмотрѣть дубъ,
Поглядѣть ель въ коппелѣ.
* Взяли дубъ съ игрища,

Большой дубъ, широкіе листья,
Понесли дубъ подъ дворъ,
Потащили близко къ качели,
Гдѣ прежде юная дочь
Качалась при вечерней красѣ;
Посадили въ красу дочери,
Въ память пропавшей курицы.
„Выростай, дубъ, гордымъ деревомъ,
Высоко простри макушку,
Раскинь вѣтви до облаковъ!“

Взяли ель изъ коппеля
Большую ель, широкія вѣтви,
Потащили ель подъ дворъ,
Поднесли близко къ качели,
Гдѣ прежде юная дочь
Качалась при вечерней красѣ;
Посадили близко къ стойкѣ качели
Прелестную ель,
Чтобы она принялась въ красу дочери,
Въ память пропавшей курицы.
„Выростай, ель, спѣши, ель,
Выростай, ель, гордымъ деревомъ,
Простри высоко макушку,
Раскинь вѣтви до облаковъ!“

Когда дубъ былъ посаженъ,
(Когда была) поставлена рости ель,
Подыматься при качели;
У одного столба — красивая ель,
У другаго столба — крѣпкій дубъ:
Тогда дѣдушка пошелъ въ избу,
Матушка въ тайную свѣтлицу
Посмотрѣть орлиное яйцо,
Что въ желѣзной шляпѣ
Было положено для высиживанія.

Желѣзная шляпа стояла холодною,
Яйцо въ шляпѣ—холодное:
Яйцо не согрѣвалось безъ высиживающей,
Гнѣздо — безъ насѣдки.

Бабушка выставила яйцо на солнце
Высиживаться при сіяніи солнца,
Высиживала сама ночью яйцо,
Яйцо орла въ теплой пазухѣ.

Дѣдушка отправился посмотрѣть дубъ,
Бабушка пошла посѣтить ель;
Дубъ подымался, ель принималась,
Дубъ поднялся на сто саженей,
Ель выросла на десять саженей.

Потомъ отправились домой,
А дѣдъ — въ тайный погребъ;
Дѣдъ пошелъ посмотрѣть рыбу,
Которая росла въ серебряной чашѣ,
Дѣдъ сѣтуя произнесъ.

„Было у меня красивое яблочко,
Была у меня сладкая ягодка,
Со стороны сумерекъ яркая,
Со стороны зари кругленькая,
Со стороны солнца красненькая.
Яблочко упало въ море,
Ягодка повалилась въ волны.
Отправился я искать яблочко,
Выловить ягоду изъ моря.
Вошелъ до колѣнъ въ море,
До шеи въ рыбью икру.
Что коснулась моихъ колѣнъ?
Рыба коснулась моихъ колѣнъ!
Что можетъ прозойти изъ этой рыбы?“

Понявши, рыба отвѣчала,
Гласила изъ серебряной чаши:
„Пусти рыбу въ волны,
Снова въ море играть;
Есть у меня отецъ, есть у меня мать,
Дома еще пять братьевъ,
Много еще другихъ сестеръ,
Дѣвушекъ златочешуйныхъ.“

Дѣдушка понесъ рыбу на берегъ,
Выпустилъ въ волны;
Затѣмъ пошелъ посмотрѣть,
Посѣтить прекрасную ель.
Дубъ подросталъ, ель принималась,
Дубъ подымался до неба,
Ель выростала до облаковъ;
Верхушки разбивали небо,
Вѣтви разсѣвали облака.

Изъ яйца выросъ орлиный птенецъ,
Выросла сильная птичка.
Бабушка помѣстила въ свѣтлицу рости.
Орелъ высвободился изъ свѣтлицы,
Тотчасъ полетѣлъ далеко.
Пошли смотрѣть дубъ.
Дубъ хочетъ подняться въ небо,
Вѣтви проникнуть въ облака;
Дубъ хочетъ раздѣлить небо,
Вѣтви — разсѣять облака.
Дѣдушка пошелъ искать мудреца,
Нанимать сильнѣйшаго,
Чтобы срубилъ дубъ,
Великій дубъ съ широкими вѣтвями.
Бабушка спустилась на сѣнокосъ,
Бабушка пошла снимать покосъ,
Сгребать сгребки.
Въ рукахъ золотыя грабли
Съ мѣднымъ грабловищемъ,
Серебряные зубцы у граблей,
На нихъ серебряные обручи.
Сняла валокъ, сняла два,
Начала снимать третій;
Что же она нашла подъ валкомъ?
Она нашла орла подъ валкомъ:
Этотъ-то — доморощенный орелъ,
Высиженный днемъ сынъ солнца,
Высиженный ночью сынъ бабушки.
Бабушка понесла орла домой,
Привязала въ свѣтлицѣ на веревку.
Что тамъ подъ крыломъ орла?
Подъ крыломъ орла карликъ;
Вышина карлика достигала
До двухъ пядей.
Что тамъ подъ мышкой у мужчины?
Подъ мышкой у мужчины топоръ. *

Сынъ Калева, нѣжный братъ,
Ты вѣдь хотѣлъ часокъ
Вздремнуть, спустивши вѣки,
Хотѣлъ не много, отдыхая,
Уснуть сномъ зари;
Но сильное утомленіе
Одолѣло предпріятіе,
Опутало богатыря.
Ты отдыхалъ цѣлый день,
Спалъ долгую темную ночь,
Частицу еще другаго дня.
На другой день, послѣ зари,
Солнце, быть можетъ, взошло ужь на пару сажень,
Поднялось уже отъ грудей зари,
Сіяя на поверхности моря:
Тутъ — то проснулся изъ узъ сна
Калевичъ — богатырь,
Не было у героя болѣе времени,
(Ни) дальнѣйшаго отдыха.
Съ досады торопя шаги,
Спѣшилъ сынъ Калева
Странствовать далѣе;
Торопился незнакомымъ путемъ
Съ берега по тропинкамъ,
Направляясь внутрь страны;
Спѣшилъ по горамъ,
По скалистымъ холмамъ,
По равнинамъ, (по) долинамъ,
Чрезъ широкія поляны,
Вдоль дремучихъ лѣсовъ,
Чрезъ сплошныя лиственницый,
По краямъ враговъ,
Далѣе въ страну скалъ.
Сынъ Калева, богатырь,
Ускорялъ ходъ шаговъ:
Не слѣды ли матушки,
Ступни милой матери
Отобразила роса на муравѣ?
Уже солнце поднялось
Выше средины утра,
Мчалось къ раннему обѣду.
Зной, опаляя плечи,
Заставляетъ кожу дымиться.
Съ досады торопя шаги,
Спѣшитъ сынъ Калева
По высокимъ горамъ,
По скалистымъ холмамъ

Далѣе къ Финляндіи;
Зной, опаляя плечи,
Заставляетъ кожу дымиться.
Но Тусларъ, знахарь вѣтровъ,
Все невидимъ для взора,
И матери слѣды
Не показывались (нигдѣ) при поднятіи росы.
Сынъ Калева, богатырь,
Обдумывалъ думы на многіе лады,
Какъ бы стези разбойника,
Слѣды милой матушки
Впереди найдти;
Какъ бы матушку изъ когтей вора
Легче спасти?
Съ досады торопя шаги,
Стремится сынъ Калева
По равнинамъ, (по) долинамъ,
Чрезъ широкія поляны
Далѣе въ страну скалъ.
Зной, опаляя плечи,
Заставляетъ кожу дымиться.
Сынъ Калева, богатырь,
Взбирается по высокому берегу
Все выше и выше:
Авось съ хребта скалы
Глаза усмотрятъ дальше.
Устремляя свои взоры съ горы,
Напрягая зрѣніе,
Усмотрѣлъ сынъ Калева
Подлѣ широкой пропасти
Зеленѣющую прелестную долину;
Подлѣ опушки рощицы
Стоялъ дворъ знахаря вѣтровъ,
Логовище для скрыванія вора,
Пріютъ разбойничьихъ когтей.
Съ досады торопя шаги,
Спѣшитъ сынъ Калева
Ближе къ долинѣ,
Пока встрѣчается игрище
Виднѣются дворовыя ворота.
Дражайшій сынъ Калева
Смотритъ, остановившись,
Съ игрища чрезъ ворота
На дворъ знахаря вѣтровъ.
Постройки кругомъ двора
Свидѣтельствовали о зажиточной усадьбѣ.
Близъ дома на муравѣ спалъ,
Впуская хлѣбъ въ кости,
Финскій Тусларъ, знахарь вѣтровъ;
Подлѣ игрища осѣнялся коппель
Прелестной дубовой рощицей.
Сынъ Калева вступаетъ въ коппель,
Вырываетъ дубъ съ толстымъ стволомъ,
Вырываетъ дубъ съ корнями
Изъ земли для дубины;
Срываетъ болѣе широкіе сучья,
Разсыпаетъ всѣ тончайшіе,
Оставляетъ зазубрины не сглаженными,
Корешки сучьевъ несорванными,
Оставляетъ толстѣйшіе корни
Набалдашникомъ на концѣ палки,
Беретъ шестъ, боевое орудіе,
Въ храбрую руку за верхушку,
Чтобы отдубасить имъ вора,
Высѣчь похитителя матушки. —
Сынъ Калева, богатырь,
Быстро шагаетъ чрезъ игрище,
Стремясь ближе ко двору;
Его тяжелые желѣзные шаги
Заставляютъ издали поверхность муравы,
Землю отъ сотрясенія гудѣть,
Горы и овраги колебаться.
Финскій Тусларъ, знахарь вѣтровъ,
Пробуждается отъ объятій сна,
Высвобождается отъ узъ засыпанія;—
Думаетъ, (что) грозитъ Эйке,
Гремитъ вдали Кыо,
Думаетъ, (что) Пикне въ облакахъ
На желѣзной телегѣ разъѣзжаетъ.
Раскрывая глаза,
Расширяя вѣки,
Онъ видитъ въ воротахъ врага,
Который всколебалъ дворъ,
Потрясъ поверхность муравы.

Бѣдняжка, проснувшись отъ сна,
Дѣдушка Тусларъ не успѣлъ
Болѣе удалиться,
Укрыться въ нору убѣжища,
Не (имѣлъ) времени на крыльяхъ вѣтра,
На вихрѣ спастись.
Сынъ Калева, богатырь,
Теперь вступаетъ во дворъ,
Размахивая дубиной въ рукахъ,
Глядитъ на вора.
Финскій Тусларъ, знахарь вѣтровъ,
Въ горькомъ затрудненіи:
Разсыпаетъ горсть перьевъ
Изъ пазухи, (чтобы) кружились по вѣтру,
Раздуваетъ пушныя перья,
(Чтобы) разлетѣлись широко,
Потанцовали на крыльяхъ вѣтра,
Кружились на плечахъ воздуха.
Дуетъ на вѣтеръ мощныя слова,
Заставляетъ сильныя слова
Оживить дѣтей колдуна.
Дѣйствіемъ волшебныхъ словъ,
Распоряженіемъ мудреца вѣтровъ
Онъ производитъ войско изъ перьевъ.
Порождая въ мигъ,
Крылья вѣтра разметали,
Разсыпая, какъ градъ изъ тучи,
Конное и пѣшее войско
По сотнямъ въ схватку,
По тысячамъ въ битву,
Въ помощники Туслару.
Стаи волшебныхъ воиновъ,
Существа, порожденныя въ воздухѣ, —
Помощники знахаря вѣтровъ,
Примчались на игрище,
Вторглись во дворъ,
Спустились какъ боръ
На шею сына Калева.
Подобно комарамъ въ вечернемъ веселіи,
Мошкамъ на рубежѣ сумерекъ,
Роящимся пчеламъ;
Старались парни мудреца вѣтровъ,
Сплотившись густымъ облакомъ,
Несясь дождевой тучей,
Совершенно задушить
Дражайшаго Калевича,
Отпрыска Таровичей.
Дражайшій сынъ Калева
Былъ готовъ ко встрѣчѣ;
Живой умъ угадывалъ,
Мѣткій глазъ прицѣливалъ,
Мощная рука поражала.
Беретъ онъ дубину въ храбрую руку,
Въ длань — крѣпкій дубъ,
Спѣшитъ побивать нападающихъ,
Дубасить враговъ,
Сѣчь воиновъ,
Поколотить пришельцевъ!
Разсыпаетъ удары подходящему,
Побои друзьямъ чародѣя,
Розги рыцарямъ колдуна,
Толпѣ, порожденной словами.
Метнетъ розгу, приговаривая,
Броситъ дубину и гласитъ:
* „Не боюсь я злаго стада,
Товарищей чародѣя,
Бѣсовъ, принесенныхъ съ вѣтра,
Воиновъ, высиженныхъ словами,
Ни адской семьи, —
Войска стараго парня;
Не боюсь я сильнѣйшихъ,
И не устрашусь мощнѣйшихъ!
Частица у меня силы отца,
Капелька мощи изъ молока матери,
Долюшка у меня собственной силы,
Наслѣдства отъ возраста!“ — *
Куда богатырь Калевъ
Нечаянно нанесетъ ударъ,
Съ размаху, — толчокъ тяжелѣе,
Тамъ засыпаютъ всадникъ и конь!
Куда же размахнетъ онъ разъ пять,
Взметнетъ ударовъ десять,
Тамъ сыплется груда мертвыхъ!
Гдѣ стволомъ дуба

Вдругъ чаще ударитъ,
Тамъ засыпаютъ десятки.
Гдѣ только тяжелую дубину
Заставитъ плясать по вѣтру,
Тамъ ужъ не пробудится жизнь!
Дубъ танцуетъ гудя,
Послушная дубина свиститъ,
Палка играетъ, какъ буря,
Кружится какъ вихрь.
Булава бѣшенно поражаетъ,
Разсыпаетъ (какъ) въ адской свалкѣ!
*Мужи падаютъ на мураву,
Какъ мошки на прахъ,
Градъ на предѣлы пустоши,
Снѣгъ на полевыя межи.
Кто по счастію спасаетъ жизнь,
Старается избавить члены:
Тотъ даетъ тягу ногамъ,
Пяткамъ страшную скорость. *
Чрезъ короткое время,
Послѣ маленькой шутки
Утихъ бой,
Окончилось состязаніе,
Прекратилось сраженіе.
Груды мертвыхъ покрывали мураву,
Дворъ—стонущіе въ безпамятствѣ,
Игрище — испускающіе духъ.
*До пояса подымался кровавый ручей,
Возросъ почти до подмышки,
Разливался со двора на игрище,
Съ игрища внизъ въ коппель;
Кровь лилась рѣкою,
Рѣка разрослась въ озеро. *
Кто здѣсь спасся изъ когтей смерти,
Умчался прочь на крыльяхъ вѣтра.
Финскій Тусларъ, мудрецъ вѣтровъ,
Создатель волшебныхъ словъ,
Творецъ заклинательныхъ словъ,
Былъ въ смятеніи боевомъ,—
Въ печальномъ затрудненіи,
Видя смерть воиновъ,
Неудачу помощниковъ.
У бѣдняжки исчезла послѣдняя надежда.
Жалобнымъ голосомъ, сладкими рѣчами
Началъ Тусларъ умолять,
Произносить добрыя слова:
Дражайшій сынъ Калева,
Утѣшитель сѣтованія Линды,
Сжалься надо мною,
Прости умоляющему!
Помиримъ распрю,
Погасимъ случившееся зло,
Позабудемъ обиды.
Ступилъ разъ на путь заблужденія,
Завчера учинилъ злодѣяніе,
Ходилъ путями грабителя,
По слѣдамъ воровскихъ ногъ;
Въ путахъ беззаконія
Я проникъ въ вашъ дворъ,
Влѣзъ въ гнѣздо орла,
Когда сыновья втроемъ
Полетѣли веселиться.
Утащилъ бабушку воровски,
Унесъ дорогую въ орлиныхъ когтяхъ,
Домашнюю курицу изъ свѣтлицы;
Истощилъ силу бабушки,
Произнося волшебныя слова,
Уменьшилъ мощь женщины,
Силу слабой узами чародѣйства;
Хотѣлъ добычу въ пристань,
Вдову въ лодку понести;
Хотѣлъ на теченіи водъ,
На спускѣ широкихъ волнъ
Поплыть къ Финскому берегу.
Достигши горы Иру,
(Я) услышалъ издали грохотаніе Кыо,
Злобныя угрозы Эйке;
Огонекъ небеснаго дѣдушки
Помрачилъ глаза,
Прикосновеніе стрѣлы Пиккера
Сразило меня тяжелымъ ударомъ
Въ безпамятствѣ на мураву, —
И я, какъ мертвецъ,
Безсильный рабъ сна,
Нечувствительный чурбанъ,
Оцѣпенѣлъ на срединѣ горы.
Кто измѣрилъ шаги смерти,

Кто знаетъ мѣру обморока,
Кто у спящаго въ могилѣ
Вычислилъ длину времени,
Тотъ, быть можетъ, съумѣетъ объяснить
Время моего безпамятства.
Высвободившись изъ узъ сна,
Поводя вокругъ глазами,
Я началъ осматривать:
Куда исчезла бабушка?
Не видно ли слѣдовъ курицы,
Пути тетерки;
Куда птица улетѣла,
Вырвалась изъ тенетъ утка?
Пустой знаетъ, не на крыльяхъ — ли вѣтра,
На полахъ воздуха,
При указаніи тайныхъ пословъ
Полетѣла вдова Линда?
Не бабушка ли муравы
Похоронила ее подъ дерномъ?
Слѣды остались невидимы,
Примѣты неузнаны.
Боязнь повела меня по берегу,
Страхъ съ Иру — горы внизъ,
Боялся, (что) сыновья орла
Ищутъ слѣдовъ бабушки.
Удаляясь къ морю,
Я далъ тягу пяткамъ,
До боли въ ножныхъ пальцахъ;
Побѣжалъ быстролетно въ лодку,
Что ждала меня на морскомъ берегу.
Страхъ сидѣлъ подлѣ гребца,
Боязнь была у руля своякомъ,
Что гнали меня по теченію водъ,
На склонѣ волнъ.
При слабомъ разсвѣтѣ зари
Достигъ я роднаго берега.

Дражайшій сынъ Калева
Слушалъ рѣчь знахаря вѣтровъ,
Отрицанія чародѣя
Неохотно, полувнимая;
Но затѣмъ въ узахъ гнѣва
Повелъ грозную рѣчь:
„Воръ женщины, лжецъ,
Клеветникъ, сынъ негодяя,
Ты, который постель сѣтованія вдовы,
Ложе благочестивой матушки
Намѣренно пошелъ осквернять!
Надѣешься ли ты меня своей болтовней,
Или небылицами помирить,
Или успокоить ложью?
Думаешь ли ты такъ успѣшно спастись,
Легко выйти изъ затрудненія?
Мѣра твоихъ шаговъ переполнится;
Получай, грабитель, мзду грабителя,
Испробуй, воръ, дубину вора!“
Всмахнувъ дубовой палкой,
Метнулъ ее мощной рукой,
Опустилъ (лишь) разъ
Туслару на брови,
Промежду двухъ глазъ!
Финскій Тусларъ, вѣдунъ вѣтровъ,
Какъ мѣшокъ повалился на землю,
Испустилъ духъ безъ стона,
Упалъ, не молвя ни слова,
Уснулъ въ холодныхъ объятіяхъ смерти,
Такъ что ни раскрылъ устъ,
Ни моргнулъ глазомъ.
Сынъ Калева, богатырь,
Поспѣшилъ въ избу на поиски,
Въ погоню за слѣдами матери;
Перешариваетъ Тусларовъ дворъ
Вдоль и поперегъ.
Каждое мѣсто особо,
Изслѣдуетъ норы грабителя,
Пронюхиваетъ воровскіе углы,
Стремится изъ избы въ свѣтлицу,
Изъ свѣтлицы въ погребъ,
Идетъ на чердакъ розыскивать,
Ломаетъ замкнутыя двери,
Крѣпчайшіе (висячіе) замки,
Разбиваетъ двери, валитъ косяки
Въ дребезги кулакомъ!
Трескъ ударовъ,
Грохотъ разрушенія

Въ трепетѣ слышитъ народъ,
На разстояніи десяти верстъ.
Шумъ слышится черезъ пустыню,
Несется черезъ поляны,
Чрезъ мураву въ лѣса,
Разносится по высокимъ скаламъ,
Со скалъ въ ревущее море,
Опускается въ широкія волны.
Птицы лѣсныя взлетаютъ,
Четвероногія улепетываютъ,
Рыбы, трепеща, забиваются въ илъ,
Въ тайныя глубины моря,
Въ норы дѣвы — русалки.
Народъ, услышавъ, говоритъ:
Не война ли желѣзными шагами,
Или брань на кровавыхъ колесницахъ
Угнетаетъ нашу землю?
Всетаки слѣды матушки,
Пути дочери тетерки
Сокрыты отъ очей сына,
Въ туманномъ покровѣ для ищущаго.
Могучій сынъ Калева
Начинаетъ проклинать гнѣвъ,
Каяться въ зломъ настроеніи,
Въ какомъ сразу у Туслара
Зажалъ уста убійствомъ;
Прежде чѣмъ тотъ указалъ,
Гдѣ темница матери,
Укрывалище милой матушки.
* Гибеленъ вспыльчивый гнѣвъ,
Безсмысленный исполнитель,
Безумный распорядитель:
Дай вожжи въ руки злаго,
Лошадь совсѣмъ убѣжитъ.! *

Дражайшій сынъ Калева
Метался въ недоумѣніи,
Какъ курица безъ головы,
Изъ избы во дворъ, со двора въ избу,
Въ свѣтлицу, на вышку, въ погребъ,
Растерянно пробѣгалъ амбары,
Пошелъ по скотнымъ хлѣвамъ,
Перешарилъ десятки разъ,
Какъ бы на лету, всѣ мѣста,
Пока осѣняющая тьма вечера
Не положила конецъ поискамъ,
Пріостановила блужданія.

Дражайшій сынъ Калева
Горевалъ по пропавшей матушкѣ,
По ушедшей въ лѣсъ маменькѣ,
Слѣды которой онъ потерялъ.
Печаль не потухала,
Сѣтованіе — не успокоивалось.

Наконецъ ослабъ сильный мужъ
Въ путахъ усталости, —
И отдохнулъ въ узахъ сна.
Утѣшительное сновидѣніе
Пришло потушить скорбь,
Успокоить сѣтованіе.

* Красотою юности цвѣла матушка,
Цвѣла какъ невѣста въ свѣтлицѣ,
Какъ жена молодица — за столомъ
Въ торжественные дни свадьбы.
Линда пташечка цвѣла
Весеннею прелестью,
Какъ прежде, на деревенской качели,
Въ прохладѣ Вйккскаго ольховника,
Процвѣтала во дворѣ бабушки,
Въ коппелѣ пріемной матери.
Вознося дочь тетерки,
Качель взлетала высоко!
Высоко, далеко!
Линда пѣла (какъ) птичка,
Какъ домашняя курица кудахтала:
„Мастера качели, нѣжные братья,
Раскачайте качель выше!
Чтобы меня видѣли издалека,
Видѣли издалека, цѣнили бы дорого!
Чтобы я виднѣлась на солнцѣ,
Отражалась въ волнахъ морскихъ.
Вѣнокъ у меня виднѣется въ облакахъ,
Ленты — вѣнка въ тучахъ,
Кафтанъ мой виднѣется въ Кунглѣ,
Узоры обшивки — у Пикера,
Узоры украшенія — у звѣздъ!
Чтобы пришелъ молодецъ — сынъ солнца,
Сватъ, — сынъ мѣсяца,

Лучшій женихъ, — сынъ звѣзды,
Дражайшій женихъ изъ Калевалы:“*
Явившаяся въ сновидѣніи
Тѣнь нѣжной матушки,
Въ чудной дубравѣ юности,
Дѣвицей на качели, —
Она явилась не съ тлѣнныхъ полянъ
Міра сего, —
Образъ пришелъ издалека:
Бабушка сидѣла во дворѣ Укко,
При сіяніи солнца счастія.
Дражайшій сынъ Калева
Проснулся утромъ,
Рано до разсвѣта,
Началъ раздумывать
О видѣнномъ ночью снѣ,
Думалъ часъ, думалъ другой,
Потомъ произнесъ такъ:

*„Туда отправилась матушка,
Туда въ лѣсъ — моя маменька,
Туда улетѣла птичка,
Тамъ исчезла курочка,
Ушла изъ дома за ягодами,
Ушла на болото за гоноболью,
Прилетѣлъ орелъ, — злая птица,
Прилетѣла ворона,—воровская птица:
Они-то (стали) терзать курицу,
Ловить птичку.
Туда исчезла курочка,
Тамъ умерла птичка,
Оттуда (я) не получилъ вѣсти,
Поблекла невидѣнная.“ *
Сынъ Калева, богатырь,
Зналъ теперь, что матушка скончалась,
Умерла на смертномъ одрѣ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Ст. 708—737 содержатъ въ себѣ слѣды древняго вѣрованія Эстовъ въ загробную жизнь, какъ продолженіе и отображеніе земной жизни.

ШЕСТАЯ ПѢСНЬ.

Сынъ Калева у Финскаго кузнеца; проба и покупка меча — 545; торжество у Финскаго кузнеца, ссора и смерть старшаго сына кузнеца — 762; дубъ, посаженный дѣдушкой острова, заслоняетъ солнце и луну; срубка его мальчикомъ и предметы, сдѣланные изъ него.

Сынъ Калева, богатырь,
Былъ день подъ гнетомъ заботы,
Два въ узахъ печали,
Сѣтуя по вдовѣ матушкѣ;
На третій день до зари,
Рано до разсвѣта,
Началъ отправляться домой,
Стремиться къ берегу.
Навѣянныя вѣтромъ
Явились дѣльнѣйшія думы,
Возникли (какъ бы) изъ воздуха
Умнѣйшія рѣшенія.
Жилъ въ Суоміи славный кузнецъ —
Дѣлатель воинскихъ орудій,
Ковачъ орудій брани,
Мастеръ лучшихъ мечей.
Сынъ Калева такъ молвилъ:
„До возврата домой
Я долженъ бы мечъ пріобрѣсть,
Сторговать воинскій сошникъ
На борьбу съ врагами.“
* Направивъ шаги
Тотчасъ по другому пути,
Пошелъ онъ чрезъ поляну,
Пошелъ чрезъ верешнякъ,
Шагалъ чрезъ мшистое болото,
Пробрался по зыбкому болоту.
Встрѣтился ему большой лѣсъ,
Встрѣтился дремучій боръ.
Мощный сынъ Калева
Блуждалъ по сосновому лѣсу,
Блуждалъ день, блуждалъ два,
Потерялъ третій день,
Отыскивая вѣрный путь.
Настала долгая темная ночь,
Небо беззвѣздное и мрачное;
Искалъ герой на угадъ,
Ощупывалъ путь руками.
Дражайшій сынъ Калева
Усѣлся подъ широкую ель,
Растянувшись на муравѣ,
Молвилъ въ негодованіи:
„Всѣ дорогіе идутъ по домамъ,
Милые расходятся по избамъ,
Другіе по знакомымъ дворамъ;
Домъ мой — дремучій лѣсъ,
Свѣтлица — среди ельника,
Широкій боръ — моя изба,
На вѣтру — мое огнище,
На дождѣ — мѣсто паренія,
Въ туманѣ — мѣсто засыпанія.
Отецъ разстался съ міромъ прежде,
Чѣмъ я появился на свѣтъ;
Бабушка спустилась на ложе смерти
Въ сопровожденіи тайныхъ гребцовъ,
Невидѣнная моими глазами,
Оставила меня сиротою;
Братья далеко въ Вироніи,
Другіе въ предѣлахъ Турьи.
Я остался на волнахъ какъ дикій гусь,
Утиный птенецъ у берега,
Какъ орелъ на высокой скалѣ,
Живу одиноко на свѣтѣ.“
Съ восходомъ другаго дня
Сынъ Калева пустился въ путь,

Водимый добрымъ счастіемъ,
Снова искать дорогу.
Дроздъ гласилъ въ чащѣ,
Кукушка куковала на верхушкѣ ели,
Птичка — въ ольховникѣ:
„Поверни къ заходу солнца,
Поди по направленію сумерекъ!“ —
„Спасибо, мудрые клювы,
Пернатыя пожелательницы!“
Произнесъ сынъ Калева,
Направилъ шаги мчаться,
Помчался къ вечернимъ вѣтрамъ,
Понесся по направленію къ западу.
Быстро несясь,
(Онъ) выбрался изъ чащи лѣсной,
Достигъ широкой поляны.
По гористой странѣ,
По скалистому пути
Шагалъ Калевичъ далѣе.

Тутъ встрѣтилась ему старушка,
Встрѣтилась калѣка,
Идущая при помощи клюки.
Старая бабушка молвила
Слова, такъ звучащія:
„Куда ты такъ быстро идешь,
Дорогой сынъ Калева?“

Дражайшій сынъ Калева
Понялъ, тотчасъ отвѣтилъ:
Сбрела мнѣ въ голову дѣльная мысль,
Доброе рѣшенье на умъ:
Захотѣлъ подружиться съ финскимъ кузнецомъ,
Со славнымъ сажеглазымъ,
Захотѣлъ я мечъ заказать,
Сторговать дорогой (мечъ).
Укажи, бабушка,
Разскажи, дорогая старушка,
Гдѣ найдти дорогу къ кузнецу,
Стези къ желѣзнолапому?“

Старая бабушка тотчасъ поняла,
Понявши отвѣтила:
„Легко можешь ты, молодецъ,
Найдти дорогу безъ водителя:
Пройди чрезъ широкій боръ,
Черезъ прелестный ельникъ,
Помчись къ берегу рѣки,
Шагай день, шагай два,
Пожалуй, шагай еще третій день;
Повернешь ты затѣмъ къ вечеру,
Найдешь гору на равнинѣ,
Высокій холмъ у дороги;
Иди ты по склону горы,
Поверни влѣво отъ холма;
Тогда тебѣ встрѣтится рѣчка
Направо отъ дороги.
Шагай ты по берегу рѣки,
Куда три потока впадаютъ;
Пройдешь ты мимо потоковъ,
Тотчасъ увидишь прелестную долину,
Посреди прелестной долины,
Въ сокровенной тѣни деревъ
Стоитъ подъ высокой горой,
Въ глубинѣ скалистаго оврага,
Изба славнаго финскаго ковача!“

Мощный сынъ Калева,
Ускоряя путешествіе
По указанію старой бабушки,
Пустился чрезъ широкій боръ,
По прелестному ельнику,
Стремясь къ берегу рѣки;
Шагалъ день, шагалъ два,
Шагалъ часть третьяго дня,
Повернулъ прямо къ вечеру,
Нашелъ гору на равнинѣ,
Высокій холмъ у дороги,
Маршировалъ по склону горы,
Повернулъ влѣво отъ холма,
Устремляясь на берегъ рѣки;
Шагалъ по берегу рѣки,
Куда три потока текутъ.
Мили уменьшались
При отмѣриваніи длинныхъ шаговъ.*

Наконецъ, скорохода глазамъ
Показалась прелестная долина.
При шаганіи далѣе
Коснулся шумъ раздуванія,
Тяжелые удары молотовъ,
Бьющихъ по наковальнѣ,
Издалека ушей Калевича.

По указанію слуха

Ступалъ сынъ Калева
Болѣе размашистымъ шагомъ
Подружиться съ финскимъ кузнецомъ.
Посрединѣ прелестной долины,
Въ сокровенный тѣни деревъ,
Подъ высокой горой
(Стояла) изба славнаго финскаго кузнеца.
Дымъ давалъ тайный знакъ,
Искра — ясную примѣту,
Дуновеніе мѣховъ — очевиднѣйшую,
Звонъ желѣза — еще большую,
Что здѣсь производили кузнечную (работу),
Готовили издѣлія молота.
Старый славный финскій кузнецъ,
Дѣдушка черный, какъ сажа,
Старался съ тремя сыновьями
Исполнить кузнечную (работу),
Завершить тайную (работу).
Сыновья кузнеца, подмастерья,
Покрытые сажей, какъ и дѣдушка,
Отмѣривали удары о желѣзо,
Опуская молоты.
Яркокрасное остріе меча,
Знаменующее будущую кровь,
Стонало внизу на наковальнѣ
Подъ ударами молотовъ,
Подъ тяжелымъ гнетомъ,
Мучась въ сжатыхъ клещахъ.
Тамъ-то подкладывали огонь,
Вгоняли въ отверстіе мѣховъ,
Смягчали, ковали,
Смягчали при освѣщеніи огня,
Ковали тоньше,
Выбивали плотнѣе,
Охлаждали крѣпче,
Испытывали во влагѣ,
Сгибали между тисками:
Выйдетъ ли изъ этого добрый мечъ,
Годное острое орудіе?
Сынъ Калева, богатырь,
Подступивъ къ порогу кузницы,
Произнесъ со двора чрезъ дверь,
Чрезъ порогъ ласково:
„Здравствуй, кузнецъ! Тара въ помощь
Въ завѣдываніи мудрыми работами,
Въ произведеніи тайныхъ (издѣлій)!“
—„Здравствуй во имя Юмала [1]), братъ!“
Отвѣтилъ финскій желѣзнолапый,
Приподнявши за козырекъ шапку.
Взоромъ старался потомъ
Онъ пришельца признать,
Измѣряя мысленно, по роду,
Узнать сына героя.
Осматривалъ незнакомца изъ подлобья,
Прищуривъ глаза,
Осматривалъ съ темени до пальцевъ,
Съ затылка до пятокъ ножныхъ,
Мѣрилъ мыслью ростъ молодца,
Длину лытокъ мальчика,
Мѣрилъ широту лопатокъ,
Потомъ произнесъ желѣзнолапый:
„Привѣтствующему именемъ Тары,
Произносящему слова помощи
Дается въ каждой странѣ пріютъ,
Въ каждомъ семействѣ мѣсто отдыха.
Издалека ли, юный орелъ,
Принесся сюда на могучихъ крыльяхъ?
*Навѣрно ты росъ въ славной деревнѣ,
Навѣрно воспитанъ въ прекрасномъ гнѣздѣ,
Отпрыскъ вѣщаго двора,
Питомецъ семейства Калева?“
Сынъ Калева, понявъ,
Хитро отвѣчалъ:
„Родъ не разстается съ родомъ,
Отпрыскъ не отдѣляется отъ ствола.
У каждой птицы своя пѣсня,
По роду изъ перьевъ кафтанъ:
У дятла пестрый, у ворона черный,
У птенца тетерки красный гребешокъ,
У птенца пѣтуха шпоры,
У всѣхъ рыбъ чешуя,
У рака болотночерный кафтанъ.

Послушай, кузнецъ желѣзнолапый,
Черносажистый дѣдушка!
Не продается-ли у васъ хорошій мечъ,
Крѣпчайшее острое орудіе,
Что не сломится въ рукѣ молодца?
Дайте попробовать товаръ,
Чтобы измѣрить прочность меча,
Освидѣтельствовать остріе!“

Финскій кузнецъ отвѣчалъ:
„Покупателю позволительно сдѣлать пробу,
Позволительно испытать товаръ.
Не въ мѣшкѣ происходитъ торгъ свиньи,
Не за дверью — торгъ невѣсты,
Не въ покровѣ непроглядной темноты,
Какъ торгъ клячи,
Мѣна слѣпоглазой.
Глазъ долженъ быть зорокъ при осмотрѣ,
Рука дѣятельна при испытаніи,
Мудрость должна управлять дѣломъ:
Тогда не бываетъ въ торгу вреда,
Ни ущерба когда — либо при покупкѣ.“ *

Финскій кузнецъ, желѣзнолапый,
Понудилъ тотчасъ подмастерья,
Приказалъ младшему сыну
Изъ амбара, какъ пробный товаръ,
Нѣсколько лучшихъ мечей принести.

Сынъ исполнилъ велѣніе дѣда,
Поспѣшилъ принести изъ амбара товаръ,
Принесъ мечей полную подмышку,
Острыхъ орудій охабку,
Для Калева пробный товаръ.

Дражайшій сынъ Калева
(Началъ) измѣрять длину меча,
Свидѣтельствовать крѣпость меча,
Испытывать рукоятку;
Старался согнуть остріе,
Не станетъ ли согнутый,
Вмигъ опять прямымъ.
Взялъ въ пястку рукоятку,
Заставилъ лезвее,
Съ быстротою вихря
Пару разъ вращаться,
И потомъ съ трескомъ ударилъ
Мечъ объ обломокъ скалы.
Изъ крѣпкаго камня сыпался огонь,
Сверкающія искры;
Лезвее разсыпалось въ куски,
Осколки отскочили далеко,
Рукоятка осталась въ пясткѣ.
„Ого, ого! мощная рука!“
Воскликнулъ кузнецъ, дивясь.

Мощный сынъ Калева
Отвѣтилъ сквозь зубы:
„Изъ негоднаго орудья не будетъ опоры
Защитника противъ войны!“
Взялъ вновь другой мечъ,
Взялъ въ руки и третій,
Заставилъ лезвія на лету
Дважды вращаться,
А потомъ съ трескомъ ударилъ
Въ досадѣ дорогое желѣзо,
Мечъ объ обломокъ скалы!
Изъ твердаго камня сыпался огонь,
Со сверканіемъ — искры,
Лезвее разсыпалось въ куски,
Осколки отскочили далеко,
Рукоятка осталась въ пясткѣ.

Финскій кузнецъ, желѣзнолапый,
Сажистый дѣдушка произнесъ:
„Довольно шутить этотъ разъ,
Полно пробовать товаръ!
Мнѣ жаль дорогое желѣзо,
Изготовленное орудіе брани
Тратить на пробный товаръ,
Давать для игры мощной рукѣ.
Ступай, сынъ легконогій!
Иди живо въ амбаръ,
Принеси намъ крѣпчайшіе мечи,
Прочнѣйшія орудія на пробу,
Въ которыхъ рука сильнаго мужа
Найдетъ равный отпоръ!“

Другой сынъ живо поспѣшилъ
Исполнить приказаніе дѣдушки,
Вынесъ изъ тайнаго амбара
Полную подмышку дорогихъ мечей,

Полную охабку воинскихъ орудій
Съ прочнѣйшими лезвеями,
На пробу Калевичу.
Дражайшій сынъ Калева
Крѣпчайшій взялъ мечъ.
Прочнѣйшее острое орудіе
Для игры могучихъ рукъ,
Заставилъ лезвее на лету
Кружиться пару разъ,
Затѣмъ съ трескомъ ударилъ
Мечъ о наковальню.
Лезвее проникло съ силою
На дюймъ въ наковальню,
Самъ мечъ остался неразбитымъ,
Лезвее нерасщепленнымъ на части,
Но оказалось тупымъ,
Согнутымъ вдвое.
*Финскій кузнецъ молвилъ,
Съ насмѣшкой такъ говорилъ:
„Подожди, подожди, молодецъ!
Дай время, удалецъ:
Ужъ найду я мечъ въ сундукѣ,
Воинскій сошникъ въ тайномъ амбарѣ,
Отвѣчающій великой мощи,
Равняющійся сильной крѣпости.
Если у тебя золота много,
Серебра въ цѣну покупки,
Соотвѣтственно мечу имущества, —
Собери золото въ кошелекъ,
Талеры въ карманъ,
Пфенниги въ мошну.
Вотъ мечъ, стоющій много,
Драгоцѣннѣйшій товаръ;
Стоитъ мечъ между другими
Девять хорошихъ коней,
Восемь заводскихъ кобылъ,
Десять паръ быковъ,
Двадцать дойныхъ коровъ,
Пятьдесятъ лучшихъ телятъ,
Три ласта пшеницы,
Полторы лодки ячменя,
Ржи болѣе (одного) корабля,
Тысячу старыхъ талеровъ,
Сто паръ ожерелій,
Двѣсти золотыхъ денегъ,
Полную охабку пряжекъ грудныхъ,
Третью часть царства,
Приданаго пяти дѣвъ.“
Тогда вынесли изъ особаго амбара,
Изъ прекраснѣйшаго отдѣльнаго сундука,
Изъ за семи замковъ,
Изъ за девяти задвижекъ —
Вынесли на свѣтъ,
На сіяніе солнца
Прекраснѣйшаго царя мечей,
Господина воинскихъ сошниковъ,
Мучителя плечъ финскаго кузнеца,
Истощителя желѣзнолапаго,
Сильнѣйшаго изнурителя мощи,
Горьчайшаго истощителя рукъ,
Что его потъ ежедневно
Семь лѣтъ пожиралъ безпрерывно.
Славнаго царя мечей
Много лѣтъ назадъ
Старый дѣдушка Калевъ
Приказалъ сдѣлать для себя,
Сковать въ неутомимыхъ заботахъ,
Приготовить искусно.
Дни жизни старика,
Шаги тлѣннаго вѣка
Достигли по волѣ Тары
Вечерняго заката прежде времени,
Покоя въ скалистомъ холмѣ,
Сна въ прохладномъ ложѣ:
Прежде чѣмъ финскій кузнецъ
Завершилъ выдѣлку меча,
Произвелъ воинскій сошникъ.
Семь лѣтъ при помощи сыновей
Кузнецъ сгибалъ мечъ,
Ковалъ и выравнивалъ,
Выдѣлывалъ поглаже,
Заострялъ острѣе,
Сжималъ тоньше;
Изъ желѣзнаго листа семи сортовъ
Спаялъ острее меча,
Изрекалъ ежедневно,
При выполненіи мудрѣйшихъ работъ
Слова семи родовъ,

Дѣйствительнѣйшія слова мощи,
Волшебныя слова силы
Славному царю мечей.
Мастеръ лезвее меча
Закалилъ крѣпче
Силою водъ семи родовъ,
Дѣйствіемъ сухопутныхъ влагъ:
Одна вода изъ моря Вироніи,
Влага прямо изъ Финскаго моря,
Другая вода изъ Пейпуса озера,
Влага изъ предѣловъ Пскова;
Третья вода изъ Вирцъ озера,
Влага съ мѣста древняго озера;
Четвертая была вода дѣвы,
Влага изъ источника Матери (рѣки);
Пятая вода изъ рѣки Койвы,
Влага съ луговъ Леттоніи;
Шестая вода изъ Выу (рѣки),
Влага изъ священныхъ предѣловъ;
Седьмая — прозрачная дождевая вода,
Влага изъ темныхъ тучъ,
Которую произвело таяніе,
Вскормили капельки росы.
Лезвее изъ семи сталей,
Изъ кусковъ Шведскаго желѣза;
Рукоятка была изъ бѣлаго серебра,
Дужка — изъ драгоцѣннѣйшаго золота,
Пуговка — изъ камня Кунглаской земли,
Портупея изъ семицвѣтной жести,
Пряжка изъ толстаго пфеннига,
Другая прочнѣйшая — изъ талера,
Язычки пряжекъ изъ сердолика,
Изъ кусковъ драгоцѣннаго камня.
Дражайшій сынъ Калева
Взялъ старшину мечей,
Славнаго желѣзнаго царя
Въ руки на пробу,
Заставилъ сверкающее лезвее
Бурно съ быстротою вѣтра
Дважды вращаться!
Тогда поднялся сильный шумъ,
Началось дивное гудѣнье,
(Послышался) странный гулъ,
Какъ бы дуновеніе вѣтра,
Завываніе дождеваго вѣтра,
Свистъ градоваго вѣтра,
Ревъ бурнаго вѣтра,
Предвѣщающаго непогоду,
Производящаго сильный дождь,
Играющаго морскими волнами,
Ломающаго верхушки деревъ,
Срывающаго крыши,
Разносящаго песчанники,
Просѣвающаго грантъ.
Могучій сынъ Калева,
Отрасль баловней побѣды,
Опуская мощную руку,
Съ трескомъ ударилъ мечемъ
О тяжелую наковальню!
Сильная рука, богатая побѣдами,
Разбила желѣзную наковальню,
И вмѣстѣ разбила подставку
Посрединѣ на двѣ части;
На мечѣ не осталось слѣда,
Нигдѣ — зазубрины.
Дорогой сынъ Калева
Съ радостнымъ лицомъ произнесъ:
Это — мечъ по герою,
Сдѣланный для опоры сильнаго,
Это — мечъ стоющій золота,
Оцѣнивающійся серебромъ;
Это орудіе брани, (какъ бы) родившееся
Для руки мощнаго мужа.
Обѣщаю тебѣ безпрекословно
Выплатить цѣну меча,
Обѣщаюсь долгъ за покупку меча
Заплатить, не торгуясь:
Девять добрыхъ коней,
Восемь заводскихъ кобылъ,
Десять паръ воловъ,
Двадцать дойныхъ коровъ,
Пятьдесятъ лучшихъ телятъ,
Сто ластовъ пшеницы,
Полторы лодки ячменя,
Ржи объемистый корабль,
Тысячу старыхъ талеровъ,

Сто паръ ожерельевъ,
Двѣсти золотыхъ денегъ,
Полную охабку пряжекъ грудныхъ,
Третью часть царства,
Приданое пяти дѣвъ.
Мечъ мой, цѣна твоя;
Приходи за полученіемъ въ Вironію,
За наградой въ Гаррію,
Въ Війкъ за цѣной! “

Финскій кузнецъ, желѣзнолапый,
Тотчасъ поняви, отвѣтилъ:
„Долгъ изстари собственность другаго,
Изъ ссуды не получишь чулочнаго носка,
Изъ обмана и пальца перчатки;
Честный платитъ за чужое,
Уплачиваетъ долгъ безъ отказа.
Заставь корабли Гарріи возить,
Вироскія лодки — катить
Цѣну меча въ нашу страну,
Вознагражденіе въ нашъ дворъ.
Навѣрно доставятъ товарные возы
Хлѣбъ въ наши амбары,
Прикачаютъ зерна въ наши закромы,
Приведутъ коней ко двору,
Пригонятъ быковъ на равнины,
Приведутъ телятъ на выгонъ,
Носительницъ звонка въ коппель,
Дойныхъ коровъ — на луга.
Наши дворы красивы,
Наши околицы ровны,
Досчатыя стѣны у насъ гладки,
Дворовыя изгороди изъ яблони,
Выгонная изгородь изъ вишни,
Околицы у насъ дубовыя,
Промежуточныя изгороди кленовыя.
Въ коппелѣ кукуютъ кукушки,
На выгонѣ посвистываютъ дрозды,
На лугу поютъ пташки,
Въ околицѣ другія пляшутъ!

У насъ кони въ деньгахъ,
Лысые кони въ блестящей сбруѣ,
Савраски въ медвѣжьихъ шкурахъ,
Вороные въ серебряной сбруѣ,
Буланые въ побѣдномъ одѣяніи,
Жеребята подъ шелковымъ сѣдломъ;
Есть у насъ и коровы въ ольховникѣ,
Телята на малиновой горѣ,
Быки на ровной полянѣ:
Тамъ-то пріобрѣтаютъ стада товарищей,
Рогатыя — друзей по роду.“ *

Приготовили торжество,
Долгую попойку, широкое веселіе
Для славнаго царя мечей,
Широкія веселыя литки.
Торжество длилось семь дней,
Семь дней отдыхали мѣхи,
Отдыхалъ молотъ, подставка;
Отдыхали желѣзныя клещи,
Сыновья кузнеца, подмастерья,
Отдыхалъ и старый финскій кузнецъ.

Хмѣль горделивая вѣтвь куста,
Прекрасная кудрявая шишка,
Былъ хозяиномъ торжества,
Виновникомъ широкой радости, веселья:
Проникъ въ бочку,
Вскочилъ въ боченокъ пивной,
Оттуда-то выскочилъ въ кружки,
Взлѣзъ лиходѣй въ бокалы.
Литки пили чрезмѣрно,
Горделивый хмѣль ударилъ въ голову,
Отнялъ умъ у мужей,
Половину ума у парней,
Чепчикъ съ головы вѣщихъ женъ,
Пониманіе — изъ головы дѣвицъ.
Пиво разбушевалось,
Медъ шипѣлъ на муравѣ:
Жены танцовали безъ чепчика,
Мужья въ подражаніе (имъ) безъ шапокъ,
Парни на половину безъ штановъ,
Дѣвицы на четверенькахъ,
Прыгая, ползая на рукахъ.

Пиво, лихой буянъ,
Отупило мудрость,
Помрачило ясные взоры,
Затемнило разумъ,
Сдѣлало мужчинъ безумными.

Дражайшій сынъ Калева
Началъ нарочно хвалиться,
Съ веселой головой хвастаться,
Болтливо разсказывать,
Какъ въ плаваніи къ Суоміи случилось
На островѣ нѣчто забавное,
Какъ курица дѣда острова,
Хозяйская дѣвушка, тоненькая,
Во время объятія зарыдала,
Нѣсколько свихнулась съ бедеръ,
Съ крестцовыхъ костей сдвинулась,
(Какъ) бабушка нѣжно лелѣянное сокровище
Нечаянно потеряла.

Еще ранѣе чѣмъ (онъ) рѣчь
Распространилъ подробнѣе,
Закончилъ ходъ дѣла, —
Вскочилъ старшій сынъ кузнеца,
Мудрѣйшая опора желѣзнолапаго,
Съ огненнымъ взоромъ изъ-за стола,
(Устремился) на Калевича.
Старшій сынъ Финскаго кузнеца
Заговорилъ съ огненнымъ взоромъ:
„Болтай ты вздорными устами,
Болтай, чего страстно желаешь;
* Оставь безукоризненною дѣвицу,
Юную дочь неопозоренною!
Не порицай дитяти,
Не осмѣивай дѣвицы,
Не оскверняй ее вздорными устами. *
Легкомысленное самохвальство,
Безумное хвастовство
Губитъ счастье дѣвы“

Могучій сынъ Калева
Отвѣчалъ, и стѣны колебались,
Подставные брусья трещали,
Промежуточныя бревна качались:
„Что я нарочно сболтнулъ,
Открыто признаю за правду.
Цвѣты дѣвицы я сорвалъ,
Цвѣтки утѣхи испортилъ я,
Стручки счастья я порвалъ:
На крикъ пришелъ дѣдушка,
Бабушка — на голосъ дочери.“

Мужи забунтовались,
Поссорились съ буйными головами,
Слово порождало худшія слова,
Рѣчь возбуждала злѣйшія;
Изъ ругани возникла распря,
Поднялась убійственная ссора,
Произошла кровавая борьба.

Ранѣе чѣмъ предполагали,
Что изъ ссоры выйдетъ несчастіе,
Изъ ругани разыграется дѣло —
Калевъ быстро вырвалъ
Изъ ноженъ мечъ для брани:
Подъ ударомъ разбойничьяго меча
На полъ свалилась голова;
Кровь струей брызнула
Братьямъ въ глаза.

Финскій кузнецъ, желѣзнолапый,
Навзрыдъ завопилъ,
Бабушка упала въ ужасѣ
Подлѣ сына на полъ.
Старый кузнецъ началъ ругаться,
Послѣ ругани заговорилъ:
„Разбойникъ, ты дорогой мечъ
Пролитіемъ невинной крови,
Безпричиннымъ убійствомъ
Опозорилъ на вѣки.
Безстыдный кровожадный песъ,
(Ты) отнялъ опору у старости,
Помощника мудрѣйшаго въ работѣ!
Парни, возьмите вы длинныя клещи,
Возьмите въ руки молоты!
Отдубасьте разбойника,
Кровавою местью (отвѣтьте) врагу —
Пролившему дорогую кровь!“

Сыновья пошли исполнить велѣніе,
Выполнить волю отца,
Взяли тяжелѣйшіе молоты,
Въ пясть длиннѣйшія клещи,
Тяжелые желѣзные обломки,
Чѣмъ бы побить Калева,
Разбойнику кровавое возмездіе
Запечатлѣть на бровяхъ.
Мощный сынъ Калева,
Разъярившись въ хмѣлю,
Сталъ среди избы;

Ослѣпленные черноглазые!
Жизнь-ли у васъ такъ дешева?

Могуча рука у Калева!
Куда ниспускаетъ ударъ,
Тамъ порождаетъ смерть!
Герой еще не явился,
Равный еще не родился,
Кто бы осмѣлился противостоять!
Подступайте, если жаждете смерти!“

Финскій кузнецъ заговорилъ:
„Оставьте грабителя безъ наказанія,
Кровожаднаго пса безъ мести!
Навѣрно рука боговъ
Отомститъ грабителю,
Отмѣритъ кровавое возмездіе
Разбойнику, проливателю крови.
Разбойникъ — кто дорогой мечъ,
Господина воинскихъ орудій,
Окрасилъ кроткою кровью,
Осквернилъ невинною смертію:
Навѣрно судъ боговъ,
Высшая мудрость Таровичей
Заставитъ мечъ отплатить долгъ,
Искупить злодѣяніе.
„Да умертвитъ, да умертвитъ, я заклинаю,
Да умертвитъ тебя воинское орудіе,
Да убьетъ тебя острое желѣзо,
Да будетъ для тебя тайно
Мечъ разбойникомъ,
Пролитая кровь врагомъ!
* Да умрешь ты въ болотѣ,
Сгніешь (ты) на кочкѣ,
Пропадешь въ кустарникѣ,
Испадалишься въ чащѣ! *

„Внимай, мечъ, дорогое желѣзо,
Внимай, царственный, велѣніямъ,
Пойми, что я, подразумѣвая,
Сокровенными словами заклинаю:
Будь, желѣзо, убійцей,
Стань рѣзателемъ шеи,
Отплати разбойнику долгъ,
Исполни желаніе мастера,
Чего прежде и въ мысляхъ не было,
И во снѣ не снилось.“

Мощный сынъ Калева,
Отчасти опьяненный хмѣлемъ,
Отчасти ослѣпленный гнѣвомъ,
Устремился безъ памяти изъ избы,
Ступилъ прямо на дворъ;
Потому онъ оставилъ заклинанія
Безъ должнаго вниманія,
И не замѣтилъ горести отца,
Печальнаго плача бѣдной матери,
Воздыханія несчастныхъ сестеръ,
Печали домашняго люда,
По смерти увядшаго сына,
По пролитіи свѣтлой крови брата.
Устремившись неровнымъ шагомъ,
Калевъ побрелъ изъ воротъ,
Побрелъ чрезъ широкое игрище,
Перевалился съ игрища въ коппель,
И вышелъ затѣмъ на поляну.

Мощный сынъ Калева,
Шатаясь, попиралъ дорогу,
Шелъ тяжело по тропинкѣ,
Пока встрѣтилась рѣка
Влѣво отъ дороги;
Шагалъ онъ по берегу рѣки,
Куда три потока втекаютъ,
Разбрасываютъ широко пѣну.

Утомленный Калевичъ,
Когда прошелъ мимо потоковъ,
При ослабленіи силы,
При истощеніи крѣпости тѣла
Избралъ мѣсто отдыха на холмѣ,
Легъ на землю поспать,
Разсѣять туманъ отъ литокъ,
Освѣжить отяжелѣвшую голову,
Развѣять духа тоску.
Сынъ Калева отдыхалъ;
Храпѣніе колебало поля,
Понудило скалы
Въ трепетѣ дрожать,
Заставило носиться песокъ,
Грантъ — разсѣваться;
Птицы въ трепетѣ остановили пѣснь,
Сыновья лѣшаго — игру!

Народъ же заговорилъ:
Не война ли разъѣзжаетъ,
Катится телега брани?

---

* Остановимъ корабликъ пѣнія,
Челнокъ пѣвца,
(Удержимъ) лодку веселья
На берегу острова,
Для отдыха подлѣ парома.
Пойдемъ на поляну острова
Посмотрѣть старый дубъ,
Что нѣкогда принесенъ изъ моря,
Найденъ въ волнахъ.
Прелестно дубокъ подымался,
Выросталъ при сіяніи солнца,
Возвышался подъ силою дождя;
Дубъ подымался до неба,
Длинныя вѣтви — въ облака,
Макушка близко къ солнцу.
Дубъ помрачаетъ небо,
Скрываетъ свѣтъ въ темнотѣ,
Заслоняетъ луну и заслоняетъ солнце,
Затѣняетъ мерцаніе звѣздъ,
Окутываетъ въ черный цвѣтъ,
Въ покровъ мрака.
Дубъ подымался, дубъ выросталъ,
Выросталъ, подымался выше,
Дубъ стремится поднять небо,
Вѣтви — разсѣять облака.
Дѣдъ острова ѣздилъ,
Ходилъ далеко для развѣдовъ,
Измѣрилъ шагами много земель,
Много странъ изъѣздилъ верхомъ,
Отыскивая помощниковъ,
Нанимая поденщиковъ:
Кто бы свалилъ дубъ,
Срубилъ безмѣрный,
Срѣзалъ широкіе сучья,
Кто сдѣлалъ бы дубъ годнымъ деревомъ,
Широкіе сучья — кораблями,
Части макушки — городами.
Дѣдъ островитянинъ
(Сталъ) просить наемниковъ, говоря:
„Придите рубить дубъ,
Срѣзывать широкіе сучья,
Спускать на землю верхушку.
Дубъ небо омрачаетъ,
Скрываетъ солнечное сіяніе,
Затѣняетъ свѣтъ звѣздъ,
Тушитъ отраженіе луны.“
Мужи, понявши, отвѣчали:
„Не можемъ придти, братецъ!
Дубъ выросъ до неба,
Макушка простерлась въ облака;
Дубъ крѣпче насъ,
Пень не боится нашихъ сѣкиръ,
Стволъ — нашихъ топоровъ.“
Дѣдъ острова возвратился,
Пошелъ потомъ горюя домой.
Бабушка вышла навстрѣчу подъ дворъ,
Стала допытываться о дѣлѣ.
Дѣдъ, понявши, отвѣчалъ:
„Ходилъ я напрасно, какъ вѣтеръ,—
Не получить срубателей дуба,
Срѣзывателей широкихъ сучьевъ,
Чтобы спустили макушку,
Разсыпали длинные сучья.“
Бабушка дѣда въ избу повела,
Приказала войти въ свѣтлицу,
Гдѣ орелъ былъ на привязи,
Мальчикъ съ пальчикъ въ узахъ.
Бабушка заговорила такъ:
„Пошла я снимать покосъ,
Сгребать вмѣстѣ сгребки,
Въ рукахъ — золотыя грабли
Съ мѣднымъ грабловищемъ;
Зубья граблей серебряные,
Обручи золотые.
Сняла валокъ, сняла два,
Начала снимать третій.
Что я нашла подъ валкомъ?
Нашла я орла подъ валкомъ;
Это-то доморощенный орелъ,
Высиженный днемъ сынъ солнца,
Высиженный ночью сынъ бабушки.
Понесла я орла домой,

Помѣстила въ свѣтлицѣ на привязь.
Что было подъ крыломъ у орла?
Подъ крыломъ у орла былъ мужчина.
Ростъ мужчины доходилъ
До двухъ пяденей,
До длины большаго пальца Калевича.
Что у мужчины въ пазухѣ?
Топоръ въ пазухѣ у мужчины.“

Дѣдъ спрашивалъ у мужчины,
Разузнавалъ отъ мальчика съ-пальчика:
„Хочешь ли ты, мой дорогой,
Пойти рубить дубъ,
Срѣзать широкіе сучья?“

Маленькій мужчина понялъ,
Мальчикъ съ-пальчикъ отвѣчалъ:
„Освободи меня изъ плѣна,
Сорви съ меня путы,
Тогда мы уладимъ сдѣлку.“

Освободили человѣка отъ узъ,
Сорвали съ него путы, —
Начали заключать сдѣлку.
Что ему предложили въ уплату,
Обѣщали въ вознагражденіе?
Золотую чашу дали въ уплату.

Отправился на дворъ человѣчекъ,
Подступилъ ближе къ дубу;
Сталъ тамъ рости,
Подыматься у дуба;
Выросъ онъ съ локоть, выросъ онъ съ два,
Вытянулся еще много сажень.
Выросшій изъ человѣка великанъ

Началъ срубать дубъ;
Рубилъ день, рубилъ два,
Рубилъ и часть третьяго дня.
Дубъ началъ шататься,
Качаться на пнѣ,
Конецъ макушки падать.
Стволъ дуба покрылъ островъ,
Верхушка опустилась въ волны.

Что же сдѣлали изъ этого дуба?
Изъ ствола сдѣлали крѣпкій мостъ,
Выгнули прекрасный паромъ,
Двумя концами чрезъ море:
Одинъ велъ съ острова на берегъ Вироніи,
Другой конецъ на берегъ Суоміи;
Это-то извѣстный Финскій мостъ.

Изъ верхушки сдѣлали красивые корабли,
Дорогіе купеческіе корабли;
Изъ средины — товарныя лодки,
Изъ промежутка — небольшіе городки,
Изъ сучьевъ получились корабли для рабовъ,
Изъ щепокъ — корабли для дѣтей.

Что останется — сберегите:
Будетъ баня для убогаго,
Изба печали для вдовъ,
Убѣжище для сиротъ,
Гдѣ они при паденіи дождя,
При бушующей бурѣ,
При снѣжной мятели найдутъ пріютъ.
Что останется — сберегите:
Будетъ прелестная изба пѣсни,
Свѣтлица веселья пѣвца,
Гдѣ складываются слова,
Слагаются звуки для пѣнія.

Кто проходилъ мимо,
Проѣзжалъ по Финскому мосту,
Останавливался гадалъ:
Не Лигола ли это — городъ,
Или это — Рагола берегъ,
Или это — изба Кунгла?
Услышалъ пѣвецъ, отвѣчалъ:
„О, безумцы и глупцы,
Несчастные тупоумцы!
Еслибъ это былъ городъ Лигола,
Онъ былъ бы сдѣланъ изъ мяса,
Еслибъ это былъ берегъ Рагола,
Онъ былъ бы скованъ изъ желѣза;
Еслибъ это была изба Кунгла,
Она была бы сдѣлана изъ золота.
Это — изба пѣвца,
Свѣтлица убогаго,
Пріютъ бѣдняка.

Дверью избы — луна,
Солнце блеститъ на потолкѣ,
Звѣзды играютъ въ избѣ,
Радуга защитой, какъ дуга.
Здѣсь создали эти пѣсни,
Породили словесные взмахи.
Сучили пряди языка.
Прялка была среди свѣтлицы убогаго,
Кужель пакли — въ избѣ Тары,
Нить пряжи — въ рукахъ Творца,
Другая — въ воротахъ солнца,
Третья — въ избѣ творчества зари.
Красивъ былъ пріемъ для берущаго,
Прелестна пряжа для прядущаго;
Солнце (порождало) сіяніемъ яркую нить,
Заря вязала красную нить,
Небо — синій шолкъ.“

ПРИМѢЧАНІЕ.

1) Jumalime = во имя Божье; Jumal — Богъ.
2) Sõlg — Эстонское нагрудное украшеніе, имѣющее форму воронки, изъ серебра.

Седьмая пѣснь.

Калевичъ спѣшитъ изъ Финляндіи въ Виронію — 179; пѣснь дѣвы, увядшей въ морскихъ волнахъ — 342; пѣснь тѣни духа матери Калевича — 450; Калевичи разсказываютъ о своихъ похожденіяхъ на поискахъ — 732; и рѣшаютъ бросить жребій о наслѣдованіи царства.

Солнце освѣщало верхушки деревъ,
Вися на плечахъ вечера;
Простирали утомленныя тѣни
Пелену безмолвія по муравѣ,
Саванъ покоя по лѣсамъ;
* Въ листвѣ березы сѣтованія,
Въ лонѣ осины печали,
Подъ золотымъ навѣсомъ ели
Гласила одинокая пѣвчая птица
Пѣснь окончанія дня;
Воспѣвала при вечерней прохладѣ,
Хвалу творцу проявляя,
Благодарность мудрѣйшему дѣдушкѣ.*
Сынъ Калева, богатырь,
Освободившись отъ узъ сна,
Началъ, протирая глаза,
Приподымая вѣки,
Распутывать мысли;
Хотѣлъ привести на умъ,
Припомнить прошедшее,
Что какъ минувшее сновидѣніе,
Тусклый образъ,
Мелькало въ его воображеніи.
Ступни шаговъ послѣдняго времени
Не оставили яснаго слѣда.
Въ осеннемъ сумракѣ тумана,
Въ дымномъ облакѣ засухи
Витали вчерашнія приключенія;
Въ Суоміи-ли или на островѣ
Праздновалъ онъ долгое веселье,
Не возникла ли ссора въ Тургѣ,
Не была ли распря въ предѣлахъ Турьи, —
Объ этомъ онъ ясно не зналъ.
Убіеніе сына кузнеца,
Пролитіе невинной крови
Не причиняло гнета печали,
Ни бремени раскаянія.
Дорогой сынъ Калева
Спѣшилъ опять въ путь-дорогу,
Быстролетное странствіе,
Пока не встрѣтился холмъ,
Который приходомъ миновалъ.
* Шагалъ день, шагалъ два
Чрезъ широкія поляны,
По рѣкамъ по горамъ,
Прошелъ затѣмъ чрезъ обширный боръ,
Шагалъ онъ часть и третьяго дня,
Длинными шагами къ берегу. *
На морскомъ берегу, у скалы,
На крѣпкой привязи цѣпей
Стояла ладья знахаря вѣтровъ,
Челнокъ дѣдушки Туслара.
Сынъ Калева взялъ
Остывшаго въ смерти чародѣя
Лодочку въ наслѣдство,
Взялъ корабль въ возмездіе
(За то), что не нашелъ матушки.
Дражайшій сынъ Калева,
Освободивши челнокъ
Съ привязи цѣпей,
Самъ въ лодку усѣлся,

Взялъ весла въ могучія руки,
Началъ быстро грести,
Мчась къ дому,
Заставилъ надуваться паруса,
Платье — висѣть на вѣтру.
Дуновеніе вѣтра подталкивало,
Волна весело подгоняла,
Прикатывая къ Вироніи.
Весло играло на поверхности водъ,
Работая по волѣ гребца,
Другая рука держала руль,
Чтобы челнъ не уклонился съ пути.
Сынъ Калева не устаетъ;
* Лопатка у молодца рябиновая,
Кончики плечъ яблонные,
Кисти рукъ кленовыя,
Локти изъ вяза,
Суставы пальцевъ изъ смородины,
Ногти пальцевъ изъ жимолости,
Желѣзная сила во всемъ тѣлѣ. *
Дуновеніе вѣтра подпихивало,
Волна весело подгоняла,
Прикатывая къ Вироніи.
Сынъ Калева распѣвалъ:
* „Отправился въ море играть,
Воспѣвать въ волны,
Въ рукахъ золотыя весла,
Рукоятки веселъ изъ серебра.
Что мнѣ попало на встрѣчу?
Стая утокъ летѣла на встрѣчу,
Изъ подъ волнъ — стая дикихъ гусей,
Надъ волнами — стая лебедей,
Изъ средины — прекрасная стая гусей.
Отправился играть я по морю,
Воспѣвать по волнамъ,
Въ рукахъ золотыя весла,
Изъ серебра рукоятки веселъ.
Что мнѣ встрѣтилось?
Навстрѣчу плыли три корабля:
Одинъ былъ корабль молодицъ,
Другой — корабль вѣщихъ женъ,
Третій — корабль юныхъ дѣвицъ,
Челнокъ прелестныхъ дѣвъ.
Тамъ было много дѣвицъ,
Чернобровыхъ сестрицъ,
По дюжинамъ дѣвушекъ;
Золотыя перчатки у нихъ на рукахъ,
На пальцахъ серебряные перстни,
Шелковыя рубахи надѣты,
Прозрачные узоры на рукавахъ,
Драгоцѣнные талеры вокругъ шеи,
Большія пряжки на груди,
На головѣ вѣнки солнечнаго цвѣта.
Горделивыя молодицы всѣ за одно
Стали меня любить,
Упорно всѣ льнули ко мнѣ.
Я молвилъ въ отвѣтъ:
Замолчите, курочки!
Оставьте плачъ, унылыя птицы!
Навѣрно настанетъ вечеръ счастія,
Возсіяетъ лучшее солнышко,
Тогда для васъ процвѣтетъ счастіе,
Подымутся для васъ половиночки,
Выростутъ для васъ супруги
(Тамъ), гдѣ вамъ указана судьба,
Гдѣ удѣленъ вамъ жребій.
Съ Калевича не будетъ вамъ супругъ,
Ни вашъ суженый съ этого парня.“ *
Дуновеніе вѣтра подталкивало
Волна весело подгоняла,
Прикатывая къ Вироніи;
На поверхности водъ играло весло,
Работая по волѣ гребца;
Другая рука держала руль,
Чтобы челнъ не уклонился съ пути.
Пронизывающіе морскіе вѣтерки
Понесли челнъ къ Вироніи,
Понесли къ югу лодочку.
Пронизывающіе морскіе вѣтерки
Выгнали изъ головы опьяненіе отъ литокъ,
Бушеваніе хмѣльной горечи;
Всетаки яснаго понятія
О послѣднемъ убійственномъ торжествѣ,
О распрѣ въ избѣ кузнеца
Не получилось для богатыря;
Что здѣсь удостовѣряло происшедшее,

(Это) отчетливыя кровавыя мѣтки,
Слѣды крови на мечѣ,
Пятна крови на одеждѣ.
Дуновеніе вѣтра подталкивало,
Волна весело подгоняла,
Прикатывая къ Вироніи.
Уже полуночный покровъ
Окуталъ поверхность моря,
*Уже Плеяды стояли бокомъ,
Поясъ Оріона — къ свѣту, *
Когда приподымающійся образъ
Выросъ на поверхности моря.
Калевичъ-богатырь
Узналъ берегъ славнаго острова,
Гдѣ онъ на пути случайно
Подружился съ дѣвицей острова,
Качалъ ее въ объятіяхъ любви.
Пѣсни дѣвы, ласки дѣвы,
Вопли и рыданія ея,
Паденіе въ бездну моря,
Ея гибель въ волнахъ
Пришли на умъ богатырю,
Помутили мысли,
Исполнили душу печали.
Дражайшій сынъ Калева
Хотѣлъ, плывя тихо,
Проѣхать мимо берега острова,
Побоялся опечалить отца,
Испугать нѣжную матушку,
Которые еще сѣтовали по цвѣткѣ,
Оплакивали юную дѣву.
Внимай, внимай, что раздается,
Что тамъ поетъ на склонѣ волнъ?
Не голосъ ли это дѣвицы,
Пѣснь юной дѣвы,
Кудахтанье домашней курицы,
Что подымается изъ волнъ,
Восходитъ изъ безмолвной водной постели?
Сынъ Калева пріостановилъ греблю,
Положилъ весла на краю
Въ лодкѣ на отдыхъ,
Началъ подслушивать пѣснь.
*Тѣнь дѣвы изъ бездны водъ,
Изъ волнъ неумолкно гласила,
Свистала какъ птица водная,
Какъ уточка произносила:
„Дѣвица пошла на море качаться,
Воспѣвать на волны,
Дитя пошло разсѣевать тоску,
Забывать преступленіе,
Потушить горести.
Братъ ѣдетъ при покатѣ водъ,
Ѣдетъ по широкимъ волнамъ.
Сестра дремлетъ въ потаенномъ ложѣ,
Въ глубинѣ сокровенной свѣтлицы.
Что блеститъ въ волнахъ,
Что сверкаетъ на поверхности водъ?
Мечъ блеститъ въ волнахъ,
Кровь сверкаетъ на поверхности водъ,
Заставляетъ пламенѣть волны,
Щеки дѣвицы краснѣть.
О, ты кровожадный братъ,
Заблудшійся въ любви мальчикъ!
Къ чему ты кроткую кровь
Въ гнѣвѣ сталъ проливать?
Къ чему ты домашнюю курочку,
Голубушку собственнаго дѣда
Сталъ на муравѣ сжимать?
Пошла я на море качаться,
Воспѣвать въ волны,
Дитя пошло разсѣевать печаль,
Забыть преступленіе,
Заглушить скорби.
Что тамъ сверкало въ волнахъ?
Кровь сверкала въ волнахъ.
Братъ плылъ по поверхности водъ,
Разбойничій мечъ блестѣлъ на бедрѣ,
Кровь блестѣла на мечѣ;
Заставила волны пламенѣть,
Краснѣть щеки дѣвицы,
Расцвѣтать увядшій цвѣтокъ.
Сестра дремлетъ въ тайномъ ложѣ,
Подъ прохладнымъ покровомъ водъ,
Качаясь въ колыбели волнъ.
О, ты братъ кровожадный,
Заблудшійся въ любви мальчикъ!
Къ чему ты кроткую кровь
Во гнѣвѣ сталъ проливать?

Къ чему ты домашнюю курочку,
Голубушку собственнаго дѣда
Сталъ на муравѣ сжимать,
Нарушать покой юной,
Заставилъ сестру
Уснуть на смертномъ одрѣ?
Двойной кровавый долгъ
Нарушитъ покой брата.
„Братъ все плыветъ по поверхности водъ,
Сестра спитъ въ тайномъ ложѣ, —
Подъ прохладнымъ покровомъ водъ,
Качаясь въ колыбели волнъ.
У брата тяжелая борьба,
Тяжелый отвѣтъ за долгъ
Успокоенія кроткой крови,
Заглаженія преступленія,
Примиренія преступныхъ дѣлъ:
Что онъ то нечаянно,
То невольно
Наложилъ на себя бременемъ долга.
О, ты несчасный братецъ,
Длиненъ вѣкъ твоего долга!
Пошла я юной дѣвицей
Играть на берегъ морской,
Воспѣвать на волны,
Дурное настроеніе разсѣевать.
Тамъ я курицей погибла,
Тамъ я птицей умерла,
Тамъ юная поблекла,
Тамъ я цвѣтокъ увяла.
„ Не плачь, матушка!
Не горюй, батюшка!
Въ морѣ имѣю я домъ,
Подъ волнами тайную избу,
Свѣтелку въ рыбьей икрѣ,
Гнѣздышко въ туманѣ морскомъ,
На прохладѣ ложе мое,
На волнахъ колыбель прелестная.
Калевичи качаютъ меня,
Сулевичи убаюкиваютъ меня.
„О, ты несчасный братецъ,
Длиненъ вѣкъ твоего долга!
О, ты несчастный на покатѣ водъ!
Когда и тебя уложатъ,
Усыпятъ въ лонѣ покоя
Отдохнуть отъ долгихъ мукъ?“ —*
Плачевныя пѣсни увядшей дѣвы
Жалобы дорогой тѣни, ,
Вѣщія слова изъ ложа волнъ,
Рѣчи со дна морскаго
Опечалили Калевича,
Терзали юношу.
Думы сѣтующаго духа
Вызвали томленіе,
Породили сожалѣнія.
Полетъ истекшаго времени,
Смерть сына финскаго кузнеца,
Что, какъ образъ сновидѣнія,
Разъ на зарѣ показавшись,
Внезапно исчезло:
Калевичъ не могъ пріостановить,
(Не могъ) бывшее сдѣлать не бывшимъ.
Онъ взялъ въ руки весла грести,
Началъ снова
Плыть къ дому.
Дуновеніе вѣтра подталкивало,
Волна весело подгоняла,
Прикатывая къ Вироніи
Весло играло по поверхности водъ,
Работая по волѣ гребца;
Другая рука держала руль,
Чтобы челнъ не уклонился съ пути.
Сынъ Калева распѣвалъ:
*„Гдѣ ольховникъ сѣтованія,
Осиновыя рощи скорби,
(Гдѣ) еловыя рощи печали,
Березовыя рощи раскаянія [1])?
Гдѣ я сѣтую, выростетъ ольховникъ,
Гдѣ я скорблю,-тамъ осинникъ,
Гдѣ я печаленъ, выростетъ ельникъ,
Кающагося укрываетъ березнякъ.
„О, моя нѣжная матушка,
Которая выростила меня любовью,
Качала меня на рукахъ,
Убаюкивала при устакъ:
(Ты) должна умереть одинокой,
Увянуть невидѣнной!
Кто закрылъ тебѣ глаза,

Кто спустилъ тебѣ вѣки?
Фіалка закрыла тебѣ глаза,
Полевица зажала у тебя вѣки,
О, моя нѣжная матушка!
У фіалки тайные шипы,
У полевицы шероховатые волосы.
О, моя нѣжная матушка!
Какъ ты ростила меня,
Ростила, лелѣяла,
Научила прыгать,
Ставила на полъ, забавляла,
Убаюкивала при устахъ,
Качала двумя руками,
Думала,(что я) буду опорой,
Полагала, (что) сдѣлаюсь помощью,
Надѣялась при концѣ жизни
Получить спускающаго вѣки,
Закрывающаго глаза.“ *
Дуновеніе вѣтра подталкивало,
Волна весело подгоняла,
Прикатывая къ Вироніи.

Уже восходила заря,
Близко къ восходу былъ солнечный шаръ,
Когда онъ вдругъ челнъ
Повернулъ къ родному берегу.
Дражайшій сынъ Калева
Къ берегу лодку направилъ,
Привязалъ на цѣпной привязи
Челнокъ при царомѣ;
Вскочилъ самъ на берегъ,
Тотчасъ къ дому хотѣлъ
Направить шаги,
(Чтобы) братьевъ посмотрѣть,
Не въ предѣлахъ ли Вироніи
Братья нашли слѣды матери?
Сынъ Калева богатырь,
Достигъ хребта горы Иру,
Гдѣ мудрость Таровичей
Обратила матушку въ скалу.
Умолкни. умолкни, храбрый мужъ!
Остановись, сынокъ!
Слышишь ли ты странное
* Что раздается издали?
Что гласитъ подъ покровомъ вечера,
Что тамъ посвистываетъ въ вѣтрѣ?
Какъ бы обыкновеная пѣснь,
Какъ голосъ человѣка
Раздается въ шумѣ вѣтра. *
Сынъ Калева, богатырь,
Направляетъ уши къ звукамъ,
(Туда) гдѣ раздавались эти голоса.
*Невидимая русалка — пѣвица,
Юная дочь матери вѣтровъ, [2])
Стройно пѣснь распѣвала,
Направляя въ уши слушателя:
„Изъ дома улетѣлъ кривоклювый,
Изъ гнѣзда — лучшій сынъ орла,
Улетѣлъ, сѣтуя, лебедемъ,
Подъ ярмомъ скорбей пѣтушокъ;
Улетѣлъ дорогой сынъ орла
Странствовать по мирному пути,
Поискать слѣдовъ матушки;
Крѣпкія крылья у птицы,
Когти у орла острые.
Прелестнымъ улетѣлъ онъ изъ дому,
Красивымъ со двора отца,
Какъ капелька скатывается изъ облака,
Падаетъ на равнину снѣгъ,
Какъ горохъ сбрасываетъ цвѣтки,
Какъ бобъ теряетъ свои лепестки,
Стелетъ листья костяника,
Разсыпаетъ гроздья рябина,
За поле вѣтки — черемха:
Такъ птица улетѣла изъ дому,
Тетеревъ на другія воды,
Гусь на иные источники.

По мудрой волѣ Тары
Печальные дни вдовы,
Продолжительные дни мученій
Счастливо достигли вечера.

Сынъ орла кривоклювый,
Каковъ твой путь къ дому?
Прелестнымъ улетѣлъ ты изъ дому,
Красивымъ со двора отца.
Желѣзные когти сына орла
Пролили кроткую кровь,
Нарушили покой дѣвицы.
Двойной кровавый долгъ

Мучитъ сына орла,
Гнететъ сердце кривоклюваго.
Мать даетъ грудь въ ротъ,
Но не даетъ ума въ голову.
Остерегайся, орелъ кривоклювый,
Береги себя отъ меча:
Кровь жаждетъ кровавой мести.
Болѣе матушка — скала
Подробнѣе не можетъ вѣщать.“

Такъ пѣла на крыльяхъ вѣтра
Тѣнь духа матушки.
Дражайшій сынъ Калева
Понялъ изъ вѣщаго пѣнія,
Какъ дорогая матушка
Поблекла на ложѣ смерти;
Понялъ онъ изъ вѣщаго пѣнія,
Какъ онъ при поѣздкѣ въ Суомію.
Сдѣлалъ сугубое зло:
Погрѣшилъ однажды случайно,
Другой разъ — по незнанію.
Сынъ Калева, богатырь,
Устремился къ дому,
Дошелъ до отцовскаго двора,
Достигъ онъ воротъ игрища;
Собаки залаяли на дворѣ,
Братья пришли къ воротамъ,
Пришли посмотрѣть пришлеца. *
Когда они увидѣли младшаго,
Котораго считали пропавшимъ,
Пришли братья, дивясь,
Признать пришельца,
У кого изящный мечъ на бедрѣ,
У сапогъ золотыя шпоры.

Кто могъ бы вопросы,
Все заразъ передать,
О чемъ здѣсь братья втроемъ
Бесѣдовали между собою?

На другой вечеръ усѣлись
Сильные мужи втроемъ,
Передавали извѣстія,
Какъ при поискахъ за матушкой
У каждаго шли дѣла.

Старшій братъ, повѣствуя,
Заставилъ пѣснь раздаваться:
* „Отправился (я) искать бабушку,
Ловить пропавшую курицу,
Отправился, прошелъ часть пути,
Часть пути, много земли,
Ходилъ отчасти по пустой землѣ,
Семь верстъ этой земли,
Десять верстъ Куронской земли,
Полверсты Польской земли,
Пять верстъ Русской границы,
Сто верстъ Нѣмецкой земли,
Тысячу шаговъ Турьяской земли.
Что мнѣ тамъ повстрѣчалось?
Встрѣтилась мнѣ оловяная дѣвица,
Сдѣланная изъ олова дѣвушка,
Изъ олова ротъ и глаза,
Изъ олова шея, и тѣло,
Изъ олова рукава на рукахъ.

Я вопрошалъ оловяную:
Не видѣла ли ты слѣдовъ матушки,
Тропинки птенца тетерки?
Олово не понимало вопросовъ,
Ни съумѣло дать отвѣта;
Безчувственное, какъ камень, олово
Не могло разинуть и рта.

Я быстро помчался,
Заставилъ ноги нестись,
Часть пути и много земли,
Ходилъ часть пустой земли,
Семь верстъ этой земли,
Восемь скалистыхъ горъ.
Что мнѣ тамъ встрѣтилось?
Встрѣтилась мѣдная дѣвица,
Вылитая изъ мѣди дѣвушка.
Съ мѣднымъ ртомъ и глазами,
Съ мѣдною шеей туловищемъ,
Мѣдная съ головы до пальцевъ,
Мѣдная одежда на дѣвицѣ,
Мѣдные рукава у одежды.
Я (началъ) разспрашивать у мѣдной:
„Не видѣла ли стези,
Куда исчезла домашняя курица,
(Куда) пропала дочь тетерки?“
Мѣдь не поняла вопроса,

Ни съумѣла дать отвѣта;
Мѣдь безчувственная, какъ камень,
Не смогла и рта открыть.
Я быстро помчался,
Заставивъ ноги нестись,
(Прошелъ) часть пути и много земли;
Ходилъ часть пустой земли,
Восемь скалистыхъ горъ,
Сто верстъ мшистаго болота.
Что мнѣ тамъ повстрѣчалось?
Встрѣтилась серебряная дѣвица,
Изъ серебра вылитая дѣвушка,
Съ серебрянымъ ртомъ и глазами,
Съ серебрянымъ тѣломъ,
Съ головы до пальцевъ,
Серебряный кафтанъ, серебряные рукава,
Серебряные узоры на рукавахъ.
Я спрашивалъ у серебряной:
Не видѣла ли пути,
Куда исчезла домашняя курица,
Пропала дочь тетерки?
Серебро не поняло вопроса,
Ни съумѣло дать отвѣта.
Серебро, какъ камень, холодное
Не смогло и разинуть рта,
Ни издавать звукъ — сереброязычная.
Я быстро помчался,
Заставилъ ноги нестись,
(Прошелъ) часть пути и много земли,
Ходилъ часть пустой земли,
Семь верстъ этой земли,
Восемь скалистыхъ горъ,
Сто верстъ мшистаго болота.
Что мнѣ тамъ встрѣтилось?
Встрѣтилась золотая дѣвица,
Золотая дочь царя.
Изъ золота ротъ, изъ золота брови,
Изъ золота шея, изъ золота тѣло,
Золотая съ головы до пальцевъ,
Золотые рукава на рукахъ,
Золотые узоры на рукавахъ,
Изъ золота кафтанъ, изъ золота шляпа,
Золотая корона на шляпѣ.
Я (сталъ) золото разспрашивать:
„Не видѣло ли ты тропинки,
Куда исчезла домашняя курица,
Пропала дочь тетерки?“
Золото понявши тотчасъ отвѣчало,
Златоклювая куковала:
„Иди по тропинкамъ на суглинкѣ,
Помчись въ вереснякъ,
Тамъ найдешь тѣлесную дѣвицу,
Которая говоритъ сладкими устами.“
Я быстро помчался,
Заставивъ шаги полетѣть,
Пальцы ножные катиться,
Прошелъ я часть пустой земли,
Семь верстъ зыбкаго болота,
Восемь-сухаго выгона,
Десять верстъ пахатной земли;
Тамъ достигъ я тропинокъ на суглинкѣ,
Средины вересняка.
Что мнѣ тамъ встрѣтилось?
Встрѣтилась прелестная дѣвица,
Дѣвушка родившаяся изъ нѣдра матери,
Полныя румяныя щеки,
Глаза съ блескомъ жизни.
Я допывался у дѣвицы,
Спрашивалъ у высокогрудой;
„Не видала ли ты тропинки,
Куда исчезла домашняя курица,
Пропала дочь тетерки?“
Прелестная дѣвица тотчасъ поняла,
Дѣвушка ласково произнесла:
„Не видѣла я, нѣжный братъ,
Слѣдовъ курицы въ вереснякѣ,
Тропинки тетерки въ другомъ мѣстѣ;
Можетъ быть ястребъ похитилъ курицу,
Орелъ утащилъ тетерку.
Приди, братъ, на нашъ дворъ,
Сватать домашнихъ курицъ;
У насъ толпа бѣлоголовыхъ,
Большой выборъ чернобровыхъ,
Стадо кудрявоголовыхъ,
Семь прелестныхъ пряжкогрудыхъ,

Десять носительницъ вѣнковъ,
Двадцать прелестныхъ съ ожерельями на шеѣ,
Сто въ шелковыхъ платьяхъ.

Понявши я отвѣчалъ:
Юная дочь, не могу я придти!
Я не сватъ,
Не искатель дѣвицъ:
Ищу я слѣдовъ пропавшей матушки,
Ушедшей въ лѣсъ маменьки.“

Другой братъ, разсказывая,
Заставилъ пѣсню раздаваться:
„Отправился я искать бабушку,
Ловить пропавшую курицу,
Отправился, прошелъ часть пути,
Часть пути, много земли,
Проходилъ часть полянъ,
Шагалъ по большому болоту,
Ходилъ по берегу рѣчному,
Нѣсколько верстъ по лѣсамъ.
Что мнѣ тамъ встрѣтилось?
Тамъ встрѣтилась маленькая баня.
Я вошелъ въ сѣни бани.
„Здравствуй, баба, здравствуй, дѣдъ!
Выйдите, укажите дорогу.“
Баба не отвѣчала, дѣдъ не отвѣчалъ,
Черный котъ мяукалъ въ углу.

Я быстро помчался,
Заставилъ ноги нестись,
Отправился, прошелъ часть пути,
Часть пути, много земли,
Топталъ часть полянъ,
Прошелъ часть болота,
Ходилъ по берегу рѣчному,
Нѣсколько верстъ по лѣсамъ.
Что мнѣ тамъ встрѣтилось?
Попался мнѣ на встрѣчу волкъ;
Я у волка спрашивать:
Не видалъ ли, братецъ,
Въ лѣсу слѣдовъ нашей бабушки?
Волкъ не умѣлъ отвѣчать,
Сѣрый говорить,
Только искоса поглядывалъ,
Оскаливъ, показывалъ зубы.

Я быстро помчался,
Заставилъ ноги нестись,
Отправился, прошелъ часть пути,
Часть пути, много земли,
Топталъ часть полянъ,
Шагалъ другую по болотамъ,
Ходилъ по берегу рѣчному,
Нѣсколько верстъ по лѣсамъ.
Что тамъ мнѣ встрѣтилось:
Пришелъ на встрѣчу старый медвѣдь;
Я спрашивать у медвѣдя:
Не видалъ ли, братецъ,
Въ лѣсу слѣдовъ нашей бабушки?
Медвѣдь не понялъ вопроса
И не умѣлъ дать отвѣта;
Что косолапый бормоталъ,
Изъ того я ни слова не понялъ.

Я быстро помчался,
Заставилъ ноги нестись,
Отправился, ходилъ часть пути,
Часть пути, много земли,
Топталъ часть полянъ,
Шагалъ другую по топкимъ болотамъ,
Ходилъ по берегу рѣчному,
Нѣсколько верстъ по лѣсамъ.
Что мнѣ тамъ встрѣтилось?
Встрѣтилась высокая ель,
Золотая кукушка на макушкѣ ели;
Я спрашивать у кукушки:
Не видала ли, золотоклювая,
Въ лѣсу пути нашей матушки? “
Кукушка, понявши, тотчасъ отвѣтила,
Золотоклювая возвысила голосъ:
Пройди сквозь обширный боръ,
Тамъ будетъ прекрасная равнина,
За равниной прелестный березнякъ,
Посреди березняка изящный дворъ,
Тамъ и найдешь дѣвицъ,
Которыя съумѣютъ тебѣ дать отвѣтъ.

Я быстро помчался,
Заставилъ ноги летѣть,
Отправился, прошелъ чрезъ боръ,
Шагалъ чрезъ равнину,
Прошелъ черезъ березнякъ.

Что мнѣ тамъ встрѣтилось?
Тамъ встрѣтился изящный дворъ,
Во дворѣ четыре юныхъ дѣвицы,
Четыре прелестныхъ съ бусами на шеѣ.
Одна изъ нихъ шила шелковую рубаху,
Другая вышивала узоры на рукавахъ,
Третья ткала золотой поясъ,
Четвертая сколачивала ткань.
Какъ бы провѣянною вѣтромъ
Казалось изба для подходящаго,
Стѣны стояли подъ шелковымъ покровомъ,
Полъ начисто выметенъ.

Я ласково привѣтствовалъ:
Здравствуйте, дѣвицы куницеокія!
Не знаете ли тропинки,
По которой исчезла домашняя курица,
Пропала дочь тетерки?
Которая шила шелковую рубаху,
Не молвила ни слова,
Которая вышивала узоры на рукавахъ,
Не раскрыла рта,
Которая же ткала золотой поясъ,
Ласково приняла привѣтъ,
Которая сколачивала ткань,
Та была побогаче словомъ,
Она—то ласково произнесла:
„Хоть я золотая и ходила за стадомъ,
Ходила вчера по ягоды,
Завчера въ заднемъ лѣсу,
Раньше на лугу снимать покосъ,
Не видѣла я слѣдовъ курицы,
Ни пути дочери тетерки;
Навѣрно онѣ вспорхнули,
Навѣрно онѣ унеслись на крыльяхъ.
Пусть пройдетъ лѣто,
Тогда осень настанетъ;
Возьми въ руки винные мѣха,
Вложи въ мѣшокъ вѣно,
Иди курицу сватать,
Ловить другую тетерку!“
Понявши я отвѣчалъ:
„Я не ищу молодой жены
И не желаю другой тетерки,
Я ищу слѣдовъ пропавшей матери,
Тропинокъ материнской ласки.“ *

Третій братъ повѣствовалъ,
Какъ всѣ его поиски
Также разнеслись по вѣтру.
Онъ разсказалъ о поѣздкѣ на островъ,
Случившееся въ предѣлахъ Суоміи,
Какъ Тусларъ, знахарь вѣтровъ,
Поблекъ на смертномъ одрѣ,
Говорилъ о торгахъ дорогаго меча,
О торжествѣ долгихъ литокъ;
Но о послѣдней кровавой распрѣ,
Умерщвленіи сына кузнеца,
О пѣсни въ волнахъ дѣвы острова,
О пѣсни матушки въ вѣяніи вѣтра
Онъ не говорилъ братьямъ.

Старшій братъ заставилъ слова,
Пѣснь такъ раздаваться:
„Нашъ батюшка спитъ въ могильномъ холмѣ
Подъ навѣсомъ крупнаго песку,
Скала — покровъ надъ кроватью;
Гдѣ нога матушки заблудилась,
Что ей задержало пяту,
Это лишь можетъ знать
Божественная мудрость Тары.
Не сѣтованія ли вдовьяго вѣка,
Томленіе въ скорбяхъ
Довершили конецъ матушки?
Или не сила ли бѣдствія,
Козни свата
Кроткую вдову воровскими когтями
Понесли на чужое поле?
Или: не покаты ли водъ
Погрузили въ бездну морскую?
Это намъ всѣмъ неизвѣстно.
Осѣняющаго крыла родителей,
Согрѣванія въ объятіяхъ любви
Намъ троимъ болѣе не ждать.
Крѣпостію собственныхъ крыльевъ
Должны мы птицы летать.
Теперь-то слѣдуетъ заповѣдь дѣдушки
Между собою исполнить:

TARTU ÜLIKOOLI RAAMATUKOGU

Бросимъ-те, братья, жребій,
Кто изъ насъ будетъ царемъ?
Такъ дѣдушка предъ смертью
Завѣщалъ матушкѣ.“

Другой братъ заставилъ слова,
Пѣснь такъ полетѣть:
„Ты правъ, братецъ!
Какъ мудрость покойнаго дѣдушки
Сдѣлала волю закономъ:
Такъ долгъ родныхъ дѣтей
Выполнить завѣщаніе.
Младшій братъ, возрастомъ мужъ,
Птенецъ имѣющій крылья,
Въ силахъ, выпорхнувъ изъ гнѣзда,
Перелетѣть уже море.
Пусть же жребій уладитъ,
Завершитъ спорное дѣло!“

Младшій братъ сложилъ слова
Въ стройную пѣснь:
„Батюшка мой умеръ до рожденія,
Прежде чѣмъ я появился на свѣтъ;
Матушка сбилась съ пути,
Унесли бѣдную, пожалуй, борьбою!
* Мать вынесли изъ дверей,
Любовь вышла изъ окна;
Мать несли по дорогѣ, —
Любовь шла по саду,
Теплыя слова-по болоту;
Куда повалили курицу,
(Гдѣ) сдѣлали могилу тетеркѣ,
Тамъ подъ краемъ любовь
Отъ зимней стужи остыла;
Мать опустили въ могилу, —
Остыло нѣдро любви. —

Мы трое, братья,
Сироты безъ родителей,
Должны стараться заповѣдь дѣдушки
Безпрекословно исполнить.
Пойдемъ завтра жребій бросать,
Испытать по силѣ,
Попробовать счастья,
Кто изъ насъ по волѣ Тары
Приметъ бразды правленія!
Свои думы у каждаго,
Свои тайныя желанія
Таятся въ сердцѣ:
Надежда на счастіе въ жеребіи,
Боязнь потери счастья.“

Вечеромъ на зарѣ,
Въ теченіе сумерекъ,
Младшій братъ одиноко побрелъ,
Ступая печальными шагами,
На могилу покойнаго отца;
Платокъ плача у юноши въ рукахъ,
Платокъ слезъ-въ пясткѣ.
На могилу отца онъ ступаетъ,
Садится на могильномъ холмѣ.
*Изъ могилы отецъ вопрошаетъ:
„Кто это двигается на пескѣ,
Кто это ступаетъ по могилѣ,
Топчетъ шагами грантъ,
Колебля могильный камень?“

Сынъ понявши отвѣчалъ:
„Сынъ движется на пескѣ,
Сынъ по могилѣ ступаетъ,
Младшій сынъ, дѣдушка,
Котораго твой глазъ не видалъ,
Топчетъ шагами грантъ,
Колебля могильный камень.
Встань батюшка!
Встань, окажи милость,
Погладь голову сына,
Встань, укрѣпи силу,
Отвѣть слова три!“

Батюшка понялъ, отвѣчалъ:
„Не могу я встать, юный сынъ,
Ни встать не могу, ни проснуться,
Раздѣленъ я по шейную кость,
По тлѣнныя колѣнныя кости,
Мурава выросла на черноземѣ,
Короткая трава на могилѣ,
На скалѣ выросъ мохъ,
Васильки на глазахъ,
Таволги — [3]) на ногахъ.
Подымется вѣтеръ принесетъ милость —
Взойдетъ солнце, — погладитъ голову.“

Сынъ печально отвѣчалъ:
„На часы — милости вѣтра,

На дни — милости солнца,
На вѣкъ жизни — милости Тары,
На вѣки — милости отца.“
Батюшка отвѣчалъ изъ подъ земли,
Языкомъ любви изъ могилы:
„Не скорби, сынокъ,
Не плачь, молоденькій!
Тѣнь покойнаго отца бодрствуетъ
Изъ могилы надъ путемъ кроткаго дитяти.
По указанію боговъ
Текутъ родники жизни,
Несутся волны счастія. *
Нечаянное злодѣяніе
Старайся опять загладить! “

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Ст. 310-317. По представленію Эстовъ различныя душевныя состоянія человѣка могутъ быть разсѣяны въ соотвѣтствующихъ породахъ лѣсовъ.

2) Въ завываніи вѣтра древній Эстъ видѣлъ таинственные голоса, которые онъ называлъ то русалкою пѣнія, то дочерью матери вѣтровъ, то матерью вѣтровъ. Въ данномъ мѣстѣ въ дуновеніи вѣтра повидимому пѣла тѣнь духа матери.

3) Angerwaksad — Spirae ulmariae.

Восьмая Пѣснь.

Сыновья Калева бросаютъ жребій, побѣда младшаго брата — 523; выселеніе другихъ братьевъ — 626; младшій братъ пашетъ поле — 785; гибель его коня.

Свѣча неба, звѣзда зари —
Яснѣйшій глазъ сумерекъ!
Гляди изъ за вѣкъ облака,
Изъ-подъ высокой брови неба
На тропинки пѣвца,
На шествіе гусляра.

Твой глазъ взиралъ безмолвно
На перемѣны древнихъ временъ,
Взиралъ на дубовую рощу Тары,
На прекрасныя деревья рощи,
Въ нарядѣ зеленѣющей листвы,
Взиралъ на теченіе волнъ Матери (рѣки)
При свѣтящемъ ликѣ солнца,
Взиралъ на волненіе Матери рѣки,
(На) шумное теченіе водъ,
Разстающихся съ грудью зимы.
Навѣрно ты, дорогая дочь звѣзды,
Тоненькая дѣва небесная,
Видѣла братьевъ на пути,
Когда шли бросать жребій!
Навѣрно ты видѣла пахаря —
Царственнаго Калевича:

Когда онъ пахалъ крѣпкой рукой
* Бугристое поле Вироніи,
Холмистое поле Гервіи;
Когда онъ вспахивалъ большіе острова,
Большіе острова, высокіе холмы,
Перепахивалъ широкія равнины,
Въ болотѣ — тростникъ,
Горы — между бороздами,
Отлогіе холмы на полѣ,
Овраги среди возвышенностей. *

Навѣрно ты, дорогая дѣва звѣзды,
Видѣла паханіе богатыря.

*Если мнѣ недостанетъ
Пѣвческихъ нитей,
Сученныхъ золотыхъ рѣчей,
Прядей золотой прялки,
Навѣрно звѣзда укажетъ путь,
Мудрое небо тропинки.
Если мнѣ еще не достанетъ словъ:
То дома остались полные мѣшки,
На печкѣ полныя перчатки,
На ригѣ полныя горсти,
Въ сундукѣ полныя пятки башмаковъ.
Если у меня еще не достанетъ:
Навѣрно соберу въ вереснякѣ,
Сорву въ предѣлахъ нови,
Сгребу добавку изъ чащи,
Изъ поблекшихъ остатковъ сѣна,
Соберу изъ полевицы,
Изъ стеблей отавы,
Смету изъ мякинника,
Изъ сора въ соломнякѣ.
Когда я (начну) изображать быль,
Начну громко распѣвать,
Повѣствовать о Калевичѣ:
Волость останется смотрѣть,
Деревня—слушать золотую (пѣснь),
Нѣмцы станутъ бокомъ.
Множество мызъ въ раздумьи
Слушать мои рѣчи,
Витійство моей пѣсни.

Настанетъ затѣмъ мудрѣйшее время,
Лучшее торжество нашего вѣка:
Тогда воспою я древнія пѣсни,
Раскрою я были пѣвца,
Гряну древніе напѣвы,

Что я добылъ изъ Гарріи,
Что перенесъ изъ Вироніи,
Что заимствовалъ изъ Війка,
Пріобрѣлъ въ рощѣ Тары.
Тамъ я вызову огонь въ метель,
Пламя въ сугробъ снѣга,
Заставлю пылать облака,
Пламенѣть снѣжинки!
Таковъ древній Вироніи мотивъ,
(Таковъ) даръ Гервенскаго пѣвца.

Когда я громко запою былъ,
Буду повѣствовать о Калевичѣ,
Разсказывать объ Олевичѣ:
Сколько лошадей могутъ свезти,
Сколько карихъ приподнять,
Пѣгая ли пошевельнуть?
Лошадь Калева свезла бы,
Сѣдой рысакъ Алева
Одинъ увезъ бы множество моихъ пѣсенъ,
Золотые ряды повѣствованій. *

На другой день на зарѣ,
При сумракѣ слабаго свѣта,
Сыновья Калева поспѣшили
Втроемъ погулять,
Побродить веселою поступью:
Не усмотритъ ли ихъ глазъ,
По внушенію тайныхъ пожелателей,
Гдѣ либо нечаянно
Удобнѣйшее мѣсто для жребія,
Пунктъ для испытанія счастья.
Юные сыновья Калева
Скорыми шагами
Шли весело къ югу;
Порой подъ тѣнью лѣса
Отдыхали отъ утомленія членовъ,
Принимали пищу для подкрѣпленія,
Влагу языка для бодрости.

*Когда наступилъ чудный вечеръ,
Близился прелестный свѣтъ зари,
Они нашли дворъ на дорогѣ,
Усадьбу промежду липъ.
Сильные мужи втроемъ
Подступили ко двору.
Въ воротахъ встрѣчалъ ихъ отецъ,
Въ сѣняхъ — бабушка.
Отецъ зоветъ въ воротахъ,
Нѣжная бабушка возвышаетъ голосъ:
„Вступите, молодцы, во дворъ,
Входите, женихи, въ домъ,
Сваты въ свѣтлицу.
Вы знатные сваты,
Дорогіе сыновья Калева;
У насъ знатныя невѣсты,
Дочери мудраго дѣдушки,
Съ Даго пришедшія дѣвицы.
У васъ въ торбахъ золото,
Серебряныя ожерелья въ пазухахъ,
Пфенниги въ мошнахъ,
Старые талеры въ карманахъ;
У насъ сундуки (полны) до верха,
Корзины приданаго готовы.“
Старшій братъ отвѣчалъ:
„Мы не сваты,
Не идемъ женихами,
Мы — странники безъ пути,
Мы — искатели счастія;
Изба еще не устроена,
Углы свѣтлицы не вымѣрены,
Доски для кровати не выпилены,
Куда вести курицу.“

Отецъ понялъ отвѣчалъ:
„Не прогнѣвайтесь,
Не ставьте въ обиду,
Женихи вы — лжецы!
Къ чему жъ надѣты шелковыя рубахи,
Другія одежды златоузорчатыя?
Какъ вы знали сюда путь,
Съумѣли придти въ огородъ?
На кочкѣ не было знака,
Ни указанія въ частоколѣ,
Что здѣсь ростутъ курицы,
Тетерки съ земли подымаются,
Утки сидятъ въ гнѣздѣ!
Взлелѣянныя въ хоромахъ дѣти
Выросли въ тайныхъ свѣтлицахъ,
Ткали золотую ткань,
Вязали шелкъ;
Золотыя перчатки на рукахъ,

Серебряные перстни на пальцахъ,
Большія пряжки на грудяхъ,
Дорогіе талеры вокругъ шеи.
Вы гоняетесь за золотомъ,
Ѣздите за пряжками.“

Другой братъ отвѣчалъ:
„Послушай, дѣдушка мудрый,
Послушай, нѣжная бабушка!
Пустите невѣстъ на поляну,
На вечернія веселья дѣвицъ,
Позвольте имъ играть на муравѣ,
Ликовать на качели.
Пусть останется у васъ приданое,
Золото неистраченнымъ.“

Тогда вывели дочерей изъ избы,
Вывели дорогихъ изъ свѣтлицы:
Пояса вышиты золотомъ,
Вѣнки сверкали въ блесткахъ,
Шелковыя кисти сотнями
Висѣли вдоль плечъ,
Серебряныя ожерелья, золотыя цѣпочки
Качались кругомъ шеи,
Большія пряжки на грудяхъ:
Когда онѣ танцовали впередъ,
Развѣвались шелковыя ленты,
Сверкали концы до пальцевъ (ножныхъ);
Когда онѣ танцовали назадъ, —
Подпрыгивали до пятокъ.
Бабушка гласила чрезъ дверь:
„Эти дочери работали,
Долго ткань готовили,
Сколачивали полотна;
Эти ткали тикъ,
Сбивали полосатый;
Шелковые чулки вязали,
Сучили свѣтлую пряжу.
Выдѣлывали дорогія ткани,
Не засыпали во время дыма,
Ни дремали во время работы;
Изъ нихъ будутъ супруги Калевичей,
Домашнія курицы сильныхъ мужей.“

Младшій братъ тотчасъ понялъ,
Хитро отвѣчалъ:
„Послушай, нѣжная бабушка,
Послушай, мудрый дѣдушка!
Домашнія курицы Калевичей
Еще вѣдь не выросли.
Съ насъ троихъ сватовъ
Не будетъ въ вашъ дворъ.
Мы идемъ искать счастія,
Идемъ домогаться гнѣзда.
Дѣвицы юныя,
Не печальтесь золотыя!
Слеза отниметъ румянецъ щекъ,
Луна отниметъ узоры кафтана,
Лучи солнца — узоры вѣнка,
Разсвѣтъ зари — рядъ ожерельевъ,
Звѣзда лишитъ блеска талеры,
Прежде чѣмъ удѣлится суженый.
По пути счастія странствуемъ мы,
Идемъ мы при свѣтѣ тихой ночи,
Ходимъ при свѣтѣ золотой луны,
Путешествуемъ при красѣ звѣздъ,
Подъ свѣтомъ пряжки сестры,
Подъ свѣтомъ Старой Телѣги.“ *

Юные сыновья Калева
Ходили скорымъ шагомъ,
(Шли) весело къ югу;
Ходили день, ходили два,
Проходили и часть третьяго дня,
Пока имъ нечаянно
Не встрѣтилось озеро
Съ высокими прелестными берегами[1]).
*Красиво было озеро со всѣхъ сторонъ,
Чайки веселились на волнахъ,
Стаи лебедей близъ берега,
Утки у островка,
Сѣрыя птицы надъ островкомъ.
При взорѣ съ берега далѣе,
Виднѣлась къ закату солнца
Прекрасная рощица Тары,
Зеленѣющая на хребтѣ горы,
Въ роскошной листвѣ.
Въ блаженной долинѣ неслась
Неустанно Мать—рѣка
При сіяніи солнца,
Прикатывая волны къ Пейпусу;

Изъ груди Матери выливался излишекъ,
Прибывавшее молоко въ нѣдра Пейпуса.

Старшій братъ изъ Калевичей,
Настроивши слово къ полету,
Началъ такъ говорить:
„Здѣсь дѣльный пробный пунктъ,
Лучшее мѣсто бросанія жребія;
Изъ рощи является глазъ Тары,
Ласковый взоръ дѣдушки,
Изъ рѣки божественная тѣнь;
Бросимъ-те жребій, братья:
Кто изъ трехъ насъ братьевъ
Царемъ будетъ на родинѣ,
Правителемъ отцовскаго царства,
Защитникомъ дорогаго народа?
Кто, по счастію, вдали
На чужбинѣ получитъ власть,
Устроитъ мѣсто жительства?“ *

Три камня собрали тогда,
Выбрали ихъ для метанія жребья;
Ими герои по измѣренію
Должны были броситъ жребій,
Чья рука будетъ въ состояніи
Швырнуть камень дальше.
Они взяли камни состязанія,
Понесли ихъ къ берегу ближе,
Стали рядомъ
Втроемъ на краю берега.

Мѣркой побѣды выбрали,
Цѣлью поставили ширину озера:
Чей камень легкимъ полетомъ,
Прямо чрезъ широкое озеро,
Упадетъ на землю за воды
Немного дальше другихъ,
Того по закону
Помазать въ правители должно.
Завѣщанья покойнаго отца
Обѣщали безпрекословно
Точно исполнить:
Двое изъ нихъ должны были отправиться
Далеко на чужбину,
Третій же братъ правителемъ
Остаться на родинѣ.

Старшій братъ произнесъ,
Настроилъ слово къ полету:
„Пойдемъ-те бросать жребій!
*Мой долгъ, братья дорогіе,
Первому швырнуть;
Мать, нѣжная матушка,
Вывела меня цвѣткомъ черемхи
Ранѣе изъ почки,
Ранѣе понесла меня париться,
Развиваться при сіяніи солнца,
Принесла мнѣ ягодъ сладчайшихъ
Ранѣе, чѣмъ вамъ принесла.
Еслибы ваше метаніе
Минуло мою мѣру,
Изъ этого пусть не возникнетъ ссоры,
Ни враждебной ненависти.
Уменя нѣтъ никакаго значка,
Передъ глазами не поставлена цѣль;
Я долженъ стезю проложить,
Сдѣлать дорогу другимъ.
Куда я камень швырну,
Тамъ я цѣль поставлю для васъ.
Послѣдующій найдетъ слѣды,
Бросающій послѣ меня — проложенный путь.
Кто будетъ позорить
Первое дѣло, совершенную работу,
Пусть домъ пойдетъ строить,
Сколачивать стѣны,
Соединять угловые щипцы,
Закладывать кровельные коньки,
Гдѣ вѣтры сдѣлали предѣлъ:
Навѣрно, онъ тогда увидитъ,
Какъ огульное порицаніе
Болѣе способно находить недостатки,
Чѣмъ само работать.“
Молвивъ такъ подробно,
Онъ началъ вращать камень,
Поднялъ руку выше,
Заставилъ камень мчаться,
Полетѣть на крыльяхъ вѣтра.
Камень летѣлъ съ быстротою вѣтра,

Съ быстротою вѣтра къ небу:
По мнѣнію зрителей
Камень летѣлъ птицей
*Туда, гдѣ край неба,
(Гдѣ) навѣсъ великаго міра
Граничитъ со стѣною земли. *
Вдругъ свернувшись,
Камень (сталъ) падать,
Спустился въ вертикальномъ наклоненіи,
Попалъ въ влажное ложе озера,
Близко къ другому берегу.
Съ шумомъ вздымалась вода
Въ пѣнѣ къ небу;
Камень ударился о дно озера,
Подъ навѣсомъ воднаго крова;
Опустился въ глубину волнъ,
Исчезъ изъ глазъ зрителей.
Другой братъ молвилъ,
Направилъ слова къ полету:
*„Для меня братъ сдѣлалъ дорогу,
Провелъ уже стезю,
Впереди зданье воздвигнулъ,
Сложилъ стѣны избы,
Смастерилъ угловые щипцы,
Положилъ основаніе кровельному коньку,
Потому и хочу я по цѣли,
По его слѣдамъ пробираться.“*
Молвивъ такъ подробно,
Камень въ могучую руку онъ взялъ,
Махнулъ съ сильнѣшимъ шипѣньемъ,
Бросилъ съ пронзительнѣйшимъ свистомъ
Камень птицей полетѣлъ,
Обломокъ скалы помчался.
*Камень къ небу поднялся,
Облака хотѣлъ разсѣять,
Солнца сіяніе затмить,
Камень несся вихремъ вѣтра
Выше, дальше (въ поднебесье):
Тутъ-то онъ заколебался
И наклонился ко землѣ,
У брега озера онъ палъ,
Промежъ суши и воды;
Половина въ водѣ погребена
И волнами позакрыта,
Половина жъ взорамъ видна.
Состязанія въ метаніи
Череда у третьяго брата.
Хоть по возрасту и меньшій,
Лѣтъ числомъ другихъ моложе
Былъ дражайшій сынъ Калева,
Все жъ объемомъ плечъ своихъ,
Шириной своихъ лопатокъ,
Крѣпостью костей тѣла
Посильнѣе онъ другихъ
И могучѣе, чѣмъ братья:
Жилы рукъ его потверже,
Ногти пальцевъ его крѣпче,
Глазомѣръ его точнѣе,
Разумъ у него дѣльнѣй. *

Младшій братъ тутъ говоря,
Въ плавну рѣчь слова сложилъ:
*„Мать, нѣжная матушка,
Позднимъ ягненкомъ меня несла
Въ мукахъ смертныхъ на сей свѣтъ,
Въ мукахъ смертныхъ, въ сильныхъ боляхъ
Сѣтованья дитя родилось.
Мать, нѣжная матушка,
Много и ночей не спала,
Много зарей безъ крошки была,
Много дней и безъ обѣда,
Огонь въ избѣ не потухалъ,
Искра на ножкѣ кровати.
Нѣжная матушка не раздѣвалась,
Сивый конь не распрягался,
Сивка ѣздилъ за врачемъ,
Баба Туслара искала,
Чалый десять путей исходилъ,
Рысакъ — множество тропинокъ,
Баба — избы мудрецовъ,
Помощи ребенку искала,
Слабому — усмирителей плача,
Немощному — подателей силъ;
Наговорщику овцу дала,
Подрѣзателю языка — козу,
Пестраго бычка — парящему,

Другаго — истребителю угрей,
Мудрому дала талеръ,
Врачу другой обѣщала.
Пѣла рано, пѣла поздно:
Юный сынъ ты мой, утихни,
Мнѣ подпаскомъ выростай,
Стадъ хранителемъ ты стань,
Пастушкомъ ты вытянись.
Вырости, сынъ, пахаремъ,
Храбрымъ воиномъ тянись! “

Долго сынъ подросталъ,
Долгое время, многіе дни;
Ужъ прошло не мало лѣтъ,
Пять обратныхъ сѣнокосовъ,
Какъ подъ дворомъ отца
На качели веселился,
На цвѣткѣ одной черемхи,
На макушкѣ двухъ березъ,
На широкомъ листѣ ольхи.
На орѣшника сердцевинѣ.
Ужъ черемха отцвѣла,
Береза листья потеряла,
Листья ольхи разлетѣлись,
Сердцевина лопнула орѣшника,
Изъ меня же выросъ мужъ —
Выросъ Калевида сынъ.“*
Тутъ, взявъ камень, младшій братъ
Вихремъ вѣтра его вращалъ,
Со свистомъ сильнѣйшимъ метнулъ.
Птицей камень полетѣлъ,
Понесся обломокъ скалы;
Мѣткій глазъ путь казалъ,
Мощная рука направляла;
Хотя, несясь, какъ вѣтеръ,
Камень все выше и выше летѣлъ,
Выше и дальше (въ поднебесье),
Облака не разсѣвалъ,
Широту не раздѣлялъ,
Высоты не колебалъ,
Да и свѣтъ не заслонялъ.
Камень со свистомъ катился,
Озеро широкое пролетѣлъ,
Къ берегу другому (стремясь),
Палъ у цѣли указной,
Въ землю у предѣловъ суши. *

Старшій братъ теперь молвилъ:
„Поспѣшимъ въ серьезъ, братья
Зашагаемъ напрямикъ,
Перейдемъ же черезъ лужу,
Поглядѣть побѣдны камни.“
Гдѣ же камни тѣ упали?
Путь кратчайшій шелъ чрезъ воды,
Озеромъ тропа ближайшая;
Тамъ то сыновья Калева
Зашагали путемъ прямымъ,
Той тропой они помчались
Камни побѣдные смотрѣть.
Середь озера вода дошла
До ягодицъ сынамъ Калева.

Камень перваго-то брата
Спалъ подъ сѣнью крова волнъ,
Въ глуби озера дремалъ;
Видѣть глазъ не могъ его,
Ни рука-его ощупать.
Брата другаго камень побѣдный
Близь края берега нашли,
Промежъ суши и воды:
Половина виднѣлась на сушѣ,
Половина скрывалась въ волнахъ.

Камень третьяго же брата,
Цѣль метанья въ состязаніи,
На брегѣ сухомъ лишь одинъ нашли
Спящимъ на зеленой муравѣ,
Нѣсколько поотдаль отъ другихъ.
Палъ здѣсь камень для того,
Чтобъ повѣдать неба волю,
Кто изъ братьевъ тѣхъ троихъ
Призванъ будетъ во цари.

Старшій братъ тутъ слово молвилъ,
Рѣчь такую онъ повелъ:
*„Указаніемъ боговъ
Сдѣланъ знакъ сей на пескѣ,
Дана примѣта на муравѣ,
Кто изъ насъ отца велѣньемъ
Правителемъ будетъ помазанъ,
Будетъ повышенъ во цари.
Воду изъ озера принесемъ,
Чтобы ею парить брата,
Тѣло брата закалить,

Да въ цари его полить.
Нарядимъ красиво тѣло,
Гладко волосы расчешемъ,
Златъ кафтанъ ему надѣнемъ,
Подъ нимъ серебряну рубаху
И камзолъ изъ старой мѣди.
На главу златую шляпу,
Да желѣзный щитъ на грудь:
Будетъ воинъ тогда изъ брата,
Будетъ мощный побѣдитель;
Гдѣ хоть шагъ одинъ онъ ступитъ
Будетъ шелкъ тамъ шелестить,
Злато цѣнное звенѣть,
Серебро за нимъ звучать,
По пятамъ мѣдь дребезжать;
Гдѣ же будетъ братъ гулять,
Тамъ и радость онъ посѣетъ. “ *

Какъ повѣдалъ старый Калевъ,
Передъ смертію уставилъ,
Такъ избрали младшаго брата
Во правители отчизны,
И возвысили въ цари.

Грянули пѣснь другіе братья,
Голоса такъ раздалися:
*„Покататься мы пойдемъ,
Погулять лишь вдвоемъ,
Пойдемъ счастія искать,
Гдѣ закукуетъ намъ кукушка счастья,
Птица веселія привѣтъ воспоетъ!“

Младшій братъ въ отвѣтъ воспѣлъ:
„Гдѣ сіяетъ солнышко,
Гдѣ мерцаетъ луна,
Звѣзды путь направляютъ,
Елей златистыя рощи ростутъ,
Въ лиственной красѣ рощи ольховыя,
Рощи березъ дорогія ростутъ,
Тары дубовыя рощи красуются,
Тамъ закукуетъ счастія кукушка,
Птица веселія привѣтъ воспоетъ.
Гдѣ счастья кукушка кукуетъ,
Тамъ сдѣлайте стѣны избы;
Гдѣ птица веселія поетъ,
Тамъ устройте вы свѣтлицу,
Въ ней постель въ шелку устройте;
Гдѣ птица сѣтованья поетъ,
Тамъ вдовѣ избушку стройте,
Тамъ пріютъ для сироты. “ *

Братья другіе сказали:
„Прощай ты, нашъ юный братъ,
По жребію избранный царь!
Прощай, очагъ родной,
Милое мѣсто высиживанья,
* Гдѣ мы молодцы росли,
Гдѣ какъ дубы подымались!
Нивы юности рыдаютъ,
Ольхи Війкскія тоскуютъ,
Гдѣ росли мы пѣтухи.
Слезы не льются у насъ изъ очей,
Больше слезъ у пернатыхъ,
Кровь изъ глазъ у насъ льется,
Наши щеки поблѣднѣли,
Скорбь лежитъ на бровяхъ глазъ,
Облака тоски на вѣкахъ.

Пусть же тянется зима —
Время близится къ веснѣ,
Будетъ таять къ лѣту,
Будутъ рѣки разливаться,
Будутъ и ключи вскрываться,
Цвѣты изъ почекъ вырываться,
Птицы на макушкахъ пѣть;
Ужъ туда рѣка польется,
Гдѣ насъ ждетъ очагъ родной,
Жила тамъ ключа пробьется,
Гдѣ мы избу соорудимъ,
Стѣны зданія построимъ;
Тамъ краса цвѣтовъ блеснетъ,
Гдѣ поставимъ теремъ свадьбы,
Пѣнье птицы донесется,
Гдѣ невѣсты тѣ ростутъ,
Зрѣютъ пряжкогрудыя. *
Прощай и ты, садъ Тары,
Прелестная Мать-рѣка,
Прощайте, горы и долины,
Лѣса отечества, равнины!
* Младенца съ грудью разлучаютъ,
Дитя съ объятьями любви,
Мужъ со всѣмъ разстаться долженъ,
И сладчайшее оставить.

Ласкова обширная вселенная,
Небо съ высокими сводами,
Нѣтъ для мощнаго преграды,
Нѣтъ могучему препонъ. “ *
Такъ разошлися братья,
Птицы со гнѣздомъ разстались,
Брата у озера оставили
Одинокимъ на муравѣ;
Тосковать его оставили
По юности лучшимъ днямъ,
По утѣхамъ въ избѣ отца,
По счастью въ любви матушки:
Что исчезло какъ роса,
Вѣтра вѣянье разнесло,
Зной дневной поразсѣялъ.
На горбу у камня сидя,
Началъ герой размышлять:
„Что съ луговъ поисчезло,
Унеслось въ цвѣтахъ съ полей,
При теченьи шаговъ лѣта,
Будутъ сѣмена изъ того
Въ пользу будущихъ временъ.
Коль въ цари меня взяли,
Во правители избрали,
Долженъ былъ съ гнѣздомъ разстаться,
На поляну улетѣть,
Гдѣ природный орла птенецъ
Вѣтеръ долженъ попирать
Счастья путь на своихъ же крыльяхъ,
Тропы себѣ пролагать.“
Бросилъ серебро онъ въ воду,
Для успокоенія волнамъ,
Для приманки духу водъ,
Какъ людъ старый заповѣдалъ,
Научая молодыхъ.
* Что не могутъ наши мужи,
Жены вѣщи объяснить. *

Послѣ бросанія жребія,
Послѣ разлуки съ братьями,
Принялъ сынъ Калевида
Въ руки правленія бразды.
Въ руки взялъ онъ сошники,
Основалъ сохи работу,
Земледѣльца житіе,
Чтобы пахарей сословье
Въ мирные дни процвѣтало,
Криками брани не тревожилось,
Ратной кровью не обливалось:
Для того дѣльнѣйшій мечъ,
Въ помощь крѣпости царя,
Всюду очень нуженъ:
Въ опору противъ супостатовъ,
Для защиты отъ враговъ;
Чтобъ преступника карать,
Брани пылъ уменьшать,
Законъ царства возстановлять.

Сынъ дражайшій Калевида,
Мечъ на бедрѣ, торба на спинѣ,
Межъ оглоблей соху приладилъ,
Лошадь онъ въ соху запрягъ,
Къ паханью коня сготовилъ; [3])
* Началъ онъ пахать болото,
Землю здѣсь сухую орать,
Слой равнины повзрывать;
Слой земли онъ распахалъ,
Камни въ грантъ раздробилъ,
Глину плодоносной размѣшалъ,
Прахъ питателемъ зародыша;
Въ пашню мѣста онъ взъоралъ,
Въ тучну хлѣбородну землю,
Въ пастбища мѣста другія,
Въ сѣнокосъ да въ мураву;
Сѣялъ гоноболь въ болотѣ,
Въ нѣдро моха сѣялъ клюкву,
Въ лоно кочекъ-то морошку,
По мѣстамъ инымъ черннку;
Мѣста одни подъ лѣсъ вспахалъ,
Мѣста обширныя для бора;
Лѣсъ посѣялъ онъ рости,
Дубы высокіе подыматься,
Да кусты разростаться.
Мѣста въ поляны онъ вспахалъ,
Долъ широкій да лужки
Въ мѣста веселыя прогулокъ;
Пахалъ — и горы заиграли,
Всколебалися холмы;
Вспахалъ овраги, оралъ рощи,

Дебри да луга во зелень;
Сѣялъ въ горы землянику,
Подъ кустомъ бруснику сѣялъ,
Вспахалъ и цвѣты рости,
Цвѣты въ красѣ пылиться. *
Землю пористой вспахалъ,
Пористой и рыхлой,
Въ полосаты бразды — поля
Богатырскою сохою: —
Уравнились они вѣтромъ,
Окатились водой дождевой,
Сплющилися талымъ снѣгомъ,
Градинами сгладились.
По бороздамъ сошниковъ
Злаки поспѣвать должны,
Пища въ обиліи рости,
Размножаясь изъ вѣка въ вѣкъ,
Въ пользу смертныхъ родовъ.

* Сынъ дражайшій Калевида
Пахалъ день, пахалъ два,
Пахалъ третій день,
Пахалъ еще нѣсколько дней;
Пахалъ рано на туманѣ,
Пахалъ поздно предъ росой;
Пахалъ и въ самый полдень.
Палящій зной солнца
Конька дорогаго изнурялъ,
Сохи таскателя удручалъ,
Мучилъ пахаря лопатки.
Конь и муку отъ слѣпней,
Также мошекъ щекотанья,
Укушенія жигалокъ
На работѣ выносилъ.
У героя изсохъ языкъ
Въ сильной жаждѣ во рту. *

Разъ полуднемъ солнце свѣтило
Самымъ жгучимъ сіяньемъ,
Зной ужъ началъ изнурять,
Чуть скотины не замучилъ.
Сынъ Калева распрягъ лошадь,
Развязалъ коня съ гужей,
Ноги въ путы заложилъ,
Чтобы вдаль онъ не сбѣжалъ;
Самъ же на бокъ развалился
Тѣло усталое подкрѣпить,
Изнуренные члены расправить,
Шейные позвонки растянуть;
Тутъ онъ въ узахъ сна уснулъ
Отдохнуть при сіяньи солнца.

Шея лежала на склонѣ холма, [4])
Длань его правая главу подпирала,
Какъ подушка подъ ланитой;
Возлѣ горы — туловище героя,
Ноги простерты на равнину.
Такъ почивалъ здѣсь сынъ героя,
Мощныхъ мужей питомецъ.
Долго на ложѣ муравы онъ спалъ;
Солнце ужъ къ вечеру склонялось,
Близко къ закату опускалось.

Жгучій зной изнурялъ
Дремлющаго на лонѣ сна,
Спящаго на ложѣ покоя,
Кожу заставилъ испаряться,
Тѣло потомъ обливаться,
Лицо водою окатиться.

Капли на щекахъ показавшіяся,
Потъ съ волосъ стекавшій
Гора какъ березовицу впитала
Въ глубь сокровеннаго нѣдра;
Оттуда и жилки раждались,
Также подъ землей ключи;
Отсюда — потушеніе жажды,
Подкрѣпленіе изнуреннаго тѣла
Сынамъ грядущихъ вѣковъ,
Дщерямъ наступающихъ дней,
Мощи влага — старцамъ;
Кто ея вкуситъ — поправится,
Приметъ могучую силу;
Хилый ребенокъ начнетъ рости,
Хворый — тотчасъ поправляться,
Мутный глазъ — остроту (получитъ),
Глазъ слѣпой — даже прозрѣнье,
У увѣчнаго исчезнутъ мученья,
Да у страждущаго — боли,
Продолжительныя муки.
Сила могучая у воды ключевой,
Тайная сила — отъ происхожденія,
Цѣлебная мощь отъ Калева.
Кто здѣсь разъ хоть влагу вкусилъ,
При зноѣ палящаго солнца,

Тотчасъ почуетъ, какъ силы (потокъ)
Льется по членамъ его,
Тотчасъ почуетъ, какъ радости токъ
Въ сердцѣ родится его;
На щекахъ дѣвы румянецъ разливается,
Долѣе чѣмъ румянецъ Маріи:
Длится на щекахъ румянецъ Маріи
Рѣдко до года,
Румянецъ же ключа Калевича
Долго красуется въ щекахъ,
Длится до вечера жизни.

Сынъ могучій Калевида,
Сонъ кончая, предувидѣлъ
У воротъ духовнаго взора
Прообразъ несчастья у себя,
Что опутанный гнѣдой,
Пахатный конекъ дорогой
Въ нападеніи (звѣрей) хищныхъ
Жизни теченіе окончилъ.

Подъ уколами отъ мошекъ,
Подъ укусами слѣпней
Конь ушелъ съ земли травной,
Съ широкой зеленой поляны
Шагъ за шагомъ все далѣ;
Чтобъ въ (сѣни) кустовъ укрыться,
Въ боръ широкій онъ забрелъ,
Мѣста покоя поискать,
Мѣста пріюта выбирать,
Голову свѣсивъ немного,
Трудъ дневной позабыть.
Въ борѣ широкомъ издавна
Волки обильно плодились.
Много хищниковъ водилось;
Кровожадные тѣ псы,
Издали поднявши морды,
Потъ коня уже почуяли;
Волки стаями пришли,
Стадами цѣлыми медвѣди,
Лисицъ какъ граду (собралось),
Жиромъ конскимъ насладиться
И сладчайшаго вкусить.
Вышли вонъ они смотрѣть,
На опушкѣ бора — поглядѣть,
Отколь тотъ запахъ имъ въ носы
Вѣянье вѣтра нанесло.

Калевида конь драгой,
Въ путахъ веревочныхъ гнѣдой,
Прыгалъ вязанными шагами,
Да опутанными шагами,
Лошадиными прыжками
На широкую поляну;
Избѣжать бѣды старался,
Ускользнуть отъ пасти смерти.
Путы природную прыть держали,
Привязь шаги сокращала,
Нить серебряна — бѣгъ коня.
Хищниковъ лѣса лягалъ,
Смерти копытомъ ударялъ
По шеямъ искусителей,
Непотребныхъ поражалъ.
Ноги передніе мчали прочь,
Задними же пріударяя
Поражалъ большихъ волковъ
И медвѣдей когтелапыхъ;
Стаи другихъ нарочно вышли
На поляну изъ темнаго бора,
Въ массѣ (густой) какъ пчелъ рои,
Назойливо на коня,
На измученную лошадь.
Подъ конецъ ужъ истощилась
Сила послѣдняя у коня
Во когтяхъ звѣрей тѣхъ дикихъ,
Подъ зубами (злыхъ) прожоръ.
Повалили на муравѣ
Калевида коня дорогаго
Въ пищу прорвамъ лѣснымъ.
Слѣдъ за собою конь оставилъ
Для указанія пути
На разстояніе (цѣлой) мили
Дорогому Калевиду.

Гдѣ нога во путахъ пала,
Тамъ явилася могила;
Гдѣ лягнула хищниковъ,
Тамъ бугоръ выросталъ,
Холмъ вздымался небольшой;
Гдѣ же въ лапы тѣхъ звѣрей
Повалился онъ у бора,

Тамъ разлившаяся кровь
Стала лужей на равнинѣ,
Краснымъ широкимъ заливомъ;
Гдѣ изгнили легкія,
Тамъ гора возникла;
Гдѣ кишки онъ потерялъ,
Тамъ родилося болото, [5])
Стала глубокая трясина;
Гдѣ свалилъ онъ косточку,
Выросъ значительный холмикъ;
Гдѣ онъ волосъ потерялъ,
Тотчасъ выросла осока;
Гдѣ его упала грива,
Обильно явился тростникъ,
Гдѣ попалъ хвостъ коня,
Тамъ орѣшникъ онъ посѣялъ,
Кусты орѣховаго дерева.

Такъ, издыхая, породилъ,
Самъ скончаяся создалъ
Дорогой конь Калевида
Намъ для памяти примѣты,
Признаки дѣйствительности
Для грядущихъ поколѣній.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) По Крейцвальду, Калевичи бросали жребій при оз. Саадгервѣ, находящемся недалеко отъ Дерпта, къ сѣверо западу отъ него. На камнѣ, брошенномъ младшимъ братомъ, указываютъ слѣды пальцевъ; въ былыя времена этому камню приносили часто жертвы и при переѣздѣ черезъ озеро бросали въ воду наскобленное серебро, какъ это дѣлаетъ нашъ герой по ст. 260.

2) Садъ Тары, — Таага aeda напоминаетъ прекрасную Ливскую провинцію, которую хроникеръ Генрихъ назвалъ на латинскомъ яз. Тореидой (Thoreyda). Нужно думать, что, по вѣрованію народа, какъ берега Эмбаха или Омовжи (Эст. Emajõgi — Мать рѣка) на томъ мѣстѣ, гдѣ находится нынѣшній Дерптъ, такъ и берега Лифляндскаго Аа въ Ливоніи служили мѣстопребываніемъ высшаго божества Эстовъ и Ливовъ Тары (Таага).

3) Борозды отъ сохи Калевича видны близь Саадгерва, гдѣ довольно правильно тянущіяся цѣпи холмовъ окаймляютъ узкія долины.

4) Холмъ этотъ — такъ наз. Liinamägi находится на разстояніи около $1^1/_2$ версты отъ церкви св. Екатерины, при Везенбергѣ. Углубленіе для головы видно отчетливо. Изъ холма вытекаетъ превосходный ключъ, который произошелъ отъ пота героя. Этому источнику еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія приносились жертвы. Отъ этого мѣста по направленію къ деревнѣ Арокюль встрѣчаются слѣды копытъ опуганнаго коня, которые съ небольшими перерывами тянутся нѣсколько верстъ въ Беркгольмскую область Симоновскаго прихода. Они представляютъ собою лежащіе равномѣрно другъ подлѣ друга рвы, имѣющіе, по мнѣнію Крейцвальда, искусственное происхожденіе.

5) Указываютъ маленькое мшистое болото близь вышеозначенной деревни Арокюль, гдѣ сгнили внутренности коня Калевича. Тамъ и сямъ разсѣянные бугры именуются „слѣдами костей коня Калевича.“

Девятая пѣснь.

Поиски Калевича за конемъ и наказаніе волковъ — 146; вѣсти о войнѣ — 337; явленіе дѣдушки — 689; приготовленія къ войнѣ.

Солнце за полдень стояло,
Направляяся къ закату,
Наклонясь къ верхамъ деревъ.
Сынъ дражайшій Калевида
Въ страхѣ отъ сна пробудился;
Сновидѣнья образъ злой,
Горемъ ему угрожая,
Превозмогъ усталость мужа.
Свиснувъ съ помощью листа,
Началъ лошадь свою кликать,
Призывать коня (борзаго);
Свистъ въ безмолвіи исчезъ,
Зовъ его угасъ вдали,
Разлетѣлся на вѣтру:
Лошадь не слышала клика,
Конь дорогой — призыва героя.
Весело птицы языкъ
Вторилъ его призыву.

Сынъ могучій Калевида
Поспѣшилъ ловить коня,
По слѣдамъ коня несясь,
По ступнямъ его ходя.
Шелъ онъ черезъ верескнякъ
Часть пути, много земли,
Мчался по широкимъ полянамъ,
Вдоль болота мшистаго шагалъ;
Встрѣтилось ему то мѣсто,
Гдѣ конь его хищникамъ,
Добрая лошадь волкамъ
Въ пищу изнемогъ,
Въ лонѣ смерти уснулъ.

Тутъ онъ признаки правды,
Много различныхъ примѣтъ
На широкой полянѣ узрѣлъ:
Шкуру издохшаго коня онъ нашелъ,
Легкія онъ на муравѣ нашелъ,
Кости по близости нашелъ,
По мѣстамъ и части реберъ;
Близь ольховника нашелъ
Кишки павшаго коня,
По кустамъ куски селезенки;
Ясный знакъ изъ сего онъ вывелъ,
Что конекъ его издохъ,
Въ смерти лошадь уснула.

Сынъ могучій Калевида,
Сожалѣя объ убыткѣ,
Воздыхая о несчастьи,
(Скорбь) немного поразсѣялъ,
Взялъ кафтанъ издохшаго коня
Съ кочки себѣ на память.
Сердце, полное сильнаго гнѣва,
Вспыхнуло пламенемъ у героя;
Тутъ онъ грянулъ зычнымъ голосомъ,
Раздалися такъ слова:
* Стой умолкни, вѣянье вѣтра,
Внимай, умолкни, шумъ лѣсовъ,
Стойте, верхушки, недвижно,
Не качайтесь, стебельки,
Листочки, не шевелитесь,
Дайте, выскажу заклинанья,
Прокукую (слова) злѣйшія,
Произнесу ядовитѣйшія;
Да будетъ, да будетъ, я заклинаю:
Да сгибнетъ вашъ родъ,
Да сгніете вы на кочкѣ,
Сголодаете на полѣ,
Издохнете подъ кустомъ,
Падете въ трясинѣ,
Задохнетесь на полянѣ,

Да умрете вы въ болотѣ,
Поблекнете на кочкѣ! “ *
Тутъ онъ взялъ воинскій сошникъ,
Взялъ онъ мечъ какъ разбойникъ,
* За дубовый лѣсъ проникъ,
Черезъ боръ дремучій пробрался,
Въ чащу глухую (въ лѣсу),
Гнѣздъ чтобъ волчьихъ поискать,
Дикихъ наказать звѣрей.
Сынъ могучій Калевида,
За звѣрями (въ лѣсу) гонясь,
Путь провелъ, тропу проторилъ,
Черезъ лѣсъ пробилъ дорогу,
Черезъ чащу тропинку,
Гдѣ не хаживалъ пѣтухъ,
Не кудахтала курица.
Сучья дубовые низринулъ,
Сучья черемхи стопталъ,
Сучья сосновы сломалъ,
Сучья еловые сорвалъ,
Сучья березовы срывалъ;
Сбилъ онъ высокіе дубы,
Длинные вязы разсыпалъ,
На земь ивы разметалъ.
Сбилъ онъ липовыя деревья,
Сучья впередъ, стволы назадъ,
Пни стопталъ онъ въ пухъ и прахъ;
Гдѣ ходилъ — околицы позади,
Гдѣ прошелъ — поле за нимъ. *
Кто ему въ лѣсу въ смятеніи
Въ руки изъ звѣрей попалъ,
Вмигъ одинъ тотъ смерть нашелъ.
* Злобно мечъ его бушевалъ,
Умерщвлялъ воинскій сошникъ,
Мощный герой убивалъ. *
Ужъ стадами застилала
Падаль звѣрская мураву,
Трупы хищниковъ — холмы;
Кровь окрасила отпрыски,
Смертный потъ — мохъ,
Въ цвѣтъ багровый мураву,
Въ бурый цвѣтъ — побѣги,
Въ красный — листочки брусники.
Спасшіеся волки, завывая,
Лѣсные медвѣди ревя,
Удалилися во чащу,
Средь болотъ большихъ,
Во убѣжища трясинъ.
Солнце уже закатилось,
Свѣтъ исчезъ (за горизонтомъ),
Мракъ окуталъ ужъ всю землю,
Глазу Калевида мѣшалъ,
Такъ что онъ не могъ ужъ долѣ
Гнаться по слѣдамъ звѣрей:
Не то всѣ стада медвѣдей
Да и родъ воющихъ волковъ
Вовсе бы пропали.
Сынъ могучій Калевида,
Изнуренный отъ работы,
Утомленный гнѣвомъ сильнымъ,
На поляну изъ лѣса выбрелъ,
Поискать ночлега мѣста;
Лишь онъ мѣсто поудобнѣй
На полянѣ отыскалъ,
Шкуру конску разостлалъ
Покрываломъ на мураву,
И спиною развалился
На простертой конской шкурѣ
Отдохнуть въ ночной прохладѣ,
Мощь изнуренную укрѣпить,
Что при выполненьи работы,
Наказаньи лѣсныхъ волковъ
Нынѣ очень истощилась.
Пашня да погоня за звѣрями
Очень молодца утомили.
Не успѣли на зарѣ
Очи сына Калевида
Засыпать подъ кровомъ сна,
Вѣжды еще не опустились:
Ужъ примчался съ быстротою,
Запыхаяся отъ бѣга,
О войнѣ вѣстей носитель,
Вѣстникъ грозной бѣды,
Съ просьбой къ сыну Калевида.
Отъ брега Виру старшины
Вѣсти Калеву несли,
Увѣдомленія царю,
Что уже катится брань,
Наѣзжаетъ ужъ война.
О войнѣ вѣстей носитель

Въ плавную рѣчь слова сложилъ,
Слухи зловѣщіе раскрылъ;
„Царь, Калева сынъ,
Волею мощною правящій,
Дланью крѣпкою хранящій!
Отъ брега Виру старшины
Долженъ горе я повѣдать,
Объявить тебѣ бѣду,
Лазутчиковъ тайныхъ шаги
Предѣловъ коснулися Виру;
Вечеркомъ челны виднѣлись,
Лодки ихъ на склонахъ волнъ
Плыли съ сѣверной страны.
Подъ сѣнью мрака ночнаго
Носили тѣ челны героевъ сыновъ,
Нашу землу поразвѣдать,
Тайно (всюду) обозрѣть.
* Изъ того поняли наши мужи,
Замѣтили наши мудрецы,

Парни зоркіе разгадали:
Война готова разразиться,
Телѣга брани прокатиться,
Хочетъ Виру изнурить,
Миръ нарушить въ Гервѣ,
Вѣкъ тамъ счастія разсѣять,
Уготовить намъ бѣду.

По слѣдамъ шпіоновъ тайныхъ
Сотнями плывутъ войска,
Мчатся тысячи другихъ
На тѣхъ бѣдныхъ Вируланъ.
Прячетъ мать уже семью
И скрываетъ своихъ малютокъ
По пещерамъ, по трущобамъ,
Въ ломняхъ известковыхъ;
Дѣдъ ужъ дѣлаетъ преграду,
Брани готовитъ отпоръ;
Горьче становится бѣда,
Положеніе все хуже;
Сторожа береговъ вѣщаютъ:
Лайбы у острова Высокаго, [1])
Другія у острова Дѣвъ, [2])
Ладьи широкія у острова Лава [3])
Ратоборцевъ къ намъ качаютъ,
Доблестныхъ мужей привозятъ;
Моремъ онѣ чужестранцевъ
Къ брегу Виру все качаютъ,
Шеерѣзовъ кровожадныхъ,
Хищниковъ немилосердныхъ:
Такъ звѣзда указала,
Небо знать въ мерцаньи дало

Бабы плачутъ во углахъ
Дѣвушки въ околицахъ,
Старики на игрищахъ,
Дѣти на просторѣ ольхъ,
Стадъ хранители средь березъ,
Скота защитники средь дубовъ.
Всюду въ Вироніи горе!
Прослезилися глаза,
Въ узахъ печали вдова стоитъ:
Духъ ея гнететъ печаль,
Страхъ отъ смерти — сердце.
Юноши стоятъ поникши,
Поблѣднѣвшіе отъ страха!
Нѣги не знаетъ женатый,
Радостей отецъ дѣтей,
Страхъ изнуряетъ силы мужей,
Ужасъ — сыновей матерей.
Кто изъ нихъ помчится въ бой,
Кто въ сраженіе пойдетъ,
Явится отпоромъ въ брани,
(Будетъ) въ схваткѣ съ топоромъ?
Кто защитникомъ выступитъ,
Кто опорой другимъ станетъ,
Старикамъ стѣной желѣзной?
Братъ ли удалый пойдетъ,
Аль сестра черноокая
Сиротъ бѣдныхъ станетъ беречь,
Миръ для старцевъ охранять?
Кто женъ станетъ защищать
Брани пылъ утишать?

Мечъ дѣльнѣйшихъ поразитъ,
Топоръ быстрѣйшихъ убьетъ,
Толпы большія погубить копье,
Лука стрѣла пощады не дастъ!
Кто не падетъ въ сраженьи,
На полѣ кровавой той брани,
Огонекъ того убьетъ,
И зубъ голода погубитъ,
Когти чумы умертвятъ,
Бичъ злосчастія тяжелый.

Вора рука вѣшалку оставитъ,
Водъ потоки камень тяжелый, —
Огонь же никого не оставитъ,
Бѣдствіе послѣдняго доконаетъ.“
Сынъ Калева дорогой
Тотчасъ понялъ, отвѣчалъ:
„Возжи пусть держатъ, пустъ вяжутъ канаты,
Возжи пусть держатъ лошадь,
Недоуздки пашущихъ воловъ,
Тенета лѣсныхъ звѣрей,
Пусть вяжутъ канаты возы,
Широкое небо снѣга паденье,
Темныя тучи дожди (проливные),
Града тяжелаго паденье,
Что крѣпче сдерживаетъ,
Сильнѣй противустоитъ,
Да зажметъ тебѣ ротъ,
Да заградитъ твои челюсти,
Коль ты злую рѣчь ведешь,
Молву безстыдную вѣщаешь!
Кто на свѣтѣ чудо видѣлъ,
Болѣе странное слыхивалъ!
Зачѣмъ ты поносишь нашихъ мужей,
Позоришь сыновъ нашихъ мужей?
Аль карателя бабъ,
Устрашителя дѣвицъ:
Ужасъ и боязнь за будущее
Виру мужами овладѣли?
Пусть лишь мечъ поражаетъ,
Топоръ острый убиваетъ,
Пусть копье только губитъ,
Крови гордой не страшится!
Мужи въ свалкѣ да стоятъ
Крѣпостью стѣны желѣзной,
Да стоятъ какъ дубъ на вѣтрѣ,
Стѣны скалъ во бурю;
Да стоятъ, въ бою непоколебимо,
Предъ другими опорой въ брани!
Пусть пріютъ дѣтямъ дѣлаютъ,
Старцамъ — избушку покоя,
Женамъ — уголъ защиты,
Дѣвамъ — свѣтлицу укрыванья,
Вдовамъ — мѣсто сѣтованья.
Станетъ горьче бѣда,
Пылъ борьбы ожесточеннѣй,
И убійство горячѣе, —
Тогда то самъ явлюсь,
Выступлю помощникомъ.
Хлѣба, путникъ усталый, возьми,
Влаги для освѣженія языка!
Торба на кочкѣ стоитъ,
На вѣткѣ ольховый боченокъ виситъ;
Наполни желудокъ свой, гость дорогой,
Ложись затѣмъ спать на зеленой муравѣ.
Завтра утромъ до разсвѣта,
При началѣ ранней зорьки,
Осѣдлай ты коня,
Надѣнь сбрую на коня,
Надѣнь тайкомъ сѣдло,
Уѣзжай ты тайкомъ,
Домой скрытно отправляйся,
Чтобъ Вироскіе пѣтухи не слыхали,
Вироскіе пѣтухи, Гервенскія собаки
Шаговъ коня твоего,
Тайной ходьбы копыта его.
Тихо чрезъ мостъ переѣзжай,
Тихонько сквозь околицу,
Тихо чрезъ деревню иди,
Скрытно — чрезъ крестьянскіе дворы,
Тайкомъ чрезъ выгонъ перекатись,
Скрытно чрезъ малинникъ,
Тайкомъ чрезъ кустарникъ,
Въ ворота двора старшины.
Пошлите мужей воевать,
Храбрыхъ на поле брани,
Крѣпчайшихъ въ состязаньѣ.
Самъ кружись посреди
Близь знаменоносца.
Не держись впереди войска,
Впереди войска, позади войска,
Не держись и на краяхъ войска:
Передніе разсѣваются,
Задніе убиваются,
Крайніе умерщвляются,
Средніе домой возвращаются.“*

Сынъ Калева богатырь,
Рѣчь закончивъ ласковую,
Бэкъ другой онъ повернулъ,
Чтобъ измученное тѣло
Закалить на хладѣ росы,
Вѣки на глаза спустить,
Въ лоно сна ихъ окутать.
Прежде чѣмъ сонъ его глаза
Скрылъ подъ сѣнью крова,
Путникъ другой ужъ ступалъ
Тихой походкой поближе,
Тайнымъ шагомъ къ ложу, —
Какъ бы вѣтромъ занесенный,
Сброшенный изъ тучи
Нечаянно сюда упалъ.

Сынъ могучій Калевида
Въ злобѣ такъ вопрошалъ:
*„Ужели не кончатся нынѣ тѣ пляски,
Не будетъ остановки ходьбѣ?
Ужели у всѣхъ есть хожденья,
Напрасныя шатанья попусту?
Ужели всѣ буйные вѣтры,
Водныя жилы потокомъ,
Волны широкія стремительно,
Тучи дождевыя расширяясь,
Тучи снѣговыя мятелью,
Градовыя тучи со трескомъ
На шею Калева падутъ?!
Еслибъ я зналъ, могъ знать,
Могъ бы во снѣ я увидѣть,
Въ сновидѣньи предузрѣть,
Хоть бы мыслью угадать:
Каково житье царя,
Ужъ тогда бы я сто разъ,
Тысячу разъ на крыльяхъ вѣтра
Птицей вдаль улетѣлъ,
Какъ орелъ на скалы другія,
Полетѣлъ на иные пески,
На ключи иные поплылъ,
Путь въ чужбину предпринялъ,
Путешествіе во даль;
Я бъ въ овраги скакнулъ,
Прыгнулъ на обрывы моря,
Бросился бы въ волны морскія,
Утонулъ бы въ тайныхъ безднахъ,
Гдѣ бъ не слышалъ я кукушки,
Ни звука птичьяго пѣнья.
У птицы покой въ ольховникѣ,
У ласточки въ гнѣздѣ мѣсто отдыха,
Кукушка на ели засыпаетъ,
Жаворонокъ — на полѣ паровомъ,
Соловей птица — въ коппелѣ,
Пѣвчая птица — въ листвѣ деревъ,
Дроздъ — въ чащѣ густой,
Лишъ пѣсни свои прощебитали,
Пѣніе свое закончили.
Вдоволь тѣло я изнурилъ,
Силу истощилъ довольно,
Землю десять дней пахалъ,
Пахалъ съ вечера до утра,
Камни также я ворочалъ,
Горъ холмы срывалъ я,
Топкія болота избороздилъ,
Широкія равнины прорѣзывалъ,
Длинныя поля поднималъ,
Какъ нечаянно коня моего
Задушили звѣри въ когтяхъ.
Завтра утромъ приходи,
Рано до разсвѣта,
Тайную бесѣду вести,
Злыя извѣстья раскрывать.“
Ласковый старецъ чужой,
Волосы сѣдые, сѣдая борода,
Понялъ, тотчасъ отвѣчалъ:
„Ни буйные вѣтры,
Ни жилы водныя потокомъ,
Волны широкія стремительно,
Тучи дождевыя расширяясь,
Тучи снѣговыя съ метелью,
Тучи градовыя съ трескомъ,
Шествіе Кыо громовое
На шею Калева не пали,
На (могучія) плечи сынка.
Навѣрно ты могъ предувѣдать,
Могъ въ сновидѣньи увидѣть,
Предузрѣть во снѣ,
Умомъ разумомъ разсчитать,
Каково бытье царя,
Жизнь правителя народа.

Какъ еще ты дома росъ,
Дубомъ крѣпчайшимъ подымался,
Было вдоволь счастья дней.
Разгадывать (жизни) загадки,
Разрѣшать дѣла разсудка,
Предузнать и то что будетъ.
Птицы пѣли во дворѣ отца,
Куковали кукушки въ коппелѣ,
Златоклювыя — на еляхъ,
За дворомъ соловей свисталъ,
Среди ольхъ звенѣлъ жаворонокъ,
Ворона на игрищѣ каркала,
Черная птица — въ соснякѣ.
Вѣщая птица — въ дубнякѣ:
Десять бременъ у царя,
Сто у правителя тягостей,
Пятьсотъ у храбрѣйшаго,
Тысяча дѣлъ у крѣпчайшаго,
Десять тысячъ у сына Калева!

Что я нынѣ къ вамъ пришелъ,
Движимый любовью явился,
Что сюда издалека я шелъ,
Побуждаемый дружескимъ желаньемъ,
Польза будетъ тебѣ изъ того,
Много выгодъ извлечешь,
Отрасль могучая Калевида!
Хоть ты меня и не помнишь,
Не призналъ и за знакомаго,
Все же я другъ рода твоего.
Вѣдь я раньше былъ у васъ,
Коль ты на муравѣ рѣзвился,
Въ рюхи на лужкѣ игралъ,
Дубъ на берегу ростилъ,
Вечеркомъ на качели качался.
Развѣ раньше я не былъ у васъ,
Коль ты плакалъ въ колыбели,
Матушкину грудь сосалъ?
Развѣ раньше я не былъ у васъ,
Какъ отецъ твой, засватавъ,
Праздновалъ долгую свадьбу,
Вѣдь я былъ у васъ знакомымъ,
Въ гости (къ вамъ) ходилъ,
Какъ у васъ избу строили,
Улаживали стѣны,
Брусья нижніе клали,
Камни угловые мѣрили.
Вѣдь тайкомъ я ѣздилъ къ вамъ,
Ужъ заранѣе навѣщать,
Какъ твой еще отецъ не явился,
Мать еще не высижена,
Изъ яйца тетерки еще не вышла.
Вѣдь я ѣздилъ къ вамъ тайкомъ,
Коль не была основана Гарью,
Предѣлы Гервы не означены,
Предѣлы Виру не проложены.
Вѣдь невидимо я ѣздилъ къ вамъ,
Когда творили звѣзды,
Устанавливали солнце,
Строили избу лунѣ,
Размѣщали облака.
Мчался я по низу пасмури,
Мчался я поверхъ ведра,
Позади багровѣйшаго неба,
Посреди золотистаго (неба),
Промежъ пяти радугъ,
Посередь шести зарей,
По окраинамъ девяти сумерекъ;
Ѣздилъ по краю Плеядъ,
Промежъ Старой Телѣги,
Подъ дворомъ вечерней зари,
Сквозь ворота семьи солнца,
Тысячу знакомыхъ дворовъ.
Сивки подковы я изъѣздилъ,
Вороной копыта сломалъ,
Шпоры гнѣдой потерялъ
На скользкомъ млечномъ пути,
На жаркомъ солнечномъ пути.

Въ вѣтрахъ тебя я привѣтствовалъ,
Благословлялъ тебя въ воздухѣ,
Закалялъ тебя росою,
Подкрѣплялъ при лунномъ свѣтѣ,
При сіяньи солнца ростилъ,
Пока ты не выросъ мужемъ сильнымъ,
Пока не выросъ сыномъ Калева.
Что вздымалъ ты при паханіи,
Что ты сошникомъ разрылъ,
Изъ того родится польза,

Процвѣтетъ обильно счастье,
Будетъ изъ того пашня въ Виру,
Въ Гервѣ — злачная земля,
Будетъ и богатство народамъ,
Волостямъ большимъ сокровища,
Польза многимъ деревнямъ;
Будутъ хорошіе сѣнокосы,
Тучныя пастбища (для скота),
Наилучшая земля подъ лѣсъ,
Сельскимъ дѣтямъ ягодная земля,
Сельскимъ парнямъ земля для дровъ,
Сельскимъ бабамъ земля подъ рѣпу,
Дѣвицамъ земля подъ игрище,
Сельскимъ мужикамъ пахатная земля;
На открытомъ (мѣстѣ) — луга,
Рощи и равнины,
Подъ лѣсъ — земля съ муравою,
Мшистая земля — на болотахъ.
Пашню сына Калева,
Борозды могучей сохи
Станутъ деревни хвалить,
Другія — всюду благодарить,
Дѣти — весело воспѣвать!
Прелесть лѣса, краса муравы,
Благовонье деревъ цвѣтковыхъ
Вѣкамъ грядущимъ
О пахарѣ мощномъ повѣдаютъ.

Дорогой сына Калевида!
Недокончена работа полевая,
Часть въ Гарью не вспахана,
Другая въ Війкѣ не взорана,
Третій клочекъ не перепаханъ,
Края полей не подняты,
Стороны у многихъ не прорѣзаны,
Новь еще не боронена.
Отсюда-то пособіе мякина,
Легкій соломы мѣшокъ,
Сынамъ грядущихъ вѣковъ
Къ хлѣбу прибавку одолжаетъ,
Помощь въ бѣдѣ даетъ.“

Сынъ Калева слушалъ,
Понялъ, тотчасъ отвѣчалъ:
„Я работалъ, я трудился,
Дней сверхъ десяти пахалъ,
Пахалъ съ утра до вечера,
Пахалъ по слѣдамъ росы,
Долгое время послѣ зари;
При полуденной жарѣ
Потъ со лба я стиралъ,
Горячайшій — со щекъ,
Воду изъ рубахи выжималъ,
Тѣло сверхъ силъ изнурялъ,
Лишь бы польза отъ работы,
Прибыль обильнѣй явилась
Народамъ грядущаго вѣка.“
Ласковый старецъ чужой
Тотчасъ понялъ, отвѣчалъ:
„Другъ, потому я и пришелъ
Готовую работу смотрѣть,
Надлежаще поисправить,
Чтобы у тебя изнуренія отъ трудовъ,
Муки въ поту отъ зноя
Не остались вдовой тосковать,
Тщетно плакать.
Безъ пособія божескаго,
Безъ небесъ могучей опоры
Родъ людской не можетъ (вовсе)
Пользу изъ трудовъ извлечь.
Крѣпкая помощь въ вѣтрѣ идетъ,
Въ воздухѣ — благословенья Укко,
Хлѣбовъ произрастанье — въ дождѣ.“

Дорогой сынъ Калевида
Понялъ, тотчасъ отвѣчалъ:
„Кто ты, прежде къ намъ ходившій,
Коль я рѣзвился на муравѣ,
Въ рюхи на лужкѣ игралъ,
Дубъ на берегу ростилъ,
Вечеркомъ на качели качался;
Кто ты, прежде къ намъ ходившій,
Коль я плакалъ въ колыбели,
Груди матери сосалъ;
Кто ты, знакомый, насъ посѣтившій,
Бывшій у насъ въ гостяхъ,
Когда мой отецъ, засватавъ,
Праздновалъ долгую свадьбу;
Кто ты, прежде къ намъ ходившій,
Когда у насъ избу строили,
Ставили стѣны,

Клали нижнія балки,
Камни угловые вымѣряли;
Кто ты, тайно ѣздившій прежде,
Когда мой не явился отецъ,
Не высижена была еще мать,
Не вышла изъ тетеркина яйца;
Кто ты, ѣздившій къ намъ тайно,
Когда не была основана Гарью,
Не проведены предѣлы Гервы,
Не указаны границы Виру;
Кто ты ѣздившій къ намъ тайно,
Когда творили звѣзды,
Устанавливали солнце,
Строили избу лунѣ,
Размѣщали облака;
Гналъ понизу пасмури,
Шелъ поверхъ вёдра,
Позади багровѣйшаго неба,
Посреди золотистаго,
Между пятью радугами,
Посреди шести зарей,
По окраинамъ девяти сумерекъ,
Ѣздилъ по краю Плеядъ
Между Старой Телѣгой,
Изъ подъ двора вечерней зари,
Изъ воротъ семьи солнца,
Черезъ тысячу знакомыхъ дворовъ;
Старецъ, скажи ты мнѣ,
Мудрый дѣдъ, признайся,
Гдѣ у тебя далекая родина,
Гдѣ достойное жилище?“

Старецъ ласковый чужой
Понялъ, тотчасъ отвѣчалъ:
„Сынъ Калева дорогой,
Царь по жребію избранный!
Что навѣяно вѣтрами
Вдругъ на счастія пути,
Разгадать ты не пытайся,
(Много) комнатъ въ домѣ Тары,
Золотыхъ свѣтлицъ изъ скалъ,
Внемли ты златымъ извѣстьямъ,
Откровеніямъ серебрянымъ
О грядущихъ временахъ,
О послѣдующихъ дняхъ
Царствомъ ты доколѣ правишь,
Дланью мощной волость хранишь,
Въ Виру будетъ счастья вѣкъ,
Въ Гервѣ безпрерывно миръ,
Въ Гарріи — милое время любви,
Въ Війкѣ будетъ пиръ широкій
Средь народа працвѣтать.
Время радости обильной,
Истинный счастья вѣкъ
Всежъ недолго будетъ длиться!
Слабые будутъ слабѣйшими,
Немощные другими управлять.

Жаль тебя, сынъ Калевида!
Крови невинной пролитіе
Приговоръ тебѣ произноситъ;
Мзды кровавой ищетъ кровь,
Смерть отъ смерти родится.
Раны крови невинной,
Заклятія Финскаго кузнеца,
Слезы матушки нѣжной,
Влагу глазную сестеръ
Снять съ меча не можно,
Зло — ничѣмъ загладить.
Берегись ты, храбрый мужъ,
Чтобъ разбойникъ изъ меча,
Изъ сошника брани — губитель,
Мститель (роковой) не выросъ!
Кровь расплаты жаждетъ кровавой,
Нѣтъ дремоты у неправды,
Ни помѣхи — у злодѣйства!“ *

Грустно звучала послѣдняя рѣчь,
Грустно предвѣстія сіи раздавались,
Что какъ вѣяніе вѣтерка,
Волнъ печально жалобный шумъ,
Завыванье дождеваго вѣтра
Раздавались въ ушахъ Калева.

Какъ тумана облака,
Въ свѣтѣ солнца исчезаютъ,
Иль какъ вечера тихія тѣни
Таютъ при закатѣ солнца,
Такъ растаяла въ лонѣ вечера,
Исчезла въ объятіи мглы
Тѣнь чужаго старца. [4])
Сынъ Калева утомленный
Мирно отдохнуть уснулъ,
Сонъ упалъ ему на брови,

Съ бровей спустился на вѣки.
Сновидѣнье пестрило образъ,
Правдоподобныя предсказанья
Ложнымъ узоромъ, подобно ткани.
Рѣчи старца чужаго,
Знаменья мудро данныя,
Всѣ по вѣтру разнеслися.
Съ солнца восходомъ главу подымая,
Вырвавшись изъ объятій сна,
Сынъ Калева попытался
Вспомнить что-нибудь (теперь),
Что ему открыто вечеромъ
Гость драгой (вчера) повѣдалъ;
Но двойники ночи и сна —
Обманчивые образы
Спутали во мглѣ тумана
Вчера услышанныя откровенья.

Сынъ могучій Калевида
Торопилъ посланника:
„Быстро домой отправляйся,
Къ брегу на конѣ спѣши,
Вѣсть неси ты старшинѣ!
Сторожей разставьте слѣдить,
На скалахъ — бережниковъ,
Остроглазыхъ на поля
Сторожить брега морскіе,
Издалека-ль враговъ корабли,
Челны нападающихъ
Движутся на склонѣ волнъ?
Мчатся къ брегу корабли,
Лодки ближе (подступаютъ) —
Храбрецовъ навстрѣчу шлите,
Сильныхъ въ опору другимъ,
Великановъ брани биться,
Копьеносцевъ на концѣ,
Въ заднихъ рядахъ сѣкирщиковъ,
На углахъ — булавщиковъ,
Въ помощь краю — острожниковъ,
Въ самую свалку — гарпунщиковъ,
Отрядъ гигантовъ — въ суматоху,
На равнину — баловней побѣдъ,
Ихъ запасы во кустарникъ,
На опушку лѣса тайкомъ,
Старшинѣ въ защиту — дротикъ,
Косы — игроку на дудкѣ,
Лучниковъ — на склонѣ горы,
Пращниковъ — на покатѣ
По брегамъ обѣихъ сторонъ,
Всадниковъ, — подобно граду,
Поражать въ толпѣ враговъ!
Да стоятъ стѣной другъ другу,
Силу ставятъ противъ желѣза.
Пусть же мечи побушуютъ,
Мѣтко копья работаютъ,
Пусть сѣкиры сзади пляшутъ,
Пусть усердно косы косятъ,
Стрѣлы лука неизбѣжно
Вѣрную смерть причинятъ:
Брани шумъ тогда умолкнетъ,
Злобные клики битвы утихнутъ. —
Будьте храбры, Вирулане,
Въ помощь храбрыхъ мужей берите
Коренастыхъ парней Гервы,
Алутаганцевъ — въ опору,
И помощниковъ — изъ Гарью,
Нѣсколько въ добавокъ изъ Лэне,
Вражьихъ собакъ вы отбросьте
Тотчасъ далѣе отъ брега. *

Мнѣ извѣстья вы пришлите,
Быстролетно — увѣдомленье;
Разгорится шире бой,
Станетъ горьче вамъ бѣда:
Самъ тогда хочу придти,
Выступить помощникомъ.
Разсѣвать иду тоску,
Духъ печальный успокоить. “

*Ѣхалъ Финскимъ я мостомъ,
Мѣднымъ путемъ водной дуги,
Дождевымъ путемъ радуги,
Въ кошелькѣ приказъ царя,
Старшины приказъ въ камзолѣ,
Вѣсть о войнѣ въ углу рта.
Что на встрѣчу мнѣ летѣло,
Какъ бы грозное явленье?
Летѣла на встрѣчу старая ворона,
Старая ворона, убогое существо;
Клювомъ обнюхивала поле,
Ноздри дули въ облака;
Носъ войну почуялъ,
Ноздри шарили въ туманѣ,

Не пронюхать-ли тайный запахъ,
Не понять-ли письмо съ приказомъ.
Ужъ пронюхала войну,
Ужъ почуяла паръ крови.

Ѣхалъ Финскимъ я мостомъ,
Водной дуги мѣднымъ путемъ,
Дождевымъ путемъ радуги,
Спѣшный приказъ торопя;
Въ кошелькѣ приказъ царя,
Приказъ начальника подъ шляпой,
Тайная вѣсть въ изгибѣ рта:
Что ужъ вьются знамена,
Работаютъ острія копій,
Служатъ лезвія мечей.
Что на встрѣчу мнѣ летѣло,
Какъ бы грозное явленье?
Злой орелъ летѣлъ на встрѣчу,
Злой орелъ кривоклювый.
Клювомъ нюхалъ онъ поля,
Ноздри шарили въ туманѣ,
Не почуять ли запахъ дѣла,
Не понять ли письма съ приказомъ.
Онъ слѣпой войну провѣдалъ,
Ужъ почуялъ крови паръ,
Извѣстить другихъ спѣшилъ.

Ѣхалъ Финскимъ я мостомъ,
Мѣднымъ путемъ водной дуги,
Дождевымъ путемъ радуги,
Спѣшный приказъ торопя;
Въ кашелькѣ — приказъ царя,
Старшины приказъ въ камзолѣ,
Тайная вѣсть въ изгибѣ рта,
Просьбы начальника на языкѣ:
Что ужъ вьются знамена,
Работаютъ острія копій,
Лезвія сѣкиръ томятся.
Что на встрѣчу мнѣ летѣло,
Какъ бы страшное происшествіе?
Вороненокъ летѣлъ на встрѣчу,
Вороненокъ, пожиратель падали;
Клювомъ нюхалъ онъ поля,
Ноздри дули въ облака,
Не пронюхать-ли тайный запахъ,
Не узнать ли письма съ приказомъ.
Онъ слѣпой пронюхалъ войну,
Ужъ почуялъ крови паръ,
Извѣстить и другихъ спѣшилъ.

Ѣхалъ Финскимъ я мостомъ,
Мѣднымъ путемъ водной радуги,
Спѣшный приказъ торопя;
Въ кошелькѣ приказъ царя,
Старшины приказъ въ камзолѣ,
Тайная вѣсть въ изгибѣ рта,
Просьбы начальника на языкѣ.
Что попало мнѣ на встрѣчу,
Какъ зловѣщее происшествіе?
Мнѣ на встрѣчу бѣжалъ волченокъ,
Медвѣженокъ по его пятамъ,
Носомъ нюхали поля,
Ноздрями туманъ пытали,
Не угадать-ли запахъ дѣла,
Не узнать-ли тайный приказъ.
Бой пронюхали друзья,
Ужъ почуяли крови паръ,
Извѣстить другихъ спѣшили.

Ѣхалъ Финскимъ я мостомъ,
Мѣднымъ путемъ водной дуги,
Дождевымъ путемъ радуги,
Быстрый приказъ торопя;
Въ кошелькѣ — приказъ царя,
Старшины приказъ въ камзолѣ,
Вѣсть о войнѣ въ изгибѣ рта,
Приказы начальника подъ шляпой:
Что ужъ вьются знамена,
Работаютъ острія копій,
Служатъ лезвія сѣкиръ,
У меча бушуютъ мысли.
Что на встрѣчу мнѣ попалось,
Какъ зловѣщее происшествіе?
Голодъ тощій на встрѣчу мнѣ плелся,
Голодъ истощалый солому пожирающій;
Носомъ обнюхивалъ онъ поле,
Въ облакахъ ноздрями шарилъ,
Не почуять-ли тайный запахъ,
Не узнать-ли письма съ приказомъ.
(Онъ) слѣпой войну пронюхалъ,
Крови паръ уже почуялъ,
(Дать) другимъ извѣстья спѣшилъ.

Ѣхалъ Финскимъ я мостомъ,
Мѣднымъ путемъ водной дуги,
Дождевымъ путемъ радуги,
Спѣшный приказъ торопя.
Въ кошелькѣ приказъ царя,
Старшины приказъ въ камзолѣ,
Тайная вѣсть въ изгибѣ рта:
Что ужъ вьются знамена,
Работаютъ острія копій,
Дѣломъ заняты остроги,
Ужъ сѣкиры разятъ другихъ.
Что на встрѣчу мнѣ попалось,
Какъ нечаянное искушенье?
Шла на встрѣчу чума коварная,
Бичъ народа, чума коварная,
Злѣйшая седьмая помощница войны;
Носъ обнюхивалъ поля,
Ноздри шарили въ облакахъ,
Тайный запахъ не угадать-ли,
Не узнать-ли письмо съ приказомъ.
Бой пронюхала слѣпая,
Крови паръ уже почуяла,
Извѣстить другихъ спѣшила.
Сивку я свою связалъ,
Лошадь впрягъ въ ярмо желѣзное,
Въ путы Калева гнѣдую,
Чтобъ шагать не могла,
Да и въ бѣгъ бы не пустилась.
Началъ дѣло обсуждать,
Умъ заставилъ размышлять:
Будетъ ли польза отъ моей ходьбы,
Будетъ ли большая отъ поѣздки?
Язвы у брани кровавы,
Пропасть бездонна войны.
Къ чему мнѣ бѣдствіе брани,
Бушеванье меча разбойника
Въ мирный вѣкъ посылать?
Да уснетъ, я заклинаю,
Да уснетъ сіе извѣстіе
Въ безднѣ моря преглубокой,
Да погибнетъ въ икрѣ рыбной,
Да заглохнетъ хоть въ трущобѣ,
Прежде чѣмъ дальше прозвучитъ,
Прежде чѣмъ въ деревнѣ прозвенитъ.
Вырвалъ приказъ изъ кошелька,
Изъ камзола приказъ старшины,
Въ море бездонное ввергнулъ,
Въ волны широчайшія (метнулъ)
Въ пѣнѣ вздымалась вода,
Брызги разсыпались въ облака,
Рыбы съ трепетомъ исчезли!
Такъ умолкъ тотъ бранный крикъ,
Такъ исчезъ воинскій шумъ. *

ПРИМѢЧАНІЯ.

1), 2) и 3) Körge saar, Tütar saar, Lawassar — острова въ Финскомъ заливѣ.

4) По сообщенію Крейцвальда, загадочный гость въ одномъ отрывкѣ называется Укко, который считался у древнихъ Эстовъ высшимъ богомъ. Вообще, говоритъ Крейцвальдъ, все это происшествіе разсказывается разнообразно; для Крейцвальда варіантъ Псковскихъ Эстовъ представлялъ болѣе древнихъ чертъ, потому онъ привелъ именно этотъ варіантъ.

Десятая пѣснь.

Ссора сыновей Пагарэта въ Кикерперскомъ болотѣ, Калевичъ — посредникъ — 174; Алевичъ и водяной духъ — 340; оруженосецъ Калевича въ жилищѣ водянаго духа — 559; борьба Калевича съ водянымъ духомъ на горѣ Нэрска — 710; поѣздка Алевича въ Финляндію для уплаты долга Калевича — 888; дѣва воздуха — дочь Кыо и Калевичъ около колодца.

Свѣточъ ночи пречудесный,
Сторожъ неба свѣтоглазый,
Одолжи пѣвцу веселье
Въ странствіи по тѣмъ тропамъ,
Да по тайнымъ тѣмъ путямъ,
Гдѣ ужъ прежде Калевъ шелъ,
Сынъ гдѣ прежде отдыхалъ,
Собираяся съ друзьями,
Шутки кой — какія продѣлалъ,
Дивныя совершалъ (дѣла).
Звѣздъ мерцающихъ въ небѣ взоры
Были свидѣтелями ихъ путей,
Въ дальнія страны хожденій;
Зрѣли шутки, что творились
Подъ прохладой елей Виру,
Межъ осинъ растущихъ въ Гарью,
Средь ольховниковъ во Лэне;
Также молодцевъ забавы,
Затрудненья въ пяти бѣдахъ,
Узы шести искушеній
Въ привязи шаговъ семи,
Неожиданную задержку,
Гдѣ попали молодцы,
Веселяся въ чемъ увязли.
Пойдемъ-те въ дубраву,
Въ чащу кустарника,
Раздобудемъ себѣ пѣсенъ,
Наберемъ золотыхъ,
Поотыщемъ серебряныхъ,
Позаймемъ-те также мѣдныхъ.
Я извѣстья такія слышалъ,
Древнихъ сказаній отрывки,
Изстари сложенныя слова,
Рѣчи златомъ вытканныя.
Сынъ могучій Калевида
Лошадь шелъ себѣ купить,
Сторговать коня пахаря:
Лишь прошелъ онъ часть пути,
Часть пути, много земли,
Птица въ ольховникѣ пѣла,
Птица вѣщая въ дубнякѣ,
Въ ельникѣ златая кукушка:
„Конь уже на Даго ржетъ,
Жеребенокъ въ болотѣ великомъ,
Сосунокъ ржетъ издалека!
Ржетъ тамъ конь по купцѣ,
Жеребенокъ ржетъ по сѣдлѣ,
Сосунокъ по бѣлой уздѣ.“
„Вамъ спасибо, вѣщія птицы,
Благодаренье путеводительницамъ!“
Молвитъ Калевида сынъ,
Ногу ставитъ на путь другой,
Быстрымъ ходомъ чтобъ шагать.
Въ Виру было пять задержекъ,
Въ Гарью времени потерь,
Въ Гервѣ хлопоты пустые,
Оттого не шелъ онъ дальше.

У сыновъ (двухъ) Пагарэта [1])
Распри возникли изъ вѣтра,
Изъ пустаго — мира нарушенье;

Озерко, гдѣ раньше жили,
Гдѣ вдвоемъ болтались даромъ,
Стало тѣснымъ ради зависти,
Маленькимъ изъ непріязни.
Парни не имѣли покоя,
Стало молодцамъ не въ мочь:
Изъ семьи должны уйти
Мѣста новаго искать.
Странствуя по дальнимъ странамъ,
Быстрымъ ходомъ устремляясь,
Не найти ли гдѣ жилища,
Лучшаго мѣстопребыванія,
Гдѣ бы утвердить границу
И межу провесть могли,
По желанью счастья нашли
Въ Кикерпэрѣ большомъ болотѣ
Неожиданно мѣстечко,
Гдѣ и песъ жилья не бралъ бы,
Ни щенокъ мѣста гнѣзда.

Сыновьямъ тѣмъ Пагарэта
Мѣсто по душѣ пришлось.
Всежъ возникли пререканья:
Кто изъ нихъ хозяйномъ полнымъ
Въ томъ болотѣ долженъ стать:
Оба молодцы желали
Стать владыкою болота.

Дорогой сынъ Калевида
Неожиданно случился
Со любезными друзьями
У предѣловъ Кикерпэра,
Коль тутъ драка на зубахъ
Искры понесла на крышу,
Огонекъ на потолокъ.

Мальчуганы Пагарэта
Тутъ дрались за волоса,
Другъ у друга чубы трепля,
Какъ издали Калевида
Ужъ идущаго признали,
Успокоили вражду,
Разомъ молвили тутъ парни:
„Другъ, сюда свой путь направь,
Разсуди ты насъ по правдѣ,
Распри шумъ ты потуши!“

Сынъ могучій Калевида
Понялъ, тотчасъ отвѣчалъ:
„Разъясните поводъ споровъ,
Основанье вашей распри!
Вихрь изъ вѣтра возникаетъ,
Слезы дождевыя изъ тучъ,
Ссора изъ гнѣва (родится),
Дѣло судебное — изъ распри;
Потому и объясните
Поводъ спора поподробнѣй.“

Пагарэта старшій сынъ
Таковую рѣчь повелъ:
„Изъ болота недоразумѣнье,
Изъ трясины — распря наша,
Мѣсто кто изъ насъ нашелъ,
Быть кому владыкой топи.
Рядомъ мы изъ дома шли,
Вмѣстѣ дорогу топтали,
Вмѣстѣ мы сюда шагали,
Всеже я былъ ближе къ краю,
Братъ ступалъ со внѣ:
Потому и ясно видно,
Что оно мое владѣнье!“

Сынъ Калева отвѣчалъ:
„Косматоглавые [2]) мальчишки,
Слабоумные парнишки!
Вмѣстѣ вы изъ дома шли,
Вмѣстѣ и къ болоту шагали,
Краемъ болота шатались,
Гдѣ никто изъ васъ не жилъ,
Не осѣлъ еще на мѣстѣ:
Нѣтъ владыки у болота,
Нѣтъ хозяина у мѣста.
Глушь негодную сію,
Отъ коей ни людямъ выгодъ,
Также — пользы для скота,
Будущимъ хочу я вамъ
Укрывалищемъ тутъ выбрать,
Въ мѣсто жительства дарить:
Гдѣ отъ хищныхъ вы щенятъ
Можете (легко) укрыться;
Большая половина большему,
Меньшая же меньшему.“

Мальчуганы Пагарэта
Сына Калева просить:
„Братецъ, ты возьмись болото
Самъ трясину разграничить,

На двѣ части раздѣлить,
Чтобы новой у насъ тяжбы,
Распри болѣ не возникло.
Жадность временемъ могла бъ
Удлиняя межей линіи,
Вкривь борозды провести,
Коль не ставить въ утвержденье
Камни по краямъ (для памяти),
По шнуру во всѣхъ углахъ.“

Дорогой сынъ Калевида
Молвилъ имъ слова такія:
„Кто деревенскую тяжбу
Разъ улаживать взялся,
Долженъ ее и закончить,
Дѣло (сполна I) разъяснить.
Сынъ любезный Алевида!
Шнуръ мѣрительный достань,
Межевальную вервь возьми,
Шнуромъ трясину размѣрь
На двѣ части посединѣ,
Въ промежуткѣ бразду веди
Для границы межу длинную,
Камни на границѣ ставь,
Колья по краямъ воткни:
Пререканья не возникнутъ,
Гнѣвныхъ споровъ ужъ(не будетъ).“

Сынъ любезный Алевида
Поспѣшилъ исполнить дѣло,
Сына Калева велѣнье
Съ другомъ вмѣстѣ сотворить.

Сынъ могучій Калевида
Повернулъ на путь другой
Нужныя дѣла исполнить,
Произвесть великія работы.
Сынъ любезный Алевида,
Дѣло съ другомъ выполняя,
Думалъ въ основу измѣренья
Пунктъ на брегѣ взять рѣчномъ,
Мѣсто мѣры — въ Мустапаллѣ,
Гдѣ онъ колья утвердить,
Начало межи назначить хотѣлъ.
Древній духъ раздора,
Что не хочетъ христіанъ
Безъ соблазна гдѣ оставить,
Пакостить ужъ былъ готовъ:
Надъ водами поднялъ голову,
Изъ подъ волнъ прищуривъ взоры,
Хитро началъ вопрошать,
Такъ насмѣшливо пытать:
„Молодцы, какую работу
Тайно тутъ вы производите,
Торопясь справляете?
Ужъ не времени-ли мало,
Меньше-ль чѣмъ у птицелова,
Коего добыча вдругъ
Ускользнула изъ силковъ?
Мыслью добыча въ мѣшкѣ ловца,
Какъ за нею онъ погнался.“

Алевида сынъ понялъ
Пагарэта издѣванье,
Хоть душа ушла во пятки, 3)
Все жъ безстрашно отвѣчалъ:
„Рѣку задержать хотѣлъ бы,
Уловить теченье водъ,
Также волны поопутать
И ходовъ мѣста связать,
Чтобы тварь не шевельнулась,
Не моглабы внутрь проникнуть,
И не вырвалась бы вонъ.“
Старый дворъ для духа водъ
И подъ сѣнью водъ семья,
Да кровать въ притонѣ тайномъ
По привычкѣ (равно) милы,
Путь знакомый очень удобенъ;
Потому устами ласки,
Сладкимъ языкомъ заманчиво
Сына Алева такъ взмолилъ:
„Не шнуруй ты рѣченьки,
Не опутывай воды,
Ходовъ (моихъ) не городи,
Не закладывай дорогъ,
Ходы пусть не связаны,
Выходы не заколочены.
Я готовъ не малый выкупъ,
Что запросишь, полной мѣрой
Не переча тебѣ дать
И не споря уплатить.“

Алевида сынъ понялъ
Тотчасъ выгоду, отвѣтилъ:
„Что же именно, парнишка,

Обѣщаешь за мировую,
Если, договоръ скрѣпляя,
Дѣло дружески поладимъ?“
Хитрый духъ водъ отвѣчалъ:
„Что мнѣ въ выкупъ предложить,
Обѣщать за мировую,
Долженъ самъ ты объявить!“
Молвилъ тутъ Алева сынъ:
„Если пригоршней снесешь
Полную тулью старой шляпы
Талеровъ до самаго верха,
Лишь тогда я не свяжу,
Не опутаю проходовъ.“
Отвѣчаетъ водный духъ:
„Завтра рано поутру
Обѣщаю принесть талеровъ,
Денегъ полную тулью шляпы“.
Сынъ Алева отвѣчаетъ:
„За рога быка вяжутъ
На словахъ людей ловятъ.
Долгъ условленный неси
Въ исполненье обѣщанья:
Не то распря у насъ будетъ,
Снова пререканья возникнутъ.“
Внизъ духъ водный погрузился,
Опустился на дно рѣчное.
Родичъ сына Калевида,
Алевида хитрый сынъ,
(Тутъ же) ночью яму вырылъ
Вмѣстѣ съ другомъ подъ муравой,
Глубиной почти въ сажень,
Дно широкое, узкій верхъ,
На подобье тульи шляпы;
Шляпу крышкою приладилъ
На отверстье на муравѣ;
На днѣ шляпы онъ прорѣзалъ
Сбоку тайное отверзтье,
Чтобы втасканная ноша
Въ яму цѣликомъ спадала.
Пураскъ [4]) на другой день несъ
На зарѣ ужъ цѣлый возъ
Старыхъ шведскихъ рублей,
Что и шляпы донышка
Не могли (вполнѣ) покрыть.
Парень несъ еще полу,
Притащилъ и третій возъ,
Притащилъ четвертый возъ,
Въ пятый разъ еще сокровищъ,
Злата въ добавокъ въ шестой,
Но и этого не хватало,
Чтобы шляпу всю наполнить.
Ужъ запасы истощались,
У бѣдняжки богатства кончались,
Денегъ сундуки ужъ выскребъ,
Вымелъ начисто до дна,
Опорожнилъ кошельки
И карманы, чтобъ слово исполнить.
Все жъ напрасны работа и трудъ,
Поиски совсѣмъ безуспѣшны:
Шляпа все пустой стояла,
Не хотѣла наполняться,
Не росла вверху куча.

Водный духъ уже началъ
Сына Алева просить:
„Недодачу повѣрь мнѣ въ долгъ,
Потерпи, братъ дорогой!
Лѣто къ осени пойдетъ,
Уплачу тебѣ я долгъ,
Принесу добавокъ шляпѣ,
Кучей пока не подымется.“

Сынъ любезный Алевида
Очень хитро отвѣчалъ:
„За рога быка вяжутъ,
На словахъ людей ловятъ!
Дологъ путь идущему,
Долго время ждущему.
Долгъ безсрочный собственность другаго,
Тотчасъ уплати обѣщанное,
Иль исполню я угрозы,
Всѣ твои ходы свяжу,
Врата водныя опутаю,
Инда тварь не шевельнется,
Не проникнетъ кто-либо вкутрь,
И не вырвется наружу.“
У бѣдняжки воднаго духа,
У сыночка Пагарэта
Лучшаго исхода не осталось,
Какъ отправиться домой,

Помощи у матери искать,
У нея занять добавокъ.
Мысли тайныя питая,
Говорить обманщикъ началъ:
„Сынъ любезный Алевида!
Въ исполненье обѣщанья
Не переча готовъ наполнить
Шляпу твою со верхомъ,
Коль сопуствовать ты будешь,
Прекаиій тогда не будетъ,
Ни откуда болѣе обмана.“
Древній коварный искуситель
Сына Алева старался
Отъ сокровища отвлечь;
Сынъ однако Алевида
Понялъ умыслы парнишки,
Искушенье злаго духа,
Чѣмъ хотѣлъ его подвесть!
Рѣчь такую онъ повелъ:
„(Лучше) ты ступай, дружокъ,
Калевида оруженосецъ,
Навѣстить долговый дворъ,
Поздравлять его знакомыхъ.
Помоги нести мѣшокъ,
Коль у парня ноша тяжелая,
Самому же мнѣ не можно
Путь сегодня совершить:
Долженъ скалой на днѣ морскомъ,
Мощнымъ дубомъ на вѣтру
Сторожить сокровище,
Охранять сборъ серебра.“
Калевида оруженосецъ
Поспѣшилъ приказъ исполнить.
Водный духъ ступалъ впередъ,
Алевида же помощникъ
По его пятамъ шелъ сзади,
Путь невѣдомый топталъ,
Мчался тайными стезями
Въ предѣлахъ подземнаго мрака,
Гдѣ доселѣ не ходила
И нога живаго люда.
Даже взоры дѣтей свѣта
Раньше мѣстъ сихъ не видали.
У помощника Алевида
Въ пятку ужъ душа ушла.
Лишь по долгомъ странствіи
Коппеля злаго достигли,
Игрища царства тѣней,
Гдѣ заря не восходитъ,
Гдѣ свѣтъ сумерекъ не мерцаетъ,
Днемъ тамъ солнце не сіяетъ,
Ночью мѣсяцъ не мерцаетъ,
Взоры звѣздъ пути не кажутъ
Въ страны мрака (безпрерывнаго).
Постепенно началъ проблескъ,
Свѣтъ мерцать имъ на пути,
Ибо на столбахъ воротъ
Кадки со смолой горѣли.
Лишь они вдвоемъ въ избу
Чрезъ порогъ вступить (успѣли),
Братья духа водъ пришли
Гостя (съ честью) принимать,
Попросили на скамью,
Усадили за столомъ
Посреди кубковъ златыхъ,
Промежъ серебрянныхъ чашъ,
Что для молодца чужаго
Было признакомъ богатства,
Славную семью являло.
Честолюбіе считается
Ада жителей наслѣдьемъ,
Потому и столъ для яствъ
Парни гостю роскошно убрали.
Калевида оруженосецъ,
Страшно уже оробѣвъ,
Яствъ для гостя не могъ принять,
Ни вкусить чего изъ чашекъ,
Изъ кубка не могъ онъ жидкости,
Сладкой влаги медовой
И глотка поднесть ко рту,
Такъ какъ огненныя искры
Вонъ клубилися изъ чашъ,
Поднимались вверхъ изъ кружекъ
Изъ кубковъ неслись на встрѣчу.
Пагарэта сыновья
Тутъ начали межь собою
Непонятную рѣчь вести,
Говорить на адскомъ языкѣ,
Извращая и коверкая,
Какъ латышъ прищелкивая,

Чего гость не понималъ.
Калевида оруженосецъ
Въ безпокойствѣ размышлялъ,
Горячо подумывалъ:
„Злополучье ужъ грозитъ!
На поляхъ цвѣтущей юности
Мальчикомъ пожалуй увяну;
Получая друга добычу,
Тайнымъ образомъ умру,
Не поплачутъ дѣвы юныя,
Не печалятся кудрявоголовыя.
Алевида жадный сынъ,
Ты, который друга въ путы,
Въ сѣти ада заключилъ!
Лучше гораздо яйца половина,
Чѣмъ пустая скорлупа.“

Послѣ долгаго совѣта,
Обсужденья тайныхъ плановъ,
Принялися кочерги —
Адскіе тѣ мальчуганы
Забавляяся играть.
Взяли гостя они игрушкой,
Что какъ рюха небольшая,
Дискъ на игрищѣ катимый,
Рѣзво долженъ былъ летать,
Вихремъ вѣтра танцовать.
Ада сыновья метали,
Перебрасывая оруженосца,
Все изъ рукъ да въ руки;
Какъ кошачья сумка бѣдняжка,
Пыжикъ пакли развѣваемый,
Отъ стѣны къ стѣнѣ леталъ,
Изъ угла въ уголъ другой.
Сына Алева дружекъ
(Сталъ) мальчишекъ умолять:
*„Братцы, качатели драгіе!
Опустите, я прошу,
Здѣсь на черную мураву,
Здѣсь на адскій полъ (меня).
Ждите, стѣны пока измѣрю,
Шнуромъ углы (обведу),
По длинѣ избу тесьмой,
Нитью — ширину избы,
Чтобы дома разсказать,
Объяснить (своимъ) друзьямъ:
Какъ высоко вы кружили,
Какъ кидаючи катали.“ *
Лишь бѣдняжкѣ дали волю,
Мальчугану (дали) отдыхъ,
Снялъ онъ съ пояса веревки,
Чѣмъ болото прежде мѣрилъ,
Чѣмъ трясину межевалъ,
Началъ стѣны измѣрять,
Уголки всѣ шнуровать;
Мѣрилъ въ длину половину,
Въ ширь другую протянулъ,
Третью мѣрилъ въ вышину,
А четвертую наискось;
Косяки въ длину дверные,
Въ ширину порогъ дверной.
Къ счастью спасся тутъ чрезъ дверь,
Молодецъ пустился въ бѣгъ,
Вихремъ вѣтра прочь помчался.
Не имѣлъ бѣдняжка мочи
Оглянуться чрезъ плечо,
Обратить глаза къ пятамъ,
Прежде чѣмъ на свѣтъ широкій,
На сіянье солнца вышелъ,
Гдѣ ужъ козни злаго (духа),
Путы адскихъ обитателей
Болѣе не достигаютъ.

Сторожъ адскій у воротъ,
Охранитель двери крикнулъ:
„Хочешь ты свое блужданье,
Посчастливѣй завершить,
Изъ сѣтей спастися ада,
Путь направо поверни!“
Все жъ бѣдняжка не могъ домой
Безъ преслѣдованья поспѣть.
Воленъ доблестный герой,
Какъ кукушка на ели,
На макушкѣ пѣвчая птица;
У малаго же пять бѣдъ,
Да еще разъ шесть задержки.

Калевида оруженосецъ,
Удаляясь пытокъ ада,
Кознямъ впервые подвергся,
Какъ ему собачка сучка
Съ нею два еще щенка

Повстрѣчались на пути.
Сучка та, мать юдалянъ [5]),
Вихремъ изъ Торгеля неслась,
Гдѣ попариться ходила.
Тутъ то другу Алевида
Рѣчи стража у воротъ
Вдругъ явилися на умъ:
Тотчасъ вправо повернулъ,
Путь другой топтать (началъ);
Летомъ сучка пронеслась,
Вихремъ мимо него (мчалась),
Такъ что даже волосокъ
У него не шевельнулся.

Ноги шире раздвигая,
Быстрымъ ходомъ все несясь,
Алевида другъ достигъ
Наконецъ рѣчнаго брега,
Гдѣ ужъ тайную яму Алевъ
Вырылъ глубоко (въ землѣ)
Для обмана сына ада.
Подъ травой глубокая яма
О продѣлкѣ знать давала;
Шляпа, крышкой положенная,
Также денегъ возъ богатый
Вмѣстѣ съ сторожемъ пропали.

Калевида оруженосецъ
Вслѣдъ за Алевомъ погнался,
Чтобы друга отыскать.

Удалецъ духъ водяной
Мчался по пятамъ его;
Издѣваясь надъ мальчуганомъ,
Такъ хитро онъ вопрошалъ:
„Не жигалка-ли въ твоихъ штанахъ,
Аль слѣпень сидитъ въ з—цѣ?
Почему у насъ, парнишка,
Злата возъ ты позабылъ?
Я не смогъ мѣшокъ тяжелый
Изъ дому одинъ тащить.
Постараемся иначе
Договоръ свой поуладить:
Или силу испытаемъ,
Иль взапуски будемъ бѣгать,
Кто царемъ въ побѣдѣ будетъ?“

Удалецъ духъ водяной
Про себя такъ размышлялъ:
Мудрость конечно на ихъ сторонѣ,
Сила жъ въ моемъ распоряженьи.

Калевида оруженосецъ
Тотчасъ понялъ, отвѣчалъ:
„Коли есть охота, братецъ,
Мѣсто высмотрѣть пойдемъ!“
Въ поискахъ (такаго) мѣста,
Гору Нэрска они узрѣли;
Тутъ понравилось имъ сразу
Выбрать мѣсто состязанья.
Не успѣли молодцы
Ноги на гору поднять,
Какъ дорогой повстрѣчались
Сынъ любезный Калевида
Да любезный сынъ Алева.
Сей послѣдній скрылъ въ убѣжищѣ
Средь кустарника густаго
Духа воднаго сокровище.

Сынъ Калева тотчасъ молвилъ:
„Эво, братецъ дорогой!
Гдѣ сего ты латышенка
Взялъ себѣ проводникомъ?
Странный сей твой незнакомецъ
Родомъ племенемъ отколь?“

Сынъ Алева отвѣчалъ:
„Незнакомецъ — мой должникъ;
Съ нимъ во сдѣлку я вступилъ,
Шляпы онъ не могъ наполнить.“
Молвилъ тутъ оруженосецъ:
„Незнакомецъ — мой противникъ,
Договоръ я сдѣлалъ съ нимъ
Состязанье предпринять
Для забавы на Нэрска горѣ.“

Сынъ могучій Калевида
Издѣваяся сказалъ:
„Выростай, мой золотенькій,
Вытянись, любезный братецъ,
(Выше) подымись, дружокъ,
Для тяжелѣйшаго часа
Сила еще очень мала! “

Такъ молвя, онъ сунулъ
Въ свой карманъ оруженосца,
Чтобъ въ штанахъ тотъ развивался;
Самъ помчался быстрымъ шагомъ

Забавляться на гору Нэрска,
Состязаться съ незнакомцемъ.

Выбрали забавой первой
Камня въ перекидку метанье:
Камень чей подалѣе
Пролетитъ изъ пращи.

Водный духъ бѣдняжечка
Первый долженъ былъ швырнуть
Камень изъ пращи навзлетъ.
Лапами оцѣпенѣлыми,
Толстыми пальцами парень
Камень (взятый) полдня вправлялъ,
Устанавливалъ въ петлю.
Пращу летаючи заставилъ
Десять разъ вращаться;
Лишь потомъ метнулъ онъ камень,
Вихремъ вѣтра понестись.

Гдѣ же камень опустился,
Гдѣ онъ брошенный упалъ?
Камень палъ у брега озера,
На краю Вирцгерва (палъ),
Въ десяти шагахъ отъ берега.
Камень можете безъ копѣйки
Ясно видѣть своими глазэми,
Что какъ убогаго мужичка,
Бобыля хозяйскаго баня.

Состязанье въ бросаньи изъ пращи
У Калева на очереди;
Не было нужды у него
Ни въ подъемѣ, ни въ рычагѣ.
Съ помощью десяти пальцевъ
Онъ уладилъ малую работу,
Камень въ петельку наставилъ
Какъ разъ на самое мѣсто;
Сильною дланью заставилъ
Камень изъ пращи летѣть,
Вихремъ вѣтра понестись.
Въ вѣтрѣ поднялся свистъ,
Шумъ былъ слышенъ въ высотѣ,
Камень далече летѣлъ;
Несся подобно вихрю
Въ бушеваніи волнъ морскихъ,
Близко къ Пейпусу летѣлъ;
Палъ у брега озера.

Кто бывалъ у брега Чудскаго,
Видѣлъ камень состязанья.

Водный духъ бѣдняжечка
Состязанье просилъ продолжить
И путемъ инымъ уладить.
Сынъ Калева отвѣчалъ:
„Я согласенъ съ тобою, парнишка!
Я борьбы не презираю,
Состязанья не боюсь;
Укрѣпляетъ борьба силу,
Мощь героя ростетъ въ игрѣ.
Въ руки возьмемъ палку силы,
Кто кого изъ насъ натужась
Приподыметъ съ земли выше.“

Молодцы на муравѣ сѣли,
Уперлись ногами въ ноги,
Духа водъ дубину крѣпкую
Взяли въ руки палкой силы.
Понатужился духъ водъ,
Былъ готовъ порвать свои руки,
Растянуть и жилы плечъ,
Все-жъ не могъ онъ супостата,
Калевида приподнять,
Или съ мѣста его сдвинуть.
Сынъ Калева уперъ пяту
Крѣпче супротивъ его,
Сжалъ сильнѣе свои пальцы,
Протянувъ кругомъ той палки.
Не на шутку притянулъ,
Швырнулъ духа водянаго,
Какъ пустой паклевый кужель,
Мчаться на крыльяхъ вѣтра;
Голова разъ кувырнулась,
Къ небу подошвы взлетѣли,
Пальцы съ палки силы сошли,
Парень птицей полетѣлъ,
Кубаремъ верстъ семь пронесся,
Милю цѣлую онъ несся,
Хлопнулся тутъ на земь въ чащу,
Посединѣ бугорковъ,
Гдѣ не могъ въ шесть дней,
Въ седьмой прояснить глаза,
Шею вытянуть въ восьмой,
Двинуть членами своими,
Выпрямить встрясенное тѣло.

Сынъ могучій Калевида
Посмѣялся надъ забавой,
Алевъ началъ зубоскалить,
Парень въ карманѣ издѣвался
Надъ бѣдою воднаго духа.
Взрывы смѣха великановъ
Раздались какъ грохотъ Кыо
Чрезъ широкую поляну,
Чрезъ густую чащу лѣса,
Потрясая сильно землю,
(Съ шумомъ) колебля холмы.

Сынъ любезный Алевида
Разсказалъ тутъ объ обманѣ,
Какъ изрѣзанною шляпой
Въ Мустапаллѣ молодца
Хорошенько поднадулъ,
Взялъ сокровище духа водъ.
Изреченье сына Алева:
„За рога быка вяжутъ,
На словахъ людей ловятъ“
Лишь услышалъ сынъ Калева
Тотчасъ вздрогнулъ, вспоминая:
Долгъ за мечъ еще не уплаченъ
Не доставленъ кузнецу.

Сынъ могучій Калевида
Рѣчь такую тутъ повелъ:
*„Сынъ Алева, братъ любезный,
Живо ты сходи домой,
Понесись подъ дворъ на сивкѣ,
На гнѣдомъ черезъ коппель
Въ славную семью Калева,
Въ старыхъ талеровъ усадьбу;
На брегѣ кораблики займи,
Широчайшія ладьи,
Также лучшіе челноки;
Грузовые корабли подъ злато,
Челны слитки серебра носить.
А ладьи возить сокровища.
Найми для плаванья мужей,
Крѣпчайшихъ рулевать найми,
Друзей въ сообществѣ грести;
Возьми припасовъ, возьми сокровища
Для потребы на пути.
А затѣмъ ты нагрузи:
Девять добрыхъ лошадей,
Восемь заводскихъ кобылъ,
Двадцать дойныхъ коровъ,
Пятьдесятъ лучшихъ телятъ,
Сто ластовъ пшеницы,
Полтора челна ржи,
Тысячу старыхъ талеровъ,
Сто паръ ожерелій,
Двѣсти денегъ золотыхъ.
Пряжекъ охабку грудныхъ,
Дѣвъ пяти приданое,
Пару челноковъ прибавь
Съ древнимъ моимъ кладомъ
Возъ товаровъ дорогихъ вези,
По морю въ Суомію плывя,
Въ домъ славнаго кузнеца;
Уплати цѣну меча,
Долгъ отдай не прекословя;
Злата сверхъ торговъ прибавь,
Серебра за ожиданье,
Въ примиренье дяди отца.“
Сынъ любезный Алевида
Поспѣшилъ приказъ исполнить,
Торопился быстро въ путь,
Направляяся въ Гаррію.

Сынъ могучій Калевида
На муравѣ тутъ садится,
Отдохнуть въ тѣни куста,
Положенье въ умѣ обдумать,
Размышлять о дѣлахъ,
О послѣднихъ извѣстьяхъ изъ Виру,
О зловѣщихъ брани слухахъ.
„Гдѣ найду надежное мѣсто,
Молвилъ сынъ могучій,
Гдѣ пріютъ для немощныхъ?
Приплывутъ враговъ толпы,
Рати полчища (придутъ)
На широкія поля Виру,
На стези земли Гервы —
Тутъ и нужны крѣпки стѣны,
Муры прочные нужны,
Укрывалищемъ для дряхлыхъ,
Старцамъ покойнымъ пріютомъ,
(Юнымъ) дѣвамъ убѣжищемъ,
Кудрявоголовымъ защитой,

Слабымъ — свѣтлицей плача,
Вдовамъ — комнатой печали.“*

Сынъ могучій Калевида
Мудрой мыслію задумалъ:
„Доставать отправлюсь досокъ,
Для строеній покупать,
Чудные хочу построить
Города въ защиту люда:
Въ радость матушки одинъ,
Для красы могилы дѣда,
На скалѣ крутой поставить;
Градъ другой на горѣ Тары,
У брега Матери - рѣки,
Рощѣ Тары для защиты;
Третій въ Янской сторонѣ,
Въ глуби тайнаго болота;
Градъ еще въ Аментагѣ
Укрывалищемъ для старцевъ,
Бѣднымъ сиротамъ защитой.
Нынѣ въ путь не отправляюсь,
Лучше тѣломъ отдохну;
Завтра рано поутру
Поспѣшу топтать дорогу
Въ страны озера Чудскаго.
Той порою въ Суоміи Алевъ
Долгъ за мечъ уплатитъ!“
Изъ кармана хотѣлъ взять ножъ,
Какъ нечаянно рука
Мальчугана тамъ коснулась,
Что какъ свинья въ мѣшкѣ,
Выбраться оттуда не могъ,
И помочь себѣ не могъ.
Сынъ могучій Калевида
Издѣвательски сказалъ:
„Вишь! Какая блошка
Уменя въ штанахъ щекочетъ?
Выступи ка, братецъ, вонъ,
Поправляться на вѣтру,
Развиваться при сіяніи солнца,
Возрастать на лунномъ свѣтѣ!
Слушай, милый оруженосецъ,
Внемли словамъ, молодецъ,
Въ пользу твою я говорю,
Въ руководство тебѣ реку!
Слушай ты, орла питомецъ:
Коль у тебя поздняка
Въ крыльяхъ крѣпчайшихъ
Перья парящія не выросли,
Не стремися ты летать!
Будетъ лихой искушать,
Ратоборецъ тебя путать:
Пусть придетъ опора изъ мудрости,
Изъ разсудка лучшій помощникъ;
Издѣваньемъ врага старайся
Да коварствомъ ты опутать,
Сила пока не увеличится,
Не родится больше мощи.
Что ты, слабый парнишка,
Выставилъ бы въ состязаніи
Духу водъ, исчадью ада?“

Алевида родичъ милый
Понялъ, тотчасъ отвѣчалъ:
„Что я, слабенькій парнишка,
Выставилъ бы въ состязаніи
Духу водъ, исчадію ада, —
Это ясно очевидно
Показало дѣло Алева,
Какъ онъ ставилъ лѣтню шляпу
Ямы отверстія покрышкой:
Такъ и я молоденькій
Въ состязаніе вступилъ бы,
Издѣваясь подвелъ бы демона.“

Сынъ могучій Калевида
Рѣчь такую тутъ повелъ:
„Вытянись на пядень, братецъ,
Выростай ты на двѣ выше,
Толще, парень, раздавайся,
Развивайся посильнѣй
Для послѣдующей жизни,
Въ пользу будущаго вѣка!
Провожатымъ ты останься,
Дальше я пока схожу
Въ страны озера Чудскаго
Выполнить необходимое.
Коль гонцы ко мнѣ придутъ,
Скороходы съ вѣстью бранной
Изъ Вироніи сюда придутъ,
Поведи ихъ, другъ, немедля,
Въ страны озера Чудскаго,

Гдѣ намѣренъ остановиться,
Проведу въ дѣлахъ хоть время.“
При бесѣдѣ брали ужинъ,
Пищу въ подкрѣпленье тѣла,
Жидкости для закаленія,
Прежде чѣмъ они легли
Подъ кустами отдохнуть.
*Облекалъ ужъ саванъ ночи
Рощи кровъ безмолвія вокругъ,
Замыкая языки пташекъ,
Голоса (на землѣ) живущихъ;
При блескѣ жучка свѣтляка 6)
Стрекоза трещала въ красу лѣта,
На лету пищалъ комаръ,
Дергачъ на полѣ ржаномъ,
Лысуха 7) у водныхъ береговъ;
Признака жизни иного не было,
Дальнихъ вѣстниковъ нигдѣ
И гласителей среброклювыхъ.
Съ неба звѣзды взирали,
Ликъ луны лишь освѣщалъ
Отдыхающихъ въ безмолвіи; *
Сновидѣнье ткало образы
Предъ глазами дремлющихъ.

---

*Дѣва воздуха чудесная,
Дочь Кыо кудрявоголовая,
Синекрылая та птичка
Много летѣла, много парила,
Въ обширный боръ летѣла,
Гдѣ и стадо не паслось,
Стадо не паслось, рабъ не бродилъ,
Птичья нога макушекъ касалась,
Тайный змѣй подъ мохомъ ползалъ;
Здѣсь прохаживалась дѣва,
Шла путемъ веселія.
Что она въ лѣсу замѣтила,
Что на пути она узрѣла?
Колодезь вырытъ былъ глубокій,
Выкопанъ бездонный ровъ;
Стези скота къ колодцу шли,
Тропы отъ людскихъ слѣдовъ.
Дѣва воздуха чудесная,
Дочь Кыо кудрявоголовая
Брала влагу изъ колодца,
Извлекала золотою оцѣпью,
Черпала соребряннымъ ведромъ.
Сынъ лѣса мальчуганъ,
Косоглазаго питомецъ,
Дѣву чудную замѣтилъ,
Какъ она воду черпала,
И на помощь поспѣшилъ.
Дѣва воздуха чудесная,
Кудрявоголовая дочь Кыо,
Можетъ парня испугавшись,
Руку внизъ вдругъ опустила,
Перстень съ пальца потеряла.

Дѣва воздуха чудесная,
Кудрявоголовая дочь Кыо,
Синекрылая та пташка,
Горько тужила въ бѣдѣ,
Звала дружескаго парня,
Такъ помощника манила:
„Кто бы перстень мой изъ бездны,
Изъ подъ водъ досталъ бы злато?“

Сынъ Калева дорогой
Тутъ услышалъ дѣвы скорбь,
Птички сей печальны вопли,
Дочери на помощь шелъ,
Рѣчь такую тутъ повелъ:
„Что ты плачешь, дѣвица,
Что, кудрявая, вопишь,
Птичка чудная, печалишься?“

Дѣва воздуха прелестная
Тотчасъ поняла вопросъ,
Ласково въ отвѣтъ запѣла:
„Что я, дѣвица, тутъ плачу,
Что кудрявая печалюсь?
Воду изъ колодца черпая,
Съ пальца перстень уронила,
Злато подъ воду катилось.“

Сынъ могучій Калевида
Прыгнулъ тотчасъ же въ колодезь,
Перстень отыскать спѣша.

Чародѣи большой толпой
Стали его искушать;
„Мышь сама попала въ ловушку,

Въ путы въ колодезь — медвѣдь!
Камень, братцы, вы возьмите,
На затылокъ его опустимъ,
Мужу сильному на шею! “
Мельничный жерновъ катили
Быстро къ срубу того колодца,
Съ выси опустили въ колодезь,
Чтобъ героя придавить,
Умертвить большаго медвѣдя.
Сынъ Калева дорогой,
Долго перстень поискавъ,
Выскочилъ вновь на колодезь.

Что же перстнемъ на пальцѣ его?
Жерновъ вертится въ рукѣ,
Палецъ сквозь ячею продѣтъ.
Сынъ Калева вопрошаетъ:
„Дѣва воздуха прелестная,
Дочь Кыо кудрявоголовая,
Синекрылая ты птичка,
Твой ли это перстенекъ,
Что упалъ съ перста въ колодезь,
Что подъ воды покатился?
Въ тинѣ не нашелъ иного,
Пальцевъ большій не коснулся.“ *

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Paha*r*ät — одно изъ наименованій злаго начала, носящаго слѣды чуждаго вліянія на представленія древнихъ Эстовъ о владыкѣ подземнаго царства. Можетъ быть этимологическій составъ слова оправдываетъ мысль о чуждомъ вліяніи. Paha*r*ät — можно разложить на два слова: paha — дурной, худой, и rät; послѣдняя половина, можетъ быть, имѣетъ общій корень съ общеславянскимъ krа, krt, rät, чертъ.

1) Въ оригиналѣ стоитъ слово pöörаs pääga; основываясь на финскомъ словѣ „pörha,“ что значитъ косматый, я перевелъ его словомъ, „косматоголовый,“ ибо pörha, по закону перехода финскаго звука h въ эстонское s, можетъ быть и признано тожественнымъ съ pöörаs. “

3) Буквально собств: „хотя заяцъ былъ уже наполовину въ штанахъ,“ т. е. ноги тряслись.

4) Purask — одно изъ наименованій водянаго духа. Можетъ быть оно происходитъ отъ финскаго purаan, purisen — журчать, струиться, пѣниться. Пураскъ далѣе (ст. 307) представляется сыномъ Пагарэта и называется парнемъ (ст. 286).

5) Juudaline, Juudas, Латышск. Jüds (юадсъ) финск. Juutas — вѣроятно происходятъ отъ одного корня. Въ Калевалѣ (XIII, 106-108. XVII, 278) Juutas представляется злымъ существомъ. По Шифнеру, корень этого слова происходитъ отъ литовскаго — jüdas, черный, а Кастренъ считаетъ его понятіемъ, заимствованнымъ изъ христіанства.

6) Siugu sitikas; можно думать, что Siugu происходитъ отъ финскаго siukoon-kon. отражать, мерцать, сверкать.

7) Wutt-лат. Fulika atra.

ОДИНАДЦАТАЯ ПѢСНЬ.

Калевичъ идетъ изъ Пскова съ возомъ досокъ — 284; чародѣй соли крадетъ мечъ Калевича — 409; Калевичъ на берегу рѣки Кяпы, куда упалъ его мечъ — 702; мальчикъ на ночлегѣ въ лѣсной трущобѣ и его приключенія.

Вотъ ужъ ликъ зари румяный
Окаймляетъ облака
Разноцвѣтными браздами,
Золотистыми каймами,
Украшая новый день,
Какъ сынъ Калева могучій
Съ ложа на ноги вскочилъ
Съ бодрымъ взоромъ отправляться;
Нѣтъ медленья у прилежнаго,
Нѣтъ у быстраго мѣшканья.
По росѣ крѣпящей тѣло
Простиралъ шаги гигантъ,
Шелъ могучаго мужа сынъ,
Послѣ пріема „обмана птицъ,“ 1)
Къ брегу озера Чудскаго;
Пробирался по лѣсамъ,
Чрезъ широкія равнины,
Чрезъ кустарники густые,
Часть по мшистому болоту,
Часть другую по кочкарнику,
Гдѣ дороги не проведено,
Ни проторена тропинка.
* Гдѣ онъ боромъ пробирался.
Тамъ прогонъ вмигъ возникалъ,
Гдѣ болото онъ мѣсилъ,
Образовывались ямы,
Гдѣ ступалъ онъ по буграмъ,
За шагами гладь рождалась;
Понижалася гора,
Гдѣ пришлось подолѣ пяткѣ,
Пальцу ножному промедлить. *
Края озера достигши,
Калевъ 2) сталъ вокругъ глядѣть,
Не найти-ли гдѣ случайно
Челнъ удобный иль ладью,
Что бы кладь могъ уносить.
Простирая взоры вдаль
На спускающіяся волны,
Челнока нигдѣ не видѣлъ,
Ни ладьи поблизости.
Калевъ полы подобралъ
Въ складку подъ кафтана поясъ,
Напрямикъ началъ шагать,
Пробираться черезъ волны.
Посмотрѣлъ бы, братецъ, ты
Съ берега на ходъ героя,
На шаганье по волнамъ,
Не узрѣлъ бы и зоркій глазъ
Вовсе берега другаго,
Гдѣ на сушѣ могъ бъ герой
Пяту снова утвердить,
Воду съ пальцевъ отряхнуть.
Сынъ могучій Калевида
Не считалъ длину тропинки,
Тяжесть воднаго пути
Путами для ногъ своихъ,
Весело, въ пріятномъ духѣ,
Волны все онъ разбивалъ,
Воду въ брызги разсыпалъ;
Высоко она вздымалась,
Закипала въ бѣлой пѣнѣ.
Рыбы дрогнули на днѣ,
Раки въ норахъ трепетали,
Чайки въ волны погрузились,
Утки скрылися въ тростникъ,
Гула ногъ героя (боясь).
Еслибъ кто-нибудь нежданно
Той порой тутъ очутился,

Тотъ и собственными глазами
Могъ бы видѣть нѣчто странное,
Какъ загадочныя рождались вещи,
Какъ являлись тутъ чудесныя.

Въ тѣни поросли густой
Чародѣй стоялъ сокрытый,
Лучшій мудрецъ Чудскаго края.
Молодецъ, какъ лѣсовикъ,
Весь обросшій волосами,
Да щетинистый какъ боровъ,
Или какъ медвѣдь двуногій.
Съ прищурью глаза свиные
Находились въ каймѣ гноя,
Слизію запачканные.
Изъ изгибовъ рта широкаго
Бѣлая слюна пѣнилась,
Какъ изъ кабана клыковъ.
Подбородокъ какъ у кошки
Ясно зависть выдавалъ.

Волосатый сей двуногій
Лѣсовикъ какъ человѣкъ,
Родомъ соли чародѣй,
Частью и мудрецъ вѣтровъ,
Иногда мудрецъ и Маны,
Заклинаній злыхъ болтунъ,
Словъ пособія изрекатель,
Раздуватель и вѣтровъ,
Арпу ударять умѣлъ,
Сито ставить для гаданья, 3)
Образъ вора съ помощью ключа
Вызывать въ стаканѣ винномъ,
Гнѣвъ пареньемъ отводить,
Зло другому передать,
Ненависть несчастному.
Привидѣнья уменьшать,
Заграждать бѣсовскій путь;
Рѣдкія онъ зналъ леченья,
Дать здоровіе отъ вѣтра,
Разные вывихи исправить,
Излечить вконецъ ушибы,
Членъ смѣстившійся тотчасъ
Нитью красною исправить,
Чирья ртомъ высасывать,
Боли выщипать въ желудкѣ,
Зналъ слова отъ кровотека,
Задержать огонь умѣлъ,
Ядъ змѣиный обезсилить,
Зналъ слова и отъ лишая,
Вредъ у спящаго изъ почвы
Бѣлью сребра поправить,
У тщедушнаго малый ростъ
Пищей псовъ отнять умѣлъ,
Усмирять младенцевъ малыхъ,
Пареньемъ унять ихъ плачъ,
Зналъ слова противъ удара,
Противъ рожи сильныя;
Зналъ другихъ еще онъ съ дюжину,
Для унятья зубной боли,
Для леченія лихорадки,
Дѣлать солоночки умѣлъ,
Вѣникъ волшебный приготовить,
Жезлъ хранитель пастуху,
Стрѣлы обилья охотникамъ,
Рыболовамъ уду счастья,
Приворожу молодицамъ;
Путь Пустаго 4) равно умѣлъ
Изъ подъ моха разгадать,
И таскателей имущества
Оживлять на перекресткахъ,
Кладомъ денегъ по огню
Овладѣть подъ сѣнью ночи.

Нынѣ жъ онъ добра не дѣлалъ,
Коль на корточкахъ у брега
Мощно дулъ вѣтровъ слова
Все на озеро Чудское
Для вздыманья (бурныхъ) волнъ,
Для Калева искушенья.
Воды вздымалися кружась,
Волны высоко взлетали.

Съ берега вдали виднѣется
Лишь обманчивая картинка,
Какъ бы обликъ человѣка,
Тѣлоподобное изображенье,
Половина сокрыта въ волнахъ,
Въ узахъ водяной стихіи;
То подымется онъ выше,
То опустится вновь въ волны.
Хоть за десять верстъ отъ брега
Путникъ этотъ находился,
И какъ образъ онъ мелькалъ;

Глазу зоркаго всежъ виденъ
Ровня нашему герою,
Отражаяся въ волнахъ.
Давитъ плечи ноша тяжкая
Горбомъ спину гнетъ его,
Шагомъ легкимъ всежъ спѣшитъ
Къ берегу носитель воза,
Постепенно ростетъ выше,
Все замѣтнѣе становится.
Дуновенье чародѣя,
Волны въ брызги разсыпаетъ
Въ колыбели водъ кружиться,
Гдѣ высоко онѣ вздымались
Въ пѣнѣ о героя бедра.
Надъ забавой волнъ смѣясь,
(Издѣваясь) надъ игрой бури,
Сынъ Калева восклицалъ:
„Эво, эво! какой прудикъ!
Хочетъ обмочить ш . . . . . та!
Ого, ого до з—цы лужа!
Хочешь до я . . . подняться!“

Не прошло еще и часу,
Какъ ступалъ носитель клади,
Сынъ Калева ужъ по сушѣ.
Даже лошадь въ наши дни,
Или пара лучшихъ воловъ
Кладь не сдвинули бы съ мѣста,
Что тамъ несъ нашъ богатырь.

Калевида сынъ дражайшій
Несъ изъ Пскова полный хребетъ
Купленныхъ для града досокъ.
* Будетъ печальнымъ опора изъ нихъ,
Дряхлымъ старикамъ защита,
Уголъ плача для дѣвицъ,
Мѣсто сѣтованья вдовамъ,
Будетъ польза для другихъ. *
Не великъ былъ досокъ возъ
И не очень маловатъ,
По плечамъ какъ разъ герою:
Дюжинъ двадцать тутъ по счету
Возъ героя составляли,
Пара лишку еще наложена;
Толщиною доски не были
Больше трехъ гдѣ-либо дюймовъ,
Ни хватали шириною
Больше гдѣ-либо пары футовъ,
Не были нигдѣ длиной
Больше десяти сажень.
Вотъ возочекъ досокъ тѣхъ,
Что принесъ сынъ Калевида,
Что герой нашъ на полянѣ,
На мураву въ кучу бросилъ.
Съ пояса затѣмъ взялъ мечъ,
Вытащилъ его изъ ноженъ,
Волнъ вздымателю хотѣлъ,
Игроку на волынкѣ водъ,
Плату за труды воздать.
Быстрые однакожъ пальцы,
Легкія ножныя пятки,
Унесли ужъ чародѣя
Въ чащу самую темнаго лѣса,
Тамъ пріюта поискать.

Сына Калева могучаго
Водяной путь утомилъ,
Доски плечи отдавили,
Потому волхва оставилъ,
Негодяя безъ возмездья,
Началъ на широкомъ полѣ,
Собираясь на ночлегъ,
Ложе для себя готовить;
Бралъ онъ съ озернаго брега
Полную полу крупнаго песку,
А сухаго песку съ песчанника,
Относилъ все поодаль,
На полянѣ разсыпалъ:
Стало мѣсто бокамъ сухое,
Ложе спящему въ утомленіи.

Калевида сынъ драгой,
Пищу изъ мѣшка принявъ,
Изъ боченка вкусивъ влаги
Въ подкрѣпленье усталаго тѣла,
Тотчасъ высвободилъ изъ узъ,
Изъ-за пояса мечъ взялъ,
Положилъ на лѣвую сторону
Возлѣ ложа (на пескѣ),
Чтобъ коль станетъ ему бѣда
Неожиданно грозить,
Брани дружеское орудье
Тотчасъ подъ руку попало,
Растянулся въ песчаномъ ложѣ,

Чтобъ усталость уменьшить,
Разогнуть отдавленныя плечи,
Повернулъ главу къ заходу,
Ноги вытянулъ къ востоку,
Брови прямо противъ зари,
Чтобы ранній свѣтъ зари,
Щеки солнца жениха
Изъ объятій юнаго дня
Глазъ коснулися быстрѣй,
Опустилися на вѣки.
Чтобы, если вдругъ нежданно
Утомленный мужъ замедлитъ
Долѣе въ объятьяхъ сна,
Звать его пришла заря,
Свѣтъ героя торопилъ.
Правая рука простерта
Супротивъ Плеядъ и юга,
Лѣвая жъ была согнута
Къ старой Сѣверной Телѣгѣ.

Погрузились усталыя очи
Скоро въ узы сна (на ложѣ),
Быстро въ путы и дремоты:
Некогда ужъ сновидѣнью
Было спящаго забавить,
Ни рисуя образъ ложный,
Ни правдивый вызывая.

Время краткое спустя
Храпъ ужъ поле наполнялъ,
Потрясалъ поверхность суши,
Раздавался по лѣсамъ,
Воздымая волны озера,
Какъ бы Эйке угрожалъ,
Пикера 5) отецъ на тучахъ
По вѣтрамъ расхаживалъ,
Разъѣзжалъ и тамъ и сямъ.

Чудскій чародѣй въ пріютѣ,
Спрятавшійся какъ ракъ
Въ нору отъ дневнаго свѣта,
Въ храпѣ великана видѣлъ
Засыпанія примѣты,
Робкимъ шагомъ выступалъ,
Тайно къ ложу (пробираясь)
На цыпочкахъ посмотрѣть,
Шумъ откуда раздается.
Тутъ украдкой за кустомъ
Въ ложѣ Калева узрѣлъ
Подлѣ спящаго (его) мечъ.
Шагомъ ближе онъ подходитъ,
Боязливо наступая,
Тихо крадучись какъ котъ,
Не удастся-ль воровски
Мечъ героя утащить.
Негодяй тайкомъ надѣялся
Мечъ у ложа утянуть,
На краю холма стащить.

Калевида дѣльный мечъ,
Равный мощи молодца,
Не боялся чародѣя,
На муравѣ спалъ покойно,
Неподвижно подлѣ мужа,
Какъ бы зацѣпился тамъ,
Какъ бы въ землю вкоренился;
Сила вора не могла
Мечъ драгой пошевелить,
Ни съ муравы приподнять.

Чародѣй соли, словъ мудрецъ
Тутъ на хитрости пустился,
Къ тайнымъ средствамъ прибѣгалъ,
Въ ходъ пустилъ и колдовство,
Быстро соли силу пробовалъ,
Тайныя слова поднятья
И подпоры вздыманія,
Чѣмъ тѣла (всѣ) подымаются,
Обезсиливается тяжесть.
Также кланялся лунѣ,
Полагаясь на силу свѣта,
Очи къ сѣверу направилъ
Заклинанья произнося,
Рѣчь просительную шепча.

Не внималъ велѣньямъ мечъ,
Сошникъ брани — волхва словамъ,
На муравѣ все лежалъ
Онъ недвижно близь героя.

Чародѣй соли, словъ мудрецъ
Заигралъ подобно Манѣ, 6)
Для поднятія онъ пустилъ
Въ ходъ мудрѣйшія изъ чаръ:
Горсть листочковъ отъ рябины
На мечѣ тутъ разсыпалъ,
Въ кучу онъ тимьянъ 7) сносилъ,

Также плауновъ [8]) набралъ,
Одноягодники [9]) срывалъ,
Папоротника цѣлую охабку,
Все на мечъ ихъ высыпалъ,
Въ изобильи валерьяна, [10])
Черной пыли ноздряка [11])
Высыпалъ на острее.
Чаръ онъ семь еще продѣлалъ,
Пять особенно загадочныхъ,
Прошепталъ семь тайныхъ словъ,
Сложенныхъ въ мѣсяцѣ чародѣевъ,(?)
Закаленныхъ въ мѣсяцѣ свѣчъ, [12])
Связанныхъ въ мѣсяцѣ усопшихъ (?)
Счастья цвѣты Ивановой ночи,
Пареньемъ вѣдьмъ усиленные,
Кровью распутницы окрашенные,
Выпустилъ кровь изъ безъимяннаго пальца,
Воскурилъ ногти колдуна,
Нитки изъ рубахи дѣвы,
Охранителю меча въ угоду,
Въ примиреніе кошмара.

Мечъ ужъ началъ тутъ внимать
Ласкамъ словъ могучихъ Маны,
Шевелиться съ рукояти,
Посрединѣ подыматься,
Пядень поднялся, двѣ поднялся,
Выросталъ все выше, выше,
Чародѣя подмышки коснулся.

Чародѣй соли, словъ мудрецъ
Поспѣшилъ унесть покражу.
Мечъ парнишку угнеталъ,
Очень прижималъ плечо;
Тяжкое неся желѣзо,
Охалъ, да пыхтѣлъ парнишка.
Потъ горячій со щекъ его
Покрывалъ уже все тѣло,
Все жъ онъ мечъ не оставляетъ.
„Пусть рука хоть оторвется,
Пусть я съ жизнью разстанусь,
Всеже не оставлю меча.“

Чародѣй соли, словъ мудрецъ
Несъ впередъ царя мечей,
Что жралъ потъ кузнеца,
Мучилъ руки сыновей,
Тайнымъ путемъ много шаговъ,
Отдыхая порой въ кустахъ,
Чтобы двигаться впередъ.
Той порой какъ съ брега Кяпы,
Прыгая черезъ ту рѣку,
На другой скакнулъ онъ берегъ,
Мечъ нечаянно упалъ
Изъ подмышки вора въ воду,
Въ ложе волнъ глубокое,
Въ тайной безднѣ чтобъ дремать.
* Чародѣй соли, словъ мудрецъ
Тотчасъ къ помощи воззвалъ,
Началъ изрекать слова,
Заклинанья воспарили,
Заиграли слова ласканья,
Вѣтра слова раздалися,
Покатились слова водъ,
Стали Маны слова ласкать.

Калевида дѣльный мечъ
Не внималъ велѣньямъ волхва,
Принужденьямъ чародѣя,
Неподвижно лежалъ въ волнахъ,
Неприподнятъ на днѣ Кэпы. *

Ужъ когда разсвѣтъ утра
Восходилъ на небосклонѣ,
Чародѣй пустился въ бѣгъ,
Какъ бы жегъ огонь въ штанахъ!
Мечъ на днѣ рѣки оставилъ
Спать на ложѣ тины,
Самъ забрался въ чащу лѣса,
Чтобъ убѣжища искать,
Гдѣ бъ гоненій Калевида,
Мести врага не бояться.
Лишь денница занялась,
Пробудился на зарѣ
Дорогой сынъ Калевида.
Проясняя отъ сна глаза,
Мощная рука хватилась сразу
Друга на краю кровати,
Гдѣ онъ вечеромъ передъ сномъ
Убаюкалъ орудье брани,
Уложилъ поспать свой мечъ.
На травѣ мечъ добрый не былъ,
Сошникъ брани на моху.

Дорогой сынъ Калевида
Дѣло странное глядѣть.
Протирая яснѣй глаза
Отъ сонливости глухой,
Тотчасъ юноша увидѣлъ,
Въ чемъ тутъ дѣло состояло.
Путь грабителя слѣдя,
На моху ступни шаговъ,
Началъ кликать онъ свой мечъ,
Друга звать пропавшаго:
„Слушай, мечъ, что я кукую,
Птичка сѣтуя пою!
Повинуйся зову брата,
Внемли друга пожеланьямъ,
Что взываю я къ лѣсамъ,
Отсылаю на поляны,
Въ чащу кустарника воплю!
Отвѣчай, мой мудрый братецъ,
Отзовись мнѣ вопрошающему:
Кто тебя похитилъ ночью,
Въ воровскихъ когтяхъ унесъ?
Свыше взоры Укко видѣли,
Таровичи съ поднебесья
На шаги взирали вора.
Божескія указанья
Могутъ тутъ поправить дѣло.
Для людей то чудо меча,
Тайна дѣла неизвѣстна:
Не могли они, какъ воры,
Утащить тяжелое желѣзо.
Родичъ по отцу въ Суоміи
Тайно этотъ мечъ создалъ,
Самъ желѣзными руками
Силу въ острее влагалъ,
Семь работалъ цѣлыхъ лѣтъ,
Трудъ работу совершалъ
Надъ мечемъ тѣмъ царскимъ.
Взялъ семи сортовъ желѣзо,
Сталь же проволокъ семи,
Раздувая мѣхи спаялъ
Проволоки тѣ въ шары:
Изъ того-то создалъ мечъ,
Изготовилъ желѣзо брани.
Распѣвалъ семь тайныхъ рунъ
Ежедневно предъ зарей
Рано до разсвѣта,
Закалилъ въ семи колодцахъ
Мягкій мечъ семью водами,
Острее въ семи струяхъ.
Рукоять изъ серебра,
Пуговка изъ желтаго злата,
Пряжка — толстаго агата.
Чародѣя шельму знаю,
Раздувателя волнъ Чудскихъ:
Негодяй — меча грабитель!
Родичи чародѣя соли
Искони мои враги,
Пакостить всегда способны.
Если я его случайно
Захвачу орла когтями,
Сотню тутъ хочу ударовъ
Нанести врагу лихому.
Тяжело на вѣсъ желѣзо,
Мечъ герою кованный,
Для ничтожной силы вора;
Унести не могъ далеко
Чародѣй воинскій сошникъ.
Слушай, мечъ, что я кукую,
Птичкой сѣтуя пою!
Повинуйся зову брата,
Внемли друга пожеланьямъ,
Нѣжнымъ ласкамъ героя,
Что взываю я къ лѣсамъ,
Посылаю на равнины,
Въ чащу кустиковъ воплю!
Отвѣчай, мой мудрый братецъ,
Отзовись мнѣ вопрошающему!“
Сынъ могучій Калевида
Уши тотчасъ навострилъ,
Не отвѣтитъ ли ему мечъ,
Не откликнется-ль желѣзо.
Землю осѣняло безмолвіе
Дорогой покой вокругъ.
Сынъ могучій Калевида
Ласковымъ и сладкимъ голосомъ
Затянулъ другую пѣснь,
Руну третію воспѣлъ,
Не откликнется-ли мечъ
Гдѣ-нибудь его призыву,
Просьбамъ хозяина своего.

Добрый мечъ не далъ и знака,
Другъ — словечка ни откуда.
Землю осѣняло безмолвіе,
Дорогой покой вокругъ
Облекалъ лѣса поляны,
Сынъ могучій Калевида
Сталъ разыскивать свой мечъ,
Странствовать сталъ по вѣтрамъ,
Долго бродилъ онъ кругомъ,
Шире кругъ захватывалъ,
Заходилъ все подальше,
По бокамъ вокругъ кровати,
Пробирался черезъ чащу,
Вдоль и поперегъ кусты,
По лѣсамъ, кочкарникамъ,
Частью шелъ по топкому болоту,
Пѣсни призывныя пѣлъ,
Сладкимъ голосомъ меня.
Добрый мечъ и знака не далъ,
Землю осѣняло безмолвіе,
Дорогой покой вокругъ
Облекалъ лѣса, поляны.
Какъ теперь сынъ Калевида
Въ поискахъ за своимъ мечомъ
Къ берегамъ рѣки той Кэпы
Приближалъ шаги свои:
Вотъ блеститъ здѣсь подъ водами
Мечъ въ сіяніи чудесномъ,
Дружественно улыбаясь.

Сынъ Калева тотчасъ молвилъ:
„Гой ты, мечъ, желѣзо доброе!
Здѣсь-то дремлешь ты тайкомъ
На прохладѣ ложа воднаго?
Мечъ героя ты дѣльнѣйшій,
Крови проливатель жестокій,
Пота дяди пожиратель,
Сыновей его мучитель!
Кто съумѣлъ поднять тебя,
Кто унесъ тебя подъ воды,
Да подъ волны погрузилъ?“
Зовъ героя мечъ понялъ,
Изъ подъ волнъ въ отвѣтъ гласилъ,
Произнесъ какъ уточка:
„Чародѣй соли, словъ мудрецъ,
Онъ-то мечъ съ муравы тайно
(Чарами) заставилъ встать,
Приподняться изъ вересняка.
Чародѣя слова желали,
Маны слова располагали,
Вѣтра слова поднимали,
Плауна цвѣты вздымали,
Папоротникъ подпиралъ,
Сверху помогала рябина,
Одноягодникъ — съ концовъ,
Съ середины же тимьянъ,
А ноздрякъ и плаунъ сами
Тамъ подталкивали сзади:
Эти семь товарищей
Мечъ заставили подняться.
Чародѣй соли, словъ мудрецъ
Мечъ твой въ Кэпу потащилъ.
Лишь онъ съ берега скакнулъ,
Удаляяся въ протонъ,
Я завидѣлъ дѣву-русалку,
Подъ волнами гуляющую,
Что манила меня, мечъ,
Опуститься въ объятья водъ,
Погрузиться здѣсь подъ волны.
Тутъ-то я скользнулъ охотно,
Изъ подъ мышки волхва прыгнулъ
Шмыгъ — (спустился) я подъ волны
Въ ложе сей рѣки глубокое,
Гдѣ у меня златое гнѣздо,
Ложе въ теремѣ русалки,
Подъ покровомъ водной дѣвы.“

Сынъ могучій Калевида
Понялъ мечъ, запѣлъ въ отвѣтъ:
„Развѣ доброму мечу
Въ безднѣ лучшее житье,
Въ нѣгѣ на волнистомъ ложѣ,
Съ дѣвой русалкой въ забавахъ,
Чѣмъ въ рукѣ у храбреца
При вращеніи мощной силой,
При разгарѣ схватки брани?
Гдѣ, коль мечъ изъ привязи,
Изъ тесемокъ освободятъ,
Дѣло доблестно творятъ,
Непріятелей дубасятъ,
Кровію тебя измажутъ,
Потомъ (вражьимъ) поисточатъ.“

Мечъ понялъ, тотчасъ отвѣтилъ,
Отозвался изъ-подъ волнъ:
„Мечъ печалится вдовой,
Токами плѣненный водъ,
По былой красѣ тоскуетъ,
По веселью дѣвъ на полѣ,
Съ вѣкъ (струей) вода катится,
По ланитамъ льются слезы!
Дремля на кровати водъ,
Нѣжась на постели волнъ,
Съ дѣвой русалкой въ забавахъ,
Мечъ не можетъ позабыть
По красѣ былой тоску,
Гдѣ кружимый мощной дланью,
При разгарѣ схватки брани
Дѣло доблестное свершалъ!
Гдѣ коль разъ изъ привязей,
Изъ тесемокъ вырвался,
Дѣло доблестное свершалъ,
Непріятелей разя,
Приносилъ защиту слабымъ,
Дряхлымъ старикамъ покой.
Калевида сынъ драгой,
Царственный могучій витязь!
Если гнѣвъ твой возгорѣлся,
Въ духѣ родилась тоска
Подъ вліяніемъ отъ хмѣля,
Нѣтъ тогда тебѣ преградъ,
Нѣтъ задержки отъ разсудка;
Легкая рука вращая,
Нудитъ мечъ умерщвлять,
Кровь невинную проливать!
Это брани сотоварища,
Дорогое желѣзо печалитъ;
По герою сѣтуетъ мечъ,
По сынкѣ своего хозяина.“

Калевида сынъ понялъ,
Рѣчь меча уразумѣлъ,
Тотчасъ въ волны отвѣчалъ:
„Спи ты, мечъ (мой дорогой),
Спи, желѣзо, въ ложѣ покоя,
Изнуритель сыновъ дяди,
Пота дяди пожиратель,
Кои тайно тебя творили,
При словахъ могучихъ готовили.
Спи ты, мечъ, героя сверстникъ,
Дремли же въ прохладномъ ложѣ,
Въ играхъ съ дѣвою-русалкой,
Въ знаменье вѣкамъ грядущимъ,
Въ память о сынахъ героевъ.
Силы у меня сверхъ мѣры,
Крѣпости у рукъ изъ стали:
И безъ помощи твоей
Одолѣть враговъ надѣюсь,
Наказать жестоковыйность,
Сотворить покой для старцевъ.
Слушай мечъ, драгое желѣзо,
Внемли, что я возглашу:
Если въ будущемъ случится
Великанамъ мощной поступью
Кэпы берегомъ идти —
Тутъ-то, мечъ ты, мой дружокъ,
Засверкай въ привѣтъ изъ волнъ.
Если теска мой пройдетъ,
Аль питомецъ Калевида,
Или родичъ Сулевида,
Или сверстникъ Алевида:
Тутъ-то, мечъ ты мой, дружокъ,
Отозвись ты имъ изъ волнъ!
Будутъ черезъ Кэпу ходить
Громогласные пѣвцы,
Вѣстники на струнахъ златыхъ,
Словъ серебряныхъ слагатели,
Старой мѣдію звенящіе:
Тутъ то, мечъ ты мой, дружокъ,
Отозвись имъ безъ призыва,
Щебечи языкомъ птичьимъ,
Съ ликованьемъ соловья,
Съ трелями жаворонка!
Коль придетъ въ грядущіе дни,
Въ торжество лучшаго вѣка
Мужъ (во всемъ) подобный мнѣ:
Тутъ-то, мечъ ты мой, дружокъ,
Съ шумомъ подымись изъ волнъ,
Самъ изъ водъ ты выкатись,
(Стань ты) кумомъ длани мощной!
Коль случится на пути
Въ рѣку сунетъ пяты ногъ,
Кто тебя ужъ самъ носилъ:

Тутъ-то, мечъ ты мой, дружокъ,
Обѣ ноги ему подрѣжь!“

Дорогой сынъ Калевида
Быстрымъ ходомъ тутъ понесся
Къ брегу озера Чудскаго,
Взялъ на спину кучу досокъ,
Возъ несенный издалека,
А затѣмъ пустился быстро
Шествовать къ родному дому.
Онъ желалъ опору сдѣлать,
Противъ брани стѣну защиты,
Поисправить крѣпостцу,
Старцамъ дряхлымъ уголъ покоя,
Плача теремъ для дѣвицъ,
Вдовамъ сѣтованья избу,
Чтобъ коль брани изнуренья
До границъ дойдутъ Вироніи,
Былъ бы слабымъ мирный уголъ.

* Какъ прошелъ онъ часть пути,
Часть пути, клочекъ земли,
Шагомъ сократилъ летучимъ,
Бремя на себѣ неся,
Что ему тутъ повстрѣчалось,
Что же путь тутъ преградило?
Повстрѣчалися три лѣса,
Повстрѣчались чудныя рощи;
Лѣсъ одинъ — златой еловый,
Боръ широкій былъ другой,
Третій былъ густой орѣшникъ.
Что златой еловый лѣсъ,
Это нашихъ мужей боръ;
Что широкій темный боръ,
Это нашихъ женщинъ лѣсъ;
Что густой орѣшникъ былъ,
Это нашихъ дѣвъ пріютъ,
Сиротамъ изба защиты,
Злополучнымъ всѣмъ пріютъ.

Дорогой сынъ Калевида
Чрезъ еловый лѣсъ прошелъ,
Пролетѣлъ широкій боръ,
Чрезъ орѣшникъ прошагалъ,
Какъ ему нежданно ноги
Мягкій комъ пріудержалъ,
Щекоча его лодыжки.
Лишь онъ началъ приключенье,
Дѣло это обсуждать,
Кто лодыжку щекоталъ,
Кто пяту пріудержалъ: *
Изъ тѣни кустовъ тутъ вылѣзъ
(На свѣтъ) малый мальчуганъ:
Малый человѣкъ дрожалъ,
Что казался по всему
Человѣкомъ нашихъ дней.
У малютки немощнаго
Ноги слабыя тряслись, ([13])
Въ страхѣ челюсти дрожали,
Какъ онъ сына Калевида
Обнимая умолялъ,
Сладкой рѣчію ласкалъ:
„Сжалься надо мною, братецъ,
Мощный сынъ, спаси бѣдняжку!
Дай мнѣ мирный уголокъ,
Меньшему защиты мѣсто:
Сѣть несчастія меня
Въ глушь кустарника загнала! “

Сынъ могучій Калевида
Наклонился спину согнувъ,
Руку протянувъ, схватилъ
Немощнаго за хохолъ;
Выше онъ его поднялъ,
Опустилъ въ кису на шеѣ.
Покатился человѣчекъ,
Какъ бы въ каменный оврагъ,
Въ уголокъ мѣшка глубокій:
Тамъ-то у коробки килекъ
Въ хлѣбцѣ онъ нашелъ опору,
Гдѣ и ногу утвердилъ.
Сынъ Калева вопросилъ:
„Что тебя такъ устрашило,
Ужасъ сильный породило? “
Человѣка того отвѣтъ
Изъ угла мѣшка звучалъ,
Какъ въ колодцѣ глубочайшемъ
Тихо квакнула лягушка:
„Вечеромъ вчера зарей
Я близъ озера бродилъ,
Въ ельникѣ златомъ гулялъ,
Какъ нечаянно съ пути
Я къ несчастію сбился.
Пробираясь по тропинкѣ,

Встрѣтилъ дворъ я небольшой;
Я предъ дверію лачуги
Мѣста отдыха просилъ.

Вотъ внутри большой избы,
Близь очага у задней стѣны
Баба старая сидѣла,
Содержанье чашъ готовя:
Баба та горохъ варила,
Въ немъ кусокъ свинаго сала;
Мнѣ отъ щедрости дала
Чашу полную пищи драгой.
Зубы торопить велѣла,
Хлѣба ускорить принятье.
Ложе мнѣ сама устроила
На соломѣ на полу,
Подъ широкій столъ ѣды;
Средь избы тотъ столъ стоялъ.
Баба такъ меня учила:
Полѣзай, сынокъ безсильный,
Спать въ соломѣ, поросенокъ,
Прежде чѣмъ сыны младые
Въ домъ съ дороги возвратятся.
Какъ мышенокъ ты молчи,
Кошки боясь за сундукомъ.
Если станешь ты пищать,
Иль руками шевелить,
Шорохъ произведешь ногами,
Наши молодцы могли бъ
Причинить тебѣ тутъ смерть.“
Бабу я поблагодарилъ
И сказалъ за то „спасибо“,
Что насытила желудокъ,
Мѣсто сдѣлала кровати,
Добрый мнѣ совѣтъ дала.
Тихо я въ солому влѣзъ,
Подъ широкій столъ ѣды
Протянуть усталу спину.
Тамъ довольно было мѣста,
Чтобъ дать отдыхъ для троихъ.
Вѣки на глаза спуская,
Я послышалъ гулъ глухой,
Издали въ ушахъ звучавшій,
Гулъ муравy поднималъ,
Отъ шаговъ стѣна дрожала;
Хоть въ ушахъ моихъ боязнь
Увеличивала шумъ,
Все же ногъ твоихъ шаги,
Грузны пяты Калевида,
Большаго не произвели бы.
Время малое спустя
Молодцы въ избу ввалились,
Какъ медвѣди оба сильные,
Въ борѣ росшіе лѣсовики;
Какъ охочій песъ одинъ
Началъ тотчасъ носомъ нюхать,
Обонять ноздрями запахъ,
А затѣмъ онъ молвилъ такъ:
Слушай, баба золотая,
Кто сегодня тутъ ходилъ?
Паръ отъ пота человѣка
Проникаетъ въ ноздри мнѣ
И щекочетъ мою морду.
Баба понявъ отвѣчала:
„Не бродилъ никто чужой,
Тварь здѣсь не показывалась,
Носится въ ноздряхъ твоихъ
Запахъ пота человѣка:
Ты принесъ его изъ вѣтра,
Раньше въ воздухѣ нанюхалъ.“
Принесла на столъ ѣду
Баба сыновьямъ на ужинъ;
Чаши были больше пуръ,
Ложки шире уполовника.
Тѣмъ что съѣли оба брата,
Что пожрали на тощахъ,
Вдоволь можно бы насытить
Равныхъ мнѣ десятковъ пять,
Созданныхъ людскихъ дѣтей.
Коль друзья лѣсовики
Нагрузили животы,
Растянули свое тѣло
На полу чтобъ отдохнуть.
Легъ одинъ изъ нихъ къ передней,
Къ стѣнкѣ задней легъ другой,
Я же немощный межъ ними
Подъ столомъ среди избы.
Влѣзла бабушка сама
На рѣшетины поспать.
Страхъ дышать не позволялъ,
Биться жиламъ кровянымъ,

Челюсти дрожать не смѣли,
Зубы-страхъ мой проявлять,
Чтобы я случайно имъ
Не попался на глаза,
Не услышанъ былъ бы ими.
Наконецъ огонь исчезъ,
У печи погасла лучина,
Мракъ большую избу окуталъ
И боязнь мою сокрылъ.
* О, я бѣдный человѣчекъ!
Еслибъ раньше я узналъ,
Прежде зналъ, или съумѣлъ бы
Хотя спящій предузнать,
Въ сновидѣніи угадать,
Пытки долгія какія
Ожидаютъ меня въ жизни:
Въ волны я бы ринулся,
Бросился бъ тогда въ оврагъ,
Скрылся бы на днѣ морскомъ! *
Дѣти лѣса тутъ уснули
Оба быстро въ лонѣ сна,
Вѣки очи ихъ закрыли,
Заперли ворота зрѣнія;
Настоящій извергатель,
Задняго конца ворота
Остались незамкнуты.
Пища обильно принятая,
Супъ гороховый пучащій,
Приправленный свинымъ саломъ,
Началъ брюхо раздувать,
Началъ паръ производить,
Воздухъ тайный порождать,
Вѣтеръ взрывчатый палящій.
(Здѣсь ввиду непристойности пропущены 40 стиховъ).
До разсвѣта баба вышла
Въ сѣни, пузыремъ нудима,
Дверь осталась полуоткрытой;
По ея пятамъ я быстро
Вонъ на цыпочкахъ изъ двери.
Къ счастью вырвался на дворъ,
Тягу далъ своимъ ногамъ,
Улепетывать пустился,
Лѣсъ еловый пробѣжалъ,
Пробѣжалъ широкій боръ
И орѣшника достигъ,
Тутъ залѣзъ подъ сѣнь куста,
Гдѣ нечаянно помога
Отъ ходьбы твоей пришла."
Сынъ могучій Калевида
Надъ забавой посмѣялся,
Какъ тотъ малый человѣчекъ,
Вѣтрами штановъ метомый,
Птицею леталъ въ избѣ,
Такъ что и зѣвнуть не могъ,
Ни минуты отдохнуть.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) По повѣрію Эстовъ спящій подъ открытымъ небомъ или даже въ комнатѣ, преимущественно весною, когда еще кукуетъ кукушка, долженъ по пробужденіи, ради предосторожности, съѣсть кусокъ хлѣба, чтобы не быть обманутымъ пѣвчей птицей, могущей причинить какой либо вредъ.

2) Въ оригиналѣ ради стиха не рѣдко употребляется „Калевъ" вмѣсто „сынъ Калева."

3) Агри-по всей вѣроятности представлялъ въ древности волшебный барабанъ, посредствомъ удареніе котораго гадали о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ.

4) Такъ именуется владыка подземнаго царства.

5) Здѣсь грозный Эйке, богъ грома, называется отцомъ Пиккера, Питкне, который собственно означаетъ молнію (фин. pitkäinen).

6) Мана или Туони — богъ царства мертвыхъ, которое въ самой глубокой древности представлялось находящимся подъ землею, ибо уже самое названіе „Мана“ въ переводѣ означаетъ „въ землѣ.“

7) Kaetis rohi — лат. Tymus serpyllum.

8) Nõia kollas — лат. Lycopodium.

9) Hoora mari — лат. Paris quadrifolia.

10) Ülekäija rohi — лат. Valeriana officinalis.

11) Ämma tuss — лат. Lycoperdon Bovista.

12) Küünla-kuu — Февраль.

13) Буквально: штаны просѣвали крупчатку.

ДВѢНАДЦАТАЯ ПѢСНЬ.

Три сына Пейпускаго чародѣя, Калевичъ и ежъ—273; тяжелый сонъ Калевича и обманчивое сновидѣніе — 648; второе путешествіе Калевича къ предѣламъ Пскова, сооруженіе моста — 766. Жалоба сироты и помощь отъ лѣсной дѣвы.

Какъ съ высокихъ скалъ пѣнистый
Устремляется потокъ,
Капель облако густое
Въ паръ туманный брыжжетъ въ бездну,
Съ шумомъ бурныя онъ волны
Въ бѣлой пѣнѣ (злобно) катитъ,
Къ морю синему неся;
Иль какъ темная туча града
Подъ угрозами (бога) Эйке,
Заслоняетъ солнца ликъ:
Такъ стремятся изъ чащи лѣсной
Удалые супостаты,
Нападая на Калева,
Что неся тяжелое бремя,
Мирно путь свой совершаетъ.
Если ты въ крови медвѣдя,
Звѣря лѣса раненнаго
Видывалъ въ пылу охоты,
Подъ вліяньемъ смертныхъ мукъ
На охотника идущаго,
То пожалуй, братъ, ты могъ бы
Мыслію себѣ представить
Хоть на четверть происшествіе,
Дѣло знать на половину,
Какъ сынъ Калева (могучій)
(Сталъ) наказывать негодныхъ,
Бѣсенятъ началъ дубасить,
Супостатовъ поражать.
*По слѣдамъ пойдемъ на поле
Посмотрѣть на бой враговъ,
Да послушаемъ разсказовъ,
Позаимствуемъ словъ для пѣсенъ,
Гдѣ орлиные клювы злато
Выростили въ верешнякѣ,
На полянѣ разбросали,
Гдѣ серебро блестяще гуси
Распростерли при водахъ.*
Сынъ Калева дорогой
Лишь прошелъ онъ часть чути,
Ноша досокъ на плечахъ,
А въ котомочкѣ пріемышъ,
Человѣчекъ малый скрытъ,
Что подобно раку въ норѣ,
Погрузившись въ лоно сна,
Сладко спалъ (тамъ въ уголкѣ).
Калевъ, идя черезъ лѣсъ,
Выломалъ сосну для палки,
Стволъ сосны себѣ въ опору;
Не была она всѣхъ больше,
Да не меньше и малѣйшихъ;
Какъ сорвалъ онъ ей верхушку,

Отнялъ у ствола частицу,
Оказалась длина палки
Въ вышину сажень десятокъ,
Въ толщину же пару футовъ.
Молодецкая дубина,
Коль нечаянно гдѣ-либо
Разразилася война,
Въ помощь выступить могла!
Палкѣ той, мечу подобно,
Отражать пришлось съ пути
Псовъ назойливыхъ лѣсныхъ,
Хищнозубыхъ тѣхъ щенятъ.
Какъ разбойники изъ чащи
Трое вышло молодцовъ
Искушать носителя бремени —
Сыновья волхва Чудскаго,
Кочерги помощники,
Коихъ понудилъ отецъ
Искушать Калева сына;
Парни вырвали деревья,
(Выдернули) не мало сосенъ,
Чѣмъ Калеву наносили
Учащенные удары.
У плутовъ двухъ чародѣевъ
Были длинные кнуты,
Кнутовища же изъ клена;
На концахъ плетей привязаны,
Жернова петлей свободной,
Чѣмъ удары посильнѣй
На Калева опускали.
Сынъ могучій Калевида
Хочетъ недоразумѣнье,
Распрю изъ пустаго вѣтра
Ласковыми словами уладить:
„Ссора — мира нарушитель,
Распря — огня поджигатель;
Лучше въ мирѣ яйца половина,
Чѣмъ при ссорѣ старая курица.
Какъ въ лѣсу бывало я
Хаживалъ съ мечомъ своимъ,
Глазъ мой вашей толпы не могъ,
Даже мелькомъ гдѣ замѣтить!
Въ самой темной чащѣ кустовъ,
Аль въ сухомъ хворостнякѣ;
Были вы какъ раки въ норахъ,
Какъ кроты въ нѣдрахъ земли,
И никто изъ васъ не смѣлъ
Вынесть ногу на поляну.
Ого! бѣсы непотребные!
Осѣненный полумракомъ,
Подъ покровомъ темнаго вечера,
Рыскаетъ лишь Старый Пустой
Съ сыновьями адской суки!
Ходятъ только домовые
Погулять на лунномъ свѣтѣ;
Тутъ трусливые мальчуганы
Нападаютъ на героя,
Въ чьихъ ручищахъ нѣтъ меча,
Брани орудія товарищемъ.
Непотребныя старыя бабы,
Злымъ нудимыя втроемъ,
Нападаютъ на одного!
По старинному способу боя,
При разгарѣ ссоры мужей,
Мужъ всежъ мужемъ остается
Въ состязаньи и борьбѣ.“
Сыновья волхва Чудскаго,
Косолапаго питомцы,
Сыпали обильно удары
Сыну Калева на шею,
Сотнями на его спину,
Камень на кнутѣ пока
Не попалъ ему на бровь,
Не спустился и на вѣки.
„Послѣ радости бываетъ плачъ,
Послѣ шутокъ угрызенье!“
Сынъ Калева говорилъ.
Палкой началъ онъ кружить,
Забавляться сосновой дубиной,
По плечамъ парней хлестать.
Палка хрупкая сосновая
Вся ужъ въ щепки разбилась,
Вдаль осколки полетѣли,
Вихремъ вѣтра понеслися.
Сынъ могучій Калевида
Бралъ изъ груды по доскѣ,
Чѣмъ дубасилъ молодцевъ,
Сыновей волхва хлесталъ.
Лишь ударитъ онъ больнѣй,
Лишь махнетъ онъ посильнѣй,

Разбивалася доска
На спинѣ сыновъ чародѣевъ.
Калевъ бралъ изъ ноши заспинной
Доску за доской порядкомъ,
Вдоволь ужъ испортилъ досокъ,
Много ужъ товара потратилъ,
Непріятелей дубася,
Сыновей волхва хлеща.
Какъ драгая ноша досокъ
Истощиться ужъ готовилась,
Доски съ плечъ его изсякнуть,
Наперли сыны волхва
На него стремительнѣе,
Сына Калева старались,
Мужа мощнаго опутать.
Къ счастью во время раздался
Изъ кустарника густаго
Тоненькій пискливый звукъ,
Нѣжно звучный голосокъ:
„Ребрами, ребрами,
Сынъ Калева дорогой!“

Сынъ Калева тотчасъ понялъ
Друга добрыя слова,
Поспѣшилъ совѣтъ исполнить,
Доску онъ ребромъ поставилъ,
Ребрами заставилъ ихъ
По порядку опускаться
На спину чародѣевъ соли.
Сыновья волхва Чудскаго,
Завывая по волчьему,
Быстро отступили въ притонъ.
Еслибъ шельмы чародѣи
Противъ ударовъ не закалились
Согрѣваяся на солнцѣ,
Пареньемъ на дождикѣ,
Воскуреніемъ плауна,
То расправа богатырская
Смерть несла бы неминуемо.
Сынъ могучій Калевида
Послѣ распри отдыхалъ
Время малое усталый
И при этомъ такъ спросилъ,
Обращаяся къ кустамъ:
„Отвѣчай мнѣ, незнакомецъ,
Ты, пискливый мальчуганъ,
Кто такой ты дорогой,
Добрый мнѣ совѣтъ подавшій,
Коль бѣдой я былъ тѣснимъ?“
Сей пискливый мальчуганъ,
Человѣчекъ многоумный
Тотчасъ понялъ, отвѣчалъ:
„Самъ я малый человѣкъ,
Ежикъ бѣдный безъ покрова,
Былъ подателемъ совѣта,
Произносителемъ мудрыхъ словъ.“
Сынъ дражайшій Калевида
Рѣчь понялъ и кликнулъ въ лѣсъ,
Во кустарникъ произнесъ:
„Братецъ, вонъ ты выступай
На поляну изъ кустовъ!
Взоръ (свой) дружескій яви,
Ликъ свой ясный покажи.
Благодарный я хочу
Щеки малыя погладить,
Выразить тебѣ спасибо.“
Ежикъ малый, отвѣчая,
Возразилъ умно зовущему:
„Изъ куста нельзя мнѣ выйти,
Изо мшистаго теплаго ложа
На холодную росу,
На вечернюю прохладу.
Дѣдъ (великій) самомудрый,
Существа творя на свѣтъ,
Къ сожалѣнью позабылъ
Мнѣ пожаловать кафтанъ,
Шубу для покрытья тѣла.
Коль безсильный я нечаянно
Изо мшистаго теплаго ложа
Выйду тотчасъ на поляну,
Остудить морозъ готовъ,
Воздухъ хладный повредить.“
Сынъ Калева отвѣчалъ:
Слушай, братецъ дорогой,
Ежикъ бѣдный безъ покрова,
Смѣло выйди на поляну:
Постараюсь я кафтаномъ,
Шубой теплой одарить.“
Изъ тѣни кустовъ тутъ выползъ
Ежикъ изо мшистаго ложа,
Бѣдный маленькій голякъ;

Сильно ежась отъ мороза,
Онъ дрожалъ какъ листъ осины.
Сынъ Калева тутъ сказалъ:
„Ежикъ, ты мнѣ прошепталъ
Въ часъ бѣды совѣтъ хорошій,
Коль въ опасности я былъ:
Доски ставилъ я ребромъ
И враговъ всѣхъ одолѣлъ.
Какъ волчата завывая
Парни скрылися въ притонъ.
Въ знакъ моей благодарности
Я хочу тебѣ кусокъ
Подарить изъ шубы (въ память),
Жаловать тебя кафтаномъ,
Кровомъ шиповымъ колючимъ,
Чѣмъ медвѣжьяго ты сына
Да и сѣраго щенятъ
Можешь выгнать изъ гнѣзда.“
При бесѣдѣ вырвалъ Калевъ
Изъ полы своей же шубы
Чуточку колючей кожи,
Бросилъ ежику бѣдняжкѣ.
Съ благодарностью окуталъ
Ежикъ тощее туловище
Жалованнымъ теплымъ платьемъ.
Узкій кожаный клочокъ
Далъ покровъ на ежа спину,
Да кафтанъ бокамъ его,
Не покрытымъ осталось брюхо,
Голыми ноги ежика.
Такъ явился у ежа
Шиповый колючій покровъ,
Изъ волосъ хранящая шуба,
Что коль носъ свой онъ запрячетъ,
Туловище въ шаръ согнетъ,
Дастъ защиту противъ брани,
Противъ холода покровъ.
Ежикъ съ теплою шубенкой
Въ ложе мшистое вернулся,
Подъ кустомъ чтобъ отдохнуть.
Сынъ могучій Калевида
Пожелалъ кровать устроить,
Мѣсто для боковъ исправить,
Тотчасъ туловище помятое
Тутъ спиною протянуть,
Зыбкая водная трясина
Окружала здѣсь пространство:
Здѣсь и холмика не было
Для кроваточки посуше.
Дорогой сынъ Калевида,
Мѣсто для кровати ладя,
(Сталъ) сухой песокъ сносить
Изъ дальнѣйшаго песчанника,
Ссыпалъ тутъ же его въ кучу,
На подобіе кровати. [1])
Думалъ также передъ сномъ
Хлѣба закусить немного,
Въ подкрѣпленье тощаго тѣла,
Для надбавки мощи членамъ.
Лишь свою согнувши руку,
Опустилъ въ котомку съ хлѣбомъ,
Палецъ тронулся нежданно
Охладѣвшаго человѣчка,
Что застылъ въ его карманѣ,
Смерть во время сна нашелъ.
Человѣчекъ бѣдный спалъ,
Ракомъ въ норѣ тутъ дремалъ,
Какъ поднялася та ссора
Съ сыновьями волхва Чудскаго.
Чародѣевъ тяжкіе удары,
Тумаки дубинъ враговъ,
Чувствъ лишили человѣчка,
Такъ что членомъ не шевельнулъ,
Не вильнулъ и хвостикомъ.
Калевъ вынулъ изъ котомки
Теску ужъ остывшаго,
Вытащилъ его на вѣтеръ,
Осмотрѣлъ всѣ поврежденья.
Вотъ ужъ смерти сѣдой печать
Отражалася въ зрачкахъ,
Въ искривленныхъ челюстяхъ,
Изъ открытаго рта явно,
Также изъ разбитыхъ губъ.
Сынъ дражайшій Калевида
Въ плавную рѣчь слова сложилъ,
Жалобы сталъ изливать:
„О, ты, братецъ злополучный,
Мой товарищъ закоченѣлый,
Ты который надежное мѣсто,
Также лучшій себѣ пріютъ

Ждалъ близь сильнаго найти
И помогу отъ крѣпчайшаго!
* Еслибъ зналъ ты, могъ предвѣдать,
Въ шутку спящимъ хоть прозрѣть,
Аль додуматься во снѣ,
Какъ ты долженъ былъ скончаться,
Ты навѣрно остался бъ дома.
Дома былъ отца ты счастьемъ,
Нѣжнымъ матери сынкомъ,
Былъ яичкомъ на муравѣ,
Иль какъ яблочко въ дворѣ,
Какъ орѣхъ на полу избы,
Какъ кукушечка на крышѣ,
Птица пѣвчая средь ольхъ;
Пѣлъ ты весело какъ пташка,
Щелкалъ гласомъ соловья,
Жаворонкомъ ты звенѣлъ,
Голосилъ какъ уточка,
Ягодкой на чужбинѣ очутился,
Отраслью въ чужомъ саду,
Птичкой на иныхъ пескахъ,
Гусемъ на другихъ ключахъ:
Гдѣ катили тебя воды,
Вѣтра вѣянье толкало.
Дождикъ злополучія,
Градъ несчастія тяжелаго
Смерть тебѣ и причинили. *
Натискъ сыновъ чародѣя,
Злобныя ихъ нападенья,
У меня опутали мысли,
Разумъ изъ главы угнали,
Коль забылъ тебя въ котомкѣ,
Думая, что покоишься у хлѣба,
Дремлешь у коробки килекъ.
Молодцевъ разбойничьи палки,
Тяжело разя котомку,
Бѣднаго въ карманѣ коснулись.“

Дорогой сынъ Калевида
Вырылъ ручищами могилку,
Ложе чудное въ болотѣ,
Человѣчка похоронилъ,
(Уложилъ) спать долгимъ сномъ;
Дерномъ онъ покрылъ (могилу),
Также мохомъ заровнялъ;
Насадилъ клубники кустъ,
Кустъ другой зарылъ онъ клюквы,
Третій насадилъ морошки,
На могилѣ чтобъ росли,
Въ радость покойнику цвѣли.

Ужинъ (свой обычный) принявъ,
Пищей тѣло подкрѣпивъ,
Калевъ въ ложѣ растянулся,
Члены согнутые расправить,
Хочетъ утомленье дня,
Опухоли отъ ударовъ
На прохладѣ облегчить,
Сна покровъ уже съ бровей
На глаза его спустился.
Мощь плѣняя молодца,
Члены крѣпко сковывая;
Духа съ бодрыми глазами
Сонъ не могъ опутать вовсе,
Ни на привязи сдержать.

Сновидѣній хитрый ткачъ
Ткалъ все пестрыя картины,
Вереницы лжи вязалъ
У воротъ духовнаго взора.
Дня вчерашняго явленья
Въ сновидѣньи обновились,
Ткали пеструю здѣсь ткань,
Вереницей лжи вились.

Бой съ сынами чародѣя
При прохладѣ сумерекъ
Какъ бы на яву воскресъ,
Прибудился дѣйствительнымъ,
Непріятелей удары
Побѣдителя сердили,
Распаляли его гнѣвомъ;
Веселѣй другое видѣнье,
Что явило человѣчка,
Какъ плясалъ въ лѣсной усадьбѣ
При раскатахъ вѣтра желудка,
Подъ напоромъ вѣтра штановъ,
Что какъ шпулька у ткача
Отъ стѣны къ стѣнѣ носился.
Третій образъ сновидѣнья
Рисовалъ работу вора,
Какъ въ разбойничьихъ когтяхъ
Уносилъ волхвъ мечъ драгой,
Какъ тотъ мечъ изъ рѣчки Кэпы,

Сѣтованья пѣснь изъ волнъ
Распѣвалъ въ отвѣтъ хозяину.

Бросимъ ложь тѣхъ сновидѣній,
Образъ Калева обманный,
Чтобъ блѣднѣли въ вереснякѣ,
Чтобъ уснули во лѣсахъ!
Поспѣшимъ-те на тропинки
Правду сущую вѣщать,
По слѣдамъ былыхъ событій
Раскрывать дѣла минувшія,
Что во время сна героя
У кровати совершались.

Сынъ Калева дорогой
Спалъ не долго (на муравѣ),
Тѣло тощее въ сна объятьяхъ
На прохладѣ ночи нѣжилъ,
Какъ подкрался къ его ложу
Чародѣй соли Чудской;
Онъ не могъ Калева сына
(Раньше) на яву плѣнить.
Тусларъ Чудскій слововѣдъ,
Иногда мудрецъ и Маны,
Постарался въ узахъ сна,
Да и въ путяхъ утомленья
Тутъ героемъ овладѣть.

* Пряжку онъ грести заставилъ,
Арпу рулевать (понудилъ),
Камень ворона вращаться, [2])
Папортникъ волхва велѣньемъ
Приносить слова лихія;
Взялъ и сонныя онъ травы,
Утомляющіе отростки.
Ихъ связалъ волшебнымъ словомъ,
Сунулъ въ изголовье пучками
На концѣ Калева ложа,
Отъ чего сна узы долгія
Витязя опутали. *

Тусларъ Чудскій слововѣдъ,
Лишь тѣ чары завершилъ,
Всѣ искусства испыталъ,
Ускоряя свои пятки,
Улепетывать пустился.

Ночь прошла, солнце взошло,
Солнце зашло, вечеръ насталъ,
Снова опустилась ночь,
Въ (вѣчной) смѣнѣ чередуясь
По закону дѣдушки.
Дорогой сынъ Калевида
Неподвижно спалъ на ложѣ.
Изъ Вироніи до Феллина
Донесли спѣшные приказы.
Юный Алевида другъ,
Калевида оруженосецъ,
Направлялъ его слѣдами
Къ брегу Пейпуса приказы,
Какъ приказано было прежде.
Но носители приказовъ
Не нашли царя у брега.

Ночь прошла, солнце взошло,
Солнце зашло, вечеръ насталъ,
Опустилася вновь ночь,
Въ (вѣчной) смѣнѣ чередуясь,
По закону дѣдушки.
Дни въ недѣли выростали,
Ночи протянулись также.
Дорогой сынъ Калевида
Неподвижно спалъ на ложѣ.

День прелестный лѣтней красы,
Торжество, богатое счастьемъ,
Издалека людъ манило
Поиграть на горѣ Тары,[3])
Порѣзвиться на просторѣ.
Лайбы плыли на Омовжѣ,
Весело на токѣ водъ
Съ брега Пейпуса къ мѣсту Тары;
Изъ Виру, Гервы, Гарью, Лэне
Ближе все народъ валилъ,
Но никто изъ нихъ царя
Даже глазомъ не видалъ,
И, идя сюда, не могъ
Указать нигдѣ слѣдовъ.

Ночь прошла, поднялось солнце,
Солнце зашло, вечеръ насталъ,
Опустилася вновь ночь,
Въ (вѣчной) смѣнѣ чередуясь
По закону дѣдушки.
Дни ужъ въ мѣсяцъ возросли,
Также и ночей безмолвье.
Сынъ Калева дорогой

Неподвижно спалъ на ложѣ,
Сномъ несчастнымъ почивалъ.
Ужъ краса цвѣтущаго лѣта
На поляхъ полуувяла;
Сынъ Калева дорогой
Спалъ отъ дѣйствія сонныхъ травъ,
Въ путахъ чародѣйскихъ словъ,
Какъ обманное сновидѣнье
Къ счастью пробудить пришло,
Мужа сильнаго поднять.
Сновидѣнье въ шутку явило,
Какъ у новаго меча
Лучшее острее сгибали,
Дѣлали его больнѣй,
Да покрѣпче закаляли
И прочнѣй его ковали.
Мечъ для славнаго героя
Не ковалъ кузнецъ Суомскій,
Дядя покойнаго отца.
Мечъ невѣдомо ковали
Въ мирной потайной избѣ
Посреди скалъ сокровенныхъ.
Посредине тверди стоялъ
Холмикъ довольно высокій,
Что не выше всѣхъ хоть былъ,
На землѣ не ниже всѣхъ.
Достигалъ хребетъ горы
Высотой до средняго облака,
Склоны горы разсѣвали
Самыя облака какъ разъ.
Въ глубинѣ горы сокрытой
Подмастерья Ильмарине, [4])
Тѣ подземные мастера,
Чудную кузницу устроили,
Брусъ приладили подпорный
И поставили наковальни,
Гдѣ и ночи, и долгіе дни,
Тайныя готовили издѣлья,
Производили необходимыя.
Семь рабочихъ кузнеца
Тамъ ковали изъ крѣпкой стали,
Изъ пластинки желѣза цѣнной
Лезвее меча дѣльнѣйшее,
Прочное орудіе смерти.
У нихъ, чтобъ руки удлинить,
Молоты изъ старой мѣди,
Сталью крѣпкой заостренные
И покрѣпче закаленные;
Ручки молотовъ златыя,
Въ длани изъ сребра клещи,
Чѣмъ каленый мечъ держали,
На огнѣ его смягчали,
Молотами ударяли.
Самъ же мастеръ кузнецовъ —
Чудный кузнецъ Ильмарине,
На златомъ высокомъ тронѣ,
Брови хмуривши взиралъ
Пылкимъ взоромъ юности
На затѣи подмастерьевъ,
Гдѣ удары опускали,
Молотами нажимали.

Вотъ ступаетъ робкимъ шагомъ
Поблѣднѣлый человѣкъ
Въ мастерскую чрезъ порогъ;
Шляпу поднялъ онъ привѣтствуя,
Головой же не кивнулъ,
Да и шеи не согнулъ.
Раны шею покрывали,
Пятна крови на камзолѣ,
Брызги крови на щекахъ,
На устахъ другія остыли.
Тотъ чужой мущина молвилъ,
Умоляя такъ сказалъ:
„Лучше стали вы не тратьте,
Дорогое желѣзо не портьте
Для разбойника на мечъ!
Сынъ могучій Калевида,
Коль опутанъ разумъ гнѣвомъ,
Не щадитъ тогда друзей,
Хоть и родича умертвитъ,
Мастера убьетъ разбойникъ,
Умертвитъ творца меча.
Мой родитель сдѣлалъ мечъ,
Мы же братья всѣ втроемъ
Помогали всегда отцу,
Производили тяжкій трудъ
Безпрестанно семь годовъ.
Что за то въ награду дали,
Отплатили чѣмъ за трудъ?
Я, сынъ старшій кузнеца,

Мастера Финскаго помощникъ,
Подмастерье самый умный,
Долженъ былъ главы лишиться,
Молодымъ на нивѣ увянуть:
Это намъ въ награду дали,
Этимъ трудъ нашъ отплатили.“

Сынъ могучій Калевида
Обозвать хотѣлъ чужаго
Лжецомъ, клеветникомъ,
Уясняя случай хотѣлъ
Обнаружить весь ходъ дѣла;
Сынъ же стараго Пустаго,
Угнетая его — кошмаръ,
Члены путами связалъ;
Какъ бы тяжкая скала
Прижимала ему грудь.
Вырваться изъ узъ старался,
Разорвать хотѣлъ онъ путы:
Потъ уже по лбу катился,
Покрывалъ росой все тѣло,
Членами не могъ онъ двинуть,
Ни языкомъ шевельнуть.
Ужъ напрягъ послѣднія силы,
Чтобы посильнѣй тряхнуть,
Какъ бы желалъ сломить скалу,
Все разсыпать въ пухъ и прахъ.
Какъ порывъ порою вѣтра
Бурей волны моря бьетъ,
Пикера сильнѣйшій грохотъ
Скалы всколебалъ вокругъ,
Такъ тутъ вскрикнувъ богатырь:
Лжецъ! на ноги вскочилъ,
Наказать желая мужа,
Отдубасить лжеца.
Солнце, готовое взойти,
Окаймляя небо зарей,
Разогнало тучи мглы,
Звѣзды (медленно) блѣднѣли,
На краю померкли неба.
На травѣ роса сверкала,
Вкругъ безмолвіе осѣняло
Міръ проснувшійся изъ мрака.
Потому узналъ герой,
Сынъ Калева дорогой,
Что недавно видѣнные образы
Были обманныя сновидѣнья,
Но того не подозрѣвалъ,
Что онъ семь уже недѣль
Спалъ на лонѣ своей кровати.

Сынъ Калева богатырь
Тотчасъ протянулъ съ кровати
Ноги ниже на мураву,
Сѣлъ на край своей кровати
И принялъ немного пищи,
Прежде чѣмъ въ путь поспѣшить.

Въ щепкахъ досокъ изъ Пскова несенныхъ,
Межъ осколками ихъ роясь,
Досокъ неразбитыхъ могъ
Очень мало себѣ выбрать,
Что не стоило долгаго пути,
Странствія тяжелаго.
Сынъ Калева тотчасъ молвилъ:
„Я не стану домой носить
Щепокъ (жалкіе) остатки,
Досокъ здѣсь разбитыхъ осколки,
Что не стоитъ ходьбы героя!
Лучше вновь пойду за Пейпусъ
По знакомому пути,
Чтобы досокъ поискать,
Закупить для города.“

Послѣ обсужденья дѣла,
Поспѣшилъ опять онъ въ путь,
Скорымъ шагомъ отправляться.
Послѣ долгаго пути,
Какъ достигъ онъ брега озера,
Крикъ внезапно раздался,
Голосъ мальчика плачевный
Издалека въ его ушахъ.
Вдаль глаза тутъ направляя
Чрезъ широкую поляну,
Видѣлъ стадо овецъ на полѣ,
Какъ оно въ бѣдѣ отъ сѣраго
Собралось въ испугѣ въ кучу;
Закричавъ, подпасокъ сталъ
Кликать въ бѣдѣ на помогу.
Ужъ у сѣраго въ зубахъ
Билася одна овечка,
Что онъ хищникъ изо стада,
Изъ толпы другихъ унесъ;

Это сироты сокровище,
Что въ объятьяхъ возростилъ,
Возлелѣялъ за пазухой,
Трепетало въ волчьей пасти.

Сынъ Калева видѣлъ вредъ,
Быстро камень онъ поднялъ,
Бросилъ въ голову пестроглазаго,
Чѣмъ его подъ камнемъ симъ
Тутъ прижавъ похоронилъ!
А овечка вырвалась,
Вновь вскочила въ стадо другихъ.

Брошенный Калевомъ камень
Не всѣхъ больше былъ по роду,
По сравненью не меньше всѣхъ,
И теперь стоитъ на память.
Можно бъ пары двѣ изъ камня
Жернововъ хоть приготовить.
Въ краю камня слѣды пальцевъ
Малаго могли бъ человѣка
(Внутрь себя) вмѣстить какъ разъ.

Калевъ сталъ у брега озера
Планъ такой обдумывать:
Я сломаю лѣсныя деревья,
Изъ окрестностей снесу
Камней вмѣстѣ нѣсколько кучъ,
Чтобы сдѣлать мостъ изъ нихъ
Чрезъ Пейпусъ на другую сторону.
Мысли тѣ осуществляя,
Началъ мостъ закладывать. [5])
Подложилъ онъ нижніе брусья,
Перекрестные брусья — поверхъ,
Посединѣ клалъ каменья,
Сторонамъ быки въ опору,
Иль въ защиту противъ волнъ.
Мостъ ужъ былъ шаговъ во сто,
Даже тысячу наведенъ,
Черезъ воды верстъ на пять,
Уже милю въ сторону Пскова
Мощною рукою сдѣланъ,
Какъ порывистый вдругъ вѣтеръ,
Бушеванье свирѣпое бури
Пейпусъ заставили вздыматься,
Волны въ пѣнѣ возлетать;
Мостъ не смогъ напору волнъ,
Полу-дѣло порыву вѣтра
Долѣе противостоять,
Погрузился въ широкія волны;
Понеслися части вѣтромъ,
Полетѣли прямо къ югу,
Также къ сѣверу поплыли.

Сынъ могучій Калевида,
Богатырь такъ размышлялъ:
„Что мнѣ, попусту играя,
Время тратить тутъ безъ толку,
Наводя чрезъ воды мостикъ!
Путь кратчайшій ведетъ прямо
Черезъ бездну въ глазомѣръ,
Напрямикъ тамъ черезъ волны,
Гдѣ я прежде проходилъ,
Досокъ беремя неся.“
Прежде чѣмъ идти въ дорогу,
Раковъ онъ ловить пошелъ;
Наловилъ горстей не мало,
Пригоршней спуская въ сумку.
Что рукой на кочки бросилъ,
Дуновеньемъ метнулъ на берегъ,
Стало бремя тремъ мущинамъ,
Ноша женщинъ четырехъ,
Возъ подъ силу пятерымъ.
Сынъ Калева тутъ раздулъ
Въ пламя (дровъ) полѣнья,
Изъ котомки раковъ бралъ,
Полагалъ подъ жаръ огня
Пригоршнями испектись,
Чѣмъ желудка своего голодъ
Хоть отчасти утолилъ.

А затѣмъ пустился въ путь,
Странствовать по влажной тропѣ,
Вдоль по озеру ко Пскову.
Онъ пока путемъ идетъ,
Гдѣ не встрѣтится искушеній,
Также чуждыхъ (злыхъ) преградъ,
На луга пойдемъ другіе,
Чтобы выслушать извѣстья.

Стану быль я куковать,
Вѣсти свѣтлыя раскрывать,
Къ брегамъ Пейпуса вернусь:
* Тамъ на каждомъ шагу найдется,

Встрѣтится тамъ не одно,
Цѣлая дюжина свидѣтельствъ,
Въ память оставшихся примѣтъ.
На брегу Чудскаго озера,
У зажиточнаго хозяина,
Подъ присмотромъ строгаго старшаго
Жилъ сиротка одинокій,
Росъ хозяину пастушкомъ.
Долженъ былъ овецъ пасти,
Охранять и мелкій скотъ,
Сторожить стада скота.

Вѣчный холопъ сирота
Далеко гонялъ стада,
Гналъ коровъ въ ольховникъ прямо,
Въ рощу за дворомъ — телятъ,
На просторъ полей — овецъ,
Зорко охранялъ онъ стадо,
Новаго хоть баба кафтана
Въ лѣтнюю плату не дала,
Аль въ награду за долгія муки.

Сирота, всегдашній холопъ,
Куковалъ какъ златая кукушка,
Пѣлъ въ ольховникъ свою скорбь,
А печали — въ березнякъ,
Жизни горести — въ осинникъ:
„О, я бѣдный хозяйскій холопъ,
Ягодка, родней оставленная!
Нѣтъ отца защитника,
Согрѣвающей любви матери,
Не встрѣчаетъ братъ на игрищѣ,
Вечеромъ сестра не привѣтствуетъ,
Нѣтъ родни доброжелающей,
Нѣтъ и ближняго для успокоенья!
Мать моя слегла въ могилу,
Подъ курганъ отецъ драгой,
Братъ на полѣ брани уснулъ,
Во чумѣ сестра поблекла,
Тетка померла въ болѣзни,
Отъ несчастья дядя (по матери),
Отъ печали дядя (по отцу).
Я жъ сиротка одинокій
Долженъ долгія муки теперь
Въ жизни холопа терпѣть.“

На камняхъ и на пняхъ,
Да на кочкахъ, на муравѣ,
Гдѣ для отдыха ногамъ
Мѣсто избиралъ сиротка,
Пѣснь унылая раздавалась,
Пѣснь печальная затягивалась,
Чтобы скорби потушить,
Успокоить сѣтованья:
„Очень золъ хозяинъ мой,
Слишкомъ строгая хозяйка,
Сынъ хозяйскій гораздо хуже!
У дворняшки житье лучше,
У овчарки легче положенье,
Лучше привольнѣй житье-бытье,
Чѣмъ у бѣднаго батрачка,
Беззащитнаго пѣтушка!
Не даютъ покрова тѣла,
Одѣяній укрывающихъ;
Дѣдъ скупится пищу давать,
Баба молока въ боченокъ,
Чѣмъ бы успокоить печаль,
Потушить бы сѣтованье!“

На камняхъ и на пняхъ,
Да на кочкахъ, на муравѣ,
Задержа усталыя ноги,
Куковалъ нашъ пастушекъ,
Распѣвалъ пѣснь сѣтованья:
„О, я, безъ отца дитя,
О, безъ матери дитя,
Безъ родителей сиротка!
Каждый обо мнѣ говоритъ:
„Бейте его—онъ безъ отца,
Бейте его—онъ безъ матери,
Безъ родителей сиротка!
Нѣтъ знакомаго опорой,
Нѣтъ и помощью сородича!“
Свыше ужъ Творецъ гласитъ,
Свыше дѣдушка отвѣчаетъ:
„Вы не бейте моего сиротку,
Беззащитнаго не ударяйте!
Плачетъ бѣдный безъ побоевъ,
И безъ боли онъ рыдаетъ,
Влажны глаза и не мытые,
Щеки красны и не битыя,
Всѣ мятели настигаютъ,

Всѣ напасти нападаютъ,
На него дожди катятся,
Нѣтъ защитника у дорогаго,
(Нѣтъ) у нѣжнаго печальника.“

На камняхъ и на пняхъ,
Да на кочкахъ, на муравѣ,
Задержа усталыя ноги,
Куковалъ нашъ пѣтушекъ,
Распѣвалъ пѣснь сѣтованья:
„О, я холопъ, всѣми презрѣнный,
О, несчастный я сиротка!
Дома ложа печали у меня,
Передъ печкой мѣста скорби,
Ложа плача въ заднемъ углу!
Изъ дверей мать вынесли,
Ласки вышли изъ окна,
По дорогѣ мать несли,
Ласки по саду пошли,
По болоту теплыя слова;
Матери могилу копаютъ,
Ласки исчезаютъ подъ краемъ;
Мать спускается въ могилу
Ласки ниже погружаются,“

На камняхъ и на пняхъ,
Да на кочкахъ, на муравѣ,
Задержа усталыя ноги,
Куковалъ нашъ пастушекъ,
Распѣвалъ пѣснь сѣтованья:
„Въ торбѣ у меня сиротки
Изо всякой смѣси лепешки,
Сгребки поразмятой соломы,
Корки хлѣба ужъ изсохшія;
Ихъ я бѣдный батрачекъ,
Хилый долженъ всегда грызть;
Стебельки хрустятъ подъ зубомъ,
За корнемъ языка мякина,
Шелуха жъ посредь языка.“

На камняхъ и на пняхъ,
На муравѣ и на кочкахъ
Раздавалась скорбь сиротки,
Воздыханье батрачка.

Дѣва лѣса тоненькая,
Дочка Halija [6]) единственная,
Вняла горестямъ сиротки,
Воздыханью батрачка,
Милость поспѣшила доставить,
Помощь сему ребенку подать,
Потушить его печали,
Успокоить сѣтованья,

Поздно вечеромъ до росы
Пѣла она съ верхушки дуба,
Голосила изъ листвы густой:
„Ты не плачь, мальчикъ малый,
Ты не сѣтуй, сирота!
Если до зари пойдешь,
Рано до разсвѣта,
Выгонять изъ дома стадо,
Счастье на пути найдешь,
Радость на тропинкахъ нови,
Въ пазуху рости вложи,
Тайно подъ мышку высиживаться;
Будетъ польза изъ того,
Процвѣтетъ попозже счастье.“

Какъ потомъ онъ до зари,
Рано до разсвѣта,
Стадо провожать пошелъ,
Что нашелъ онъ на пути?
Подъ листами львиной лапы [7])
Жаворонка яйцо нашелъ.
Пѣсню ту съ верхушки дуба
Смѣтливо припоминая,
Поднялъ бѣдный сирота
Жаворонка яйцо съ земли,
Нѣжно онъ (его) закуталъ
Шерстью съ бахромою,
Сунулъ въ пазуху развиваться,
Согрѣваться въ теплое объятье.

Что же выросло изъ яйца?
Изъ яйца выросъ четвероногій,
Маленькій мышенокъ;
Мальчикъ мышку ту окуталъ
Во платочекъ съ бахромою,
Нѣжно среди шерсти
Сунулъ въ пазуху рости,
Согрѣвается въ теплое объятье.

Что явилось изъ той мышки?
Что же выросло за пазухой?
Выросъ изъ мыши котенокъ;
Мальчикъ котеночка окуталъ
Во платочекъ съ бахромою,

Нѣжно среди шерсти,
Сунулъ въ пазуху рости,
Согрѣваться въ теплое объятье.
Что же выросло изъ кота,
Что же большаго произошло?
Изъ кота росла собачка,
Развился щенокъ красивый.
Мальчикъ закуталъ того щенка
Во платочекъ съ бахромою,
Сунулъ въ пазуху рости,
Согрѣваться въ теплое объятье.
Что же выросло изъ собаки,
Что же большаго произошло?
Изъ собаки выросъ ягненокъ,
Изъ ягненка чудная овца,
Бѣлая шерсти носительница.

Нѣтъ ужъ плача на поляхъ,
Ни въ ольховникѣ сѣтованья,
Да и жалобы въ березнякѣ!
Веселъ нынѣ сирота,
Счастьемъ батрачокъ богатъ,
Хоть и шесть у него бѣдъ,
Пять у горемычнаго золъ,
Злобы не боится онъ:
Унимаетъ печаль овца,
Погашаетъ его скорби.
Сирота, всегдашній холопъ,
Нѣжно овечку свою берегъ,
Какъ зеницу ока,
Пряталъ подъ полой кафтана,
Коли дождикъ (ливнемъ) лилъ,
Или холодъ настигалъ.*

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) По мнѣнію Крейцвальда, арена борьбы находится въ предѣлахъ имѣнія Тарастфера, гдѣ подъ наименованіемъ Kalewi poja säng (кровать Калевича) въ одномъ болотѣ находится холмъ, который приписывается ему.

2) Способы гаданія бывали различные, такъ что о нихъ трудно сказать что-либо опредѣленное, особенно гдѣ дѣло идетъ объ ихъ древней формѣ.

3) Гора Тары — нынѣшній Домбергъ въ Дерптѣ.

4) Миѳическая личность, которая въ этой сагѣ является въ качествѣ знаменитаго кузнеца. Ilmarine = ilma-äärine — крайній міра (ср. ст. 530—534 и Newa-rine — Newa-äärine — прибрежный Невскій житель).

5) Необходимый для сооруженія моста матеріалъ доставленъ изъ Теллергофскаго лѣса. Груда камней на берегу Пейпуса указываетъ мѣсто, гдѣ стоялъ мостъ.

6) Сильфида.

7) Krookleht — Achemille vulgaris.

ТРИНАДЦАТАЯ ПѢСНЬ.

Возвращеніе Калевича изъ Пскова съ ношей досокъ — 323; его путешествіе въ адъ и игра съ адскими дѣвами.

* Прежде я конечно первый
Веселился на игрищѣ,
Птицей пѣснь затягивалъ,
Да слова слагалъ я (въ рѣчь),
Былъ изъ первыхъ я пѣвцовъ,
Составителей стиховъ!
Пѣлъ одинъ я для забавы,
И вдвоемъ на пробу пѣли,
Состязуясь съ волостями:
Пѣлъ — и скалы колебались,
Съ гуломъ рощицы шумѣли,
Волны моря разсѣкались,
Облака порасходились,
Вѣтра вой боялся гласа!
Нынѣ недужный не въ силахъ,
Голосъ нѣжной мелодіи не даетъ
Сила не выноситъ звонкой мелодіи,
Палецъ ужъ не гнется на кантеле;
Я согнулся какъ старикъ,
Истощился до безсилья.

Коль о Калевѣ вѣщаю,
Начинаетъ юность цвѣсть,
Воскресаетъ дражайшее время,
Какъ я прежде златой кукушкой,
Серебристой дворовой птицей
Куковалъ въ домашнемъ коппелѣ,
Ликовалъ въ своихъ лѣсахъ.

Въ прошломъ году я ужъ пѣлъ,
Упражнялъ языкъ въ запрошломъ,
Годъ слова я подбиралъ,
Годъ другой выглаживалъ,
Въ третій ихъ я свертывалъ,
Вмѣстѣ связывалъ въ четвертый. *

Сынъ могучій Калевида,
Коль окончилъ путешествіе,
Совершилъ работу дня,
Поспѣшилъ опять предъ вечеромъ
Въ ложе прежде имъ устроенное,
Гдѣ онъ мечъ свой потерялъ.
Прежде чѣмъ на отдыхъ легъ,
Заглушить усталость (тѣла),
Принялъ вечернюю закуску.
Волхвъ соли и глазъ не казалъ,
Видно не было сыновъ:
Можетъ вѣникомъ волшебнымъ
Синяки поглаживали,
Тѣло раненное лѣчили.

До зари однажды утромъ,
Рано до разсвѣта,
Калевъ съ ложа быстро вскочилъ,
Въ край родной чтобъ отправляться.
Нынѣ путь другой топталъ,
Пробирался новой тропой
Быстрыми шагами далѣе.
По болоту и трясинѣ,
Гдѣ одинъ лишь рыскалъ волкъ,
Сквозь густой лѣсной кустарникъ
Пробивался сынъ героя,
Быстро къ Виру (направляясь).

При шаганіи летучемъ
Исчезали у носителя воза
Мили длинныя быстрѣй.
Раньше вечера не было
У героя много отдыха.
Лишь какъ солнце закатилось,
Кучу досокъ онъ сложилъ
Подъ кусты съ плеча долой,
Отдыхъ далъ плечамъ усталымъ,

Взялъ для подкрѣпленья тѣла
Часть изъ хлѣбнаго мѣшка,
Изъ боченка—влаги въ ротъ;
Сталъ потомъ готовить ложе,
Мѣсто для боковъ справлять.
Съ горъ принесенный песокъ
Въ видѣ ложа онъ сложилъ,
Въ кучу весь на мѣстѣ.
Полный послѣдній подолъ неся,
Изъ полы нечаянно разсыпалъ
Пару онъ горстей песку;
Потому и кривъ бокъ ложа,
Сторона неровная.
Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ложа
Впереди стоитъ на полѣ
Куча упавшаго песку,
Какъ значительнѣйшій холмикъ. [1])

Въ лонѣ тьмы ночной,
Закаляемый хладной росой
Отдыхалъ героя сынъ
Отъ усталости тѣлесной.
Съ неба взирала вечерняя звѣзда
И созвѣздіе Плеяды
Дружески на спящаго.
Блѣдный (въ небѣ) ликъ луны
Тихо бодрствовалъ у ложа,
А затѣмъ разсвѣтъ зари
Поспѣшилъ будить прилежнаго.

Въ путь когда онъ собираясь,
Отъ обмана птицъ взялъ хлѣба,
Раздалось съ высокой ели
Пѣнье сороки въ его ушахъ,
Что, поглаживая перья,
Дѣло раскрывала такъ:
*„Если бъ, мощный сынъ, ты вѣдалъ,
Иль съумѣлъ бы сообразить,
Иль додуматься мозгами,
Что во время сна случилось,
Ты принесъ бы стволъ изъ моря,
Часть верхушки изъ дубравы острова,
Приготовилъ бы телѣгу,
Для ѣзды ее сложилъ бы;
Для колесъ срубилъ бы бревна,
Изъ другихъ бы сдѣлалъ оси,
Коня караго запрягъ бы,
Сивку цвѣта мышинаго,
Посреди гнѣдка золотистаго,
Промежду бѣлыхъ соловыхъ,
По обычаю царей.
Длиненъ путь для странника,
Край далекъ для ѣздока,
Поле обширно для скитальца!
Ждутъ друзья съ напряженнымъ взоромъ,
Вмѣстѣ (всѣ о тебѣ) тоскуютъ:
Гдѣ исчезнуть (могъ нашъ) царь?
Что связало его ноги,
Что опутало его ходъ?
Къ странствію ноги приготовь,
Пяты ногъ (готовь ты) къ бѣгу!
Золото доставятъ ноги,
Счастье-серебро — слѣды.
Золото сбирать кто станетъ,
Брать съ земли кто серебро?
Братъ получитъ шелкъ съ шаговъ,
Серебро блестящее — сестра,
Родичи получатъ злато,
Изъ ступней находку рѣдкую.

Если бъ, мощный мужъ, ты зналъ,
Иль съ умѣлъ бы сообразить,
Иль додуматься мозгами,
Злато какъ съ шаговъ достать,
Какъ и серебро съ прыжковъ,
Ты шаги свои ускорилъ бы,
Летомъ ты домой пошелъ бы!
Въ узахъ чародѣйскихъ словъ,
Одурѣвъ отъ сонныхъ травъ,
Да опутанный тимьяномъ,
Ты промедлилъ, молодецъ,
Долго (въ ложѣ) отдыхая,
Круглыхъ семь недѣль проспалъ,
Прежде чѣмъ отъ сна проснулся.
Утро счастья нить приноситъ,
Полдень—золотую ткань,
Вечеръ—серебряную красу,
Ночью не является счастье.“

Сіи открытія сороки,
Вѣсти пестрокафтанницы,
Торопили Калевида;
Ношу досокъ вскинувъ на спину,

Онъ быстрѣй шаги направилъ,
Измѣряя путь лѣсной,
Разсѣкая и поляны.
Какъ прошелъ онъ часть пути,
Часть пути, клочекъ земли,
Гдѣ не встрѣтилось задержекъ,
Ни препятствій для шаговъ,
Озера достигъ Ильмгерва. [2])
На брегу сталъ витязь думать:
Лужи сей боясь, ужель
Стану я свой путь кривить,
Тратить время дорогое?
Я пробрался черезъ Пейпусъ,
Переплылъ и Финское море.
Лужа тины путь ли сдержитъ?
Вырвусь я навѣрно изъ тины,
Проберусь чрезъ лужечку.“
Перебирая въ мысли такъ,
Ногу поднялъ онъ немедля
Черезъ берегъ въ самое озеро,
Шагъ ступилъ, ступилъ другой,
Началъ третій шагъ ступать,
Тутъ хотѣла глубь воды
Омочить героя пазуху,
Угрожала носъ увлажить.

Сынъ могучій Калевида
Тотчасъ же остановился
Дѣло странное смотрѣть,
Произнося съ негодованіемъ:
„Эге! лужа бѣсенятъ,
Чернаго рака грязный прудъ,
Пейпусъ з..... достигъ,
Я... оросить хотѣлъ,
Да м..... ополоскать;
Ты жъ, безстыдный озорникъ,
Хочешь пазухи омочить,
Шею молодца увлажить!“

Такъ сказавши повернулъ
Пройденными слѣдами назадъ,
Не добрался пока до суши.
На брегу остановился,
Гдѣ стряхнулъ онъ тины слой,
Съ длинныхъ лытокъ (грязный) илъ.
А потомъ ужъ вновь шаги
Ко предѣламъ Виру направилъ.

Ужъ палящій солнца зной
Съ наступленіемъ полудня
Мучилъ плечи у героя,
Обезсиливалъ мощь тѣла;
Всежъ шагамъ нѣтъ остановки,
Ни задержки его пути;
Такъ открытья птицы сороки
Гнали въ край родной героя.

Какъ прошелъ онъ часть пути,
Что опутало ему ходъ,
Встрѣтилось что страннаго?
Баба старая повстрѣчалась,
Родственница волхва соли.
Маны вѣщая старуха,
Въ ивовомъ кустѣ сидя,
Распѣвала заклинанья,
Противъ боли мощныя слова,
Сильныя отъ яда змѣинаго,
Разносимыя по вѣтру,
Чтобы ими боль унять
И ужаленье ослабить.

Сынъ Калева дорогой
Тутъ шаги остановилъ,
У куста чтобъ отдохнуть,
Пѣнья бабушки послушать.
Словъ вѣдунья, та старуха,
Пѣла въ ивовомъ кустѣ:
„Леночка, какого цвѣта,
Леночка, послушай милая,
Ты владычица болота,
Барыня во плитнякѣ,
Госпожа травы золотистая,
Аль съумѣю разгадать тебя!
Цвѣта орѣха, синяго цвѣта,
Цвѣта ящерицы глазъ,
Лужецвѣтная, цвѣта всходовъ,
Цвѣта горнаго, цвѣта сосноваго,
Цвѣта болотнаго, цвѣта вереса.
Ты подкаменная, пестрая,
Дѣвушка подкустовая,
Ты уменьши мои боли,
Потуши и опухоль!

Черная змѣя тинистаго цвѣта,
Червь ты—цвѣта покойника!
Не хотѣла—ль дерево кусать,

Ивовую кору жевать,
Коль кусила человѣка,
Слабую ужалила тварь?
Уложила бъ тебя подъ ивой,
Пріучила бы къ кустарнику!
Поврежденье приди парить,
Раны (сдѣланныя) лечить,
Исцѣлять зубовъ царапины,
Укушенье поправлять;
Ты узнаешь зубовъ царапины,
Десенъ слюнныя мѣста,
Языкомъ лизанья слѣды.
Я твою породу узнаю,
Истреблю я весь твой родъ:
Унесли или взяли отколь,
Собирали тебя лихую,
Породили тебя скрытную!
Родъ твой ужъ угадываю,
Мѣсто твоего добыванья.
Родъ твой изъ навоза (взятъ),
Происхожденіе—изъ кучи помета,
Да изъ пѣны гадкой жабы,
Также клека и лягушки,
Изъ испорченнаго тумана,
Изъ росы на слѣдахъ стада.
Духа вдунулъ въ тебя Господь,
Дѣдушка—своей души,
Изъ того—глазъ гадкій червя,
Гнойный глазъ у тебя—изъ рощи,
Язычокъ—съ конца копья,
Зубы—съ лезвея топора.
Кровъ твой—цвѣта барбариса,
Голова орѣшнику подобна,
Цвѣта песочнаго, цвѣта глинистаго,
Цвѣта вереса, травы поблекшей,
Хоть была бъ ты цвѣта воздуха,
Цвѣта неба, облака, звѣздъ,
Все же знаю я твой родъ;
Не спасешься изъ власти моей!
Будь простертою подъ камнемъ,
Свернутой подъ пнемъ древеснымъ,
Извиваясь или дугою,
Иль играючи по кочкамъ,
По межамъ полей ползя,
Въ чащѣ кустарника въ лѣсу:
Ты служанка, я госпожа!
Я найду тебя вблизи,
Накажу тебя вдали.
Tolla — holla! pilla — willa!
Ужъ теперь ты поражена.
Гладкая ртомъ, глава мягкая,
Челюсти твои изъ шерсти,
Пять зубовъ твоихъ изъ шерсти,
Язычокъ твой цвѣта шерсти,
Шерстяная у тебя шляпа,
Вся ты взятая изъ шерсти.“ *
Сынъ Калева дорогой,
Мудрость тайную пріобрѣвъ,
Заучивъ слова змѣиныя,
Поспѣшилъ топтать дорогу;
Ноги быстро онъ заставилъ
Понестись въ предѣлы Виру.
Въ тѣни лѣса онъ рѣшился
Отдохнуть отъ зноя дня.
Мѣсто для боковъ справляя,
Разсыпалъ безмѣрно лѣсу,
Сосны на землю валилъ,
Ели (стройныя) срывалъ,
Дубы крѣпкіе (ломалъ),
Да длиннѣйшія рябины,
Широчайшія изъ ольхъ.
Въ рядъ деревья онъ сложилъ
Вмѣстѣ кучею высокой,
Самъ разлегся на рядахъ,
Чтобы въ кости хлѣбъ впустить,
Закалить изнуренное тѣло.[3])
Тутъ немного подремавъ,
Отдохнувъ отъ зноя дня,
Вскинулъ на спину бремя досокъ,
И опять началъ шагать.
Повернулъ съ дороги влѣво,
Прямо къ брегу озера Эндлы,
Глазомѣромъ зашагалъ
Вдоль болота все впередъ.
Солнце на небѣ багровое
Простерало тѣни(вокругъ),
Удлиняя на лонѣ вечера.
Ужъ прохлада сумерекъ стала
Закалять носителя бремени,
Какъ вдали изъ-за холма

Онъ случайно дымъ примѣтилъ,
Что какъ китусовъ горящихъ,
Какъ угольни черный дымъ
Облакомъ густымъ взвивался,
Небо помрачить хотѣлъ.
(Вдаль) шаги протягивая,
Калевъ поспѣшилъ къ холму.
Ближе подходя, нашелъ
Подлѣ холмика пещеру:
Тамъ и пламя то сверкало,
Что рождало дымъ (густой).
На привязи крѣпкихъ цѣпей
Кухонный висѣлъ котелъ
У пещеры среди дыма.
Вкругъ котла при свѣтѣ огня
Здѣсь на корточкахъ сидѣли
Три мущины сажелицые,
Поправляли огонь порой
И снимали съ супа пѣну.

Витязь отъ ходьбы усталый
Сталъ у входа во пещеру,
Въ мысли такъ перебирая:
„Къ счастью нахожу ночлегъ,
Мѣсто отдыха удобное
И на ужинъ горячую пищу,
Что давно ужъ не вкушалъ.“

Парни юные при огнѣ
Межъ собою зубоскалить,
Незнакомца осматривать,
Что по тѣлу и по ношѣ
Имъ совсѣмъ казался страннымъ
И причудливымъ явленьемъ.

Калевида сынъ могучій
На земь бросилъ бремя досокъ,
Шагъ ступаетъ онъ поближе
И затѣмъ такъ говоритъ:
* „Что за пища, молодцы,
Варится у васъ въ котлѣ?
Аль у васъ пиръ долгій будетъ,
Или свадьба пребогатая?“

Мужи, понявъ, отвѣчали,
Отозвались у огня:
„Пищу варитъ дорогую,
Ужинъ для отца котелъ,
Пищу дѣда обороненнаго,
Кормъ для бабы опрокинутой,
Кашу дѣвъ обратноголовыхъ,
Супъ веселія родичамъ.
Если пиръ у насъ готовятъ,
Дѣлаютъ обѣдъ великій,
Убивается скотина,
Быкъ великій закалается;
Сотня умерщвлять идетъ,
Окровавливать—пятьсотъ,
Убивать — тысяча мужей.

Нынѣ бѣдняка котелъ,
Кладъ убогаго кипитъ,
Не иное, полоть оленя,
Стараго кабана бока,
Печень, легкія медвѣдя,
Почечный волченка жиръ,
Стараго хребетъ медвѣдя,
А на днѣ орла подкладышъ:
Это ужинъ для рогатаго,
Для старухи—влага губъ,
Пойло псу со дна котла,
А коту поскребки чаши;
Поварамъ помои останутся,
Долею рабовъ останутся.
Бѣлоглавыя на иныхъ харчахъ,
На лепешкахъ—юныя дѣвы,
Что состряпала старуха,
Испекла въ огнѣ волшебномъ —
Будутъ булки для сестеръ,
Скудная[5]) пища для дѣвицъ.“ *

Сынъ Калева произнесъ:
„О, бѣсовскіе повара,
Скверную бурду варящіе!
Кто безумнѣе слыхалъ,
Иль во снѣ страннѣе видѣлъ!
Болѣе страннаго варева
Чародѣй не смогъ бъ затѣять,
Тусларъ самъ и выдумать!“
Мужъ одинъ тотчасъ понялъ,
Хитрый далъ ему отвѣтъ:
„Нашъ котелъ (на огнѣ) кипитъ,
Пищу странную готовя
Колдунамъ по четвергамъ
Кормъ усиливающій мощь,
Варитъ крѣпость и для тѣла

Мудрымъ дѣдамъ тусларамъ,
Чародѣя сынамъ ѣду;
Варитъ укрощающее гнѣвъ,
Распаляющее зависть,
Погашающее злой глазъ,
Варитъ и на пользу младшихъ
Возбуждающее любви влеченье,
Возжигающее сердца.“

Сынъ Калева вновь сказалъ:
Коль въ котлѣ томъ десять варевъ,
У горшка готовокъ много,
То не стоитъ ѣды вечерней
Ожидать съ пустымъ желудкомъ.
Укажите, братья дорогіе,
Гдѣ домъ вашего хозяина,
Дѣда обороченнаго изба,
Бабы опрокинутой тѣнь,
Мѣсто дѣвъ обратноголовыхъ!
Въ шероховатомъ стручкѣ
Ядрышко бываетъ сладкое,
Въ самой жесткой скорлупѣ
Содержанье бываетъ гладкое.“

Парни охранители котла
Издѣваясь заговорили:
„Коль ты спустишься въ свѣтлицу,
По пути къ избамъ пойдешь,
Будь ты, братецъ, остороженъ!
Шире глаза свои раскрой,
Чтобъ не сбиться отъ слѣдовъ,
Не терять тропы домашней:
Мыши ходъ въ ловушку легокъ,
Трудно же избавиться.“
Калевъ понялъ, отвѣчалъ:
„Муры мужа не задержатъ,
Не опутаютъ и скалы,
Крѣпкій не теряетъ дороги,
Много тропъ у мощнаго! “
Парни охранители котла
Тотчасъ указали дорогу:
„Прямо въ пасть пещеры иди,
Вотъ найдешь ты тамъ ворота;
Спину ты согни горбомъ,
Внизъ покато ты спустись,
Въ глубь пещеры залѣзая,
Шагомъ, молодецъ, иди,
Да ощупывая руками,
Дверь избы найдешь навѣрно.“

Сынъ могучій Калевида
Началъ странствовать стезей,
Вихремъ по пути несясь;
Часть прошелъ онъ сгорбившись,
Часть другую на четверенькахъ.
Парни—охранители котла
Межъ собою зубоскалить:
„Шелъ въ гнѣздо кота медвѣдь,
Левъ—въ веревочные силки,
Гдѣ и шкуру потеряетъ.“

Сынъ могучій Калевида
Торопился неустанно,
Хоть хожденіе сгорбившись
И ползкомъ герою тяжело;
Глухотѣсная темная нора
Представляла пути преграды.
Отблескъ огненный началъ
Ужъ сверкать вдали во мракѣ;
Глазъ теперь могъ прозирая
Вновь ногою руководить.

Путь пещерный шире сталъ,
Понемногу дѣлался выше,
Такъ что Калевида сынъ
Могъ ужъ стоя подвигаться.
Посреди пещеры высокой
Лампа въ потолкѣ висѣла,
Освѣщая для смотрящаго
Все, что въ глаза попадало.
Въ задней сдѣлана стѣнѣ
Дверь довольно широкая.
У двернаго косяка
Рядомъ два ведра стояли,
Въ каждомъ влага своя была,
Жидкость особеннаго рода.
Цвѣта молочнаго бѣлая одна,
Бурая цвѣта смолы другая;
Изъ-за двери раздавался
Шумъ отъ прялочныхъ колесъ,
Гулъ отъ веретенъ вращенья,
Чудный звукъ въ избѣ прядущихъ,
Пѣснь веселая дѣвицъ;
Калевъ тайно подслушивалъ,

Пѣснь же дѣвы такъ гласила:
*„Ой, мы, нѣженькія сестрички,
Ой, прелестницы кудрявыя,
Пташки бѣлошейныя!
(Вѣчнаго) томленья ярмо
Бѣдныхъ угнетаетъ за прялкой,
Золотую пряжу сучащихъ,
Нити серебряны тянущихъ;
Не гурьбой-ли прежде шли,
Не толпой ли прежди ходили,
Не у насъ-ли былъ вѣкъ пировъ,
Время лучшее не цвѣло-ли
Прежде на дворѣ отца,
У родителей на игрищѣ?
Не рядились-ли предъ вечеромъ,
Убирались въ красныя тесемки,
Въ златоцвѣтные узоры;
Ни ходили-ли на сельской качели
Ликовать въ вечернемъ веселіи?
Шелковыя рубахи надѣты,
На рукахъ сборчатые рукава,
Ожерелій ряды вкругъ шеи,
На груди большія пряжки,
Золотые перстни на пальцахъ,
На главѣ вѣнки изъ кружева,
У вѣнковъ златые галуны,
Шелковые платки на шеѣ,
Шелковые чулки на ногахъ.
Счастья прежде не вкушали-ль,
Не видали-ль прежде веселья,
На пирахъ великихъ радостей?
Нынѣ губитъ печаль веселье,
Нынѣ цвѣта лишаетъ томленье,
Дѣвъ румянца на щекахъ.
(Мы) въ плѣну, во власти чужой,
Какъ въ свѣтлицахъ курочки,
Голубки одни въ избахъ,
Гдѣ развѣдчиковъ нѣтъ дальнихъ,
Пожелателей добраго счастья,
Гдѣ не ходятъ къ намъ и сваты.
Мы плѣснѣемъ отъ томленья,
Увядаемъ отъ печали,
Мы несчастныя за прялкой
Посѣтить не можемъ суженаго
И привѣтствовать знакомаго,
Ни дать руку дорогому!
Издали пришелъ бы суженый,
Прикатилъ бы на жеребцѣ
До разсвѣта подъ нашъ дворъ
Сѣтующихъ успокоить,
Да печали уменьшать,
Наши слезы разсѣвать!
Прикатилъ бы женихъ-солнце
Избавлять отсель дѣвицъ,
Мѣсяцъ сватомъ къ намъ пріѣхалъ бы,
Позабавить насъ дѣвицъ,
Насъ спасти изъ сѣтованья;
Прикатилъ бы парень—звѣзда,
Чтобъ голубокъ пріобрѣсть,
Насъ изъ плѣна выводить.
Пусть пришелъ бы кто бы ни былъ,
Хоть и вѣтромъ былъ бы пригнанъ,
Злополучный иль калѣка,
Былъ бы только мужескаго пола.

Сынъ Калева дорогой,
Коль услышалъ пѣснь дѣвицы,
Дверь старался растворить,
Вывернуть изъ косяковъ;
Какъ стѣна скалистая крѣпкія
Ворота не колебались,
Не сгибались косяки.

Сынъ могучій Калевида
Гласъ обманчиво старался
Измѣнить (возможно) ниже
И настроить (много) тоньше.
Началъ пѣснь затягивать,
Складывать въ такую рѣчь:
*„Шелъ гулять я для веселья,
По лѣсамъ (густымъ) бродить,
Гнетъ душевный разсѣвать,
Облегчать печали бремя;
На прогонахъ зима исчезла,
Нивы еще въ юности.
Что нашелъ въ ольховникѣ,
Неожиданно въ березнякѣ?
Я нашелъ четырехъ дѣвицъ,
Подмаренники 6) срывающихъ,
Разсѣвающихъ корни деревъ,
Вырывающихъ и торфъ.

Головы бѣлы, щеки румяны,
Брови черноты жука.
Не дерзнулъ я подойти,
Не посмѣлъ и взять въ объятья;
Воротился домой печально,
Плача въ сѣни я вступилъ;
Дѣдушка спросилъ меня,
Бабушка допытывалась:
Что ты плачешь,юный сынъ?
Что тоскуешь ты весною?
„Что я плачу, дѣдушка?
Что тоскую, бабушка?
Шелъ я весело гулять,
Рано (утромъ) поглазѣть;
Что нашелъ въ ольховникѣ,
Неожиданно въ березникѣ?
Я нашелъ четырехъ дѣвицъ,
Подмаренники срывающихъ,
Разсѣвающихъ корни деревъ,
Вырывающихъ и торфъ,
Головы бѣлы, щеки румяны,
Брови черноты жука;
Не дерзнулъ я подойти,
Не посмѣлъ и взять въ объятья;
Воротился домой печалясь“

Дѣдъ понялъ и отвѣчалъ:
„Замолчи, мой юный сынъ:
Самострѣлы ловить заставлю,
Стрѣлы длинныя—настигать.“
Сынъ ему сталъ возражать:
„О, мой милый дѣдушка!
То не ловля самострѣломъ,
Ни стрѣлами настиганье —
Это золота покупка,
Пріобрѣтенье серебра,
Драгоцѣннѣйшаго товара;
Привезу товаръ изъ города,
Кружева изъ лавки(богатой),
Ленты—изъ-за прилавка,
Шелки (разные) со стѣнъ —
Этимъ дѣвицъ приманю.
Я лошадку сталъ холить,
Своего коня кормить,
(Сталъ) ухаживать за каримъ;
Въ сбрую осѣдлалъ коня,
Осѣдлалъ въ сѣдло шелковое,
Въ ожерелья серебряныя,
Да во мѣдную узду;
Покатилъ далеко сватать,
Поискать (себѣ) дѣвицъ:
Прикатилъ въ ворота ваши,
Да за двери ваши пріѣхалъ.“*

Дѣва слышала въ свѣтлицѣ,
Стройно пѣла ему въ отвѣтъ:
„Братецъ, парень деревенскій,
Издалека пріѣхавшій сватъ!
Въ часъ счастливый (ты) пріѣхалъ
Пріобрѣсть себѣ дѣвицу:
Изъ дома хозяинъ ушелъ,
Исправлять свои дѣла;
Бабушка печетъ лепешки,
Дѣтямъ хлѣбъ приготовляетъ;
Младшая сестра пасетъ гусей,
Бережетъ лапчатоногихъ;
Злато вытираетъ другая ,
Чиститъ серебрянныя вещи;
Я одна печальной птицей,
Жаворонкомъ въ узахъ печали
Веретена на прялкѣ верчу,
Пряжу золотую пряду,
Нити серебряныя сучу!

Слушай, парень деревенскій,
Женишекъ обманчивый!
*Омочи свои ручища
Тамъ въ ведрѣ, что подлѣ двери,
Въ коемъ жидкость,
Подпирающая крѣпость:
Мощь ручищи увеличится,
Сила желѣзная кулака,
Чѣмъ низринешь стѣны скалъ,
Разобьешь желѣзныя врата,
Башни сдѣланныя изъ стали.
Если нужно убавить крѣпость,
Силу излишнюю уменьшить,
У ручища мощь отнять:
Омочи въ ведро другое,
Гдѣ молочнаго цвѣта жидкость,
Отнимающая крѣпость,
Погашающая громадную силу;*
Не то крѣпкая рука сломитъ

Въ пухъ и прахъ, чего коснется.“
Сынъ могучій Калевида
Поспѣшилъ приказъ исполнить,
Какъ дѣвица произнесла,
Дѣва юная научила.
Руку обмакнувъ, почуялъ,
(Что) ужъ крѣпость развивается,
Мощь въ рукахъ его ростетъ.

Лишь теперь онъ взялъ за дверь,
Какъ низринулъ съ косяками,
Съ трескомъ бросивши на полъ.

Коль потомъ онъ чрезъ порогъ
Ногу свою въ избу занесъ,
Положилъ пяту на полъ,
Дѣва съ ужасомъ вскочила,
Изъ за прялки быстролетно
Вихремъ въ бѣгъ пустилася,
Чрезъ порогъ въ избу влетѣла.

Молоденькая дѣвица,
Мощной ручищи боясь,
Гласомъ дѣвичьимъ взмолилась:
„Сынъ героя мощнаго,
Женишекъ, изъ вѣтра пришедшій!
Ты не тронь желѣзной лапой,
Или пальчикомъ дѣвицу,
Прежде чѣмъ уменьшишь мощь,
Прежде чѣмъ убавишь крѣпость,
Силу волшебную ослабишь.
Лапу въ другое ведро омочи,
Гдѣ молочнаго цвѣта жидкость,
Убавляющая крѣпкую мощь!“
Сынъ Калева дорогой
Счелъ за шутку рѣчь сію
И испугъ (той) юной дѣвы,
Думалъ самъ такъ про себя:
Вѣдь моя рука, лаская,
Причинить вреда не можетъ.
Юная та дѣвица
Со слезами взмолилася:
„* Удалецъ, не подходи,
Близь ко мнѣ не подступай;
Тара создалъ тебя безмѣрнымъ,
Сотворилъ дѣдъ (таковымъ),
Чары сдѣлали крѣпчайшимъ,
Возродила чародѣйская влага.
Ты навѣрно, гость дорогой,
Калевида славный сынъ,
(Храбрыхъ) витязей питомецъ,
Сулевида родственникъ.

Дома я когда росла,
Цвѣтъ у матери средь ольхъ,
Какъ шиповникъ подъ дворомъ,
У забора таволга,
Въ коппелѣ купальница,
Вѣсти дивныя о немъ
Получала сотнями,
Слышала и тысячами.“*

Требованья дѣвы юной,
Дружескія пожеланья
Остался безъ отвѣта.
Мыслей ходъ у Калевида
По другому вѣтру несся,
По лугу бродилъ иному.

Лишь порогъ онъ преступилъ,
Осмотрѣлъ избу чужую,
Какъ нежданно онъ тотчасъ
Богатырскій мечъ дѣльнѣйшій
Усмотрѣлъ на стѣнкѣ задней.
На гвоздѣ висѣлъ сей кладъ,
На другомъ же-близь меча —
Прутикъ ивы небольшой,
Шляпа лѣтняя на третьемъ,
Старая войлочная шапка.
Сынъ могучій Калевида
Зова дѣвицы не слушался,
Не смотрѣлъ на прутикъ сей,
Шляпу важною не счелъ:
Мысли вкругъ меча витали,
Вожделѣнья у браннаго орудія.
Сокровенные кузнецы,
Подземные мастера
Въ тайникѣ его сковали,
Изготовили въ скрытномъ мѣстѣ.
Мысленно измѣривъ мечъ,
Молвилъ онъ слова такія:
„Вотъ что я во снѣ видалъ,
Спящій уже предузналъ,
Прежде угадалъ разсудкомъ:
Для меня сей мечъ и сдѣланъ,

Кованъ въ потаенной избѣ
Равнымъ прежнему мечу,
Что во Кэпѣ погребенъ.“
„Дѣва изъ свѣтлицы взмолилась:
„Слушай, братецъ дорогой,
Мечъ невзятымъ ты оставь,
Брани орудіе Рогатому;
Прутикъ ивовый возьми,
Также шапку невидимку:
Ивы прутъ спасетъ изъ ада,
Шляпа та отъ злой напасти.
Мечъ дѣльнѣйшій можешъ ты
Заказать у кузнеца,
Мастеръ мечъ съумѣетъ сдѣлать,
Мудрый подмастерье—сковать,
Но сей шапки дорогой,
Крошечнаго ивоваго прутика
И на свѣтѣ нельзя найти.
Десять силъ у шляпы сей,
У прута семь тайныхъ дѣйствій,
Свойствъ особыхъ еще девять;
Пожеланья осуществляя,
Исполняя любыя хотѣнья,
Прутикъ сей весьма силенъ,
Шляпа помощница крѣпчайшая,
Дѣлъ мудрѣйшихъ правительница.“

Сынъ могучій Калевида
Понялъ, тотчасъ отвѣчалъ:
„Пожеланья свои могу
Выполнить, лишь захочу,
И безъ шляпы чародѣйской,
Безъ пособья прута волшебнаго!
Вѣянья вѣтра тусларовъ,
Порожденья чародѣевъ,
Козни дѣдушки Пустаго —
Съ толку сбить не могутъ героя,
Ни опутать богатыря;
Крѣпость пролагаетъ дороги,
Мощь—тропинокъ проводникъ.“

Молоденькая дѣвица,
Споръ напрасный прекращая,
Шляпу съ вѣшалки взяла,
Въ руки шапочку взяла,
Что не сваляна изъ войлока,
Ни сготовлена изъ шерсти,
Ни составлена изъ волосъ:
Шляпа изъ ногтей обрѣзковъ,
Изъ кусковъ ногтей сбереженныхъ,
Мудрымъ образомъ самодѣлана.

Дѣвочка та, говоря,
Стала шляпу восхвалять:
„Шляпа эта стоитъ дорого,
Стоитъ безмѣрную цѣну,
Дорожайшую, чѣмъ царство,
Такъ какъ шляпы другой подобной
Въ свѣтѣ великомъ не получить,
Ни найти въ широкомъ свѣтѣ.
Что бы ты, желаній полный,
Аль тоскою (злой) томимый,
Пожелалъ когда нибудь,
Шапка тотчасъ осуществитъ.
Выполнитъ твое хотѣнье.“

Ради шутки надѣла дѣва
Шапочку на свою голову,
Пожелала сама словами:
„Вырости, златая дѣвица,
Вытянись, голубоглазая!
Вырости съ Калева высотой,
Вытянись въ величину друга!“
Видимо сестра тянулась,
Локоть росла, два росла,
Сажень тянулась, двѣ тянулась,
Выросла съ Калева высотой,
Вытянулась въ величину друга.

Дорогой сынъ Калевида,
Видя шуточную игру дѣвы,
Да ея быстрѣйшій ростъ,
Мгновенное вытягиванье,
Взялъ съ главы дѣвицы шапку,
На главу себѣ надѣлъ,
А затѣмъ такъ пожелалъ:
„Понижайся, удалой,
Съежься, съежься, богатырь!
Понижайся сажень меньше,
Ниже нѣсколько саженей;
Съежься (меньше какъ бы) въ шаръ,
Вровень молодой сестрѣ!“
Калевъ началъ понижаться,
Пядень, двѣ онъ опускался,
Сократился много локтей,

Вровень съ дѣвой опустился,
Сталъ похожимъ на сестру.
Ты, дѣвица молодая,
Ты взяла навѣрно шляпу,
Шапку съ парня головы,
На свою главу надѣла,
Выразила пожеланья,
Чтобы прежней тебѣ стать,
Ровнею созданной твари.
Вмигъ понизилась сестра,
Сократилась золотенькая,
Въ ростъ созданнаго существа.
Дорогой сынъ Калевида,
Насмѣхаясь надъ шуткой дѣвы,
Молвить началъ такъ потомъ:
„Ради тебя, сестра младая,
Нынѣ я хочу дитятей,
Малымъ мальчикамъ остаться;
Я хочу какъ жолудь дуба,
Какъ красивѣйшая рюха,
Малымъ по полу катиться!“
Исполнительницу желаній,
Шляпу изъ ногтей сложенную,
Было жаль изъ рукъ пустить;
Про себя онъ такъ подумалъ:
Коль возникнетъ распря вдругъ,
Дождь несчастія польется,
Града тяжкаго паденье
Угрожать внезапно будетъ:
Ужъ конечно шляпа быстро
Произведетъ сильнѣйшаго,
Породитъ и большаго.
Въ видѣ малаго мальчугана
Проводилъ въ весельи время,
Забавляяся съ дѣвицей.
* Дѣти дорогія вдвоемъ
Въ пляскѣ по избѣ несутся,
Попираютъ полъ избы,
Какъ бы изба изъ черемхи,
Полъ изъ дерева орѣховаго,
Изъ рябины косяки,
Средостѣнія изъ клена.
Какъ бы въ золотѣ ихъ звали,
Кликнули ихъ въ серебрѣ
Пѣсенки затягивать,
Что изъ памяти исчезли,
Много чудныхъ потерялось.
Дѣва эта молодая
Позвала въ избу другую,
Ту, что злато вымывала,
Вычищала серебро,
Вытирала также мѣдь.
Позвала сестрицу третью,
Что за стадомъ шла гусей,
Стерегла лапчатоногихъ;
Позвала сестеръ вдвоемъ
Посмотрѣть на незнакомца.
Дѣвы въ гласъ одинъ сказали:
Двери кухонныя замкнемъ
И задвижки ихъ заложимъ,
Прочные замки за двери,
Чтобъ не вырвалася баба
Нарушать веселье наше!
Двери кухонныя замкнули;
Баба за печеньемъ лепехъ
Какъ бы мышь въ ловушку попала,
Не могла ужъ высвободиться,
Ихъ веселье сократить.
Сынъ Калева дорогой
Забавлялся съ дѣвицами,
Время съ милыми проводилъ,
Обѣщая ихъ избавить
И спасти отъ адской жизни:
„Васъ троихъ я выведу
На сіянье солнышка,
Подыскать вамъ постараюсь
Женишковъ иль сватовъ тамъ,
Пожелать изъ родичей;
Пожелаю одну Сулеву,
Дамъ другую Алеву,
Третью же оруженосцу.
Самъ я, парень молодой,
Малый пріемышъ не засватаю,
Слабымъ не могу жениться:
Сажень долженъ я тянуться,
Пару пядней развиваться,
Поумнѣй отчасти стать
И немного разсудительнѣй,
Прежде чѣмъ могу поѣхать
Сватать курицу домашнюю.

Нынѣ кривоклювымъ орломъ,
Полечу кукушкой въ ольховникъ,
Веселиться на лужки,
Пира счастья поискать.“ *
Много веселыхъ игръ затѣяли,
Чтобы время провести:
Ястребъ теребилъ цыплятъ,
Калевъ ястребъ, дѣвы цыплята;
Также въ жмурки заиграли,
Начали кольцо искать,
Ради шутки игру въ сосѣди,
Исполняли игру въ прятки,
Потушили въ избѣ огонь,
Тайную игру начали,
Что пѣвецъ воспѣть не можетъ,
Ни языкомъ передать. [7])
* Съ языка исчезли чудныя пѣсни,
Свадебныя трели изъ головы,
Съ рукъ — извѣстья золотыя,
Много изъ ума сладчайшихъ.
Коль пройдетъ веселья день,
Ликованье счастья ночей,
Коль увянетъ моя юность
И поблекнетъ щекъ румянецъ:
На исходѣ время пѣнья,
Кукованье теряетъ кукушка,
Ликованье — соловей,
Жаворонокъ — веселыя трели,
Юная дѣва — голосокъ.
Если послѣ долгой радости,
Въ пляскѣ, забавахъ съ женихомъ
У дѣвицы не будетъ плача,
Иль въ раскаяніи печали,
Сѣтованій по веселіи:
Можно будетъ, повѣствуя,
Гласомъ лебедя пиръ воспѣть.*

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Это ложе находится въ болотѣ близь Луденгофа и представляетъ собою продолговатый холмъ, имѣющій на одной сторонѣ выемку. Другой меньшій холмикъ, лежащій отъ перваго на незначительномъ разстояніи, образовался по преданію изъ растерянnаго песку, сыпавшагося черезъ дыру въ шубѣ, которую оставила по себѣ часть вырванная для одѣянія ежа.

2) Это озеро находится подлѣ почтовой дороги, ведущей изъ Дерпта въ Ревель, на растояніи ок. 60 верстъ отъ Дерпта.

3) При Вэгевской корчмѣ, гдѣ почтовая дорога развѣтвляется на двѣ вѣтви, между послѣдними находится окруженная лѣсомъ поляна, на которой отдыхалъ въ полдень нашъ герой.

4) Крейцвальдъ полагаетъ, что по представленію Эстовъ входъ въ адъ находился въ предѣлахъ помѣстья Кабаль въ Пилистферскомъ кирхшпилѣ.

5) Närw, närwa — (по фин.) скупой, жадный, алчный, по словарю Видемана (эст.) — вялый, увядшій, безаппетитный, непріятный. По смыслу текста нужно принять первое значеніе.

6) Madarad — Galium borealis.

7) Изъ различныхъ описаній игръ Калевича съ адскими дѣвами Крейцвальдъ избралъ то, въ которомъ съ пропускомъ всѣхъ непристойностей болѣе всего соблюдено приличіе.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ПѢСНЬ.

Обозрѣніе ада — 328; происхожденіе Рогатаго и управленіе волостями мертвыхъ — 441; предостереженія адскихъ дѣвицъ — 656; возвращеніе Рогатаго и борьба его съ Калевичемъ — 856; Калевичъ выходитъ изъ ада съ большою добычею.

Будь сынъ сынъ пѣнія моложе,
Будь онъ тѣмъ. что прежде былъ
Въ вешней прелестной красѣ,
Коль подходитъ лѣтнее время,
То онъ пѣлъ бы долгій день,
Пѣлъ бы зимнюю ночь напролетъ,
Пѣлъ бы для забавы недѣлю,
Куковалъ бы хоть полмѣсяца
Объ игрѣ Калева сына
Съ дѣвицами семьи адской;
Пѣлъ бы — и лѣса шумѣли бъ,
Скалы дрогнули бъ въ отвѣтъ.

Но пѣвецъ — пѣтухъ вечерній,
Съ лѣтомъ разставшаяся лебедушка,
Взоры томны обращаетъ
Къ утру счастья дней (былыхъ),
Къ нивамъ юности (минувшей),
Гдѣ еще прелестные узоры,
Счастія цвѣты прекрасные
Радости покровъ готовили;
Коли въ жизни нѣжныхъ грудяхъ
Друга сердце горячѣй
Счастливо билось въ отвѣтъ,
Коль еще на вешней травкѣ,
При поднятіи сельской качели
Взоры чернобровые дружески
Ласками (въ отвѣтъ) сіяли.
О, когда жъ весна пѣвца
Возвратится съ чарами?
Ты взойди, заря пѣвца,
Встань какъ ясное солнышко,
Предъ моимъ духовнымъ взоромъ!
Освѣти былые дни,
Воскреси изъ сумерекъ,
Проясни изъ темныхъ тучъ!

У Калевича драгаго
Радость ѣхала не рѣкой,
Ни игра — горой златой;
Длилось веселье въ долгую ночь
Въ безконечномъ торжествѣ;
Тутъ игра не позволяла
Юному скучать герою,
И забава не давала
(Юнымъ) дѣвамъ тутъ заснуть.
„Еслибъ въ устрашенье ночи
Солнце не взошло сіять!“
Много юныхъ ужъ рыдало,
Сожалѣя о былой любви,
Коль ея шелковую основу
Ткали тайно на станкѣ.

Бабушка плѣненная въ кухнѣ
Какъ бы мышь въ ловушкѣ сидѣла,
Не могла пріемышамъ,
Дорогимъ ужъ возбранять;
На другой день дѣвы шли
Съ Калевидомъ погулять,
Домъ показывать пошли,
Посмотрѣть свѣтлицы съ кладомъ.
Щеки дѣвъ еще краснѣли
Отъ (вчерашнихъ съ нимъ) забавъ,
Въ чемъ у нихъ въ игрѣ счастливой
Ночь та весело прошла.
* Дверью каменною шли
Подъ высокій каменный сводъ,
Каменнымъ путемъ прошли
Часть земли впередъ;

Встрѣтилась изба богатая.
Изъ желѣза изба сдѣлана,
Стѣнъ углы изъ стали (скованы);
Двери желѣзныя, окна желѣзныя,
Потолки и полы желѣзные;
Печь желѣзная въ углу,
Каменка желѣзная на печи,
Сводъ желѣзный у каменки,
Ложе желѣзное у стѣны,
Столъ желѣзный средь пола,
Стулья желѣзные вкругъ стола,
У печи скамьи желѣзныя;
Изъ желѣза сдѣланы рѣшетины,
Изъ желѣза поперечныя балки,
Въ каждомъ углу желѣзные сундуки,
Кладъ желѣзный въ сундукахъ.

Дѣва старшая сказала,
Въ рѣчь сложила такъ слова:
„Это стараго дѣда Рогатаго
Батракамъ изба рабочая,
Холопамъ пристанище,
Мѣсто именно поденщикамъ.
Здѣсь ихъ бѣдныхъ угнетаютъ,
Мучатъ разнымъ способомъ.“

Шли желѣзной они дверью,
Подъ высокій желѣзный сводъ,
Шли они путемъ желѣзнымъ
Часть земли впередъ.
Встрѣтилась изба другая.
Сдѣлана изба изъ мѣди,
Стѣны вылиты изъ мѣди,
Стѣнъ углы изъ бѣлой мѣди,
Бревна стѣнъ изъ красной мѣди,
Мѣдныя двери, мѣдныя окна,
Мѣдные потолки, полы;
Мѣдная печь стояла въ углу,
Мѣдная каменка на печи,
Мѣдный сводъ у каменки,
Мѣдное ложе у стѣны,
Мѣдный столъ среди пола,
Мѣдные стулья вокругъ стола,
Мѣдныя скамьи возлѣ печи;
Сдѣланы изъ мѣди рѣшетины,
Поперечныя балки изъ мѣди.
Въ каждомъ углу изъ мѣди сундуки,
Мѣдное сокровище въ сундукахъ.

Дѣва старшая сказала,
Въ рѣчь сложила такъ слова:
„Это стараго дѣда Рогатаго
Дѣвицамъ изба рабочая,
Для работницъ пристанище,
Уголъ для поденщицъ дѣвъ;
Здѣсь ихъ бѣдныхъ угнетаютъ,
Мучатъ разнымъ способомъ.“

Шли они чрезъ мѣдную дверь
Подъ высокій мѣдный сводъ,
Мѣднымъ шли они путемъ
Часть земли впередъ.
Встрѣтилась имъ третья изба;
Сдѣлана изба изъ серебра,
Стѣны избы серебряныя,
Вылиты изъ серебра углы,
Двери серебряныя, окна серебряныя
Потолки, полы серебряные,
Печь серебряная въ углу,
Каменка серебряная на печи,
Сводъ серебряный у каменки,
Ложе серебряное у стѣны,
Столъ серебряный среди пола,
Стулья серебряные подлѣ стола,
Возлѣ печи серебряныя скамьи,
Сдѣланы изъ серебра рѣшетины,
Балки поперечныя изъ серебра.
Въ каждомъ углу серебряные сундуки,
Въ сундукахъ серебряныя деньги.

Дѣва молвила другая,
Въ рѣчь сложила такъ слова:
„Это стараго дѣда Рогатаго
Ежедневная изба,
Будничнее его жилье,
Горница гдѣ тѣло укрѣпляетъ.
Отдыхаетъ здѣсь ежедневно,
Жизнь привольную ведетъ.“

Шли они чрезъ серебряную дверь
Подъ высокій серебряный сводъ,
Шли по серебряному пути
Часть земли впередъ;
Встрѣтилась изба четвертая.

Сдѣлана изба изъ злата,
Двери золотыя, окна золотыя,
Потолки и полы золотые:
Печь золотая стояла въ углу,
Каменка золотая на печи,
Сводъ у каменки золотой,
У стѣны кровать золотая,
Столъ золотой среди пола,
Стулья золотыя вокругъ стола,
Возлѣ печи золотыя скамьи,
Сдѣланы рѣшетины изъ золота,
Балки поперечныя изъ золота,
Утварь вся изъ золота;
Въ каждомъ углу золотые сундуки,
Въ сундукахъ златыя деньги.

Дѣвушка другая молвила,
Въ рѣчь слова сложила такъ:
„Это стараго дѣда Рогатаго
Праздничное мѣстечко,
Это веселія изба,
Радости драгая свѣтличка;
Здѣсь онъ въ праздникъ отдыхаетъ,
Жизнь сладчайшую вкушаетъ
И счастливѣйшее время;
Здѣсь вчера я долгій день
Вымывала золото,
Подметала горницу“

Дверью золотой прошли
Чрезъ ворота золотыя
Подъ высокій сводъ златой;
Золотымъ путемъ прошли
Часть земли впередъ.
Встрѣтилась имъ пятая изба,
Дорогая шелковая горница,
Сдѣлана изба изъ шелка,
Шелковымъ шнуромъ воздвигнута,
Тайными столбами подперта,
Шелковыя были стѣны избы,
Шелкомъ связаны углы,
Шелковыя двери, шелковыя окна,
Потолки, полы изъ шелка,
Шелковыя ложа у стѣны,
Шелковыя подушки на ложахъ,
Шелковыя скатерти на столѣ,
Шелковыя покрывала на стульяхъ,
Шелковыя висѣли одежды
На стѣнѣ кругомъ избы,
Шнуры шелковые вдоль избы
Колебалися подъ шелкомъ;
Сундуки большіе въ углу,
Въ сундукахъ шелковыя ткани.

Третья дѣвушка сказала,
Въ рѣчь такую слова сложила:
„Это дѣвъ нарядная свѣтлица,
Юныхъ дѣвицъ горница;
Здѣсь онѣ нѣжныя наряжаются,
Убираются въ праздничныя платья,
Одѣваются въ синешелковыя,
Въ полосатыя и красныя,
Въ гужеваго цвѣта, извилистыя,
Коль пиръ шелковыхъ бываетъ,
День (назначенный) юнымъ дѣвамъ.“

Шли чрезъ шелковую дверь,
Чрезъ ворота шелковыя
Подъ высокій шелковый сводъ,
Шелковымъ путемъ прошли
Часть земли впередъ.
Встрѣтилась шестая комната,
Бархатная красивая свѣтличка.
Сдѣлана изба изъ бархата,
Сложена по бархатному шнуру,
Тайными столбами подперта;
Стѣны комнаты изъ бархата,
Бархатомъ углы скрѣплены,
Бархатныя двери, бархатныя окна,
Потолки, полы изъ бархата;
Бархатныя кровати у стѣны,
Бархатныя подушки на кроватяхъ,
Бархатныя скатерти поверхъ стола,
Бархатныя покрывала на стульяхъ,
Бархатныя большія подстилки
Разстилались вдоль пола,
Бархатные шнуры вдоль избы
Колебалися подъ бархатомъ.
Сундуки большіе въ углу,
Бархатныя ткани въ сундукахъ;
Свертки другіе тканей бархатныхъ
Въ кучѣ подлѣ сундуковъ.
Третья дѣвушка сказала,
Въ рѣчь сложила такъ слова:

„Это дѣвъ нарядная комната,
Юныхъ дѣвицъ горница;
Здѣсь онѣ юныя наряжаются,
Убираются въ праздничныя платья,
Одѣваются въ синій бархатъ,
Въ полосатыя красныя одѣянья,
Коль бываетъ прадникъ бархатныхъ,
День дѣвицъ во бархатѣ.“

Шли чрезъ бархатныя двери,
Чрезъ ворота бархатныя
Подъ высокій бархатный сводъ;
Бархатнымъ путемъ прошли
Часть земли впередъ.
Встрѣтилась седьмая комната.
Комната изъ кружевъ сдѣлана,
Изъ прелестныхъ кружевъ горница,
Что изъ кружевъ была сплетена,
Сложена изъ кружевныхъ тесемокъ,
Подпираема тайными столбами:
Стѣны комнаты изъ кружева,
Кружевами углы скрѣплены,
Двери изъ кружева, окна изъ кружева,
Потолки, полы изъ кружева,
У стѣны кровати изъ кружева,
На кроватяхъ подушки изъ кружева,
На столѣ изъ кружева скатерти,
Покрывала стульевъ изъ кружева,
Кружевная ткань висѣла
На стѣнѣ вокругъ (избы);
Вдоль избы тесемки изъ кружева
Колебалися подъ кружевомъ;
Сундуки большіе въ углу,
Свертки кружева въ сундукахъ,
Въ кучахъ подлѣ сундуковъ
Рукавовъ узоры чудные,
Кучи другія узоровъ чепчиковъ,
Третьи тканей извилистыхъ.

Третья дѣвушка сказала,
Въ рѣчь сложила такъ слова:
„Это дѣвъ нарядная комната,
Юныхъ дѣвицъ горница.
Здѣсь онѣ юныя наряжаются,
Убираютъ головы въ кружево,
Коль одѣтыхъ въ кружево праздникъ,
День для молодыхъ дѣвицъ.“

Шли чрезъ дверь кружевную,
Чрезъ ворота кружевныя
Подъ высокій кружевной сводъ;
Кружевнымъ путемъ прошли
Часть земли впередъ;
Выступили тутъ на дворъ,
Гдѣ ни муравы, ни чернозема,
Чисто денежная вся земля,
Проходной путь изъ талеровъ.

Семь амбаровъ во дворѣ стояли,
Сдѣланъ былъ одинъ изъ камня,
Изъ гранита тутъ воздвигнутъ,
А другой изъ плитняка,
Изъ плиты широкой сдѣланъ;
Третій изъ яйца куринаго
Пречудесно былъ построенъ;
Изъ гусинаго яйца четвертый
Тайнымъ образомъ сложенъ;
Пятый былъ изъ гладкаго камня,
Сдѣланъ изъ тесаннаго камня;
Изъ орлинаго яйца шестой
Пречудесно былъ построенъ.
Изъ яйца Сіуру седьмой амбаръ
Способомъ особымъ воздвигнутъ.

Ржи былъ полонъ одинъ амбаръ,
А ячменя другой амбаръ,
Третій полонъ былъ овса,
Переполненъ пшеницей чствертый,
Пятый съ солодомъ амбаръ,
Съ овощами былъ шестой,
Съ саломъ свинымъ седьмой амбаръ,
Полонъ пластовъ сала повареннаго.

Въ заднемъ дворѣ были хлѣвы,
Для пасомаго скота квартиры;
Хлѣвы сдѣланы изъ костей,
Изъ остова (искусно) сложены. *

Сынъ Калева дорогой
Не пошелъ смотрѣть хлѣвы,
Началъ допытываться вещей,
У дѣвицъ допрашивать,
Кто же славный дѣдъ Рогатый
Долженъ быть по происхожденью.

Старшая дѣва тоненькая
Тотчасъ поняла, отвѣчала:
* „Кто такой его отецъ,
Кто какъ мать вскормила грудью,
Въ нѣжныхъ объятіяхъ носила,
На своемъ холила лонѣ,
Усыпляла при устахъ,
Мы объ этомъ не слыхали.
Породила-ли медвѣдица,
Выкормила-ль въ лѣсу волчица,
Забавляла-ли волшебница,
Иль въ качели коза качала, —
Это все для насъ подъ кровомъ,
Подъ завѣсою во мракѣ.

Велики Рогатаго волости,
Управленія обширны,
Сотни цѣлыя тайныхъ поѣздокъ,
Тысячи пустой ходьбы;
Глазъ живаго (существа),
Ухо смертнаго нигдѣ
Не узрѣлъ его путей,
Не слыхалъ его хожденій;
Мы уходъ его лишь видимъ,
Объ его приходѣ знаемъ;
Путь его всегда невѣдомъ.
Глубже будто бы въ землѣ
Внутренняя пустота,
Въ пустотѣ той семь міровъ
И семь тайныхъ островковъ;
Будто волости тамъ тѣней,
Да деревни призрачныхъ
Расположены семьями.
Надъ родами умершаго люда
Управляетъ старый Рогатый,
Какъ премудро Тара (дѣдъ),
При твореніи вселенной,
Учредилъ такой порядокъ.

Вольной крѣпкою рукой
Правитъ волостью Рогатый;
Тѣни право получаютъ
Ежегодно во „время душъ“
Разъ на родину сходить,
Посѣтить своихъ родныхъ
И привѣтствовать знакомыхъ.
Въ праздники — въ Jõu [1]) вечера
Быстролетно мчатся духи,
Вырвавшись отъ адскихъ мукъ,
Изъ воротъ у царства тѣней
Съ быстротою вѣтра несясь,
На родныя игрища,
Гдѣ на радости тропахъ,
Иль путями слезъ (пролитыхъ),
Прежде въ жизни дни ходили.
Но лишь кончится свобода,
Протекутъ блаженства дни,
Дѣти гостившія должны
Воротиться живо обратно
Въ волости тѣ царства тѣней,
Каждый во родную семью.“*

Дѣвушка другая молвила,
Въ рѣчь такую слова сложила:
„Старый дѣдъ Рогатый отсюда
Требуетъ поденщиковъ,
Вызываетъ помощниковъ,
Заставляетъ батраковъ,
А иной разъ дѣвушекъ
Отправлять тутъ барщину;
Бѣдные въ желѣзной свѣтлицѣ
Исполняютъ работы тяжкія,
Въ мѣдной горницѣ жестокій трудъ
Для Рогатаго несутъ.
Палка желѣзная лѣниваго караетъ,
Мѣдный прутъ — медлительнаго.

„Здѣсь-то дѣда Рогатаго домъ,
Настоящее мѣсто отдыха,
Горница чтобъ тѣло крѣпить,
Ложе чтобъ расправить спину,
Гдѣ онъ вмѣстѣ съ старой бабой
На досугѣ проводитъ время,
Дней немного отдыхаетъ,
Коль устанетъ отъ пути,
Отъ блужданья истомится.
Тутъ Рогатаго старуха,
На рѣшетинахъ въ серебряной избѣ
(Ходитъ) парить въ сумерки,
Грѣть ему бока наболѣвшіе.
Въ болѣе долгіе праздники,
Коль бываетъ пиръ большой,
То идетъ съ друзьями Рогатый,
Да съ великою роднею

Праздновать веселый пиръ,
Ликовать въ пивномъ хмѣлю.
Своякомъ ему — Пустой,
Сука адская — его тетка,
Бѣлая кобыла — старая мать.
Нынѣ вечеромъ ожидаютъ,
Что домой придетъ Рогатый;
Остановокъ мало у него,
Коль онъ ходитъ въ верхнюю сторону,
*Гдѣ сіяетъ солнце днемъ,
Ночью лунный свѣтъ мерцаетъ,
Очи звѣздъ указываютъ путь.*
Но когда онъ въ нижній міръ,
Въ волости отправится тѣней,
Нужныя (дѣла) исполнить,
То онъ медлитъ много дней,
Медлитъ цѣлыя недѣли.“

Третья дѣва тоненькая
Въ рѣчь такую слова сложила:
„Коль тебя, Калева сынъ,
Приходя домой нечаянно
Дѣдъ Рогатый тутъ усмотритъ,
Ты погибнешь неминуемо,
Ибо кто сюда попалъ,
Поднялъ ногу чрезъ порогъ,
Положилъ пяту на полъ,
Не спастись тому отъ смерти,
Съ луннымъ свѣтомъ разстанется,
А равно съ сіяньемъ солнца.

Мы, несчастныя сестрицы,
Дѣвы чудныя втроемъ,
Въ дни младенчества попали,
Коль подулъ несчастья вѣтеръ,
Злополучья дождикъ падалъ,
(Въ адъ къ) Рогатому въ рабыни.
* Издалека насъ несли,
Изъ за тысячи верстъ доставили,
Со полянъ обширнаго міра,
Изъ среды прелестнаго міра
Въ тѣ печальныя селенья,
Въ семьи (адскихъ) долгихъ мукъ.
Прежде были дни веселья,
Какъ мы въ царскомъ коппелѣ
Въ образѣ купальницы
Выростали (у отца),
Нынѣ дѣвы мы должны,
Въ положеніи рабынь,
Понуждаемыя желѣзной палкой,
Повинуясь словамъ хозяина,
Исполняя велѣнья хозяйки,
Тѣ работы отправлять,
Что на насъ тутъ налагаютъ.
Шелъ бы огненный хоть снѣгъ,
Градъ желѣзный падалъ бы,
Лилъ бы дождикъ проливной,
Быть готова должна рабыня
И всегда идти идущая,
Чередная сходить тотчасъ,
Живо сирота сходить,
До зари (какъ) бекасъ,
Прежде другихъ (какъ) черная птица,
Послѣ солнца какъ ласточка.*

Щедрость Тары намъ дарила
Дни неувядаемой юности,
Вѣкъ весенній и счастливый,
Щекъ румянецъ безпрерывный,
Входъ пока не оскверненъ,
До не порванъ и стручокъ,
Въ сѣмени зародышъ безъ жизни.“

Старшая дѣва тоненькая
Въ рѣчь сложила такъ слова:
„Что для бѣдныхъ стоитъ юность
И счастливая весенняя краса,
Щекъ румянецъ безпрерывный,
*Умъ какъ ягодки живой
И не порваный стручокъ,
Коль милаго друга нѣтъ,
Отъ томленья избавителя,
Кто пришелъ бы сватать курицъ,
Выкупать изъ плѣна пташекъ,
Успокоить лапчатоногихъ,
Пальценожныхъ выводить,
Коротконогихъ приголубить.
Вѣтеръ не привѣтствуетъ,
Нѣжный воздухъ не лелѣетъ
Бѣдныхъ дѣтокъ заключенныхъ.“

Сынъ могучій Калевида
Въ рѣчь такую слова сложилъ:
„Дѣвушки молоденькія,

Вы кудрявыя красотки,
Вы не сѣтуйте въ унынiи,
Миленькiя, не тоскуйте!
Блѣдными печаль васъ сдѣлаетъ,
Слезы щекъ румянецъ отнимутъ.
Я спасу (васъ), золотыя,
Птицъ избавлю изъ силковъ,
Курочекъ изъ вражьихъ путъ,
Вырву слабыхъ изъ сѣтей!
Милыхъ дѣвушекъ избавлю
Я изъ узъ старухи (адской),
Да изъ путъ Рогатаго дѣда,
Изъ оковъ (тяжелаго) рабства;
Выведу на свѣтъ широкiй,
На сiянiе солнышка,
На прекрасный лунный отблескъ,
На глаза мерцающихъ звѣздъ.
Вы не плачьте, молодыя,
Вы не плачьте, золотыя!*
У Калева могучаго сына
Силъ имѣется довольно.
Поражу я въ состязанiи
Дѣда Рогатаго съ батраками,
Усмирю и старую бабу,
Дѣтокъ (такъ-то) я избавлю!“

Старшая дѣва тоненькая
Рѣчь такую повела:
„Сынъ Калева дорогой,
Отрасль побѣдителей,
Славныхъ витязей питомецъ,
Хочешь спасти тетерки птенцовъ,
Курочекъ изъ адскихъ путъ,
Пташекъ изъ силковъ(крѣпчайшихъ),
Долженъ взять ты прутъ волшебный,
Шляпу изъ ногтей обрѣзковъ:
Самъ иначе не спасешься,
Да и насъ ты не избавишь!
Здѣсь не хватитъ твоей крѣпости,
Не достанетъ мощи героя,
Силы храброй человѣка.
Сто товарищей у Рогатаго,
Тысяча невѣдомыхъ слугъ,
А помощниковъ безъ счету,
И совѣтниковъ невидимо:
Помощь вѣтра отъ тусларовъ,
Соли пособья отъ чародѣевъ,
Средства отъ волшебныхъ травъ,
Чѣмъ и связывается крѣпость,
Чѣмъ опутывается мощь,
Также сила изнуряется.“

Сынъ могучiй Калевида
(Эти) рѣчи счелъ за смѣхъ,
Дѣвушекъ боязнь за шутку,
Въ рѣчь такую слова сложилъ,
Пѣсню стройную затянулъ:
* „Дѣвицы молоденькiя,
Вы кудрявыя красотки,
Еслибъ вамъ когда удалось
Видѣть игру сыновъ мужей,
Состязанье доблестнѣйшихъ,
Пробу силы межъ крѣпчайшихъ,
Вы тогда навѣрно знали бъ,
Что героя дѣльный сынъ
Можетъ въ ссорѣ учинить,*
Не боюсь я дѣда Рогатаго,
Сотни (его) товарищей,
Также тысячи бѣсовъ.
Длань могучая рать одолѣетъ;
Крѣпкая побѣдила Пустаго,
Въ Суомiи полчища убила:
Одолѣетъ и Рогатаго.“
Дѣва тоненькая другая
Рѣчь такую повела:
„Сынъ Калева дорогой,
Царственный ты витязь!
Если противъ нашихъ просьбъ,
Не радѣя о наставленiи,
Въ путы (адскихъ) напастей
Ты безумно хочешь пасть,
Да не будетъ тутъ вины
И отвѣта намъ бѣдняжкамъ
За пролитiе крови брата,
За погибель незаконную!
Я должна сказать одно,
Молвить просьбы языкомъ:
Поступи, мужъ, какъ угодно.
Если хочешь ты на счастье
Вырваться изъ ада силковъ,
То прошу: спѣши, герой!
Пальцы ногъ немедля выведи

На тропы дорогъ другихъ,
Ибо коль Рогатый вернется,
Дверь пещеры затворится,
И замкнутся врата логовища,
То не будетъ и надежды
На спасенье, избавленье.
Шляпу изъ ногтей возьми,
Пожелай достигнуть дома,
Прежде чѣмъ уканетъ счастье,
Мимоидутъ часы нѣги!“

Калевида сынъ могучій
Счелъ за смѣхъ дѣвицы страхъ,
Ужасъ курицы домашней.
Думалъ: „стоитъ герой героя,
За сильнѣйшимъ будетъ побѣда.
Коль развалится пещера,
Вырою пещеру новую,
Прокопаю другое отверстье,
Чрезъ что домой и вырвусь!“

Дѣвы (ада) пріуныли,
Что спасти не могли брата,
Аль возлюбленному помочь,
Планы тайные задумали,
Какъ бы имъ втроемъ,
Хоть посредствомъ хитрости
Пособить возлюбленному.
У кровати ножекъ стояли
Тайныя орудья дѣда Рогатаго,
Въ бѣдахъ лучшіе помощники:
Два стакана одного цвѣта
Съ жидкостями подобными пиву,
Оба хоть и равномѣрно
До средины наполнены,
Все же жидкости по роду
И по силѣ совсѣмъ противны.
Какъ относится ночь ко дню:
Жидкость одна — десять волъ,
Что увеличивала силу,
Жидкость другая — тысяча голодовъ,
Она то убавляла силу.
У кровати на правой ножкѣ
Та, что мощь рождаетъ, стояла,
У кровати на лѣвой ножкѣ
Та, что губитъ мощь, стояла.

Старшая сестра переставила
Тайно у кровати ножекъ
Стклянки одну на мѣсто другой,
Силу ставила на лѣвую,
Немощь же на правую сторону,
Коль Рогатый возьметъ силу,
Тотчасъ немощь онъ проглотитъ;
Прутъ взяла сестра другая,
Что творитъ мосты (впереди).

Лишь успѣли онѣ втроемъ
Совершить тѣ тайныя дѣла,
Какъ вдали раздался топотъ,
Грохотъ съ потолка пещеры;
Старшая дѣвица задрожала,
Поблѣднѣла другая отъ ужаса,
Третья дѣва тоненькая
Рѣчь такую повела:
„Сынъ Калева дорогой!
Ты теперь въ ловушкѣ, левъ,
Медолапый въ тѣснотѣ,
Въ путахъ плѣна, удалецъ!
Ужъ обратно ѣдетъ Рогатый,
Мчится онъ уже домой,
Топчетъ ужъ подземный путь,
Изо входа шаги слышны,
Топотъ пятокъ съ высоты.
Нѣтъ надежды на спасенье,
Не найти нигдѣ пріюта!
Поищи пособья въ крѣпости,
Въ мощи желѣзной помощника!“

Какъ бы лошадей табунъ
Мчался каменнымъ мостомъ
И телѣгъ обозъ тяжелый
По пути изъ мѣди катился,
Взрывы Кыо дѣдушки
Потрясали верхъ земли,
Такъ шаги Рогатаго дѣда
Колебали сводъ пещерный.

Калевида сынъ могучій,
Не колеблясь, стоялъ на мѣстѣ,
*Какъ на бурѣ дубъ стоитъ,
Скалъ брега супротивъ волнъ,
Камень противъ тучи града,
Башня крѣпкая на вѣтру.*

Раздались шаги за дверью,
Топотъ ближе подвигался.
Вотъ кулакъ его ужъ треснулъ,
Задрожали косяки,
Мощная длань ударяя,
Дверь готова выломать;
Ужъ нога его чрезъ порогъ
Вотъ ступаетъ на полъ избы;
Тутъ шаги пріостановивъ
Косо въ сторону глядитъ:
Ястребъ сей откуда къ курамъ,
Волкъ отколь забрался въ стадо?

Въ страхѣ дѣвы поблѣднѣли,
Ужаснулися втроемъ.
Калевида сынъ могучій,
Въ видѣ карлика который,
Шляпа желаній въ рукахъ,
Сзади у стѣны стоялъ,
Видомъ былъ не больше дѣвъ,
Курицъ не сильнѣй пѣтухъ.

Дѣдъ Рогатый слово молвилъ,
Издѣвательски сказалъ:
„Кто тебя, братушка, въ сѣти,
Залучилъ въ силки, какъ птицу?
* Ласки языковъ медовыхъ
Мальчика иного прельстили,
У смѣлѣйшихъ уже смѣлость,
У крѣпчайшихъ уже крѣпость
Неожиданно шею сломали,
Безразсудно погубили,
Здѣсь спасенья нѣтъ на свѣтъ,
Ни надежды на свободу!“

Калевида сынъ могучій
Хитро молвилъ ему въ отвѣтъ:
„Вѣтеръ не распорядитель,
Буря человѣкъ безумный,
Брань (обычная) на словахъ,
Препирательство во гнѣвѣ,
Да и челюстей колотье —
Это женская война,
Состязаніе бабское!
Болтовня не усмиряетъ,
Рѣчь войны не прекращаетъ,
Ссора гнѣва не унимаетъ!
Злѣйшій возбудитель — языкъ,
Породители распри — слова! *
Выйдемъ лучше на поляну
Состязаться въ единоборствѣ:
Одолѣетъ кто кого
Крѣпостію въ единоборствѣ?
Будетъ власть у побѣдителя,
У крѣпчайшаго — расправа.“
Дѣдъ Рогатый ему въ отвѣтъ:
„Воля пусть твоя исполнится,
По душѣ мнѣ игра геройская!“
Тутъ шагнулъ онъ къ ножкѣ кровати,
Мощи изъ стакана принять,
Закаленья тѣлесной силы;
Думалъ, стклянка на обычномъ мѣстѣ
Все на ножкѣ кровати стоитъ;
Быстро жидкость въ горло влилъ,
Не оставилъ на донышкѣ капли.

Калевида сынъ могучій
Сунулъ за пазуху покровъ главы —
Шапочку изъ обрѣзковъ ногтей,
Самъ съ собою размышлялъ:
„Коль настанетъ мнѣ бѣда,
Сила будетъ изсякать,
Шляпа та заставить вмигъ
Мальчугана выростать,
Шапка желаній — подняться.“

Лишь окончили они
Къ состязанью приготовленья,
На мураву тотчасъ шли,
Счатье испытать — во дворъ.

Дѣдъ Рогатый тотчасъ молвилъ:
„Старшая дѣва тоненькая,
Ты сходи въ свѣтлицу живо,
Кандалы возьми изъ ларя,
(Крѣпкія) двойныя путы,
Закустъ чѣмъ побѣдитель
Пятки побѣжденнаго.“
Дочь исполнила приказъ,
Волю дѣда совершила.
Молодцы измѣрили поле,
Мѣсто отвели шагами,
Обозначили границы,
Колья на краяхъ поставили,

Чтобы послѣ путаницы,
Иль обмана не возникло.

Другъ у друга взяли за бедра
Посединѣ туловища,
Такъ испытывая крѣпость,
Кто кого повалитъ (на земь).
Не бывало прежде этого,
Сколько помнятъ старики,
Болѣе мощнаго состязанья,
И не представлялось взорамъ.
Какъ гонимое буреи море
И метомое крыльями вѣтра
Волны брыжжетъ на полетъ,
Колыхаясь и вздымаясь;
Какъ вздымающійся вихрь
Крыши избъ готовъ сорвать:
Такъ тряслась земли поверхность,
Колебался адскій полъ
Подъ могучей силой борцовъ;
Стѣны адскія дрожали,
Камни угловые сдвинулись,
Потолокъ готовъ былъ рухнуть,
Крыша ринуться на шею.
Долго длилось нерѣшительно
Состязанье богатырское,
Такъ что знать не могъ мудрѣйшій,
Ни хитрѣйшій предсказать,
Кто кого тутъ одолѣетъ,
Свяжетъ пяты у другаго?

Чуточку лишь отдохнули,
Духъ немного перевели,
Взялъ тотчасъ Калева сынъ
Шапку изъ ногтей обрѣзковъ,
Высказалъ желанія,
Тѣлу приказалъ рости,
Въ высоту вытягиваться,
Расширяться въ толщину.
Сынъ Калева выросталъ,
Въ высоту вытягивался,
Расширялся въ толщину;
Поднимался мощнымъ дубомъ,
Выросъ въ высоту ели,
Тутъ схватилъ Рогатаго дѣда
Рукъ ногтями за туловище,
Потрясая разъ ударилъ,
Подымая дернулъ разъ
Какъ бы паклевую кужель
Вверхъ на десять саженей;
А затѣмъ Рогатаго дѣда,
Какъ бы заостренный колъ,
Вбилъ столбомъ въ (сырую) землю.
Выше голеней спустился,
Частью выше колѣнъ увязъ,
Погрузился почти до бедеръ
Промежъ каменнаго щебня,
Среди крупнаго песку,
Что не могъ и съ мѣста двинуться.

Калевида сынъ могучій
Сталъ прилаживать тутъ путы,
Кандалы приспособлять,
Чѣмъ плѣненнаго героя
Лытки накрѣпко опутать.

Прежде чѣмъ герой удалый,
Калевида сынъ драгой
(Сталъ) оковы связывать,
Кандалы прилаживать,
Видимо для глазъ Рогатый
Началъ ниже погружаться;
Погружался пядень, двѣ,
И еще пядней не мало
Опустился около локтя;
Тутъ истаялъ какъ въ трясинѣ
И скрылся внутри земли.
Не осталось и слѣдовъ,
Ни какой либо примѣты,
Какъ лишь маленькая лужа
Синей дымящейся воды.

Калевида сынъ могучій
Издѣвательски сказалъ:
*,.Кто бы болѣе странное
И чудесное на свѣтѣ видѣлъ?
Житель ада влѣзъ въ пріютъ,
Какъ (скрывается) трусъ въ притонъ,
Во ольховникъ птичій птенецъ,
(Сѣрый) дроздъ въ густую чащу,
Ящерица въ лоно мха,
Лишь внезапно гдѣ либо
Тихій шорохъ услыхали. *
Ужъ найду я въ другой разъ

Таиники Рогатаго дѣда
И голени его свяжу,
Окую въ желѣзныя цѣпи,
Чтобъ не могъ ни убѣжать
Или членами шевельнуть.
* Нынѣ обѣщанья исполню,
Дѣвочекъ избавлю изъ ада,
Немощныхъ изъ плѣнныхъ узъ,
Выведу на игрища,
На сіянье солнышка,
На веселые луга,
Чтобъ росли при лунномъ свѣтѣ,
Подымались въ глазахъ звѣздъ." *

Калевида сынъ могучій
Снялъ съ гвоздя (Рогатаго) мечъ,
Прицѣпилъ къ бедру на пряжкѣ;
Взялъ и возъ стараго клада,
Изъ златой избы мѣшки,
Бочекъ нѣсколько клейменныхъ
Талеровъ въ мѣшки насыпалъ,
Мелкихъ денегъ, пфеннинговъ
Быть могло кулей десятокъ, —
Ношу поднялъ онъ на плечи,
Взялъ въ объятія и дѣтокъ —
Куръ домашнихъ тѣхъ втроемъ,
Шапку желаній надѣлъ
И затѣмъ ужъ произнесъ:
„Шапка, помчи, шапка, спѣши!
Насъ ко входу пещеры помчи,
Гдѣ оставилъ ношу досокъ!"

Не успѣли и мигнуть,
Какъ стояли у входа пещеры,
Прежде гдѣ кипѣлъ котелъ.
Сей котелъ со поварами
Ужъ исчезъ изъ входа пещеры,
Нѣсколько лишь головней
На очагѣ еще тлѣли.

Калевида сынъ драгой
Въ пламя тутъ огонь раздулъ,
Пламя въ полымя затѣмъ;
Бросилъ шапку пожеланій,
Чтобы въ пламени исчезла
И разсыпалась въ золу.
Юныя дѣвы зарыдали,
Стали сожалѣть втроемъ:
„Для чего ты, витязь Калевъ,
Уничтожилъ добрую шляпу?
Въ свѣтѣ ужъ другой не сдѣлаютъ,
Лучшей не сплетутъ въ аду;
Сгибли нынѣ пожеланья,
Вожделѣнья всѣ напрасны!"

Калевида сынъ могучій
Хитро возразилъ въ отвѣтъ:
*„Плачъ оставьте, дѣвушки,
Жалобы, вы, золотенькія,
Нынѣ сѣтовать не время
И не пора тоскованья.
Въ пеленѣ шелковой лѣта
Міръ обширный вамъ сіяетъ;
Прикукуетъ кукушка парня,
Припоетъ суженаго птица;
Жеребенокъ ржетъ къ женихамъ.
Солнца прелестнаго сіянье
Изъ очей у васъ мелькаетъ,
Изъ рѣсницъ у васъ блеститъ.
Въ листвѣ лѣсъ блеститъ зеленый,
Въ зелени — поверхность дерна.

Дѣвицы молоденькія,
Пташки бѣлоглавыя,
Наряжайтесь въ одѣянья,
Ленты красныя надѣньте,
Убирайтесь въ синій шелкъ,
Въ златотканные кафтаны.
Поведу на путь сватовства,
Провожу на стези свадебъ.
Очи парней разгорятся
На красу наряда вашего,
На румянецъ вашихъ щекъ;
Ужъ навѣрно придетъ сватъ,
Хитрый деревенскій парень
На шелковый вашъ нарядъ,
На кафтаны златотканные;
На румянецъ щекъ придетъ,
Груди полныя со пряжкой;
Издалека придетъ герой,
Сулевида сынъ придетъ,
Алевида сынъ приступитъ;
Иль друзья богатырей,
Радственники Калевида

Васъ придутъ ловить (въ невѣсты),
Сватать себѣ золотенькихъ.
Время сѣтованья кончено,
Вѣкъ печальный искушеній,
Нынѣ время обильной радости,
Продолжительнѣйшій праздникъ.“*
Тутъ сложилъ онъ ношу досокъ,
Вновь легко себѣ на плечи,
Сумки тяжкія съ деньгами,
Злата мѣшки, съ талерами кошели,
Въ кучу положилъ подъ ношей,
Помѣстилъ на ней онъ дѣвъ,
Посадилъ, чтобъ красовались,
Чтобъ какъ куры на насѣстяхъ
Въ радости кудахтали.
Дѣвы юныя взяли
Прежде, чѣмъ идти въ дорогу,
Изъ амбара съ бархатомъ, шолкомъ,
Связки платьевъ пребольшія.
Младшая дѣва тоненькая
Также прутъ съ собой взяла,
Со стѣны творца мостовъ.

Калевида мощный сынъ,
Что носилъ все это бремя,
Всежъ спѣшилъ быстрѣйшимъ ходомъ,
По пути домой шагалъ.
Весело тѣ пташки пѣли,
Куры тѣ втроемъ кудахтали:
*„Полетимъ, подобно птицамъ,
Въ счастьи ликовать пойдемъ,
Нынѣ близится намъ лѣто,
Время прелести является,
Начинается время любви.
Лѣто повернетъ на осень,
Нива чудная увянетъ,
Изъ деревни дальней будетъ,
Парень волости чужой,
Изъ знакомаго двора
Дѣвицъ бѣдныхъ избавлять,
Юныхъ дѣтушекъ покоить,
И куда доставятъ счастье,
Отнесутъ туда сестру.“*

ПРИМѢЧАНІЕ.

1) Иначе Jäu-õhtud, м. б. вечера удѣла (jägu, jäu), ибо 2 Ноября, на которое падалъ день душъ (hinge-päew), для возвращающихся душъ родные приготовляли угощеніе. Такъ наз. время душъ (hinge aeg), дни душъ (hinge-päewad), по мѣстамъ совпадали съ 9 Декабря, когда почитали бога грома (Kõu), избѣгая всякаго шума и работы.

ПЯТНАДЦАТАЯ ПѢСНЬ.

Опасности при выходѣ изъ ада — 260; дѣва колдунья хочетъ утопить сына Калева — 413; знакомство съ Олевичемъ и постройка городовъ — 616; адскія дѣвы выходятъ замужъ.

Еслибъ села меня слышали,
Мызы мысли поняли,
Волости то приняли,
Что я въ пѣсни воспою,
То иной отправился бы
Умолять поповъ (церковныхъ),
Кланяться кафтанамъ чернымъ,
Ласково чтобъ согласились
Пѣнья пѣтушка спасти
И избавить изъ напастей.
Ястребы терзать слетѣлись,
Перья — вороны щипать,
Галки кирокъ — пакостить;
Прежде чѣмъ дитя на поле,
Вышелъ сынъ на солнышко,
Немощный — на игрище.
* Это пѣсни пастушка,
Изліянья батраковъ,
Трели чередныхъ дѣвицъ,
Пѣсни прялочныя старухи,
Безъ желанія мудрѣйшихъ
И безъ большихъ понужденья,
Также безъ велѣнья высшихъ.
Дѣтскія радости, печали,
Молодыя скороспѣлки,
Образы зари весенней,
Развлеченья въ сумерки. *
* Калевида сынъ драгой!
Если бъ зналъ и могъ ты знать,
Что задержитъ твои ноги,
Что опутаетъ твой ходъ,
Ты быть можетъ до рожденья,
До явленія изъ матери,
Бросился бы во колодезь!

На веселья лугъ пѣвецъ
Разъ отправившись гулять,
Не отступитъ ужъ съ пути,
Не искривитъ своей дороги.
Псы героя не воротятъ,
Не собьютъ съ пути веселья.
Лаетъ Муста на муравѣ,
Крантсике на выгонѣ,
Туксу въ околицѣ деревни:
Псовъ ласкать герой не станетъ,
Зависти не устрашится.
На луга пойдемъ-те пѣнья,
На холмы тѣ Калевида,
Въ рощи (юныя) Алевида,
На болота Сулевида,
Да на нивы дѣвушекъ
Радости цвѣты срывать!
Калевида мощный сынъ
Не ступилъ шаговъ и сотни,
По дорогѣ тысячи,
Направляяся домой,
Какъ ужъ стая искусителей,
По его пятамъ несясь,
Задержала его шаги,
Быстрый ходъ опутала.
Это мчался дѣдъ Пустой
Съ семьюдесятью товарищами
Калевида искушать;
За обиду свояка,
За смятенье дѣда Рогатаго,
Отомстить желалъ герою,
Отплатить хоть въ тысячу разъ.
Младшая дѣва тоненькая,
Напрягая взоръ (свой вдаль),

Усмотрѣла супостатовъ;
Прутикомъ помахивая,
Такъ промолвила она:
„Прутъ волшебный, закачайся,
Исполняй мое желанье!
Землю въ море преврати,
Въ волны ближніе луга,
Отпрыски — въ теченье водъ!
Мостъ предъ нами породи,
Воду сзади покати!
Мостъ впередъ — для путника,
Воза золота носителя,
Воду сзади врагамъ его,
Дѣда Рогатаго товарищамъ!“

Какъ та дѣва произнесла,
Тотчасъ силой прута волшебнаго
Сотворилися желанья:
Моремъ поле волновалось,
Токи водные катились,
Колыхаяся подъ вѣтромъ.
Мостъ надежный перевелъ
Калевида съ сухими ногами
Чрезъ широкія тѣ волны.
Предъ шагами мостъ рождался,
За пятой росла вода,
Высоко бросая пѣну,
Задержавъ сыновъ Пустаго,
Что, какъ куры съ насѣста,
Съ брега неудачу зрѣли,
Ястребъ какъ въ своихъ когтяхъ
Воробья птенца унесъ;
Ястреба остановить,
Крылья его удержать,
Не во власти парней было.

Подмастерья дѣда Рогатаго
Дѣло странное смотрѣли,
Межъ собою подивились,
Какъ здѣсь море на муравѣ,
Волны на полѣ возникли.

Вопрошалъ его Пустой:
„Сынъ Калева, братъ драгой,
Ты-ль унесъ домашнихъ куръ,
Изъ избы нашей тетерокъ.
Изъ свѣтлицы воспитанницъ?“
Калевъ понялъ, отвѣчалъ,
Издѣвательски сказалъ:
„Я конечно утащилъ
Куръ домашнихъ неожиданно,
Изъ избы у васъ тетерокъ,
Изъ свѣтлицы воспитанницъ;
На свѣтъ (бѣлый) унесъ невѣстъ,
На путь сватовъ — кудрявоголовыхъ,
На слѣды коней жениховъ.“

Вопрошаетъ Пустой вторично:
„Сынъ Калева, братъ драгой,
Ты-ли свояка побѣдилъ
Въ состязаньи на муравѣ,
Вбилъ его подобно колу,
Утвердивъ въ песчаный грантъ,
Въ глуби крупнаго песку?“
Сынъ Калева отвѣчалъ,
Издѣвательски сказалъ:
„Свояка я побѣдилъ
Въ состязаньи на муравѣ,
Вбилъ его подобно колу
Въ глубь крупнѣйшаго песку,
Что, коль кости не сломалъ,
Мнѣ не вмѣнится въ вину!“
Вновь разспрашивалъ Пустой,
Поточнѣй допытывался:
„Сынъ Калева, братъ драгой,
Ты-ль плѣнилъ стряпуху лепешекъ,
Адскую бабу заключилъ,
Мыши подобно въ мышеловкѣ,
Спать у хлѣбнаго сундука?“
Сынъ Калева отвѣчалъ,
Издѣвательски сказалъ:
„Я то заключилъ, братушка,
Ту пекарку адскихъ лепешекъ,
Бабу старую въ темницу.
Въ мышеловкѣ и замкнулъ
Спать у хлѣбнаго сундука,
Взаперти тамъ подремать,
Гдѣ, коль блоха не пробудила,
Матушка и нынѣ спитъ!“

Вопрошаетъ дѣдъ Пустой,
Дѣла суть выпытываетъ:
„Сынъ Калева, братъ драгой,
Ты-ли мечъ съ гвоздя стянулъ,
Тайно взялъ воинскій сошникъ,

Ты-ль похитилъ желѣзо Рогатаго?“
Калевъ понялъ, отвѣчалъ,
Издѣвательски сказалъ:
„Я конечно взялъ, братушка,
Съ вѣшалки стащилъ я мечъ,
Со стѣны орудье брани,
Я похитилъ желѣзо Рогатаго.
Гвоздь не сноситъ орудья брани,
Брани сошника стѣна!
Мечъ—героя сотвореннаго,
Безъ меча герой не цѣнится,
Безъ героя — также мечъ!“

Вопрошаетъ вновь Пустой,
Поточнѣй допытывается:
„Сынъ Калева, братъ драгой,
Ты ли шляпу свояка,
Шапку желаній стащилъ
Со стѣны изъ-за кровати?“
Сынъ Калева отвѣчалъ:
Издѣвательски сказалъ:
„Взялъ конечно я, братушка,
Взялъ я шапку свояка,
Шапку желаній стянулъ
Со стѣны изъ-за кровати.
Не придется шапку носить
Адскихъ сыновей главамъ:
Шапка та уже истлѣла,
Шляпа желаній обуглилась,
Превратилася въ золу.“

Вопрошаетъ дѣдъ Пустой,
Поточнѣй допытывается:
„Сынъ Калева, братъ драгой,
Былъ-ли ты въ амбарѣ злата,
Чтобы брать старинный кладъ,
Чтобы талеры таскать,
Мелкія деньги похищать,
Воровать и старую мѣдь?“
Сынъ Калева отвѣчалъ:
Издѣвательски сказалъ:
„Былъ конечно я, братушка,
Былъ случайно въ амбарѣ злата,
Посѣтилъ старинный кладъ,
Талеры оттоль стащилъ,
Сгребки золота собралъ,
Не коснулся мелкихъ денегъ,
Серебра не уничтожилъ,
Мѣди я не воровалъ.
Полные злата взялъ мѣшки,
Пару бочекъ талеровъ,
Выгребъ возъ я небольшой
Ровно въ десять лошадей,
Долю женщинъ двадцати:
Взялъ стариннаго клада возъ,
Злата около шести пуръ.“

Снова спрашиваетъ Пустой,
Дѣла такъ допытывается:
„Сынъ Калева, братъ драгой,
Ты-ли взялъ волшебный прутъ,
Воровски творца моста?“
Сынъ Калева отвѣчаетъ,
Издвательски говоритъ:
„Ужъ навѣрно, братецъ, взяла
Дѣвица волшебный прутъ,
Чернобровая творца моста.
Мощь не станетъ прутикъ брать,
Сила — хворостину красть.“

Вопрошаетъ дѣдъ Пустой,
Поточнѣй вывѣдываетъ:
„Сынъ Калева, братъ драгой,
Курамъ зла не причинилъ-ли,
Коротконогимъ чего-нибудь
Вреднаго не сдѣлалъ-ли,
Аль достойнаго обвиненья?“
Калевъ понялъ, отвѣчалъ,
Издѣвательски сказалъ:
„Можетъ быть отвѣчу, братецъ,
Побесѣдую въразъ другой,
Что я курамъ въ горницѣ,
Кратконогимъ тамъ въ забавахъ
Ночью далъ на счастіе,
Тайнымъ образомъ учинилъ.“
Наконецъ Пустой спросилъ,
Сути дѣла добирался:
„Сынъ Калева, братъ драгой,
Хочешь-ли ты другой разъ
Распрю придти улаживать?“
Калевъ понялъ, отвѣчалъ;
Издѣвательски сказалъ:
„Кто, братушка, можетъ знать,
Какъ дѣла мои пойдутъ,

Какъ подуютъ вѣтерки!
Коль копѣекъ мнѣ не хватитъ,
То пожалуй я приду
Огребать амбаръ со златомъ;
Опорожню лари съ талерами,
Распри старыя улажу
Вмѣстѣ съ новымм долгами.“
Тутъ помчался дѣдъ Пустой
Съ семьюдесятью товарищами,
Устремляяся ко дому,
Какъ бы искра поджигала,
Допекалъ въ з . . . слѣпень. *

---

* Коль нарочно съ пути дѣвъ,
Со стезей младыхъ дѣвицъ
Поверну шаги Калева
На проторъ двора иного,
На межу другаго поля,
На предѣлы другой нови,
То я долженъ до объявленья,
До раскрытья хода дѣла,
Предъ началомъ своей пѣсни.
Обратиться съ просьбою:
„Дѣвы тоненькія хозяйскія,
Кудряговоловыя кукушки,
Что на Війкскихъ лугахъ,
На просторныхъ поляхъ Гарью,
Среди Гервы березняковъ,
Кукованье мое слышите:
Васъ прошу я, дѣвицы,
Молодыя дѣвушки,
Вы идите во осинникъ,
Убѣгите въ березнякъ,
Полетите во ольховникъ,
Гдѣ древесныхъ листьевъ шелестъ
Заглушаетъ кукованье;
Той порой изъ паклевой кужели
Вытяну я толстую пряжу.
У пѣвца хулы не будетъ,
Ни вины у словъ слагателя:
Станетъ вина за творцами,
Въ корняхъ стараго сказанья. *
Солнышка послѣдній свѣтъ
Озарялъ деревъ макушки
Златоцвѣтнымъ отблескомъ,
А потомъ на лонѣ зари
Неба свѣточъ сей погасъ.
У могучаго Калевида
Много было хлопотъ нынѣ,
Много непріятностей
Въ встрѣтившихся случаяхъ,
Потому сильнѣе ноша
Спину молодца давила,
Плечевыя жилы сжимала.
Въ сумерки онъ ношу сбросилъ,
Доски на землю сложилъ,
У холма мѣшки со златомъ;
На муравѣ самъ присѣлъ,
Чтобъ немного отдохнуть;
Хлѣба принялъ, языкъ омочилъ,
Закаляя усталое тѣло.
На устройство себѣ ложа
Времени не сталъ онъ тратить,
Легъ онъ (прямо) на муравѣ,
Камень подъ главой подушкой,
Отдохнуть хотѣлъ немножко,
Выправить и шейныя жилы,
Полную думъ главу старался
Освѣжить въ прохладѣ росы.
Вѣсти нынѣ полученныя —
Сообщенья были злыя;
Алевида обнаруженья
Показали истинность дѣла,
Какъ онъ въ путахъ колдуна,
Да во узахъ чародѣя,
Цѣлыхъ семь недѣль дремалъ,
Въ полномъ забытьи провелъ.
Между тѣмъ война тяжелая,
Кровожадная тѣлега брани
Породила несчастья въ Виру,
Въ Алутагѣ (злыя) бѣдствія,
Повсемѣстно — смерть тяжелую.
Шесть вѣстей печальныхъ было,
Семь прискорбныхъ извѣщеній,
Что теперь героя думы
На муравѣ угнетали;
Сонъ плѣнительный не могъ
Долгое время зеницу ока
Подъ покровомъ осѣнить,

Лишь прохлада одолѣла,
Закаляющій холодъ росы,
Думы вѣщаго героя.
Калевида сынъ не долго
На муравѣ отъ усталости
Выправлялъ свою спину,
Какъ ужъ влага, бокъ моча,
Поясницы прикасалась.
Омочительница бедеръ
Подымалася все выше,
Шею ужъ залить готова
Дакже головы коснуться.
Сномъ тяжелымъ обезсиленъ,
Спящій не могъ сперва понять,
Есть-ли омоченье боковъ
Сновидѣніе или правда.
Объяснить съумѣетъ тотъ
И вѣрнѣй истолковать,
Кто на дѣлѣ испыталъ:
Какъ въ началѣ засыпанья
Сновидѣній явленья
Помрачаютъ образъ правды;
Какъ отъ глубочайшаго сна
Ночью легче пробужденье,
Чѣмъ отъ самаго перваго сна.

Калевида сынъ могучій,
Забавляяся во снѣ,
Нѣжилъ въ объятіяхъ своихъ
Адскихъ дѣвъ (возлюбленныхъ),
Влагу различить не могъ,
Что бокъ лѣвый омочала,
И не могъ отъ сна проснуться.

Вотъ широкія ужъ волны
Угрожали ему бѣдою,
Витязя залить готовы,
Ибо струи теплой влаги
Поднималися все выше.
Къ счастью вырвался изъ сна,
(Началъ) соображать герой,
Раньше чѣмъ теченья водъ
Задушить его успѣли.

Somni vinculis solutis
Incepit in proximis locis
Mirabilia spectare,
A quo fons in campo
Magnum rivum genuisset?
Oculorum mensura vidit amicus
Nodi aquae portas,
Unde fons effundens
Calidum rivulum gignebat.
Quaedam virginum veneficarum,
Filiarum afflatoris ventorum,
Genibus flexis in colle sedebat,
Calidumque gignebat humorem.
Altero pede in hoc jugo,
Altero virgo stubat in illo,
Cruribusque varicatis confornicabat
Angustas fauces,
Amnis effundi ore crinito.
E medio parvae fornicis
In vallem rivulus effundebatur
Undaeque in campum,
Quo dormientem in gramine
Demente submergere conabatur.

Filius fortis Kalevi
Tendit corpus sedens,
Obliquis oculis circumspicit,
Unde hic rivulus effundatur,
Fons calidus nascatur.
Jocum virginis veneficae videns,
Vir fortissimus putare:
Si fontem cunearo,
Rimamque obturaro,
Aquarum radios morabor,
Effusionemque retardabo.

Casu secundo
Lapideus pulvinus tactus est
Manus fortis viri,
Digitis lapide deprehenso
Momentum spectabat,
Lapidem illum jecit
Directe ad eventum fontis,
Cum sibillo tendere ad scopum.
Quo lapis lapsus est?
Lapis in optatum locum lapsus est,
Incidit in medium fontis,
In ipsum os crinitum,
Obserans sic ostia,
Tamquam obturamentum clausit canales,

Ne per aquarum portas
Jam effunderetur amnis.
Magi senis filia juvenis
Acerbe ejulare,
In periculo in auxilium clamare:
Venite, sapientes, extrahire,
Obturamentum mihi exsolvere,
Venite, medici, juvare me!
Sed hic nec auxilium medici,
Nec sapientia magorum
Poterant detrimentum minuere,
Aut cuneum cunno emovere.
Longis cruciata miseriis
Puella obturamento interiit,
In flore aetatis marcescendum erat.
Virginis corpus mortuum,
Quod nec lupo tangere dente,
Nec corvo libebat rostro tundere,
Sensim comedit pullities muscae carnariae,
Donec in pulverem dilapsum est;
Sola pars media
Corporis amnem gignentis
Obturamento male mulcati
Exstat etiam hodie,
Refertque rem.
E nigra saxi rima
Aquarum venae prodeunt,
Quae olim cunni virginei laticem
In campo diffuderunt
Rivumque efficiunt, cui a ferro nomen est.
Ita boni ortum est
Prisco tempore cunni rivulus[1]).

Дорогой Калева сынъ,
Лишь на вѣки заключилъ,
Заклинилъ тотъ злой ручей,
Протянулъ усталу спину
Тамъ на сушѣ у холма,
Снова спать легъ (на траву);
Тутъ ужъ больше искусители
Не явились миръ нарушить.

Коль онъ, тѣло укрѣпляя,
До разсвѣта ужъ проспалъ,
То запѣлъ пѣтухъ Творца,
Курица зари запѣла,
Пробудивъ усталаго мужа.
Вырвавшись изъ сна оковъ,
Хлѣба молодецъ принялъ,
Чтобы тѣло укрѣпить,
А потомъ, приладивъ ношу,
Доски въ груду онъ сложилъ
И поверхъ ихъ бросилъ кладъ,
Злато издали несенное,
Сумки (полныя) талеровъ;
Поднялъ ношу на затылокъ,
На плеча добычу счастья,
Началъ шествовать домой,
Прибавляя сильно шагу.
* Родина ужъ недалека,
Не за лѣсомъ и усадьба,
Не сокрыто гнѣздо птичье.
Изъ ольховника двора,
Гдѣ хозяина нѣтъ дома,
Вѣтеръ ужъ принесъ привѣтъ,
Вѣянія — желанья счастья.
Ужъ въ воротахъ гость, быть можетъ,
Съ нетерпѣньемъ его ждалъ. *
Разстояніе семи миль
Исчезало подъ пятами,
Подъ ногами прокатилось,
Дальше не было у героя,
Ни задержки гдѣ-либо,
Ни помѣхи для шаговъ.

Коль въ околицу усадьбы,
И на игрище вступилъ,
Счастливо во дворъ (родной),
Что шаги ему связало,
Задержало его ходъ,
У него отняло время?
Гость, пришедшій издалека,
Повстрѣчался мужъ чужой,
Поздоровался за шляпу,
Быстро такъ сложилъ слова
Въ плавную и стройную рѣчь:
*„Калевида сынъ, ты гдѣ
Досокъ ношу ту купилъ,
Пріобрѣлъ для городовъ?
Гдѣ стволы тѣ выростали,

Вширь верхушки простирали?
Башни сдѣлать изъ нихъ можно,
Замки (крѣпкіе) воздвигнуть,
Укрывалища устроить,
Крѣпости въ напастяхъ брани.“

Сынъ Калева тотчасъ понялъ,
Хитрый далъ ему отвѣтъ:
„Раньше гдѣ ростки росли,
Отпрыски вытягивались,
Зарождалися зародыши,
Находились сѣмянъ ядра,
Тамъ принялись большія рощи,
Развился густой лѣсокъ,
Выросъ чудный лѣсъ еловый,
Поднялся дубовый лѣсъ,
По мѣстамъ — сосновый лѣсъ.
Лѣсъ высокій сѣкира срубила,
Лѣсъ дубовый топоръ одолѣлъ,
Истребилъ сосновый лѣсъ,
Уничтожилъ лѣсъ еловый.
Токомъ водъ пила пилила,
Распилила балки въ доски,
Толстыя въ щепки раздробила.
Тамъ нашелъ для града доски
И возокъ домой принесъ.
Башень изъ нихъ не дѣлаютъ,
Башни дѣлаются изъ стали;
Крѣпостей не сооружаютъ,
Крѣпости строются изъ камней.“

Гость ему въ отвѣтъ сказалъ:
„Обѣщай мнѣ, братъ драгой,
Обѣщай въ займы тѣ доски,
Коль въ торгахъ продать не хочешь,
Иль добро отдать за плату!
Самъ я мастеръ, градостроитель,
Укрѣпленныхъ мѣстъ зиждитель,
Дѣлатель прочнѣйшей башни,
Далеко ходилъ гулять,
Побродить по (бѣлому) свѣту.
Побывалъ я въ царствахъ трехъ,
Да на нивахъ четырехъ дѣвъ,
На пяти чужихъ поляхъ.*
Шелъ недавно съ горы Тары,
Съ долгихъ праздниковъ веселыхъ:
Калевида сына тамъ
Съ нетерпѣньемъ ожидали.“

Обстоятельнѣй говоря,
Вѣжливо ведя бесѣду,
Познакомилися мужи,
Подружилися товарищи.
Калевида сынъ услышалъ,
Что по случаю счастливому
Указаніемъ боговъ,
Славный городовъ творецъ,
Укрѣпленныхъ мѣстъ строитель,
Прочной башни соорудитель,
Сынъ Олева, мудрецъ строеній,
Поздравлять его пришелъ,
Въ гости брата посмотрѣть.

Молодцы, такъ подружившись,
Тотчасъ торгъ затѣяли
И условились точнѣй,
Чтобъ затѣмъ не было ссоры
И враждебныхъ пререканій.
Сынъ Олева — мудрецъ строеній
Обѣщалъ поставить городъ,
Покрасивѣй выстроить,
Сдѣлать укрѣпленнымъ мѣстомъ,
Приготовить для убѣжища.
*Калевъ взялся камни несть,
Доски доставлять въ добавокъ
(Изъ дубравы) лучшихъ балокъ
Да огромнѣйшихъ дубовъ,
И тѣхъ сосенъ, что покрѣпче,
Также елей высочайшихъ
Изъ лѣсу носить для града,
Сверхъ того давать награду
За работу талерами,
Золотомъ вознаградить,
Пфеннигами за мелкую работу,
За другую — слитками серебра.*

Коль затѣмъ для счастья Олевъ
Цѣлыхъ три дня пропостился,
Проводилъ безъ крошки пищи,
Укко жертвовалъ на камнѣ,
Кланялся въ началѣ зари,
Добрыхъ духовъ въ сумерки
Пригласилъ на мудрую работу:
То сложилъ онъ щепочки

Въ кучи въ двухъ мѣстахъ,
Далъ начальные дары
Богамъ добрымъ водителямъ,
Тѣмъ небеснымъ мудрецамъ,
Чтобъ изъ рода муравьевъ
Указанія доставили:
Гдѣ жилыя помѣщенія,
Гдѣ хлѣвы и для скота
Поудобнѣй расположить
И счастливѣе построить.

Сынъ Олева, мудрецъ строеній,
Указаніемъ тѣхъ щепокъ
Началъ городъ созидать,
Мѣсто крѣпкое граничить,
Балки внизъ подкладывать,
Камни размѣщать (гдѣ нужно),
Вымѣрять углы шнуромъ,
Разставлять внизу подпоры,
Устанавливать столбы.

* Разумѣйте, юноши,
Жены вѣщія, узнайте,
Угадайте, разумные парни,
Что за муры воздвигаютъ,
(Что за) стѣны ставятся
На прохладѣ елей Виру,
Между Війка ольхами,
Посреди осинъ Гарріи!
Тамъ воздвигли городъ радости,
Мѣсто крѣпкое построили,
Погреба изъ камня вырыли,
Старикамъ въ пристанище,
Избы чудныя построили
И торговые амбары;
Тщательно все обтесали
Да искусно поравняли;
Пять сѣкиръ обтесывали,
Было пять пилъ, что пилили,
Гладили тысяча топоровъ.*

Калевъ по возамъ носилъ
Доски нужныя для града
Длиннымъ Пейпусскимъ путемъ,
Лѣсъ сносилъ необходимый,
Тысячами стволы деревъ
Изъ Тары древняго дубняка;
Издалека камни несъ,
Скалы съ берега морскаго,
Валуны съ муравы (бралъ),
Изъ земли плиту ломалъ.

Сихъ товарищей оставимъ
Сооружать прекрасный градъ,
Да пріютъ приготовлять,
Гдѣ царю свѣтлица будетъ,
Старшинѣ пристанище;
Гдѣ рукою мощной Калевъ
Волостью большою править,
Мудро (станетъ) управлять,
Унимать воинскій крикъ,
Успокоивать вражду,
Доставлять народу счастье,
Юность (ему) возрощать.*

Пѣнья веретена свернемъ,
Нити волоконъ златыхъ,
Пряди серебряной суценія
По другому направленью:
На поля дѣвицъ пойдемъ,
Въ коппель дѣвъ кудрявоголовыхъ
Наблюдать событія,
Да слѣдить за тайнами.
Дѣвъ изъ ада принесенныхъ,
Трехъ прелестныхъ тѣхъ невѣстъ
Сынъ Калева скоро отдалъ
Подъ защиту Алевида,
Подъ покровъ драгаго друга,
Какъ услышалъ вѣсть печальную
И понялъ сна долготу,
Что ему отняло время.

Сынъ Калева молвилъ такъ:
„Братъ любезный, возьми къ себѣ
Тѣхъ домашнихъ куръ расти;
* Положи сихъ утокъ въ гнѣзда,
Сыновей мужей манить,
Можетъ быть прибудетъ сватъ
До зари васъ навѣстить,
Сватать васъ изъ Виру парень,
Парень Гарріи приманить,
Парень Війкскій выкупать.*

Алевида сынъ любезный,
Какъ въ корзинѣ пѣтушокъ,

Тотчасъ третію засваталъ
Дѣву юную въ жену,
Что гороховымъ стручкомъ,
Во дворѣ бобкомъ цвѣла.
Сынъ Сулева родственникъ
Дѣву старшую избралъ
Для себя вечернимъ счастьемъ.
Третья средняя сестра,
Дѣва ада тоненькая,
Не нашла любви объятій,
Сѣтовать вдовой должна.
* Коль сестрицы тѣ втроемъ,
Дѣти чудныя всѣ вмѣстѣ
Отправляются гулять
И идутъ въ дубовый лѣсъ,
Въ лѣсъ орѣховый шагаютъ,
Другъ у друга спрашиваютъ,
Молодица у молодицы:
„Какъ, сестра, ты поживаешь,
При объятіяхъ любви?“
На вопросъ сей отвѣчали:
„Жизнь моя, сестра, прекрасна,
Чудна жизнь въ объятьяхъ милаго,
Вечеромъ больной ложишься,
А здоровою встаешь;
Подъ кровать болѣзнь исчезла,
Хворь въ соломѣ пропадаетъ;
Жизнь моя, сестра, прекрасна,
Въ золотой кровати сонъ,
На златыхъ подушкахъ отдыхъ!
Пища въ чашахъ золотая,
Въ кружкахъ золотое питье
На полу ковры златые.“

Показала сестра другая,
Такъ сестрица говорила:
„Жизнь моя, сестра, прекрасна,
Чудна въ милаго объятіяхъ;
На кровать несли въ шелку,
Изъ кровати въ шелку встаю,
Шелкомъ убрана кровать,
Шелкомъ крытыя подушки!
Жизнь моя, сестра, прекрасна,
И житье мое прелестно:
Золотой зовутъ меня,
Кликаютъ серебряной!
Я воспѣла бы подробнѣе,
Но забыла много пѣсенъ,
Потеряла съ языка,
Изъ ума напѣвовъ много,
Съ рукъ не мало пѣсенъ арфы.“

Третья сестра, въ глазахъ слезы,
Не могла и слова молвить.
Дѣва та рыдая шла
За другими въ дубнякѣ:
„Кто же скорбь гасить придетъ,
Успокоивать печаль?“*

Въ Алутагѣ жилъ мудрецъ,
Всѣмъ извѣстный вѣдунъ вѣтровъ,
Къ коему народъ толпами
Мудрость пріобрѣсть ходилъ,
Помощи въ бѣдѣ искать,
Онъ и дѣвицы той плачъ
И печаль унять хотѣлъ.

Тусларъ соорудилъ избу,
Домъ жилой себѣ построилъ
Посреди широкаго поля.
*Мудреца изба изъ дуба,
Камни угла изъ сѣверныхъ скалъ,
Вымѣрены доской волшебной,
Закалдованы финской солью.
Черныя, какъ сажа, волшебныя веревки
Сдѣлали острыми углы,
Клинчатыми[2]) щипцы (избы),
Балки стѣнныя приладили
Самымъ лучшимъ образомъ въ пару.
Балки нижнія изъ сосны,
Изъ елей накатины,
Изъ рябины косяки,
Доски порога изъ Війкской ольхи,
Бревна порога изъ крушины[3]),
Жерди въ избѣ изъ стройной липы,
Доски для паренья изъ клена,
Потолокъ избы черемховый,
Изъ орѣховаго дерева стропила,
Изъ можжевельника рѣшетины,
Гонты изъ березы пестрой,
Связи (въ крышѣ) яблоновыя,
Связи другія изъ тонкаго дерева,
Изъ жимолости насѣсти для куръ,

Поперечные брусья изъ вяза,
Полъ избы изъ старой глины,
Изъ стеблей (травы) тимьяна,
Перетоптанный ногами,
Вѣтромъ выглаженъ (чудесно).

Съ сѣвера пришли шепталки,
Наговорщицы изъ Війка,
Съ острова Вѣтра раздуватели,
Солегадатели изъ Суоміи.*
Тусларъ самъ, мудрецъ вѣтровъ,
Далеко прогуливаясь,
Широко кругомъ блуждая,
Видѣлъ чудныхъ (тѣхъ) дѣвицъ,
Что, какъ куры на насѣстѣ,
На златой сидѣли ношѣ,
На досчатомъ возу Калева,
Пѣснь отъ радости тянули;
Изъ убѣжища сторожа,
Тайнымъ образомъ глазѣя,
Видѣлъ, какъ дѣтей чудесныхъ
Алеву потомъ отдали,
Какъ воспитанницъ, рости;
Видѣлъ дѣвицъ тѣхъ прелес лхъ,
Дѣтокъ чудныхъ межъ собою
На поляхъ рѣзвящихся
И на солнышкѣ играющихъ,
Воспѣвающихъ въ юной радост ;
Видѣлъ тѣхъ прелестныхъ дѣвъ,
Межъ собою чудныхъ дѣтокъ,
На игрищѣ въ красѣ вечерней
Ноги легкія подымающихъ,
На качели вскрикивающихъ,
Распѣвающихъ счастья пѣснь;
Видѣлъ тѣхъ прелестныхъ дѣвъ
Всѣхъ троихъ при лунномъ свѣтѣ,
Дремлющихъ на ложѣ сна,
Спящихъ въ шелковой кровати;
Видѣлъ тѣхъ прелестныхъ дѣвъ,
Межъ собою чудныхъ дѣтокъ,
При росѣ, да на зарѣ,
Щеки моющихъ румяныя,
Гладящихъ шелковые волосы,
Чешущихъ златымъ гребнемъ.
Смѣлости не было подойти,
Духу не было взять въ объятье;
Лишь коварно онъ пытался
Этихъ дѣвицъ уловить,
Тайно онъ слѣдилъ за ними
Безпрерывно дни и ночи.

Коль теперь у двухъ ужъ сваты,
Были женихи могучіе,
*Вечеромъ сидѣла въ сумерки
Третья дѣва не засватанная,
Одиноко у преддверья
И взирала при лунномъ свѣтѣ
На печальный кровъ ольховника,
Пелену березъ унылую;
На увядшіе листья взирала,
Золотистый вившіе кровъ,
Чѣмъ по истеченіи лѣта
(Чудно) осень наряжается.
Какъ вдвоемъ онѣ драгія
Шли съ супругами домой,
У драгой драгія объятія,
Миленькій у каждой милой,
Не было у дѣвы средней
Покровителя супруга,
Согрѣвателя милаго.
Гдѣ должна была она,
Утка одинокая у брега,
Вечеромъ главу склонить?
Къ камню-ли или ко пню,
Въ скалъ холодныя объятья,
Во плитнякъ-ли или къ соснѣ,
Или въ лоно стройной ольхи,
Въ дорогое объятье березы,
Подъ навѣсъ осины сѣрой,
Въ сѣнь-ли шубы можжевельной,
Подъ навѣсъ травы тимоѳеевой [4])?
Думы грустныя кому излить,
Разсказать кому свои боли,
Гнѣвъ сердечный передать,
Засвидѣтельствовать унынье? *

Думалъ Тусларъ, мудрецъ вѣтровъ:
Для меня насталъ часъ счастья,
Милая досталась въ добычу!
Изъ кустовъ густыхъ скакнулъ,
Какъ на куръ (стремится) ястребъ,
Воровски схватилъ дѣвицу
Ястребиными когтями.

Ротъ дѣвицы той зажалъ,
Такъ что ахнуть не смогла,
Кликнуть бѣдная на помощь.

Тусларъ къ дому поспѣшилъ,
Снесть добычу въ притонъ хотѣлъ,
Подъ замокъ ребенка ставить,
А затѣмъ стараться дѣву
Приласкать рѣчами сладкими,
Успокоить словами нѣжными
И смягчить мольбами милыми.

Лишь могучіе свояки,
По рыданію молодицъ,
По слезамъ тѣхъ чернобровыхъ,
Происшествіе поняли,
* Что у ястреба въ когтяхъ курица
На поля чужія унесена,
На другой источникъ гусь,
Утка къ берегу другому,
Лебедь на другія волны: *
Тотъ же часъ дружка послали,
Легконогаго оруженосца
Дѣвицы слѣдовъ искать.
Направлямый гласомъ птицъ,
Вотъ уже на третій вечеръ
Юноша узрѣлъ слѣды,
Быстро къ дому повернулъ.
Извѣстить своихъ друзей.

Сынъ Сулева на брань поѣхалъ,
Сынъ Алева на вражескій путь,
Оба друга — на тропы смерти,
Дѣвицу пошли спасать,
Вырвать курицу у ястреба,
Изъ когтей избавить вора.

Лишь бѣда грозить начала,
Тусларъ тотъ, мудрецъ вѣтровъ,
Помощью волшебныхъ словъ
Озеро заволновалъ
Супротивъ враговъ въ защиту.
То чудесное явленье
Затруднило нападающихъ:
Лодку не найти было,
Ни челна достать удобнаго,
Чтобы волны переплыть,
Сынъ Алева милый братъ,
Что по счастію изъ дому
Взялъ съ собой волшебный прутикъ
Вожакомъ на путь воинскій,
Началъ прутикомъ махать,
Самъ высказывалъ желанье:
„Породи мостъ передъ нами,
Мостъ впередъ идущему! “
Мостъ явился тутъ внезапно
На пространствѣ цѣлой мили.
Черезъ мостъ герои шли,
Мужи мощные вдвоемъ,
Къ дому Туслара стремясь.
У дверей замки сломали,
Косяки разбили въ прахъ,
Мудреца вѣтровъ убили,
Дѣву вывели изъ плѣна.
Пѣтуха пустили краснаго
Въ крышу Туслара двора.
Со двора зола разсѣялась,
Не осталось и слѣдовъ,
Какъ лишь каменныя стѣны;
Коль по счастію случится
Въ лѣтнюю ночь тамъ проходить,
То услышишь жалобы,
(Горькія) пѣсни сѣтованья,
Чѣмъ мудрецъ вѣтровъ Тусларъ
Въ вѣяніи оплакиваетъ
Гибельное несчастіе, —
Разрушеніе избы.

Сынъ Олева, мудрецъ строеній,
Позже третію питомицу
Сваталъ курицей домашней,
Ту, что мощные свояки
Вырвали изъ власти вора.

Такъ дѣвицы юныя,
Дѣвы вынесенныя изъ ада,
Добрымъ счастіемъ ведомыя,
По желанію родичей,
Стали женами героевъ,
Плодовито сыновъ родили,
(Произвели) славнѣйшій родъ:
О коихъ былыя сказанья
Намъ сто тайнъ передаютъ,
Тысячу свидѣтельствуютъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

1) Мѣсто это находится близь Яговаля въ Эстляндіи. Камень, брошенный въ отверстіе ключа, виденъ еще теперь въ холмѣ; изъ за камня течетъ вода.

2) По переводу Бертрама: einten winkelrecht die Ecken, schufen schnurgerad die Seiten.

3) Paaks-puu — Rhamus frangula.

4) Susisaba — Phleum pratense.

ШЕСТНАДЦАТАЯ ПѢСНЬ.

Сынъ Калева готовится къ путешествію на край свѣта — 348; приключенія въ Лапландіи — 585; Варакъ рулевой — 673; Островъ Искръ — 757; приключенія въ Хійглѣ — 1020; возвращеніе домой.

Калевида сынъ могучій,
Мыслію раскидывая,
Предпринялъ рѣшенія
Совершить путь мудрости,
На конецъ поѣхать свѣта,
Плыть въ предѣлы сѣвера,
Гдѣ не хаживали прежде
И пути не пролагали,
Но гдѣ неба (синій) сводъ
Прикрѣпленъ къ (сырой) землѣ.
Затянулъ могучу пѣсню,
Воспарили такъ слова:
* „Какъ поѣду на конѣ,
Да на сивкѣ подъ дворъ помчусь,
Какъ поѣду на тайный путь,
Потопчу путь мудрости,
Чрезъ поляны я помчусь,
(Пролечу) густой кустарникъ,
Перепрыгну черезъ горы,
Чрезъ овраги перескочу,
Часть проѣду я по мхамъ,
А по сушѣ часть другую,
Третію по вересняку
И четвертую по бору,
То доѣхалъ бы туда —
Ногъ озера мнѣ не свяжутъ,
Коль не сдержитъ море мужа.
Слушай, орелъ, красивая птица,
Перенесши меня на крыльяхъ,
Перенеси меня чрезъ воды,
Перелети ты черезъ волны,
Не ощупаю пока
Свѣта край своей рукою,
Не пошарю пальцами;
Гдѣ высокая крыша неба
Стрѣху ладила къ землѣ,
Сине-шелковыя стѣны
Ставила на нижнихъ балкахъ,
Гдѣ луны и солнца носитель,
Подпиратель облаковъ
Пальцы ногъ къ землѣ прижалъ.“
Лишь хотѣлъ онъ отправляться
Путь невѣдомый топтать,
Очертя главу шагать,
Гдѣ никто не пролагалъ
Прежде хода и тропинки,

Вѣщая птица голосила,
Слово каркнула ворона:
„Гдѣ усмотришь синюю воду,
(На водѣ) широкія волны,
Глядь, осоки нѣтъ-ли у брега,
И аира при водахъ;
Правой там ногою топни,
Мощною пятой о берегъ:
Тутъ земля сокрытый входъ,
Сокровенныя ворота
Широко тебѣ растворитъ,
Тамъ достигнешь конца міра.“

Сынъ Калева отвѣчалъ:
„Развѣ я подъ тяжкой ношей
Счастливо не проходилъ
Прежде этого сотню разъ
Черезъ Пейпусъ безо страху,
Черезъ Вирцгервъ не колеблясь,
Безъ боязни черезъ Каё,
Безъ паденья море Западное;
Развѣ ихъ путей не знаю,
Измѣреньемъ — предѣловъ,
Ширины паденья волнъ,
Потаенныхъ ихъ глубинъ,
Омутовъ (въ нихъ) сына Ахти? [1])
Пейпусъ озеро мнѣ до бедеръ,
Вирцгервъ мнѣ до пояса,
Черное озеро мнѣ до брюха,
Каё озеро мнѣ до шеи.
Війкское (море) до челюстей,
Море Великое мнѣ до рта.
Лишь Иѣмъ-озеро осталось мнѣ
По срединѣ неиспытаннымъ,
Въ безднахъ неизслѣдованнымъ,
Глубиной не вымѣреннымъ,
Тайники непройденными.“

Мысли перебирая въ умѣ,
Тайныя лелѣя желанья,
Калевида сынъ заставилъ
Раздаваться слова пѣсни:
„Коль нарочно въ путь пущусь,
Ноги мчаться я заставлю,
Пальцы (ногъ) быстрѣй катиться,
То къ Суоміи поплыву,
Лодку къ сѣверу направлю
Подъ водительствомъ Плеядъ;
Ужъ найду въ странѣ скалистой,
Родственниковъ въ Суоміи,
Въ Туръяской[2]) землѣ — знакомыхъ,
Старыхъ друзей на Эзелѣ,
Что на путь меня направятъ,
Поведутъ и на слѣды.“

Тутъ онъ молвилъ Олеву:
„Олевъ братецъ, ты возьми,
Мастеръ городовъ смышленный,
Въ руки ты возьми сѣкиру,
Пограничный дубъ сруби,
Дубъ огромный подсѣки,
Съ облаковъ низринь верхушку,
Стволъ его со пня свали;
Дубомъ тѣмъ воспользуйся,
Что у насъ тамъ подъ дворомъ
На склону высокаго брега
Насадилъ отецъ когда-то,
Мать когда-то выростила,
Что на берегѣ морскомъ,
На пескахъ размашисто
Верхъ высокій свой колышетъ,
Простираетъ вѣтви вширь,
Такъ что солнышко сіять
И луна блистать не можетъ,
Звѣзды (въ небѣ) не мерцаютъ,
Облака не орошаютъ.
Повали, братъ дорогой,
Дубъ высокій ты низринь,
Солнышко сіять заставь,
Вновь лунѣ позволь свѣтить,
Облакамъ разсыпать брызги,
Широко снѣгъ разметать;
Сдѣлай ты изъ ствола дуба
Нужные прочные корабли,
Чтобы плыть невѣдомымъ путемъ,
Мудрости пути свершить;
Судна брани — изъ верховъ,
Изъ средины торговыя судна,
Изъ концовъ — батрачьи судна,
Изо щепокъ дѣтскія судна,
Изъ угловъ дѣвичьи судна;
Что останется, оставь въ запасъ,
Ты не порть остатковъ тѣхъ;

Будетъ Гервы градъ изъ нихъ,
Изъ осколковъ городъ Рига,
Изо щепокъ — городъ въ Війкѣ,
Будетъ и пріютъ для Виру,
Въ Гарью — мѣсто для спасенья,
Въ Пэльцевѣ — убѣжище.
Что останется, оставь въ запасъ,
Ты не порть остатковъ тѣхъ,
Щепокъ ты не истребляй.
Собирай и самыя мелкія:
Изъ сгребковъ — изба покоя,
Сиротамъ пристанище,
Вдовамъ горница печали,
Скорби горница — унылымъ,
Виру оть дождя защита,
И крестьянамъ кровъ отъ вѣтра.

Что останется, оставь въ запасъ,
Ты не порть остатковъ тѣхъ,
Ты сгребки не истребляй
И мельчайшихъ не сбирай:
Въ нихъ защита для убогихъ,
Вдовамъ мѣсто сѣтованья,
Коимъ вѣтеръ избу строилъ,
Балки прикатила вода,
Выгнулъ крышу градъ избѣ,
Новыя двери сдѣлалъ туманъ,
Стѣны бѣлыя сгладилъ снѣгъ.
Что останется, оставь въ запасъ,
Сучья оставь неиспорченными,
Гордыя вѣтви — не истребленными:
Изъ вѣтвей изба батрачья,
Бѣднымъ — радости свѣтлица,
Дѣвицамъ — забавъ свѣтлица,
Для дѣтей — изба веселья!“

Олевъ понялъ, отвѣчалъ
Пѣсню стройну затянулъ:
„Я бы зналъ, что бы сдѣлать,
Зналъ бы, сдѣлалъ бы, удалой,
Если-бъ въ нашей землѣ герой
Мощный былъ такой извѣстенъ,
Кто срубилъ бы дубъ (великій)“

Воронъ слышалъ на ели,
Вѣщая птица каркнула:
„Человѣка искать идите,
Приглашать сильнѣйшаго,
Издали развѣдать о мощномъ,
Кто низринулъ бы сей дубъ,
Стволъ его свалилъ бы съ корня.“

Человѣка шли искать,
Приглашать сильнѣйшаго,
Кто срубилъ бы дубъ предѣльный,
Повалилъ бы дубъ огромный,
Верхъ изъ облака низринулъ.
Привели мужей изъ Турьи,
Слововѣдовъ изъ Суоміи;
Мудрые мужи раскрывали,
Слововѣды разъяснили:
„Сынъ Калева дорогой,
Мощныхъ витязей питомецъ,
Если хочешь ты сходить
Свѣта поискать конца
Тамъ, гдѣ дѣдушки рука
Утвердила края неба,
Прикрѣпила ихъ къ землѣ,
Край широкій опустила:
Поверни къ предѣламъ сѣвера,
Обратись ты къ Оріону,
Къ свѣту (звѣздъ) Телѣги Старой.

Коль на этотъ путь ты вступишь,
По стезямъ пойдешь на сѣверъ,
Челнъ не выдержитъ древесный,
Сдѣланный корабль изъ дуба.
(Духовъ) огненныхъ могущество,
Какъ бы въ схваткѣ тамъ сверкая,
Челнъ зажгло бы неминуемо,
Воспалило бы корабликъ;
Нуженъ тамъ корабль желѣзный,
Челнъ изъ жести выгнутый,
Да изъ стали сдѣланный,
Вылитый изъ старой мѣди.“

Сынъ могучій Калевида
Заказалъ корабль прелестный,
Выстроить ладью изящную,
Что не выгнутъ изъ дерева,
И не выстроенъ изъ кости,
Не былъ вылитъ и изъ мѣди
И не выкованъ изъ стали.

Сынъ Калева, мужъ могучій,
Приказалъ ладью сготовить,

Сдѣлать судно изъ сребра,
Изъ сребра пластинокъ цѣнныхъ,
Изъ тончайшихъ серебряныхъ досокъ:
Потолокъ изъ серебра,
Полъ изъ серебряныхъ пластинокъ,
Изъ серебра на суднѣ мачты,
Изъ цѣпей сребра канаты;
Дали имя „Летунъ“ судну:
Летомъ волны разсѣкалъ.
А потомъ кафтанъ златой
Заказалъ въ покровъ для тѣла;
Приказалъ для корабельщиковъ
Сдѣлать болѣе прочное платье:
Изъ сребра начальникамъ,
Изъ желѣза для народа,
А изъ мѣди для старшинъ,
Изо стали мудрецамъ,
Ибо близко къ краю свѣта,
У предѣловъ Ор'она
Духовъ пламенныхъ игра,
Огненныхъ [3]) метанія
Повредить не могутъ желѣзо
И стереть кафтанъ изъ стали. *

Какъ затѣмъ приказъ отдали
Нагружать корабль драгой,
Мужамъ понести припасы
И для люда провіантъ,
Сынъ Калева приказалъ
Извѣстить своихъ друзей,
Дорогихъ товарищей,
Мудрецовъ увѣдомить,
Коихъ въ путь сей приглашали,
Причисляли къ помощникамъ.
* Тутъ запѣли мудрецы,
Міровые, найхитрѣйшіе,
Пѣсни счастья затянули,
Ибо ихъ съ собой позвали,
И къ помощникамъ причислили;
Тѣ же, коихъ не позвали,
Пѣснь печальную затянули:
„Слушали мы дорогіе,
Мы смотрѣли бѣдные,
Насъ съ собой не позовутъ-ли?
Насъ сопутствовать не кликнули,
Не позвали проводить.
Сулеву несли наказъ,
Зовъ любезный Алеву,
Пригласили оруженосца
Путешествіе совершать.“
Калевида сынъ могучій
Корабельщиковъ позвалъ,
Ратниковъ толпу другую,
Третію позвалъ подростковъ,
Тоненькихъ сыновъ хозяевъ.
Мудрецовъ еще хотѣли,
Принуждали мужей словъ,
Вѣтра мудрецовъ позвали,
Маны мудрецовъ просили
Жертвовать на камнѣ Укко,
Для счастливаго пути. *
Какъ корабликъ до зари,
До восхода солнца челнъ,
До разсвѣта дня Летунъ
Покатился по водамъ,
Полетѣлъ въ качели волнъ,
(То) махали шляпами,
Стройно пѣсню распѣвали:
„Надъ главой машу я шляпой,
Снизу я корабль вращаю,
Ѣду полосатымъ путемъ,
Водъ невѣдомой стезей,
Что не ягодный стебель,
Ни серебряная пряжа,
Ни крученная золотая.“
На волны корабль спустили,
Носомъ къ Суоміи направили,
Къ повороту въ предѣлы сѣвера,
Супротивъ Телѣги Старой.
Калевида сынъ могучій
Самъ начальникомъ усѣлся
Подлѣ мудраго рулеваго,
Гресть заставилъ онъ друзей,
Мальчиковъ у парусовъ,
Парней разставлять канаты
И налаживать веревки.
Коль корабликъ весело
На качели волнъ леталъ,

Калевида сынъ началъ
Распѣвать веселья пѣснь:
„Шляпу свою подымаю,
Дня начальнику съ главы,
Что посѣялъ на волнахъ
Блестки златоцвѣтныя:
Коль сѣчетъ корабликъ волны,
Воздымается златая межа,
Пѣнится бразда серебристая.
Шляпу свою подымаю
Кланяюсь я ко лунѣ,
Посылаю привѣтъ звѣздамъ,
Кои крѣпость умножаютъ,
Намъ указываютъ путь.
* Станемъ пѣсни распѣвать,
Передавать сказанія,
Рѣченьки прослѣживать,
Забавляться на моряхъ,
Скалы перепахивать,
Острова орать большіе,
Выгребать края морскіе,
Прочищать низъ береговъ:
Гдѣ посѣяли золото,
Посадили серебро,
Мудрость Тары гдѣ вложили.

Нѣкогда явился міръ,
Міръ прекраснѣйшій явился,
Нѣкогда создали небо,
Сотворили небо мудро,
Испещренное звѣздами,
Располосанное облаками.“*

Тутъ воспѣлъ онъ длинную пѣснь
О начальнаго міра явленіи:
Какъ избу лунѣ творили,
Мѣсто дѣлали для солнца.
Въ колыбели волнъ Летунъ
Нѣсколько проплылъ ужъ дней,
Днемъ по указанью солнца,
Ночью правимый звѣздами.
Челнъ катили къ сѣверу,
Ближе къ краю сего свѣта;
Слововѣдъ съ собою взятый
Направлялъ путь корабля:
Понималъ онъ всѣ слова,
Говоры всѣхъ языковъ,
Птицъ услышанныхъ языки,
Голоса животныхъ зналъ
Мудро всякому разъяснить.

Суоміи волхвами гонимые
Бушевали бурные вѣтры,
Грозно пѣнилась вода,
Тучи омрачили день,
Скрыли солнышко въ туманѣ,
Звѣзды на небѣ окутали
Всюду мглой густаго тумана,
Пеленою цвѣта росы,
Такъ что рулевой не зналъ,
Также шкиперъ пути судна.
Слововѣдъ разспрашивалъ
У тѣхъ птицъ, что на волнахъ
Ближе къ кораблю нашелъ.

Лишь отвѣтъ онъ получилъ,
Пѣсню стройную воспѣлъ:
*„Юные братья, удальцы,
Богатырей сыны драгіе!
Посмотрѣть пойдемъ чужое,
Тайное сбирать изъ Суоміи,
Набирать съ полей (чужихъ),
Да срывать изъ вересняка
И сгребать со дна морскаго,
Доставать изъ водныхъ волнъ,
Вынимать изъ каменнаго щебня
И выламывать изъ горъ,
Что онѣ скрываютъ тайнаго,
Извѣщаютъ драгоцѣннаго.

Прелести полей рыдаютъ,
Жалуются вересы,
Скалъ обрывы громко вопятъ,
Бездны моря воздыхаютъ,
Волнъ качели сѣтуютъ:
Гдѣ драгое прежде слышали,
Знали сказанія былыя.“*

На волнахъ корабль качался,
То высоко воздымался,
То готовъ былъ опуститься
И подъ волны погрузиться,
Такъ что рулевой не зналъ,
Также шкиперъ пути судна.
Солнце крылось ужъ изъ виду
Отдохнуть на лонѣ вечера,

Мракъ ночной повсюду вкругъ
Калевида корабль окуталъ.
Семь ночей и семь дней
Безпрерывно корабль качался,
Бурными вѣтрами несомый,
Какъ бы чайка на волнахъ;
Лишь тогда волхвы Суоміи
Прекратили раздуванья:
Тутъ и солнце засіяло,
Освѣтило міръ широкій,
Изъ за волнъ началъ виднѣться
Берегъ наконецъ изъ дали
И все выше подыматься;
Языковѣдъ сталъ возвѣщать:
„Братцы, край сей мнѣ невѣдомъ.“
Калевида мощный сынъ,
Лишь подплыли къ брегу ближе,
Прыгнулъ въ волны съ корабля,
Быстро плыть (впередъ началъ).
Торопяся къ берегу,
А затѣмъ тащилъ друзей
Въ кораблѣ канатомъ къ брегу.
Это не былъ Суомскій край,
Ни знакомый Турьи берегъ,
Мѣсто уже посѣщенное.
Вопрошалъ языковѣдъ,
Какъ зовется берегъ сей?
Птички тутъ защебетали,
Ласточки заголосили,
Старая ворона вѣщала:
„Это тощій Лапу край,
Бережокъ (людей) убогихъ.“
Тутъ Летунъ въ заливъ погнали,
Челнъ серебряный ко брегу,
Прикрѣпили его къ камнямъ,
Привязали также къ кольямъ,
Чтобы съ мѣста не сорвался,
По волнамъ не полетѣлъ.
Дорогой сынъ Калевида
Вожакомъ звалъ языковѣда,
За компанію друзей
Посмотрѣть чужое мѣсто.
*Вчетверомъ они прошли
Часть пути, клочекъ земли,
По пустынѣ увязая,
По кочкарнику спотыкаясь,
По широкимъ полянамъ,
Да по мшистому болоту;
Проходили по вересняку,
По тропиночкамъ суглинка,
Не покажется-ль глазамъ
Гдѣ либо случайно дворъ.
Что попалось имъ на встрѣчу,
Ихъ глазамъ представилось?
Показался дворъ одинокій,
Малая въ тѣни усадьба.
У дверей сидѣла дѣва,
На скамьѣ изъ дерна красотка,
Тамъ на веретенѣ суча
Пряди полотняныя;
Блокъ вращали ея пальцы,
А уста слова слагали,
Распѣвали пѣсенку:
„Молодица одна была,
Предъ зарей коровъ доила,
Ихъ въ ольховникѣ доила,
Въ горницѣ молоко цѣдила,
Провожала затѣмъ стадо,
Провожала въ березнякъ,
Внизъ въ ольховникъ тѣхъ коровъ,
Въ тѣнь кустовъ телятъ своихъ.
Что нашла она въ прогонѣ?
Курицу нашла въ прогонѣ,
Пѣтушка на игрищѣ;
Курица сгребала шелкъ,
Бахрому златую пѣтухъ.
Стала курицу ловить,
Гнаться за тѣмъ пѣтушкомъ.
Улетѣлъ пѣтухъ чрезъ лѣсъ,
Чрезъ широкую поляну;
Баба курицу поймала,
Понесла въ полѣ домой.
Курицу несенную въ рубахѣ,
Въ пазухѣ доставленнаго цыпленка,
Понесли въ амбаръ для хлѣба,
Уложили курицу
На закрома край рости,
Подъ корзиночку сидѣть.
Курица росла подъ кровомъ.
Развивался втайнѣ цыпленокъ,

Росъ онъ мѣсяцъ, росъ и два,
Четверть третьяго мѣсяца,
Мѣсяца четвертаго недѣлю,
Дня два сверхъ пары недѣль.
Молодица амбаръ навѣстила:
Что ростетъ изъ курочки,
Изъ цыпленка развивается?
Вышла дѣвица изъ курицы,
Царская дочь прелестная.

Сваты къ дѣвицѣ ходили,
Много женишковъ къ красоткѣ,
Пять шесть съ винными кружками,
Съ предложеніями семь сотъ;
Мѣсяцъ былъ одинъ, другой солнце,
Третій —

— „Калевида сынъ,
Длинноногій женишокъ,“
Калевичъ ее прервалъ,
Переступая чрезъ порогъ.
Дѣва въ ужасѣ бѣжала,
Стала звать въ бѣдѣ на помощь:
Дѣдъ на крикъ ея спѣшилъ
Посмотрѣть то странное,
Что тревогу причинило.

Сынъ Калева дорогой,
Поздоровавшись съ отцомъ.
Лапу мудреца признавъ,
Тотчасъ вопрошать началъ:
*„Ты скукуй, чужая кукушка.
Ты пропой мнѣ, пташечка,
Отвѣчай мнѣ, братъ драгой:
Гдѣ дорога напрямикъ,
Достигаетъ конца міра?
Чтобъ другіе какіе пути
По извилистой серебряной нити
Не могли бы сбить насъ съ толку,
Задержать насъ на ходу.
На тропы меня направь,
Гдѣ небесный (синій) сводикъ
Прикрѣпилъ внизу свой край,
Синешелковыя стѣнки
Опустилъ въ пространство (міра),
Потухаетъ гдѣ луна,
Солнышко идетъ на отдыхъ,
Череду лишь уставную
Днемъ и ночью завершивъ.
Воронъ дома извѣстилъ,
Птица вѣщая научила:
„Гдѣ ты узришь синюю воду
И на ней широкія волны,
Гдѣ камышъ на берегу,
Также у воды аиръ,
Правая нога пусть топнетъ
Мощною пятой о берегъ:
Тамъ земля свой тайный входъ,
Сокровенныя ворота
Широко тебѣ растворитъ,
Гдѣ достигнешь края свѣта.
Пожелай туда сходить,
На тотъ берегъ тростниковый.“*

Слышалъ мудрецъ, отвѣчалъ:
„Не идутъ пути отсюда,
Путешествія тропинки
Гдѣ нибудь ко краю свѣта.
Нѣтъ у моря измѣренья
И у волнъ (нигдѣ) конца;
Тамъ, гдѣ мудрый дѣдушка
Крышу небесную согнулъ,
Стрѣху ея съ землей скрѣпилъ,
Синешелковыя стѣнки
Опустилъ въ пространство (міра),
А кто прежде хаживалъ,
По пустому вѣтру бродилъ,
Находилъ на островѣ Искръ
Смерть себѣ въ большой отвагѣ.
Извѣщенья дома ворона
Адскій путь указываютъ —
Парня стараго ворота.
Коль на родину ты путь,
Другъ, желаешь предпринять,
Для забавы обѣщаю
Вожакомъ сопутствоать.“

Сынъ Калева отвѣчалъ:
„Ворочусь безъ вожака
По извѣстному пути:
Потрудись, любезный братецъ,
Весть на игрища чужія,
Ко преддверью конца свѣта
И въ ворота стараго дѣда.“

Лапу мудрецъ вопрошалъ:
„Что въ награду мнѣ дадутъ,
Что уплатятъ за проводъ?“
Сынъ Калева отвѣчалъ:
„Что дружокъ, ты пожелаешь,
Что ни спросишь, золотенькій,
(То) дадутъ тебѣ въ награду,
За проводъ тебѣ уплатятъ.
Половину клада возьми,
Злата десять мѣшковъ спроси,
Добрую сумму серебра:
Поведи лишь меня, братецъ,
Ко предвѣрью конца свѣта
И въ ворота стараго дѣда.
Измѣренья глубинъ моря,
Да въ длину предѣлы ада,
Ихъ я знаю по шнурамъ;
Крайнія стѣны великаго міра
Мнѣ доселѣ неизвѣстны,
Не ощупаны рукою.“

Лапу мудрецъ отвѣчалъ:
„Ты прибавь отъ удовольствія,
Сверхъ цѣны въ награду дай,
Дома что на привязи
У стѣны находится.“

Сынъ дражайшій Калевида
Обѣщалъ исполнить (все),
Незнакомцу привязанное,
Цѣнное что на цѣпяхъ
Понадбавить, чтобъ задобрить.

Лапу мудрецъ ему запѣлъ,
Варакъ такъ отвѣтилъ:
*„Да исполнится желанье,
Да свершится твое хотѣнье,
Да не будетъ другимъ вины,
И чужимъ ни въ чемъ отвѣта,
Коль нечаянно ты зло,
Бѣдствіе, несчастіе,
Испытаешь на пути:
Ляжетъ вина на принудителя,
На принявшаго совѣтъ отвѣтъ.“*

Взяли на корабль Лапландца,
Варака вели на руль
Направлять ходъ корабля.

Колыхаясь въ качели волнъ,
Мчась впередъ на крыльяхъ вѣтра,
Оставлялъ корабль Калева
Въ пѣнѣ на водѣ бразды.

Много ночей и много дней
Парусомъ плывя на сѣверъ,
На волнахъ попалъ корабль
Неожиданно въ пучину.
Весла не могли помочь,
Паруса освободить
Изъ пучины корабль дорогой.
Проглотить хотѣла пучина
Грузъ со грузоносителемъ.
Варакъ тотъ, мудрецъ Лапландскій,
Взялъ (немедленно) боченокъ,
Краснымъ онъ покрылъ сукномъ
Бочку съ наружной стороны:
Вплелъ и красныя тесемки
Вкругъ боченка обручами,
Привязалъ канатами,
Къ кораблю его привѣсивъ,
Чтобъ, замѣтивъ ту приманку,
Рыба быстро подхватила.

Китъ водою вдругъ приплылъ
Красную ловить приманку;
Въ пасть боченокъ онъ схватилъ,
Улепетывать пустился,
Вытянулъ изъ пучины корабль,
Челнъ изъ пасти ада избавилъ,
Изъ преддверья нижняго міра,
Изъ воротъ раздора стараго,
Гдѣ попали прежде многіе,
Много приключилось бѣдъ.

Колыхаясь въ качели волнъ,
Мчась впередъ на крыльяхъ вѣтра,
Оставлялъ корабль Калева
Въ пѣнѣ на водѣ бразды,
Много дней, много ночей
Парусами плывя на сѣверъ.

Сынъ могучій Калевида
Въ рѣчь такую слова сложилъ,
Стройную пѣсню затянулъ:
*„Не бросаетъ герой рѣшенья,

Думъ своихъ не оставляетъ;
Угрожающія несчастья
Успокоиваются пѣньемъ,
Словомъ мудрымъ укрощаются.“ *

Летомъ волнъ корабль носимый,
Быстро токомъ водъ катимый.
Много времени ужъ плылъ
Въ поворотѣ къ сѣверу;
Тутъ (начали) острова Искръ
Огненые столбы вздыматься,
Дыма облака взвиваться.
Сынъ Калева сталъ стремиться
Посмотрѣть тотъ островъ Искръ,[4])
Варакъ тутъ ему перечилъ,
Запрещалъ ужасный путь.
Сынъ Сулева говорилъ:
„Мнѣ позвольте вы идти,
По пути къ огню направиться,
По пути на дымъ шагать;
Кто туда досель ходилъ,
Много слабыхъ разслабѣло,
Немощныхъ въ бѣду попало.“

По волнамъ корабль погнали,
Къ берегу острова Искръ,
Гдѣ гора огнемъ играла,
Порождала дымъ другая,
Третья воду горячую варила;
Изъ глубинъ плавленные камни
Токомъ извергали въ оврагъ.
Сулевъ къ дыму направлялся.
Шелъ по указанью огня
Ближе къ ада очагу,
Чтобъ чудесное явленье
Посмотрѣть хотя тайкомъ.

Кремня (битаго) осколки
Часто падали въ дыму.
Расыпалися въ золѣ,
На полѣ въ сугробѣ снѣга,
На суглинкѣ въ изобиліи.
Изъ желѣза кафтанъ трещалъ,
Головни камней хотѣли
Сулевида умертвить.
Равнодушный къ несчастію
Сынъ героя шелъ впередъ.
Къ ада очагу ступая,
Опалясь пока кафтанъ
Тѣло ужъ хотѣлъ сожечь;
(Глазъ) рѣсницы сморщились,
Волосы, брови опалились.
Сынъ Сулева тотчасъ молвилъ:
„Чортъ возьми сей холмъ огня;
Пользы нѣтъ въ немъ никому!
Дома топливомъ овина,
Грѣя бобылей бока,
Пригодился бъ по мѣстамъ,
Дровъ гдѣ на семью сажень
Лишь изъ милости дается.
Нынѣ жъ нѣтъ мнѣ лучшаго —
Запалю свою лишь трубку.“

Повернулъ затѣмъ шаги
Отъ горючаго пути,
Спасся на корабль съ трудомъ
Врачевать бока больные,
Язвы отъ обжоговъ лечить.

Сынъ Калева вопрсоилъ:
„Не видалъ ли оруженосца,
Что бѣжалъ тебѣ вослѣдъ?“
Сынъ Сулева отрицалъ.
Оруженосца тутъ другіе
Стали кликать въ одинъ голосъ.

Вотъ красивая бѣлая птица
Опустилась на корабль;
Языковѣдъ сталъ вопрошать,
Оруженосца тутъ пропавшаго
Не примѣтила ль пернатая.
Бѣлая птица отвѣчала:
За горами ледяными
И за снѣжными полями
Мѣсто вешней красоты,
Вѣчная область теплаго лѣта;
Яйца варятъ тамъ въ землѣ.
Мясо жарится въ пескѣ;
Тамъ-то парень заблудился
Завлеченный дѣвой русалкой,
Чтобы время вѣчной нѣги

Счастливо (тамъ съ ней) прожить.
Въ путь идите, мудрые мужи,
Оруженосецъ не вернется.“

---

* Той земли достигли мужи,
Пѣтухи гдѣ ѣли злато,
Пѣтухи — злато, куры — сталь,
Гуси — чистое серебро,
Старую мѣдь — вороны,
Пфенниги — насѣдки,
Вѣщія птицы — талеры,
Гдѣ росла разсада та,
Съ ели высотой капуста. *

Калевида сынъ могучій
Понуждать началъ рабочихъ.
Подчиненныхъ подгонять,
Поглядѣть страну чужую.
Языковѣду велѣлъ идти
Тайныя объяснять слова.
Мудрость пріобрѣсть у птицъ;
Самъ же легъ на кораблѣ
Съ сыномъ Сулева вздремнуть,
Отдохнуть на солнышкѣ;
Алевиду жъ далъ приказъ
Бодрствовать на сторожѣ.

Языковѣдъ тотчасъ прошелъ
Шагомъ вмѣстѣ съ батраками
Часть пути, клочекъ земли,
Гдѣ не слышно пѣнья птицъ,
Ни найти какихъ существъ.

Закатилось солнышко,
Опустилось въ волны моря,
Молодцы уставшіе
Растянулись на спинѣ
Отдохнуть въ тѣни кустовъ.

При началѣ дня другаго
Разбудила до зари
Великана дочь младая
Спящихъ тамъ сыновъ мужей:
Въ огородъ пришла капустный
Для коровъ своихъ тутъ листьевъ
Понарвать съ капусты (рослой).
Юная дочь взяла героевъ,
Положила ихъ въ передникъ,
Понесла домой въ охабкѣ.

Дома вопрошалъ отецъ:
„Что достала, юная дочь,
Что собрала ты съ капусты? “

Дѣвица, тряхнувъ передникъ,
Высыпала героевъ на полъ:
„Растолкуй мнѣ, батюшка,
Что я въ шуточной забавѣ
Въ огородѣ собрала,
Гдѣ сіи блохи вшестеромъ
На прохладѣ росы зябли,
Дрыхали подъ кочнемъ капусты“

Мудрый батюшка пыталъ
Тѣхъ мужей загадками:
„Кто разгуливаетъ по жниву,
Подлѣ изгороди ступаетъ,
Да кружится въ тростникѣ? “

Отвѣчалъ языковѣдъ:
„Пчелка птичка
Ходитъ по жниву,
Подлѣ изгороди ступаетъ,
Да кружится въ тростникѣ.“

Мудрый дѣдъ испытывалъ
Человѣчковъ тѣхъ загадкой:
„Что-же выпиваетъ изъ рѣкъ,
Изъ колодцевъ сельскихъ пробу
Средь осколковъ каменныхъ? “

Отвѣчалъ языковѣдъ:
„Радуга та пьетъ изъ рѣкъ,
Изъ колодцевъ пробуетъ,
Средь осколковъ каменныхъ.“

Хіигласкій мудрецъ пыталъ:
„Угадайте, человѣчки,
Что идетъ ревя съ равнины
И свистя изъ синей рощи? “

Отвѣчалъ языковѣдъ:
„Дождь идетъ ревя съ равнины
И свистя изъ синей рощи.“

Изъ того узналъ мудрецъ
Сыновей мужей разумныхъ:
„Положи въ передникъ, дѣва,
Ихъ опять снеси не медля,
Гдѣ и прежде находились;
Это дѣти женъ наземныхъ,
Что идутъ путями мудрости
Для себя искать познаній.“

Дочь, приказъ сей исполняя,
Незнакомцевъ шесть несла,
Гдѣ собрала ихъ въ передникъ.
Рѣчь понялъ языковѣдъ,
Началъ дѣву умолять:
„Ради шутки насъ доставь,
Понеси на брегъ морской“
Дѣва, просьбу исполняя,
Къ брегу понесла героевъ.

Какъ бы столбъ густаго дыма,
Свѣсившись съ небеснаго свода,
Подъ игру несется Пикера,
Разсыпая съ неба огонь,
Хійглы дѣва юная шла
Быстрымъ шагомъ къ кораблю,
Съ трескомъ къ берегу морскому.
Высыпала изъ передника
Ихъ на сребряный корабль;
Воздухъ спершійся въ груди
Оттолкнулъ корабль на волны,
На пространство цѣлой мили.
Это чудное явленье
Изумило всѣхъ на немъ:
Калевида сынъ могучій
Издѣвался надъ облачной дѣвой:
„Будь здорова, дѣвочка:
Вымыла лицо безъ просьбы,
Ужъ я самъ, его суша,
Брызги съ щекъ своихъ сотру.“

Сынъ Калева далъ приказъ
Распустить тутъ паруса,
Онъ желалъ тотчасъ подалѣе
Путь на сѣверъ предпринять.

Хоть морозъ былъ очень рѣзокъ,
Ледъ слѣды тамъ покрывалъ,
Черезъ ледяныя глыбы
Весело Летунъ прорѣзалъ,
Сѣвернымъ путемъ плывя.
Вотъ ужъ духи огненныхъ,
Состязуясь въ поднебесьи,
Копьями серебра сверкая,
Потрясая златыми щитами,
Раскалили ихъ корабль.
У мужей исчезла смѣлость,
Въ пятки ихъ душа ушла,
Калевида сынъ однако
Надъ игрой огня смѣялся.
„Пусть мерцанія огненныхъ,
Копій серебряныхъ сверканія,
Потрясанія щитами,
Изъ огня дугу творятъ,
Чтобы мы при блескѣ свѣта
Путь подальше видѣли.
Не хотѣлъ быть съ нами мѣсяцъ,
Солнышко давно сокрылось,
Укко огненныхъ заставилъ
Лишь изъ милости бороться.“

Вотъ ужъ виденъ край чужой,
Показался людъ невѣдомъ
Взорамъ нашихъ путниковъ.
Парней туловища песьи,
Сзади длинные хвосты,
По ухваткамъ бѣсенята,
А по виду какъ бы люди.

Парни съ песьими хвостами
Стали рьяно противляться
И пришельцевъ отбивать,
Такъ что на берегъ никто
Съ корабля не могъ шагнуть.

Сынъ могучій Калевида
Изъ челна скакнулъ на берегъ
Разсѣвать тѣхъ псообразныхъ,
Супостатовъ поражать;
Сотнями ихъ умерщвлялъ,
Убивалъ ихъ тысячами.

Къ счастью онъ нашелъ коня,
Коренастаго жеребца,
Карькѣ на спину вскочилъ,

Разъѣзжать по полю брани,
Разсѣвать тѣхъ псообразныхъ.

Незнакомый человѣчекъ
Развернулъ канатъ воинскій
Рысака шагамъ на крестъ;
Добрый конь тотъ на скаку
Испугался сихъ канатовъ,
Неожиданно споткнулся,
На широкомъ полѣ палъ
Мертвымъ въ мшистое болото.
Сынъ Калева съ жалостью
По лихомъ конѣ вздыхалъ,
Проклиналъ запутавшаго,
Заклиналъ связателя.
А потомъ схватилъ онъ пень,
Изъ земли повырвалъ стволъ
Отъ огромнѣйшаго дуба,
Чѣмъ болото сталъ взрывать
И пахать мѣста сухія,
Чтобы сѣвера поля
Не питали бы растеній,
Не давали хлѣбныхъ злаковъ.

Той земли мудрецъ перечилъ,
Возбранялъ ему пахать:
„Отчего во гнѣвѣ, братецъ,
Пашешь ты во злобѣ,
Измѣняешь нашу землю,
Стать болотомъ заклинаешь,
Изъ чего ни выгона,
Также пашни для дѣтей?“
Сынъ Калева отвѣчалъ:
„Одолѣлъ коня канатъ,
Умертвилъ рысака,
Прежде чѣмъ путь мудрости
Счастливо я завершилъ.“

Мудрый дѣдъ ему отвѣтилъ:
„Какъ ты можешь, братъ мой милый,
Мудрый путь свой совершить,
Коль народы тяжкой дланью
Съ нашихъ нивъ, совѣть дающихъ,
Предъ собой ты истребилъ?“
Калевида сынъ раскаялся,
Что во гнѣвѣ онъ изрекъ,
Чѣмъ онъ злаки истребилъ
На межахъ полей полночи.
Въ горѣ къ Укко онъ взывалъ:
„Рыбамъ дай ты размноженье,
Финскимъ килькамъ распложенье,
Изобиліе тюленямъ
И родамъ пернатыхъ пташекъ!
Пусть деревья на волнахъ,
По водѣ къ брегамъ катятся,
Чтобъ родамъ грядущимъ въ пользу
Распложенье порождали.“

Мудрый мужъ понялъ, отвѣтилъ:
„Другъ, что счастья ты желаешь,
Я готовъ тебѣ взаправду
Дать благой совѣтъ и мысль,
Путь свой дальше какъ найдешь.“
Сынъ Калева отвѣчалъ:
„Дома воронъ мнѣ повѣдалъ,
Птица вѣщая открыла:
Гдѣ усмотришь синю воду,
Широчайшіе потоки,
На краю камышъ у брега,
На границѣ водъ осоку,
Тамъ невѣдомыя двери
Свѣта край тебѣ укажутъ.“
Дѣдъ мудрѣйшій отвѣчалъ:
„Воронъ-птица, извѣщая,
Ложь тебѣ провозгласила.
Гдѣ ты узришь синю воду,
Широчайшіе потоки,
На краю камышъ у брега,
На границѣ водъ осоку,
Тамъ найдешь ты тайны входы
И невѣдомыя врата,
Что тебя во адъ приманятъ,
Въ пасти смерти увлекутъ.“
Сынъ Калева драгоцѣнный
Сталъ стремиться въ домъ родной.
Такъ дружинѣ возгласилъ,
Пѣсню звонкую наладилъ:
* „Ѣдемъ, ѣдемъ, удалые,
Сходимъ, сходимъ, дорогіе,
Ѣдемъ вновь мы въ южны страны,
Сходимъ быстро въ домъ родной,
Гдѣ родные псы насъ знаютъ,

Повстрѣчаютъ насъ съ привѣтомъ!*
Варакъ тотчасъ вопрошалъ:
„Кто-жъ удалый за трудъ награду,
Мзду выплачивать мнѣ станетъ,
Коль вернешься ты домой?“
Сынъ Калева отвѣчалъ:
„Все должны тебѣ безъ спора
Въ цѣну мзды тамъ уплатить,
Какъ торги мы заключали;
Ты на шагъ не заблудился,
Самъ съ пути я отступился.“
Мужи на корабль поднялись,
И на родину поплыли;
Въ колыбели волнъ качаясь,
Понеслись на крыльяхъ вѣтра;
Разбивалъ корабль Калева
Въ пѣнѣ волны бороздами.
Челнъ въ Вironію катился,
Къ югу весело корабль.
Сынъ Калева драгоцѣнный
Въ звучну рѣчь слова наладилъ:
*„Быть не можетъ больше мудрость,
Разумъ у людей явиться,
Чѣмъ у тварей сотворенныхъ;
Путь нашъ тщетнымъ оказался,
Свѣта края не сыскали,
Не ощупали руками.
Леннукъ пусть пристанетъ въ Лалли,
У залива Линданисса,
Гдѣ воздвигъ строенья Олевъ,
Соорудилъ высоки башни!“*
Вещій въ рѣчи отозвался:
„По сему пути кто послѣ
Пожелаетъ отправляться,
Доискаться края свѣта,
Пусть мудрѣе поуладитъ
До пути дѣла въ порядокъ;
Пусть дары на камень ложитъ
Укку, кто даетъ намъ счастье,
Сторожамъ несетъ начатки,
Жертвы охранителямъ,
Примиреніе — пернатымъ.“
Сынъ Калева отвѣчалъ,
Стройной пѣснью отозвался:
„При возвратѣ мудрость больше,
Чѣмъ идя имѣлъ герой.
Путь пустой вотще затѣялъ,
Вѣтеръ гналъ я понапрасну,
Шелъ на волны веселиться,
Захотѣлъ застѣнье неба
Поощупать я руками,
Въ поискахъ за краемъ свѣта
Пальцами изслѣдовать.
* Пусть другіе не затѣютъ,
Женъ другіе сыновья,
Что я попусту содѣлалъ:
Тратя время дорогое,
Полагалъ, что будетъ польза,
Долженъ былъ терпѣть я вредъ.
Ни отца благословенья,
Нѣжной матушки любви,
Ни сестричекъ пожеланья
Изъ могилы охладѣлой,
Изъ объятій песковъ.
Ни подняться могъ отецъ,
Оказать мнѣ ласки мать.*
Сожалѣнья, милы братья,
Отъ пути не можетъ стать:
Серебра сокровищъ выше
И дороже возовъ злата
Нужно мудрость признавать;
Вѣдь нашли мы въ заблужденьи
На обманчивыхъ игрищахъ,
Усмотрѣли знаки правды,
Что конца большому міру,
Тары мудростью предѣла
Не поставлено нигдѣ,
И не сдѣланы подпоры.
Впрочемъ, что я на чужбинѣ
Понабралъ полезнаго,
Сокровеннаго узналъ,
Будетъ до заката жизни
У героя о томъ раздумать.

Счастья далъ кому Творецъ,
Самъ въ груди онъ тайно скрылъ,
Мощью духа посильнѣе,
Мудростью прозорливѣй,
Тѣло крѣпостью богаче,
Выше прочихъ далъ подняться,
Пусть катится на чужбину,

Свѣтъ широкій поглядѣть,
Мудрость Тары познавать,
Чудны Божіи дѣянья
Бодрымъ взоромъ осмотрѣть.
Но другіе поздняки,
Женъ слабѣйшихъ сыновья,
Дома пусть рости продолжатъ.
Въ коппелѣ своемъ цвѣсти.“

Леннукъ подъ Лалли погнали,
У залива Линданиссы,
Гдѣ воздвигъ строенья Олевъ.
Соорудилъ высоки башни.
Челнъ къ парому подогнали.
Ближе къ берегу корабликъ.

Вышли мужи на мураву,
Устремились на игрище,
Подступили ко двору.
Птичка въ рощѣ распѣвала,
Въ ельникѣ злата кукушка:
„Счатье въ родинѣ цвѣтетъ,
Дома поросль пороскошнѣй;
Дома псы насъ узнаютъ,
Повстрѣчаетъ насъ знакомый,
Родичъ благъ намъ пожелаетъ;
Лаской солнышко сіяетъ,
Неба звѣзды намъ сверкаютъ.“

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Властитель подводнаго міра; встрѣчается и въ сказкахъ. Жизнь подъ владычествомъ Ахто изображается необыкновенно поэтично въ слѣдующей пѣсни, которую поетъ утонувшая дѣвица, вышедшая на землю вечеромъ наканунѣ Иванова дня:

Въ міръ наземный тихо иду,
Изъ подъ водъ я вверхъ ступаю,
Изъ пучины волнъ тайкомъ
Навѣстить родной очагъ,
Поглядѣть отцову рощу,
Посмотрѣть на лугъ цвѣтистый,
Гдѣ я прежде веселилась,
Въ дѣтствѣ пѣсни распѣвала,
Пташки языкомъ гласила.....
Скучно пребывать у Ахто,
Въ мірѣ нижнемъ поживать,
Быть игрушкой тока водъ,
Полоскаемой волнами:
Потому драга деревня,
Древней родины мѣстечко,
Въ мірѣ верхнемъ уголокъ
Ежегодно воскресаетъ
И манитъ изъ царства водъ....
Въ міръ наземный тихо иду
При разсвѣтѣ сумерекъ,
Вверхъ изъ влаги я ступаю,
На мураву восхожу
Попирать траву зеленую....
Но ужъ нѣть былой поры,
Нѣтъ былой красы и прелести —
Нѣтъ здѣсь болѣ матушки,
Нѣтъ и батюшки родимаго;
Ихъ ужъ въ мірѣ наземномъ
Усмотрѣть нигдѣ нельзя:
Дорогіе, золотые,
Дремлютъ ужъ давно въ землѣ,
Ужъ давно въ могилы хладны
Подъ муравою сошли....
Потому опять назадъ
Я спѣшу въ широки волны,
Въ сѣнь холодныхъ водныхъ токовъ ....
Ужъ меня упавшую въ воду,
Утонувшую безъ вины,
Скоро дома не найдутъ,
Строгимъ вызовутъ приказомъ....

Вотъ! раздался снизу голосъ,
Прозвучалъ ужъ Ахто зовъ,
Прогремѣлъ на водномъ днѣ,
Отозвался на волнахъ,
Кликнулъ голосомъ отца!...
Мнѣ пріятно жить у Ахто,
Въ хладныхъ волнахъ колыхаться,
Нѣжиться у матери водъ,
Забавляться съ дѣвами водъ,
Съ воднымъ людомъ порѣзвиться,
Въ сѣни на дворахъ у Ахто
Въ нижнемъ мірѣ быть счастливой...
(Kõrw, Esti-rahwa muiste jutud, стр. 40—41).

2) Неизвѣстная страна. Одни (Wiedemann, Lex. p. 1353 и Castren, Vorlesungen, p. 245) считаютъ ее за Норвегію, другіе (Европеусъ, Объ Угорск. нар. см. карту), по большей части финскіе ученые, помѣщаютъ ее близъ береговъ Бѣлаго Моря въ Лапландіи. Послѣднее мнѣніе правдоподобно.

3) Здѣсь разумѣется сѣверное сіяніе.

4) Крейцвальдъ признаетъ за Исландію, о которой Эсты могли слышать отъ Норманновъ и другихъ моряковъ.

СЕМНАДЦАТАЯ ПѢСНЬ.

Война въ Виронiи — 291; приключенія предъ адской пещерой — 754; дочери матери муравы.

Вѣкъ богатый счастіемъ
Процвѣталъ въ Эстоніи,
Мирная колыбель качала
Ласково дѣтей (ея)
Въ лонѣ нѣжномъ материнскомъ
Безъ помѣхи семь годовъ,
Безъ прерыва семь зимъ.
Мудрый градостроитель Олевъ
Замки крѣпкіе построилъ,
Размѣстилъ гдѣ нужно рвы,
На углахъ поставилъ башни;
Городъ радости построилъ
На могилѣ Калева,
Въ украшеніе отцу,
Въ память нѣжной матушки.
Видно было, какъ народы,
Многочисленныя семьи
Въ мѣсто крѣпкое стекались,
И какъ курицы отъ ястреба
Подъ защиту укрывались
Изъ-подъ взоровъ бранной смерти,
Подъ угрозами несчастья.
Сынъ Калева драгоцѣнный,
Людъ собравшійся осмотря,
Кликнулъ: „городъ долженъ Линданиза
Въ память матери назваться:
Мѣсто вѣдь дѣтей же кормитъ,
Вдоволь, какъ и грудью мать.“

Алевида сынъ любезный
Городокъ [1]) другой заставилъ
Основать въ землѣ Гарріи,
Средь болотъ его поставить,
Въ темномъ борѣ на полянѣ;
Сынъ Сулева, соплеменникъ,
Основалъ и въ Алутагѣ
Мѣсто третіе твердыни [2])
Для защиты противъ брани.

Продолжительный вѣкъ мира,
Время процвѣтанья счастья
Брань стремилася нарушить,
Телѣга распри — уничтожить.
Къ брегу Виру приплывали
Сотни ратниковъ (удалыхъ),
Тысячи убійцъ отважныхъ,

Изнурителей какъ тучи,
Вѣтры ихъ несли изъ дали,
Прикатили водны токи.

Съ быстрой вѣстью скороходы
Лѣтомъ мчались въ Линданизу,
Чтобъ царя оповѣстить,
Что война ужъ наступаетъ,
Телѣга брани разъѣзжаетъ:
„Убивать иди ты, мощный,
Разгонять врага, могучій!“

Сынъ Калева вмигъ вскочилъ
На сѣдло коня ретиваго,
Вихремъ вѣтра онъ понесся
Быстро ко предѣламъ Виру
Потушить тревогу брани,
Успокоить гнѣвъ вражды.
*Взялъ и баловней побѣдъ,
Оруженосцами крѣпчайшихъ;
Пятьдесятъ изъ Вироніи,
Шестьдесятъ изъ Куресара,
Семьдесятъ изъ Суоміи,
Сто еще изъ островитянъ.
Конь Калева драгоцѣнный
Громко во деньгахъ бренчалъ,
Въ золотой красѣ звенѣлъ;
Недоуздокъ изъ сребра,
На уздѣ удила златы.
Поясъ талеровъ за хвостомъ.
Цѣпь кручена вокругъ тѣла.
Мечъ о воинѣ извѣщалъ,
О могучемъ — железны шпоры,
Золотой щитъ — о царѣ,

Кто могучаго мужа сына
Видѣлъ ѣдущимъ на брань,
Топчущимъ враждебный путь,
Долженъ высказать взаправду:
„Парень сей далеко виденъ,
Много стоитъ сей герой!
Конь подъ нимъ изъ серебра,
Царь на немъ изъ золота.
Въ море огнь герой подуетъ,
Пламя на волны пошлетъ,
Полымя въ сугробы снѣга.
Въ крыльяхъ вѣтра домъ поставитъ,
Теремъ въ радугѣ (устроитъ),
По краямъ у тучъ — стропила,
Ложа — въ града облакахъ!
Самъ на солнышкѣ возсядетъ,
Въ лунный горбъ упретъ затылокъ,
Бокъ другой супротивъ звѣздъ;
Ахнетъ-(явится) конь во вѣтрѣ,
Срубитъ изъ травы копыта.
Всунетъ очи изъ ландыша.
Уши тростниковы вставитъ.
Гдѣ коня онъ шевельнетъ,
Городъ тамъ онъ порождаетъ:
Гдѣ коня онъ повернетъ,
Тамъ вздымаются холмы;
Гдѣ коня онъ позабавитъ,
Тамъ онъ гору оставляетъ,
Выростаетъ возвышенье.
Ѣдетъ Финскимъ онъ мостомъ,
Съ трескомъ по пути изъ денегъ:
Полъ изъ Гарріи плитъ гудитъ,
Лишь трясется Виру путь.
Конь подъ нимъ подобно печкѣ,
Какъ звѣзда подъ нимъ жеребецъ.
Самъ на немъ какъ солнышко,
Свѣтозарнымъ платьемъ убранъ,
Шляпа златоцвѣтная,
Цвѣта солнышка тесемки,
Поясъ изъ сребра пластинокъ,
Изо злата на немъ шпоры:
Гдѣ онъ ступитъ — небо блещетъ,
Гдѣ онь ходитъ — небо дрогнетъ.
Всѣ болота во красѣ,
Всѣ равнины во цвѣтахъ:
Соловей съ черемхи свищетъ,
Въ дальнемъ ельникѣ кукушка,
Дроздъ въ кустарникѣ густомъ,
Птицы пѣвчія въ ольховникѣ.
Любовалися Виронки,
Дѣвы Гервы, щуря глазъ,
Дѣвы Війка разрыдались,
Воздыхали Гарріи милыя:
Еслибъ нашъ былъ сей герой,
Драгоцѣнный нашъ супругъ,
Намъ достался-бъ сей женихъ:
Пищи въ лѣто не приняли бъ,

Цѣлый годъ безъ крошки хлѣба,
Цѣлую зиму безъ крупинки:
Выкормили бы свининой,
Выростилъ яйцомъ куринымъ,
Угощали бъ хлѣбомъ съ масломъ,
Спать въ подушки уложилъ бъ,
Въ ложе шелковое дремать,
Въ бархатное отдыхать".

Сынъ Калева драгоцѣнный,
Боевой свой путь свершая,
На муравѣ слѣдъ оставилъ,
На скалахъ копытъ примѣты:
Былъ бы разумъ у муравы,
У каменьевъ язычекъ,
Рѣчи даръ у плитняка,
У обломковъ скалъ слова:
Не одинъ десятокъ мѣстъ,
Много тысячъ очевидцевъ
Разсѣвали бы извѣстья,
Разглашали бы сказанья
О пути Калева сына,
Объ его поѣздкѣ въ бой.*

На широкихъ нивахъ Виру
Ратники толпой стояли,
Кровожадные бойцы
Стаей, какъ пчелиный рой,
Муравьевъ гнѣздо большое;
Грѣяся подъ свѣтомъ солнца,
Шли путемъ инымъ другіе,
Шли вокругъ опустошать.
По селеньямъ людъ губить,
Наши семьи изнурять,
Кладъ народа расхищать
И сильнѣйшихъ умерщвлять.
* Въ бой помчался сынъ Сулева,
Въ битву несся сынъ Алева,
Устремился на край рати,
На концѣ сталъ сынъ Олева.
Сынъ Калева, мощный мужъ,
Ѣхалъ на конѣ верхомъ,
Ѣхалъ вскачъ до центра рати.
Въ мѣста брани поплотнѣй,
Разогналъ коня онъ скокомъ,
Караго заставилъ прыгать
По шеямъ бойцовъ сильнѣйшихъ;
Мечъ умѣлъ при бушеваніи
Позабавить какъ разбойникъ,
Острое желѣзо метая,
Смерти наложить клеймо.
Между ратниковъ кружась,
Сыпалъ Калевъ мужей главы,
Какъ бы листья въ ольховникѣ,
Какъ увядшихъ въ березнякѣ.
Члены раздроблялъ онъ въ прахъ,
Сотнями ножныхъ костей.
По возамъ ручныя кости,
Тысячи позвонковъ шейныхъ,
Десять тысячъ также реберъ.
Мертвые поле грудой стлали,
Трупы въ кучахъ по холмамъ,
Въ гору возрасли мѣстами
Груды мертвыхъ на моху;
Въ Ассамалѣ[3]) поостыли
Десять тысячъ мертвецовъ.

Конь Калева драгоцѣнный
Плылъ въ потокѣ ратной крови,
По желудокъ межъ костями.
Рукъ отъ тѣла отсѣченныхъ
Какъ валежнику валялось,
Пальцевъ ратниковъ имѣлось
Какъ осоки на болотѣ,
Стебельковъ на полѣ жатвы. *

Изо всѣхъ героевъ брани
Ни одинъ живымъ не спасся бъ,
Мукъ не смогъ бы избѣжать,
Еслибъ узы злополучны
Не смутили Калевида,
Смерти путь не преградили;
Какъ на верховомъ несясь,
Быстролетно вихремъ мчась,
Домогался онъ бѣгущихъ,
Въ мѣсто скрытое идущихъ,
Мощной дланію сразить,
Прыгалъ конь его скача
Съ горы на гору, съ холма на холмъ,
Простирая ноги въ даль,
Межъ горами повалился,

Палъ во тайную трясину
Конь Калева драгоцѣнный,
Брюхо разсѣклось о кочки.
Ноги остались въ болотѣ,
Въ тинѣ копыта исчезли.

Сынъ могучій Калевида,
Гибель коня сожалѣя,
Такъ въ досадѣ возгласилъ:
* „Обратись, я заклинаю,
Обратись ты во болото,
Превратись въ трясину зыбкую,
Стань ты влажной тиною,
Сдѣлайся болотной гнилью,
Влагой для паршивыхъ лягушекъ,
Пищей ядовитыхъ змѣй.“ *

Сынъ могучій Калевида
Коль не могъ такъ припереть
Бѣгствомъ спасшихся бойцовъ,
Съ поля битвы братьевъ созвалъ,
Съ нивы смерти товарищей:
„Други, съ битвы приходите,
Удалые, съ поля крови!“
Отдыхъ членамъ своимъ дадимъ,
Туловища закалимъ.
Вороны по цѣлымъ стаямъ,
Волки изъ лѣсу толпой
Обоняли брани кровь,
Часть свою искать пришли,
Получать добычу смерти.
* Тутъ добычу брани мужи,
Вражескія сокровища
Межъ собою подѣлили:
Большая награда вождю,
Кладъ дороже старшинѣ,
Дали золото царю,
Высшимъ сребряныя деньги,
Деньги мѣдныя слабѣйшимъ,
Пфенниги достались парнямъ.

Сынъ могучій Калевида
Слово звонкое сложилъ,
Какъ ему повѣдалъ воронъ,
Вѣщая птица извѣстила:
„Удальцы, друзья, примите
Изъ сегодняшняго боя,
Бушеванія меча
Знаменье для дней грядущихъ.
Пусть какъ муры будутъ мужи,
Пусть стоятъ стѣной желѣзной,
Башней кованой изъ стали;
Храбро да стоятъ во схваткахъ,
Крѣпкими какъ лѣсъ дубовый,
Твердыми какъ скалъ обломки,
Супротивъ напора рати.
Станетъ подсѣкать топоръ,
Станетъ врагъ захватывать,
Нѣтъ нужды бояться брани,
Грабежа чужихъ страшиться,
Искушеній болѣ злѣйшихъ.
Пусть невѣстой земля наша,
Будетъ воли наслѣдницей,
Пусть сильнѣйшій будетъ царемъ,
Мощный — другихъ старшиной,
Власть да будетъ въ волѣ одного,
Царство за однимъ да будетъ:
Иначе при многихъ умахъ
Распри по пусту возникнутъ.“ *

Тутъ онъ ратниковъ понудилъ,
Избранную толпу бойцовъ
Отправляться въ домъ родной,
Вѣсть побѣды понести,
По селеньямъ объявить.
Самъ съ друзьями зашагалъ,
Со ровнями дорогими,
Чрезъ широкую поляну
И по мшистому болоту.

Лишь закатывалось солнце,
Витязей сыны поспѣли
Ко широкому ко бору,
Гдѣ доселѣ не ходили,
Ни прокладывали тропъ.

Сынъ могучій Калевида
Вмигъ дорогу проводить,
Пролагать инымъ тропу.
Гдѣ они шли вчетверомъ
Чрезъ широкій (темный) боръ,
Тамъ просѣка появлялась,
Тамъ прогалина осталась.

Какъ прошли они подальше,
Восходилъ имъ дымъ въ глаза,
Что подобно дыму китусовъ,
Дыму угольни въ лѣсу,
Восходящій въ поднебесье.
Ближе къ мѣсту подступали,
Искры отъ огня вздымались,
Пламя вилось надъ верхами,
Позлащало шапки елей,
Обагряло (верхи) сосенъ.
Мужи мощные торопили
Скорые шаги на дымъ,
Путешествіе къ огню:
У пещеры во оврагѣ
Длиннохвостаго гнѣздо.
Не было въ гнѣздѣ сыновъ,
Пестрой матушки щенятъ.

Ктожъ сидѣлъ тамъ у пещеры,
Домъ у сѣраго храня?
Морщеватая старуха
Сиднемъ яму охраняла,
Разводя котлу огонь,
Сверху пѣночку снимая
Уполовникомъ вкушая,
Какъ ей варево по нраву.

Алевида милый сынъ
Сталъ допытываться дѣла,
Повариху вопрошать:
„Что ты варишь, дорогая?
Что въ горшкѣ твоемъ пучится,
Цѣнное въ котлѣ бурлитъ?“

Старушенка, отвѣчая,
Милой рѣчью отозвалась:
„Я варю желудкамъ тощимъ
Скудную жидкую похлебку,
Кипячу кочни капусты,
Сыновьямъ своимъ мягчу,
Парю пищу для себя.“

Сынъ Сулева возгласилъ:
„Понадбавь и для чужихъ,
Приложи и нашу долю
Для излишка въ котелъ съ супомъ;
Въ путь далекій мы ходили,
Трудъ тяжелый понесли,
Тощимъ вытерпѣли брюхомъ
Зуба голода щемленье.
Спать ты, баба, отправляйся,
Отдохни ты подъ кустомъ;
Мы и сами чередой
Съ варевомъ котелъ присмотримъ,
Пораздуемъ огонекъ
Въ яркое пламя подъ котломъ,
Наберемъ сухихъ мы сучьевъ,
Вѣтокъ елей нанесемъ.“

Вмигъ старушка поняла,
Хитру рѣчь имъ повела:
„Если совершу желанья.
Вашу волю я исполню,
Мнѣ вины въ томъ да не будетъ,
Ни дальнѣйшаго укора:
Тотъ виновенъ, кто желалъ,
Кто просилъ, за тѣмъ укоръ.
Гой вы, гости дорогіе,
Будьте, бодры молодцы!
Можетъ вѣдь незванный гость,
Мальчуганъ неприглашенный,
Путь свершая, сюда случайно
Варево придти отвѣдать,
Влагу изъ котла вкушать.
Бодрымъ взоромъ, молодцы,
Поглядите, чтобъ воръ чужой
Не обчистилъ бы горшка,
Дно котла не обсушилъ;
Не то вы должны, парнишки,
Потерпѣть пустымъ желудкомъ.“

Мужи сильные втроемъ
Обѣщали для забавы
Чередой котелъ хранить,
Бодрымъ взоромъ сторожить.
Сынъ дражайшій Калевида,
Похитрѣе своихъ тесокъ,
Не заикнулся и словомъ,
Ни добавилъ обѣщанья.

Морщеватая старуха
Тотчасъ влѣзла во кусты,
Въ волчье ложе подремать.

Сынъ могучій Калевида
Тѣло къ пламени повернулъ
Потянуться въ утомленіи,
Жилы спины выпрямлять.
Сынъ Сулева, соплеменникъ,
Бокомъ на землю спустился
Въ сѣнь кустарника подрыхать.
Сынъ Олева, славный мастеръ,
Башни высшей устроитель,
На земь брюхомъ опустился,
Кости таза выгибая.

Алевида милый сынъ,
Череду свою принявъ,
Бодро при огнѣ сидѣлъ,
Вѣкъ своихъ не опускалъ,
Раздувалъ огонь въ кострѣ,
Въ кучу головни слагалъ.
Больше хворосту сбиралъ
Для излишка на огонь.

Время малое спустя,
Въ три волокна засучили
Пряжу сна въ ольховникѣ:
Морщеватая старуха
Пряла четвертое волокно
Въ добавленіе ко пряжѣ.
Сынъ Алева лишь одинъ
Зорько у огня сидѣлъ.
Бодрымъ взоромъ сторожилъ.
Помахая головни,
Раздувая ихъ въ огонь.
Изъ муравы сокровенной
Боязливо выступалъ
Потаенными шагами
Мальчикъ быку по колѣно;
Пяди три онъ вышиною.
Колокольчикъ златъ на шеѣ,
Позади ушей рожки,
Подъ щекой брада козла.

Мальчикъ быку по колѣно
Ближе ко огню подпрыгнулъ,
Въ стройну рѣчь слова сложилъ,
Просьбу такъ онъ выражалъ:
„Разрѣши мнѣ, милый братецъ,
Супу жидкаго отвѣдать,
Варева вкусить капусты.“

Сынъ Алева тотчасъ понялъ,
Издѣвательски сказалъ:
„Еслибъ, бѣдный, ты не палъ,
Мухой въ ложкѣ не тонулъ,
Я бъ исполнилъ пожеланье,
Разрѣшилъ бъ тебѣ похлебку.“

Мальчикъ быку по колѣно
Тотчасъ понялъ, отвѣчалъ:
„Я хлебну лишь съ котла края
И безъ ложки курину долю,
Если ласково позволишь.“
И легонько онъ вскочилъ
Гопъ на самый край котла,
Чтобы супу похлебать.
Тутъ-то парень въ высь тянулся,
Мальчуганъ сталъ выростать,
Въ высоту ели поднялся,
Выросталъ до облаковъ,
Семьдесятъ сажень тянулся,
Росъ еще сверхъ пару пядей,
Какъ роса потомъ исчезъ
При сіяніи солнышка
Синимъ дымомъ изъ подъ глазъ.

Алевида милый сынъ
Тотчасъ заглянулъ въ горшокъ:
Былъ горшокъ какъ бы омытъ,
Былъ котелъ какъ бы очищенъ.

Сынъ любезный Алевида
Воду наносилъ въ котелъ,
Кочни, чтобъ горшокъ наполнить,
Чтобъ другихъ хоть позабавить.
Разбудилъ онъ Олевида
Съ варевомъ котелъ блюсти,
Самъ подъ кустики полѣзъ
Растянуться въ утомленьи.

Время малое спустя
Въ три волокна засучили
Пряжу сна въ ольховникѣ;
Морщеватая старуха
Пряла четвертое волокно
Въ дополненіе ко пряжѣ.

Сынъ Олева лишь одинъ
Зорько у огня сидѣлъ,
Бодрымъ взоромъ сторожилъ,
Помахая головнями,
Раздувая ихъ въ огонь.

Изъ муравы сокровенной
Боязливо выступалъ
Потаенными шагами
Мальчикъ быку по колѣно:
Пяди три онъ вышиною,
Колокольчикъ златъ на шеѣ,
Позади ушей рожки,
Подъ щекой брада козла.

Мальчикъ быку по колѣно
Ближе ко огню подпрыгнулъ,
Въ стройну рѣчь слова сложилъ,
Просьбу такъ онъ выражалъ:
„Разрѣши мнѣ, милый братецъ,
Супу жидкаго отвѣдать,
Варева вкусить капусты.“

Сынъ Олева тотчасъ понялъ,
Издѣвательски сказалъ:
„Коль сломать не боишься шеи,
Какъ комаръ, чрезъ ложки край
Повалиться во оврагъ,
То исполнилъ бы желанье,
Разрѣшилъ бъ тебѣ похлѣбку.“

Мальчикъ быку по колѣно
Тотчасъ понялъ, отвѣчалъ:
„Я хлебну лишь съ котла края,
Долю пѣтуха безъ ложки,
Если ласково позволишь.“
Тутъ легонько онъ вскочилъ
Гопъ на самый край котла,
Чтобы супу похлебать.
Тутъ то парень въ высь тянулся,
Мальчуганъ сталъ выростать,
Въ высоту ели поднялся,
Выросталъ до облаковъ.
Семьдесятъ сажень тянулся,
Росъ еще сверхъ пару пядей,
Какъ роса потомъ исчезъ
При сіяніи солнышка,
Синимъ дымомъ изъ подъ глазъ.

Сынъ Олева домостроитель,
Тотчасъ поглядѣлъ въ горшокъ:
Былъ горшокъ какъ бы омытъ,
Былъ котелъ какъ бы очищенъ.

Сынъ Олева домостроитель
Воду наносилъ въ котелъ,
Кочни, чтобы горшокъ наполнить,
Шутку ту другимъ оставилъ.
Разбудилъ онъ Сулевида
Съ варевомъ котелъ блюсти;
Самъ подъ кустики полѣзъ
Растянуться въ утомленіи.

Время малое спустя
Въ три волокна засучили
Пряжу сна въ ольховникѣ;
Морщеватая старуха
Пряла четвертое волокно
Въ дополненіе ко пряжѣ.
Сынъ Сулева лишь одинъ
Зорько у огня сидѣлъ,
Бодрымъ взоромъ сторожилъ,
Помахая головни,
Раздувая ихъ въ огонь.

Изъ муравы сокровенной
Боязливо выступалъ
Потаенными шагами
Мальчикъ быку по колѣно:
Пяди три онъ вышиною,
Колокольчикъ златъ на шеѣ,
Позади ушей рожки,
Подъ щекой брада козла.

Мальчикъ быку по колѣно
Ближе ко огню подпрыгнулъ,
Въ стройну рѣчь слова сложилъ,
Просьбу такъ онъ выражалъ:
„Разрѣши мнѣ, милый братецъ,
Супу жидкаго отвѣдать,
Варева вкусить капусты.“

Сынъ Сулева просьбу понялъ,
Издѣвательски сказалъ:
„Если бъ, парень, на дно ложки
Не упалъ бы въ волны супа,

То исполнилъ бы желаніе,
Разрѣшилъ бъ тебѣ похлебку.“

Мальчикъ быку по колѣно
Тотчасъ понялъ, отвѣчалъ:
„Я хлебну лишь съ котла края
Долю кошки и безъ ложки,
Если ласково позволишь.“
Тутъ легонько онъ вскочилъ
Гопъ на самый край котла,
Чтобы супу похлебать.
Тутъ то парень въ высь тянулся,
Мальчуганъ сталъ выростать,
Въ высоту ели поднялся,
Выросталъ до облаковъ;
Семьдесятъ сажень тянулся,
Росъ еще сверхъ пару пядей,
Какъ роса потомъ исчезъ
При сіяніи солнышка,
Синимъ дымомъ изъ подъ глазъ.

Сынъ Сулева удалой
Тотчасъ заглянулъ въ горшокъ:
Былъ горшокъ какъ бы омытъ,
Былъ котелъ какъ бы очищенъ.

Сынъ Сулева, соплеменникъ,
Воду наносилъ въ котелъ,
Кочни, чтобъ горшокъ наполнить,
Шутку ту другимъ оставилъ.
Разбудилъ онъ Калевида
Съ варевомъ котелъ блюсти;
Самъ подъ кустики забрался
Растянуться въ утомленіи.

Время малое спустя
Въ три волокна засучили
Пряжу сна въ ольховникѣ;
Морщеватая старуха
Пряла четвертое волокно
Въ дополненіе ко пряжѣ.
Сынъ Калева одиноко
Зорько у огня сидѣлъ,
Бодрымъ взоромъ сторожилъ;
На земь сосны онъ ломалъ,
На земь дубы повергалъ,
На земь ели онъ валилъ,
Подъ котелъ дрова ложилъ,
Раздувая ихъ въ огонь.

Изъ муравы сокровенной
Боязливо выступалъ
Потаенными шагами
Мальчикъ быку по колѣно:
Пяди три онъ вышиною,
Колокольчикъ златъ на шеѣ,
Позади ушей рожки,
Подъ щекой брада козла.

Мальчикъ быку по колѣно
Ближе ко огню подпрыгнулъ,
Въ стройну рѣчь слова сложилъ:
Просьбу такъ онъ выражалъ:
„Разрѣши мнѣ, милый братецъ,
Супу жидкаго отвѣдать,
Варева вкусить капусты.“

Калевида хитрый сынъ
Тотчасъ понялъ, отвѣчалъ:
„Что же ты мнѣ, человѣчекъ,
Подъ залогъ оставить можешь,
Мнѣ въ подарокъ обѣщать,
Коль исполню я желаніе,
Разрѣшу тебѣ похлебку?
Дай въ залогъ игрушку дѣтскую —
Колокольчикъ златъ мнѣ съ шеи?
Не то—проснутся наши мужи,
Пробудится старушенка,
Прежде чѣмъ супъ на столѣ
И капуста въ чашкахъ будетъ.“

Мальчикъ быку по колѣно
Сладкой рѣчью умолять:
„Сынъ героя дорогой!
Не бери ты у малютки
Колокольчика златаго!
Предъ зарей изъ дому идя,
Тайно баба навязала,
Такъ что дѣдушка не вѣдалъ,
И братушки не видали,
Колокольчикъ златъ на шею,
Чтобъ, коль бѣдный на чужбинѣ
Сынъ заблудится въ кустахъ,
Колокольчикъ извѣщалъ,
Ищущему далъ бы знать,
По слѣдамъ — гонцу примѣту.“

Сынъ Калева драгоцѣнный
Отвѣчалъ ему хитро:

„Лишь пока ты здѣсь похлебку,
Парень будешь пробовать,
Дай въ залогъ мнѣ колокольчикъ,
Чтобъ, коль брюхо ты насытишь,
Въ путь не шелъ ты безъ спасиба;
Послѣ вновь залогъ надѣну,
Навяжу тебѣ на шею,
Коимъ бабушка на путь
Прелюбезно убрала.“

Мальчикъ быку по колѣно
Колокольчикъ отвязалъ,
Далъ чудесную вещицу
Сыну Калева въ залогъ.

Сынъ могучій Калевида,
Получивъ сей колокольчикъ,
Протянулъ тутъ палецъ свой
Хрясть на маленькую бровь,
По лбу далъ ему щелчокъ.

Трахъ-трахъ, съ трескомъ,
Какъ бы Кыо ударялъ,
Малый парень погрузился
Съ громкимъ шумомъ подъ мураву;
Ни дороги, ни примѣтъ
По слѣдамъ его не стало,
Синій тамъ лишь дымъ явился,
Гдѣ малешенькій исчезъ.

Мужи сильные втроемъ
Пробудились у огня,
Просыпалась старушенка,
Поглядѣть на странно дѣло;
Посмотрѣть тотчасъ пришли,
Что случилось не въ порядкѣ.
Старушенка поглядѣла,
Тотчасъ поняла загадку,
Не въ порядкѣ что случилось.
Колокольчикъ вдругъ узнала,
Тайное орудье Рогатаго,
Что и силу умножаетъ,
Крѣпость мужу порождаетъ.

Морщеватая старуха
Стройну пѣсню затянула,
Такъ слова ея раздались:
*„Прежде юна я была,
Легку пяту подымала,
Пяту высоко вздымала,
Сто разъ ѣздила на свадьбы,
Тысячу—путями плясокъ,
Прыгала я стройной ножкой,
Ногу легкую вращала.
Разгорались взоры парней
На румянецъ щекъ моихъ,
На миганье черныхъ глазъ
И на синеватый шелкъ,
Красноватыя тесемки.
Руку Калевъ предложилъ,
Сулевъ цѣловать хотѣлъ,
Вмигъ ударила я Калева,
Сразу Сулева ударила.
Если прежде шеи не сломала
Кости рукъ не вытянула,
Не свихнула себѣ бедеръ,
Не свернула пяты ногъ,
Какъ яйцо не разобьюсь,
Шею не сверну какъ курочка,
Легкій дѣлая прыжокъ.“ *
Пѣсеньку такъ распѣвая,
Соскочила старушенка
Съ высоты въ оврагъ глубокій,
Тамъ, гдѣ въ синеватый дымъ
Трехпяденный повалился,
Прежде дитятко упало.

Тутъ питомцы богатырскіе,
Пляскѣ бабушки дивясь,
Вчетверомъ расхохотались.

Межъ ѣдой они вѣщали,
Какъ у нихъ пошли дѣла
Въ пору стражи чередной,
Какъ сей малый удалецъ
Варева котелъ очистилъ,
А затѣмъ тянулся парень,
Мальчикъ этотъ вырасталъ
Вмигъ почти до облаковъ.

Сынъ Калева рѣчь повелъ:
„Ляжемъ, братцы, до зари
На немного отдохнуть,
Тѣло наше подкрѣплять.
Какъ я спину порасправлю,
Кости плечъ поразомну,
Путь другой тогда начну
Утромъ, если счастье дастъ.

Вы жъ идите во свояси,
Братцы, по домамъ ступайте,
Позабавить женъ своихъ,
Дѣтокъ малыхъ баловать.“
Тутъ герои растянулись
У костра поотдохнуть,
Въ кости пищу пропускать.

---

*Подошла родня другая,
Гости новые смотрѣть:
Дочки матушки муравы
По росѣ слегка прыгнули
На мураву поиграть.
„Ой, мы нѣжныя сестрицы
Будемъ весело качаться,
На стебелькахъ полевицы,
На стволѣ цвѣта таволги
И на донышкѣ вьюнка. [4])
Ужъ пропѣли пѣтухи,
Прокричали зари куры
На игрищахъ дѣдушки,
На вѣтвяхъ у дуба Тары.

Кто же спитъ тамъ на муравѣ?
Тамъ четыре мужа спятъ.

Нѣжныя, братьевъ нарядимъ,
Краснощекихъ мальчугановъ,
Имъ совьемъ туманны шапки,
Изъ волокнъ росы кафтаны.

Ой, мы нѣжныя сестрицы,
Будемъ сны имъ вышивать
И видѣнья вызывать;
Образъ предъ зарей соткемъ,
Вышьемъ радости узоры
Въ головѣ Калева сына.
Часть правдиваго узора,
Лжи узоры посрединѣ,
На краяхъ узоръ обмана.
Пусть у спящаго героя
Процвѣтаетъ время счастья,
Пусть злату кукушку слышитъ,
Голосъ птицы серебристый.

Аль печаль поетъ кукушка,
Иташка сѣтованія кличетъ?
Пусть печаль на ели будетъ,
Сѣтованія на ольхѣ.
Сынъ героя дорогой,
Коль отправишься ты въ путь,
Ѣздить станешь путемъ смерти,
Лошадь въ бусы наряди,
Въ деньги (убери) коня,
На главу златъ недоуздокъ,
Пряжки серебра надѣнь,
Ленты шелковыя надѣнь,
Въ шелкъ глаза коня свяжи,
Въ серебро его копыта,
Гриву въ красную тесьму,
Челку въ талеры (укрой),
Бархатомъ хвостъ оберни.

Сынъ Калева, мальчуганъ,
Хочешь на небо пойти,
Звѣздъ ты тамъ не задѣвай,
Не споткнись ты о луну,
Не касайся солнышка;
Солнце оставляй свѣтить,
Мѣсяцъ отблескъ отражать,
Звѣзды путь указывать.

Сынъ Калева, мальчуганъ,
Хочешь въ адъ ты отправляться,
Двери ада не ломай,
Адскихъ вратъ не потрясай;
Стѣны ада пусть стоятъ,
Нерушимы будутъ двери,
Не колеблены ворота,
Пусть стоятъ на мѣстѣ стѣны.

На войну когда поѣдешь
И на брань ты понесешься,
Слабыхъ не губи людей,
Не касайся мальчугановъ,
Не вали отцовъ дѣтей:
Сѣтовать не будутъ вдовы,
Очи дѣвъ не прослезятся,
У сиротъ не будетъ горя.“
Въ ольхѣ птица голосила,
Въ ельникѣ кукушка пѣла,
Дочка лѣшаго въ осинникѣ,
Курица зари кудахтала.
Дочки бабушки муравы
Пиръ веселія кончали,

Вмигъ вскочили съ стебельковъ,
И со ствола таволги,
Съ донышка цвѣтка вьюнка,
Въ страхѣ шли онѣ домой;
Гласъ ужъ бабушка подняла,
Злая ихъ уже звала:
„Дѣвы тонкія, придите,
На работу собирайтесь,
Повязать мои шелки,
Ленты красныя плести;
Пѣтухи Творца пропѣли,
У дверей пропѣли Укко,
На воротахъ дѣдушки.“

„Ой, мы нѣжныя сестрицы,
Поспѣшимъ быстрѣй домой,
Конченъ нашего счастья годъ,
Завершился пиръ веселый!“*

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Разумѣется уже упомянутый выше Иванъ-городъ (Iaapi-Iin) въ Гарріи.

2) Подъ названіемъ Ало-городъ (Alo-Iinn) въ Лугенгузенскомъ приходѣ въ Аллентакенѣ (см. Inland, 1838 p. 583).

3) Деревня эта находится въ помѣстьѣ Боркгольмъ, въ Клейнъ-Маріинскомъ приходѣ въ Вироніи. Разсказываютъ, что при паханіи на поляхъ этой деревни часто находятъ обломки каменныхъ орудій.

4) Kurekatel — Convolvulus arvensis.

ВОСЕМНАДЦАТАЯ ПѢСНЬ.

Приключенія при второмъ путешествіи Калевича въ адъ — 350; борьба со слугами Рогатаго дѣдушки — 397; схватка въ самомъ аду съ воинами Рогатаго.

Злая птица, сѣверный орелъ,
Крылья одолжи пѣвцу,
Словъ слагателю размахи
Въ облегченіе для арфы!
Ими я при вихрѣ вѣтра,
Да при бушеваніи бури
Калевида адскій путь,
Сокровенныя стези
Всеправдиво воспою;
Прежде чѣмъ картины мысли,
Словъ услышанныхъ творенья
Погрузятся въ тучи мглы,
Въ лонѣ тѣней расплывутся.

Ванемуйне, мудрый пѣвецъ!
Прядь златую намотай,
Серебристыя основы
На катушки для пѣвца,
На клубки для вѣстника;
Чѣмъ слова я, забавляясь,
Въ шелкъ гладчайшій свяжу,
Въ златоцвѣтну тканъ сотку!
Дѣва Эндлы, тоненькая,
Нынѣ одолжи пѣвцу
Освѣщающую сѣть,
Проясняющій платокъ,
Чтобы ада вспоминанья
Показалися красивѣй,
Пробудилися живѣй [1]).

Тучи ночи застилаютъ
Въ сѣть тумана поля свѣта,

Лишь ты ногу въ нижній міръ,
Занесешь въ предѣлы ада,
Гдѣ днемъ солнце не сіяетъ,
Ночью мѣсяцъ не мерцаетъ,
Не является звѣзда,
Всполохи не освѣщаютъ.

Солнце, на зарѣ сіяя,
Окаймляло облака,
Обагряло горизонтъ;
Птицъ языки въ ольховникѣ
Торопилися чиликать,
Пѣснь веселья щебетать;
Въ березникѣ гласила кукушка,
Да въ кустарникѣ насѣдка:
„Встань, встань, удалецъ!“
Калевида сынъ драгой
Съ солнышкомъ главу поднялъ,
Сталъ въ сидячемъ положеніи,
А потомъ вскочилъ на пятки,
Пальцами волосы расчесалъ,
Въ лѣсъ волковъ затѣмъ спугнулъ,
Ложекъ нѣсколько принялъ
Птицъ обмана изъ горшка
Въ подкрѣпленье мощнаго тѣла.

Сотоварищи дремали
Трое сномъ передъ зарей,
Растянувшись въ утомленьи
Отъ трудовъ вечерней стражи.
Сынъ Калева озиралъ,
Дѣло бывшее смотрѣлъ,
Гдѣ звонка носитель ночью
Опустился во бѣдѣ.

Гдѣ вчера со синимъ дымомъ
Мальчугана облака
Видѣлъ къ небу восходящи,
Синю воду нынѣ узрѣлъ,
Широчайшіе потоки,
На полянѣ распростерты,
Видѣлъ на брегу камышъ,
Тутъ же подлѣ водъ осоку.
Сынъ Калева говоритъ:
„Мѣсто я нежданно вижу,
Проберусь въ предѣлы ада,
Гдѣ мудрецъ умѣлъ мнѣ путь
Въ нижній міръ растолковать.“

Топнулъ правой онъ ногой,
Съ трескомъ тяжкою пятой:
Тутъ-то двери глубины,
Сокровенныя ворота
Растворилися настежъ.

Сынъ могучій Калевида
Съ края щели прозиралъ
Въ глубь пещеры во оврагъ:
Не найти-ли гдѣ нибудь
Проходной тропы для ногъ?
Тучи темныя омрачали
Дымомъ глаза прозиранье
Въ пасть пещеры преужасной,
Жгучій паръ со дна вздымался,
Дымъ и копоть въ глазъ героя,
Что нагнувшись подвигался
По дорогѣ стараго парня.

Сынъ могучій Калевида,
Раздувая дымъ отъ глазъ,
Молвилъ такъ въ негодованіи:
„Ого, ого! ты, закоптѣлый.
Не желаешь-ли, бродяга,
Дымомъ очи ослѣпить?“
Воронъ пѣлъ съ верхушки ели,
Птица вѣщая сказала:
„Позвони ты въ колокольчикъ,
Возвѣсти златой языкъ!“

Сынъ могучій Калевида
Понялъ ворона велѣнье,
Указанье вѣщей птицы;
Въ руки колокольчикъ взялъ,
Тотчасъ началъ имъ звонить.
Кто чудесное явленіе
Позабавнѣй прежде видѣлъ?
Звукъ звоночка золотаго
Тучи дыма поразсѣялъ,
Вмигъ заставилъ разступиться.
И скорѣй чѣмъ мгла густая,
Солнышко лишь засіяетъ,
Разступается широко,
Дымъ Рогатаго истаялъ,
Сынъ могучій Калевида
Ноги понестись заставилъ,
Путь тяжелый совершать;
Подъ шагами великана

Быстро мчалось разстоянье;
Время малое свѣтъ виднѣлся
Отъ сіяющаго солнца
Въ глубь пещеры во оврагѣ.
Послѣ жъ мракъ густой покрылъ.
Ночи власть окутала
Калевида сына путь,
Гдѣ былъ долженъ ощупью —
Съ помощью пальцевъ подвигаться.
Занимается-ль заря,
Начинается-ли полдень,
Или скучная ночи мгла
Днями цѣлыми здѣсь длится,
Зритель получить не могъ
Признака правдиваго.
Тутъ мышенокъ завопилъ,
Изо мглы заговорилъ:
„Позвони ты въ колокольчикъ,
Возвѣсти златой языкъ!“
Сынъ могучій Калевида,
Внявъ, исполнилъ повелѣнье:
Въ руки колокольчикъ взялъ,
Тотчасъ началъ имъ звонить.
Кто чудесное явленіе
Позабавнѣй прежде видѣлъ?
Звукъ звоночка золотаго
Мракъ совсѣмъ поразогналъ;
Какъ кафтанъ ночнаго мрака,
Пелена широкой тѣни,
Лишь занялся новый день,
Скоротечно исчезаетъ,
(Такъ) исчезла мрака тѣнь.
Сынъ могучій Калевида
Ноги понестись заставилъ,
Путь тяжелый совершать.
Подъ шагами великана
Быстро мчалось разстоянье.
Странный свѣтъ распространялся,
Что ни солнца сіяніе,
Ни мерцаніе луны,
Что въ ольховникъ сѣтованья,
Да и въ блѣдный березнякъ
На прохладѣ ночи льется.
Вотъ и сѣти дивныя,
Какъ бы нити паутины
Что тутъ свиты на пути
Изъ тончайшаго кружева,
Изъ волокнъ серебра
Перевязаны сотни разъ,
Перетканы тысячу разъ.
Калевида сынъ могучій
Сталъ тѣ привязи срывать,
Сѣти (адски) теребить.
Чѣмъ могучѣе герой
Тѣ канатики срывалъ,
Тѣмъ обильнѣе рождались,
Тѣмъ сильнѣе выростали
Тысяча другихъ преградъ,
Десять тысячъ иныхъ препонъ;
Такъ что шагу безъ тѣхъ путъ
Богатырь не могъ пройти.
Мощь готовилась изсякнуть,
Крѣпость уже истощиться.
Сынъ Калева дорогой
Самъ раздумывалъ то дѣло:
„Прежде стѣны повергалъ,
Скалъ холмы я вырывалъ,
Разрывалъ оковы желѣзныя,
Нынѣ ниточекъ не въ силахъ,
Пустяковъ съ пути отбросить.“
Тутъ заквакала и жаба,
Возгласила ему разумно:
„Позвони ты въ колокольчикъ,
Возвѣсти златой языкъ!“
Сынъ могучій Калевида
Внялъ, исполнилъ квакши велѣнье:
Въ руки колокольчикъ взялъ,
Тотчасъ началъ имъ звонить.
Кто чудесное явленье
Позабавнѣй прежде видѣлъ?
Звукъ звоночка золотаго
Эти сѣти уничтожилъ,
Разорвалъ волшебныя нити
Въ мигъ одинъ передъ глазами.
Сынъ могучій Калевида
Ноги понестись заставилъ,
Путь тяжелый совершать;
Подъ шагами великана
Быстро мчалось разстоянье.
Сынъ могучій Калевида

Берега рѣки достигъ,
Что была не широка,
И на глазъ не глубока;
Пару пядей ширина,
Черезъ шагъ достигла бы.
Калевъ не боясь хотѣлъ
Съ берега на брегъ ступить,
Вмигъ хотѣлъ онъ свою ногу
Занести на брегъ другой;
Берегъ былъ подальше шага,
Пальцы въ воду попадали,
Въ тинѣ пята поувязла.

Сынъ могучій Калевида
Сотню разъ шагать пытался,
Тысячу разъ ногу вздымалъ;
Все жъ герой не могъ шагнуть
И на брегъ пяту поставить;
Берегъ хоть — подать рукой,
Всежъ не могъ онъ на бугры,
На мураву выбраться.

Сынъ Калева отдыхалъ,
Такъ съ тобою размышлялъ:
„Прежде я прошелъ чрезъ Пейпусъ
Легче, беремя неся,
Чѣмъ теперь чрезъ водну жилу.“
Началъ ракъ ему гласить,
Мудро говорить изъ тины:
„Позвони ты въ колокольчикъ,
Возвѣсти златой языкъ!“
Сынъ могучій Калевида
Внялъ, свершилъ велѣнье рака:
Въ руки колокольчикъ взялъ,
Тотчасъ началъ имъ звонить.

Кто чудесное явленье
Позабавнѣй прежде видѣлъ?
Звукъ звоночка золотаго
Вынесъ ногу на берегъ,
На сухой песокъ пяту.
Въ мигъ одинъ рѣка исчезла,
Брегъ пропалъ, вода стекла.
Сынъ могучій Калевида
Ноги понестись заставилъ,
Путь тяжелый совершать.
Подъ шагами великана
Быстро мчалось разстоянье;
Шла нога по пути ада,
Шагъ ступалъ во нижнемъ мірѣ.
Время было не измѣримо,
Не было у дня границъ,
Ибо нѣдро глубины
Солнце освѣщать не можетъ
Свѣта не даетъ луна,
Времени звѣзда не кажетъ:
Прибываетъ ли заря,
Или сумерки мерцаютъ.
Лишь обманчивое сіянье,
Ложный свѣточъ (небольшой) —
Равномѣрно продолжаются.

Мгла-ли ткала тутъ кафтанъ,
Облака-ль роса питала,
Дождикъ-ли давалъ здѣсь тѣнь
Сильнаго героя пути?
Мгла не ткала здѣсь кафтана,
Облаковъ роса не питала,
Дождикъ тѣни не содѣялъ
На пути у великана.

Мошекъ цѣлыя семейства,
Стаи малыхъ комаровъ
Путь стремятся заслонить,
Помрачить глаза героя.
Сынъ могучій Калевида
Мошекъ разгоняетъ прочь,
Душитъ тысячи комаровъ,
Пробирается сквозь стаи,
Думая: разъ конецъ настанетъ.
Мужъ ступаетъ все быстрѣй,
Чаще дѣлаетъ шаги;
Чѣмъ быстрѣе ходъ героя,
Тѣмъ густѣй кишатъ рои;
Чѣмъ шаги героя чаще,
Тѣмъ обильнѣй родится сору
Стелютъ стаи ужъ большія
Входъ ушей у Калевида,
Сотни попадаютъ въ глазъ,
Въ ротъ несутся тысячи,
Забиваются и въ ноздри.

Сынъ Калева дорогой
Выбивался, ужъ изъ силъ.
Утомился отъ работы,
Легъ немножко отдохнуть,

Самъ въ умѣ такъ размышляя:
„Смогъ я одолѣть враговъ,
Ада исчадья поразсѣять,
Но гнѣздо сихъ мошекъ малыхъ
Жизнь стремится мнѣ отнять,
Истощить героя силы.“

Стрекоза гласила съ кочки,
Мудро такъ обозначала:
„Позвони ты въ колокольчикъ,
Возвѣсти златой языкъ!“

Сынъ Калева дорогой
Внялъ, исполнилъ повелѣнье,
Въ руки колокольчикъ взялъ,
Тотчасъ началъ имъ звонить.

Кто чудесное явленье
Позабавнѣй прежде видѣлъ?
Звукъ звоночка золотаго
Стаи мошекъ поразсѣялъ,
Истребилъ мурашекъ рои,
Что какъ вѣтромъ разнеслись.

Дорогой сынъ Калевида
Сѣлъ на землю на мураву,
Чтобъ немного отдохнуть,
Мощь усталу подкрѣпить;
Началъ обсуждать дѣла,
Размышлять такъ во умѣ;
Наконецъ главу ломая,
Онъ нашелъ счастливый планъ:
„Пусть хоть что угодно будетъ,
Впереди возникнетъ распря,
Дорогой звонокъ — помощникъ,
Я хочу держать въ рукахъ:
Коли сѣти злополучья,
Или козни искушенья
Вдругъ меня врасплохъ застигнутъ,
Будетъ помощь въ каждый мигъ,
Въ каждый часъ надежная опора.“

Тутъ звонокъ онъ привязалъ
Узелками на мизинецъ,
Принялъ пищи въ подкрѣпленье,
Тощему тѣлу въ закаленье,
Въ кости хлѣба пропускалъ,
На часокъ потомъ взремнувъ.

Сынъ могучій Калевида
Ноги понестись заставилъ,
Путь тяжелый совершать.
Подъ шагами великана
Быстро мчалось разстоянье;
Адскій путь топталъ герой,
Шагъ ступалъ въ подземномъ мірѣ.

Мальчуганы, исчадья ада,
Батраки Рогатаго дѣда,
Ходъ услыша Калевида,
Гулъ шаговъ богатыря,
Тайно шли подстерегать,
Незнакомца подсмотрѣть,
Что нарушить ихъ покой,
Вредъ пытался причинить.

И лишь только Калевида
Издалека усмотрѣли,
Вихремъ вѣтра помчалися,
Какъ бы огнь у нихъ въ карманѣ,
Оводъ у груди кусалъ,
Вѣсть домой ту понести:
„Сынъ Калева, великанъ,
Миръ спѣшитъ сюда нарушить,
Кликъ воинскій породить!“

Дѣдъ Рогатый тотчасъ молвилъ:
„Изъ гонцовъ моихъ пошлите
Посильнѣй живѣе въ путь,
Непріятеля разить,
Сына Калева карать!“

Сынъ могучій Калевида
Ноги понестись заставилъ,
Путь тяжелый совершать;
Подъ шагами великана
Быстро мчалось разстоянье.

Воспѣвалъ пѣтухъ вдали,
Шумъ собачьяго ужъ лая
Слуха Калева коснулся,
Какъ ступалъ онъ въ нижнемъ мірѣ
По невѣдомой тропѣ.

Прежде чѣмъ семейство ада
Взору путника предстало,
Встрѣтилась рѣка широкая,
Гдѣ не водные потоки
Изъ груди ключа струятся,
И не тучи подливаютъ.
Тутъ смола рѣкой катилась,
Живица ручьемъ неслась;

Отъ пылающихъ потоковъ
Чадъ горячій извивался
Синимъ дымомъ во глаза.
Мостъ лежалъ тутъ черезъ рѣку,
Проѣздъ сдѣланный изъ стали,
Полъ поставленъ изъ желѣза,
Сдѣланы столбы изъ стали.
На желѣзныхъ тяжкихъ тропахъ,
На дорогѣ той стальной
Лучшихъ ставили героевъ,
Супостата чтобъ встрѣчать,
Что настойчиво и злобно
Адъ стремится разметать.
Мальчуганы, исчадья ада,
Собиралися толпами
По хозяйскому велѣнью
Въ полѣ брани состязаться.
Средь моста толпа стояла,
За мостомъ другая стала,
Кучка третья — подлѣ брега,
Малость далѣе — четвертая.
Сынъ могучій Калевида,
Ратниковъ едва завидя,
Быстрый ходъ поудержалъ,
Издѣвательски сказалъ:
„Эво, что за стая квакшей
Средь моста расположилась?“
Тутъ шаги онъ участилъ,
Мечъ изъ ноженъ онъ извлекъ;
Шагъ ступилъ и два ступилъ,
Медленно ко мосту идя,
Такъ потомъ слова сложилъ:
“Бѣсенята, въ домъ спѣшите,
Отступите, ада псы!
Прежде чѣмъ хоть разъ я тресну,
На бугры повергну васъ
Клювамъ вороновъ въ терзанье,
Въ пищу добрую волкамъ!“
Парни адскіе въ отвѣтъ:
“Не хвали ты горделиво
Раньше вечера счастье дня!
На зарѣ пѣтухъ поющій
Вечеромъ авось издохнетъ.“
Сынъ могучій Калевида,
Необиженный насмѣшкой,
Шагъ ступилъ и два ступилъ,
Приближаяся къ мосту
Посмотрѣть на ратоборцевъ.
Съ лукомъ ратники у брега
Ужъ натягиваютъ дуги,
Мечутъ стрѣлы на полетъ
Въ вихрѣ вѣтра понестись;
Пращники же посылаютъ
Торопливо свои камни
Сотнями помчаться вдаль,
На чужаго покатиться.
Сына Калева желаютъ
Прочь съ дороги отогнать.
Копьеносцы на концахъ,
На углахъ булавщики,
Съ топорами позади
Устремилися во схватку,
Чтобъ врагу отпоръ давать.
Сынъ могучій Калевида,
Не бояся ратоборцевъ,
Сыновъ ада нападенья,
Какъ желѣзна стѣна стоялъ,
Дубъ огромный на вѣтру,
Какъ скала супротивъ бури.
Лезвеемъ тутъ онъ понудилъ
Острое плясать желѣзо,
Мечъ свой малый поиграть!
Началъ поражать врага,
Искусителей дубасить,
Непріятелей тузить,
Сыновъ ада разносить.
Гдѣ хоть разъ онъ повернулъ,
Острое метнулъ желѣзо,
Тамъ онъ смерть пораждалъ;
Гдѣ ударъ онъ опустилъ,
Дюжина мужей тамъ пало
На муравѣ въ смерти спать;
Гдѣ почаще ударялъ,
Сотни цѣлыя тамъ пали
Въ лоно смерти молодцевъ.
Рати новыя толпы
Заступили ихъ мѣста
Слѣдъ потери позакрыть,
Наполнять мѣста пустыя;
По велѣнью дѣда Рогатаго

Отправлялися парнишки:
Не бѣда для побѣдителя,
Не убытокъ для Калева;
Какъ желѣзная стѣна,
Дубъ огромный на мятели,
Крѣпкая скала на бурѣ
Повстрѣчалъ онъ ратоборцевъ.
Лишь онъ мощною рукою
Мечъ заставилъ поиграть,
Острое плясать желѣзо,
То у смерти ни дремоты,
Некогда остыть и крови.
Гдѣ не было желѣзныхъ бровей,
А равно стальныхъ головъ,
Также шеи изъ пластинокъ,
Тамъ безъ милости бойцы,
Не до отдыха парнямъ.
Парни ада должны были
Гибнуть на мосту желѣзномъ.
Дѣдъ Рогатый нудитъ новыхъ
Выступать на смерти путь,
Отправляться велитъ сильнѣйшимъ
Сына Калева карать,
Непріятеля дубасить.
Мзду онъ парнямъ предлагаетъ,
Побѣдителю цѣну,
Кто ему Калева сына —
Будь онъ живъ
Или умершій —
Только лишь доставитъ.
Лучниковъ тѣхъ что поискуснѣй,
Копьеносцевъ подѣльнѣй
Въ брань понудили толпой
И во схватку снарядили
Калевида задержать.
Мостъ подъ ратію дрожалъ,
Трясся подъ тяжелой ношей,
Такъ какъ сотни тамъ шаговъ,
Тысячи подошвъ ножныхъ
Мостъ желѣзный прижимали,
Нижни балки выгибали.

Сынъ могучій Калевида
Съ помощью звонка златаго
Не теряетъ силъ своихъ,
Не боится сыновъ ада.

Стоя ждетъ ихъ у моста,
На мосту одна пята, а другая на брегу,
Какъ желѣзная стѣна,
Дубъ огромный въ вихрѣ вѣтра,
Крѣпкая скала на бурѣ
Нерушимо противъ волнъ.

Калевида крѣпкая длань
И дѣльнѣйшій въ схваткѣ мечъ
Коситъ на земь непотребныхъ,
Валитъ ихъ какъ полевицу,
Какъ осоку на суглинкѣ,
Какъ камышъ на брегу рѣчномъ,
Цѣлыми валами вянуть.
Мечъ бушуя сокрушаетъ,
Умерщвляетъ сотнями,
Звукъ звоночка золотаго
Низвергаетъ тысячами
Въ лоно смерти подремать;
Какъ поблекшіе тѣ листья
Отъ осенняго вѣянья вѣтра
Опускаются съ верхушекъ,
Разсыпаются съ вѣтвей:
Такъ должны исчадья ада,
Ратники Рогатаго дѣда
Блекнуть всѣ на ложѣ смерти.

Кто же на ногахъ ходилъ,
Тягу тотъ давалъ ногамъ,
Удаляясь во свояси.
Подгоняетъ бѣдой Рогатаго,
Горькая нужда гнететъ,
Заставляетъ штаны дрожать;
Тутъ пытается онъ воиновъ —
Мальчугановъ отступающихъ
Снова вмѣстѣ всѣхъ собрать;
Онъ беретъ опорой старшихъ,
Доблестныхъ оградой крѣпкой
Защищать родной очагъ;
Дѣлаетъ въ пути преграды,
Баррикады на тропинкахъ,
Въ игрища врата бросаетъ
Тяжелѣйшіе обломки;
Полагаетъ глыбы скалъ
Супротивъ воротъ стѣной,
Для проѣзда опорой другіе,

Чтобы Калевида сынъ
Не вломился во дворъ ада.
Лишь онъ путь такъ преградилъ,
Укрѣпилъ мѣста прохода,
То избралъ онъ изъ храбрѣйшихъ
Сто товарищей для брани,
Что сильнѣе чѣмъ медвѣди
Закалились въ банѣ чаръ,
Укрѣпились волшебнымъ вѣникомъ.
Калевида сынъ могучій,
Утомленьемъ не одолимый,
Какъ желѣзная стѣна стоитъ,
Дубъ огромный въ вихрѣ вѣтра,
Въ бурю крѣпкая скала,
Противъ волнъ несокрушимо;
Принялся хлестать парней,
Разсѣвать исчадья ада;
Разсыпаетъ ихъ какъ мошекъ,
Ни единаго не оставляетъ,
Кто-бы снесъ домой извѣстье,
Зло отправился бъ повѣдать.
И въ безмолвныхъ объятьяхъ смерти
Дремлютъ злые ратники,
Дрыхаютъ исчадья ада.
Калевида сынъ могучій
На краю моста садится,
Чтобъ маленько отдохнуть,
Бранный потъ (съ лица) стереть.

Сынъ могучій Калевида
Послѣ отдыха началъ
Мертвыхъ убирать съ моста,
Что во время схватки онъ
Въ пухъ и прахъ въ бою разбилъ;
Съ адскаго моста разсыпалъ
Широко въ горючія волны,
Въ груды по лугамъ бросалъ,
Въ кучи по рѣчному брегу,
Въ большія при устьѣ рѣки
Гнить (потомству тамъ) на память.
А потомъ ужъ зашагалъ,
Скорымъ шагомъ въ путь пустился;
Подъ ступней тяжелыхъ ногъ
Мостъ трещалъ желѣзный,
Балки нижнія гремѣли,
Балки боковыя качались.
Сынъ Калева шелъ чрезъ мостъ
По пути, гдѣ крови въ пядень,
На другой пробрался берегъ,
А отъ берега шелъ дальше,
По тропинкѣ спѣша впередъ,
Прямо къ игрища воротамъ,
Гдѣ Рогатый сдѣлалъ преграды,
Приготовилъ оборону
Съ твердостью обломка скалъ.
Сынъ могучій Калевида
Съ трескомъ тутъ ударъ наноситъ
На ворота игрища;
Стукнулъ разъ, стукнулъ два,
Стукнулъ еще третій разъ
Въ самыя адскія ворота.
Разбились столбовыя бревна,
Разлетѣлись и подпоры,
Вдаль осколки понеслись.

Расчищаетъ пятой ноги
Сдѣланныя преграды съ пути,
Баррикады со тропинокъ;
Проникаетъ по проѣзду,
Напрямикъ идя чрезъ дворъ,
Направляется къ дверямъ;
Какъ онъ треснетъ кулакомъ,
Разъ ударитъ въ адску дверь —
Съ косяками рухнетъ дверь,
Вмѣстѣ съ петельками ручки
Отъ удара къ его ногамъ.
Калевида сынъ могучій
Переступаетъ чрезъ порогъ,
Ставитъ ногу на полъ (ада):
Камни на углахъ свихнулись,
Стѣны избы зашатались,
Стѣны горницы дрожали,
Переводины качались,
Потолокъ хотѣлъ разсѣсться.
Бабушка сидѣла въ передней,
Поблѣднѣлой женщины тѣнь,
Что какъ Линда въ дни печали,
Образъ матери поблеклый

Показался глазамъ сына.[2])
Бабушка сидѣла за прялкой,
Быстро колесо вертѣла,
Чтобы пряжу получить;
Дергала изъ кужели пальцами
Пряди въ глотку веретена,
Сглаживая такъ волокна,
Шерсть серебряную, ленъ златой,
Пальцы въ чашку омакала
Въ правой сторонѣ у прялки,
Гдѣ драгая влага жизни,
Находилась вода силы;
А на лѣвой ножкѣ прялки
(Находилась) другая чашка,
Въ коей жидкость увяданья,
Что задерживаетъ силу;
Кто изъ нея языкъ омочитъ,
Тотчасъ силы ослабѣютъ.

Тѣнь старухи взоромъ ласки
Сыну путь указываетъ
Къ чашѣ, что виситъ направо.
Калевида сынъ драгой
Знаетъ наставленье бабы
И безъ словъ уразумѣть:
Онъ беретъ златую чашу,
Жидкость стойкости хлебаетъ
Въ закаленье крѣпкаго тѣла.
А затѣмъ беретъ скалу
И со страшнымъ шумомъ мечетъ
О стѣну свѣтлицы тайной;
Дрогнула земли основа,
Въ бѣлой пѣнѣ море вздулось.
Искры взвились изъ глубинъ
Сыну Калевида въ очи.
Разлетѣлись стѣны горницы
Въ дребезги на (адскій) полъ.

Матушка Рогатаго дѣда
За стѣной избы сидѣла,
Ткацкій станокъ пята топтала,
Пальцы ниченицы трясли,
(Пряжу въ) полотно сбивая,
Въ адскую ткань пріударяя.
Бабушки той зоркій глазъ
Золотой звонокъ замѣтилъ
У Калевича на пальцѣ.

Рѣчь такую повела:
„Вотъ забавный колокольчикъ
У дружка блеститъ на пальцѣ!
Дай сюда вещицу цѣнную,
Подари мнѣ колокольчикъ!
Привязала бъ коту на шею,
Чтобы мышекъ устрашать,
Горностаевъ забавлять.“
Сынъ Калева тотчасъ понялъ
И отвѣтъ ей хитрый далъ:
„Прежде чѣмъ поговоримъ
Мы о куплѣ колокольчика,
Мнѣ скажи, драгая баба,
Выдай, курица домашняя,
Дома-ли отецъ семьи,
Въ горницѣ-ли пѣтушокъ?
Есть у насъ дѣла мужскія,
(Нужно) часть пустаго уладить,
Что для бабы не понятно,
Не касается и дѣвицъ.“
Старая баба отвѣчала:
„Улетѣлъ пѣтухъ семьи,
Завчера изъ-дому дѣдъ,
Вѣрно раньше не успѣетъ
Возвратиться онъ домой,
Какъ, пожалуй, завтра вечеромъ,
Или послѣ завтра утромъ.
Коль пробудешь до тѣхъ поръ
Дружественно у меня,
Я сготовлю тебѣ пиръ,
Цѣнное варево сварю;
Влаги раньше ты испробуй,
Меду нашего вкуси,
Кружка на станкѣ стоитъ.“

Калевида мощный сынъ
Кружки той значенье зналъ,
Гдѣ стояла влага увяданья,
Что задерживала силу,
Потому-то такъ сказалъ:
„Будь здорова, бабушка!
Не имѣю жажды пить.“
А затѣмъ началъ глядѣть,
Мѣсто чуждое смотрѣть,
Дверцы тайныя гдѣ-либо.
Сокровенныя ворота,

Взорамъ не представятся-ли.
Тутъ замѣтилъ въ стѣнкѣ задней
Дверцы малыя въ тѣни,
Подошелъ на шагъ онъ ближе,
Косяка рукой коснулся,
Пальцами дверныхъ петлей,
Зацѣпить хотѣлъ защелку;
Раньше чѣмъ защелки пальцы
Сына Калева коснулись,
Двери съ трескомъ растворились
Настежъ какъ бы сами собою.

Изъ берлоги за дверями
Вышли съ завываньемъ вѣтра
Изъ Рогатаго дѣда рати
Самые сильные на брань,
Коихъ прежде злой собралъ
И въ защитники избралъ.
Кто случайно на охотѣ
Происшествіе увидѣлъ,
Какъ собакъ большая стая
Нападаетъ на медвѣдя,
Стараго брата утомляетъ,
Раздраженно теребитъ,
Какъ собачьи длинные зубы
Лѣса жителя кусаютъ;
Бураго щенокъ на мѣстѣ
Задомъ на холмѣ сидитъ,
Защищаетъ свои я.....
Иногда отмахивается,
Треснетъ лапою со щелкомъ
На затылочки собакъ;
Гдѣ опуститъ свою лапу,
Нанесетъ ударъ одинъ,
Быстро исчезаетъ песъ
И не визгнувъ немощной
Засыпаетъ въ объятьяхъ смерти.
Кто игру такую зрѣлъ,
Видѣлъ такову забаву,
(Тотъ) конечно можетъ случай,
Самъ представить дѣло то:
Какъ здѣсь Калевъ адскихъ псовъ
Отъ себя прочь отгонялъ.
Сынъ могучій Калевида
Гдѣ опуститъ разъ ударъ,
Нанесетъ толчокъ (могучій),
Тамъ не требовалось другаго.
Хоронилъ ударъ героя,
Смерти тѣнь толчокъ рождалъ,
Усмиряя мужа брани.

Послѣ маленькой забавы
Молодцы всѣ поиздохли;
Трупы тридцати умершихъ
Распростерты на полу.

Дѣдъ Рогатый за стѣною
Возопилъ въ бѣдѣ (горчайшей):
«Мальчуганъ, постой немного!
Коль не понимаешь шутки,
Распрю примемъ мы въ-серьезъ;
Пусть не будетъ мнѣ вины,
Ни отвѣта за кровопролитье;
Ты воришка, негодяй,
Ты разбойникъ и грабитель,
Ты хватаешь кладъ чужой
И карманъ опустошаешь!
Воръ, ты воромъ останешься,
Хищникомъ, грабителемъ люда!
Иль захочешь за ложь признать,
Оправдаться въ воровствѣ?
Аль не ты грабительски
Своровалъ мое сокровище?
Аль не ты унесъ недавно
Шляпу желаній драгую,
Да укралъ волшебный прутъ,
Вынесъ куръ изъ горницы,
Изъ избы у насъ тетерокъ?
Аль не ты когтями длинными
Злата сундуки расхитилъ,
Опорожнилъ серебряные?
Мой дѣльнѣйшій мечъ
Вотъ виднѣется въ рукѣ!
Чей звоночекъ золотой
У тебя блеститъ на пальцѣ?
Развѣ, песъ, не хищникъ ты?
Можешь-ли ты оправдаться?»

Сынъ Калева тотчасъ понялъ,
Хитрый далъ ему отвѣтъ:
«Что меня ты прошлогоднимъ,
Да запрошлогоднимъ пичкаешь?
Состязанья устъ большихъ,
Щелканья широкой пасти

Изстари обычай бабъ,
Примиритель дѣтской распри;
Приводилось мужамъ въ распрѣ
Оскорбленія уладить —
Не было ни траты словъ,
Щелканья и челюстей:
Въ состязаньи должна была
Крѣпость споръ всегда рѣшить.
Отчего ты, трусъ, исчезъ,
Подъ муравой въ укрывалищѣ
Предъ побѣдой въ состязаньи?
Ты голодный пришелъ подъ вечеръ,
Чтобъ мужей въ лѣсу дурачить,
Въ видѣ карлы небольшаго
Варево въ котлѣ отвѣдать;
Изъ-за печки вылѣзай,
Тотчасъ выйди изъ свѣтлицы!
Выйдемъ (лучше) на поляну,
Состязаніе послѣднее
Справедливо завершить.
Для того шаги направилъ
Я по адскому пути,
Погулять изъ дому шелъ
Чтобы правду соблюсти,
Крѣпость нашу уравнять:
Мечъ хочу вложить я въ ножны,
Колокольчикъ снять съ руки.“

Рѣчь такую поведя,
Развязалъ онъ колокольчикъ
И въ карманъ на отдыхъ сунулъ,
Также мечъ вложилъ онъ въ ножны.

Дѣдъ Рогатый робкимъ шагомъ
Изъ свѣтлицы блѣдный вышелъ,
Какъ снѣгъ бѣлый, чрезъ порогъ.
Отъ испуга сына бабы
Разумъ былъ совсѣмъ опутанъ,
Такъ что онъ не зналъ дороги
И не вѣдалъ, что творилъ;
Думалъ бѣдный жидкость взять,
Ту, что силу закаляетъ,
Чтобы тѣло укрѣпить.
Но рука его невольно
Въ страхѣ сбилася съ пути
И другой коснулась кружки,
Гдѣ былъ мощи истощитель,
Влага увяданія,
Что разсудокъ разслабляетъ,
Умъ героя помрачаетъ.
Сынъ могучій Калевида,
Разбирая положенье,
Выпилъ тутъ другую кружку,
Чтобъ смочить сухое горло.
Мощная укрѣпленья влага,
Закаляющая силу тѣла,
Пламенемъ огня заставила
Волны жизни его пылать.
Пусть останется борьба,
Чтобы въ пѣсни другой воспѣть,
Чтобы прясть другую нить;
Ибо на мосту война
На пути Калева къ аду
Много пряжи истратила,
Утомила веретена.[3])

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Она имѣла изготовленную Ильмариненомъ волшебную вуаль, которая въ полной дѣйствительности воспроизводила предъ глазами прошедшія событія.

2) Судя по данному мѣсту, тѣнь духа матери Калевича оказывается въ аду.

3) Трудно сказать, которое изъ описаній путешествія Калевеча въ адъ нужно счи-

тать болѣе оригинальнымъ. Въ томъ и другомъ можно найти слѣды новѣйшихъ понятій; жизнь подчиненыхъ Рогатаго въ первомъ описаніи напоминаетъ жизнь крѣпостныхъ крестьянъ на службѣ у помѣщика, но за то изображеніе неистощимыхъ сокровищъ ада соотвѣтствуетъ кажется древнимъ представленіямъ. Рукописи Др. Крейцвальда, хранящіяся въ Эстонскомъ ученомъ обществѣ въ Дерптѣ, могли бы разсѣять недоумѣнія.

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ПѢСНЬ.

Борьба Калевича съ Рогатымъ и его побѣда — 141; возвращеніе изъ ада съ большою добычею и пиршество съ Алевичемъ — 374; сооруженіе городовъ и веселая жизнь Калевича въ Линданизѣ — 747; вѣсти о войнѣ — 876; Варакъ увозитъ старыя письмена — 985; новые вѣстники войны.

На мѣстахъ былыхъ родовъ
Выпавшіе отъ состязанья
Сохранилися слѣды
Чаще, нежель въ наши дни;
Все же съ Калева пути
Свѣтитъ солнца пояснѣй
Испытанье силъ славнѣйшее,
То сильнѣйшее состязанье
На дворѣ хозяина ада.
Лѣсъ и горы тутъ внимали,
Скалъ вершины слушали,
Мохъ трясины извѣщался,
Волны водъ увѣдомлялись;
Гулъ поверхности земли,
Пѣнящееся бѣлое море
Знать давали о борьбѣ.
На игрищѣ подъ дворомъ
Мѣсто выбрали удобное
Испытанья силъ ареной;
Какъ велось по старинѣ,
За бока взялись руками,
Взяли за штановъ агашники
Крѣпостью десяти ногтей
Силы тѣла испытать.
Запеклася кровь въ ногтяхъ,
Посинѣли (борцовъ) пальцы.
Хоть лишающая силъ вода,
Истощающая жидкость кружки
Силы злаго уменьшала,
Ослабляла очень мощь,
У Калева жъ мощнаго сына
Влага крѣпости двойная
Силы тѣла подкрѣпляла;
Все же длилось состязанье,
Тѣхъ мужей единоборство
Семь безъ остановки дней,
Безпрерывно семь ночей,
Прежде чѣмъ понятье ясное
Объ исходѣ получили.
Дѣдъ Рогатый не разъ тайно
Искушая тутъ пытался,
Ногу ставя поперегъ,
Калевида повалить;
Что какъ дуба стволъ огромный,
Тяжелѣйшій гранитъ,
Даже съ мѣста не скользнулъ.

Подымали чередою
Тутъ на воздухъ дружку другъ,
А затѣмъ вновь ударяли
Съ трескомъ о сырую землю,
Что какъ взрывы дѣда Кыо
Потрясало (вдаль) поля,
Колебало скалы (моря),
Воду въ пѣнѣ воздымало.

Калевида хитрый сынъ
Охранять себя умѣлъ;
То змѣею сверху пальцевъ,
То какъ угорь изъ подъ пальцевъ,
Увернуться отъ Рогатаго,
Загнутой ноги пяту
Для опоры уготовить;
Все же чуть не истощилась
Крѣпкая сила наконецъ.

Бодрымъ взоромъ матушки тѣнь
Разслабленье сына видѣла,
Взяла въ руку кужель прялки,
Повернула десять разъ
Надъ своею головою,
Съ трескомъ бросила на полъ
Сыну Калева въ примѣръ.

Калевида мощный сынъ
Мысли матушки своей
Мудро толковать умѣлъ:
Взялъ за голеней подвязки,
За колѣнный поясъ Рогатаго,
Съ вихремъ вѣтра его поднялъ,
Въ высоту, подобно кужели,
Повернулъ онъ десять разъ
Дѣдушку какъ пучекъ пакли
И швырнулъ со страшной силой
Хрясть! на землю на мураву;
Положилъ на грудь колѣни,
Пальцами схватилъ за горло,
Дѣда задушить хотѣлъ.
Снялъ затѣмъ онъ поясъ съ бедеръ,
Чтобы злаго имъ связать.
Ратника потомъ стащилъ
Въ горницу на привязи,
Гдѣ опуталъ во оковы,
Заковалъ во кандалы
(Супостата) руки, ноги;
Наложилъ и третью привязь
Какъ кольцо ему вкругъ шеи,
А четвертую вкругъ бедеръ;
Привязей концы скрѣпилъ
(Утвердивъ) въ стѣнѣ изъ скалъ;
Камень съ игрища скатилъ
Величиною съ баню къ двери,
Шейныя привязи къ нему
Крѣпко утвердилъ узлами
И замкнулъ скобой желѣзной,
Чтобы ногъ изъ горницы,
Изъ свѣтлицы лапъ не вынесъ.

Калевида мощный сынъ
Потъ со щекъ своихъ отеръ
И насмѣшливо сказалъ:
„Не пускай, печальная птица,
Пѣтушокъ опутанный,
Въ жизни плѣнной бодрствуя,
Чтобы время тебѣ наскучило!
* Изливай печаль скаламъ,
Грусть душевную — лѣсамъ,
Бремя — каменнымъ обломкамъ,
Горести — полѣнницамъ;
Въ трясины отправь желанья,
Воздыханія — въ репейникъ,
Жалобы же — въ можжевельникъ.
Мы съ тобой, братъ, расквитались
И уладили обиды.
Счастье правду довершило,
Дало сильному побѣду.»

Дѣдъ Рогатый говорилъ:
«Еслибъ зналъ и могъ я знать,
Угадать въ предположеніи,
Въ обсужденіи понять,
Предувидѣть въ сновидѣніи,
Что за жизнь мнѣ назначали,
И бѣда какая ждала,
Я изъ горницы домашней,
Изъ-за печи бы не вышелъ,
Не ступилъ бы за тобою
На поляну пошататься,
На просторъ тутъ поглядѣть.

Сынъ Калева дорогой,
Побѣдитель удалой!
Не ликуй ты прежде вечера,

Не хвались до дня конца,
Солнышко пока на отдыхъ
Въ сумерки не закатилось.
Скорлупа нѣжна у счастья,
Гибко сердце бѣдствія.
Могутъ къ вечеру несчастья,
Шесть опасностей случиться.*
Смилуйся, любезный братъ,
Златомъ погаси вину,
Тѣнью серебра покрой!»

Коль не слушался (нашъ) витязь,
Заклинать сталъ дѣдъ Рогатый,
Изрекать слова лютыя.

Сынъ Калева дорогой
Весело шаги направилъ
Въ избу дѣда съ талерами,
Въ горницу со золотомъ,
Золото гдѣ въ сундукахъ,
Кучей въ закромахъ сребро
Находилось въ тайникѣ.
Началъ залото сгребать,
Похищать и серебро
И въ мѣшки все собирать;
Куль наполнилъ, два наполнилъ,
Куль и третій онъ наполнилъ.
Для потѣхи и четвертый;
Лишь за пятый онъ взялся,
Мышь изъ норы отозвалась;
«Не бери ты, братецъ (мой),
Безрасудно не подъ силу!
Дологъ путь идущему.
Возъ тяжелъ несущему.»

Калевида сынъ понялъ,
Бросилъ тотчасъ мѣшокъ пятый
Такъ пустымъ на бочки край
И по два сложилъ другіе,
Ихъ отверстьями связалъ,
Чтобы легче ихъ на плечи,
На затылокъ поднявъ, несть.
Не велики мѣшки злата,
А равно не очень малы:
Три пожалуй могли бочки,
Или шесть рижскихъ пуръ
Умѣститься въ мѣшкѣ каждомъ.

Калевида мощный сынъ
Вскинулъ пару сихъ мѣшковъ
Тутъ на правое плечо,
А на лѣвое другую
Нажимать себѣ лопатки,
Зашагалъ путемъ домой,
Началъ ноги простирать.
Мостъ трещалъ подъ нимъ желѣзный,
Балки нижнія гудѣли,
Камни на углахъ дрожали,
Злато Калева держа.
* Старушенка семьи ада
Изъ-за печи укорять,
Сидя у огня ругаться,
Заклинать большими устами:
«Заклинаю я, да будетъ,
Да умрешь ты на пути,
Да задохнешься на полѣ,
Да скончаешься въ ольховникѣ,
Да разложишься въ березнякѣ,
Да остынешь за оградой,
Охладѣешь у дороги,
За кустомъ окоченѣешь,
Въ лядѣ лѣса согніешь,
Пусть ты скиснешь на лугахъ,
Обратишься въ падаль въ чащѣ,
Да заплѣснѣешь въ болотѣ!
Тѣло пусть приманкой будетъ,
Пищей лакомой волкамъ,
Клювамъ вороновъ въ терзанье,
Сынамъ лѣса для жеванья!»*

Сынъ могучій Калевида,
Не затронутый заклятьемъ,
Шолъ по тяжкому пути,
Простирая вдаль шаги,
Хоть и злата возъ затылокъ,
Деньги плечи угнетали.

Какъ частицу онъ прошелъ,
Въ нижнемъ мірѣ путь свершалъ
Къ краю свѣтоваго міра,
То немножко отдохнулъ,
Укрѣпилъ усталое тѣло;
Часъ одинъ-ли онъ дремалъ,
Или день тутъ отдыхалъ,

Онъ того не могъ понять
И никакъ того примѣтить.
Промедленія въ пути
И умышленныя преграды
Не были для Калевида
Путами въ дорогѣ адской.
Между тѣмъ ужъ началъ свѣтъ
Міра верхняго мерцать,
Началъ ночь оканчивать,
Сумракъ разсѣвать кругомъ.
Калевида мощный сынъ
Охалъ все подъ ношей злата;
Жаръ его лицо румянилъ,
Волосы потѣть заставилъ,
Тѣло всюду испаряться:
Отъ изсохшаго языка
Жаркій воздухъ выдыхалъ.
Сынъ любезный Алевида,
Что идти въ домъ не желалъ,
Одиноко сидѣлъ у ямы,
У пещеры во оврагѣ,
Тамъ, гдѣ Калевъ смѣлымъ шагомъ
Прежде въ нижній міръ вступилъ.
Алевъ ждалъ какъ при любви,
Ждалъ и вечеромъ, и утромъ,
Бодрствуя въ ночной прохладѣ:
Въ скукѣ время въ годъ тянулось
У героя тутъ въ раздумьяхъ:
Ибо другъ не смерть-ли ужъ
Въ злополучіи нашелъ.
Разъ при солнечномъ закатѣ
Какъ бы издали раздался
Гулъ отъ витязя ходьбы
Въ уши сына Алевида;
Изъ земли поднялся шумъ,
Изъ глубинъ — шаганіе.
Алевъ началъ размышлять,
По услышанному шуму
Въ глубину заглядывать,
Не узнать-ли Калевида
Шествіе, восходъ откуда?
Сумерки ужъ ночь вели
Закалять въ росы объятья,
Тутъ лишь Калевичъ ступаетъ
На край міра надземнаго,
Сбрасываетъ мѣшки со златомъ,
Съ плечъ мѣшки со серебромъ,
Самъ ложится на поляну
Жилы спинныя расправить,
Растянуть усталое тѣло
Сынъ любезный Алевида
Быстро за водой пошелъ,
Чтобы освѣжить языкъ
У носителя сокровищъ.
Сынъ Калева вопрошалъ:
„Объясни, любезный братъ,
Долго-ль я отсутствовалъ,
Въ царствѣ тѣней пребывалъ?“
Сынъ любезный Алевида
Началъ дѣло раскрывать,
Какъ пожалуй три недѣли
Путешествіе заняло.
Произнесъ тутъ сынъ Калева:
*„То не зналъ и знать не могъ
Духъ живаго человѣка,
Разсудить и умъ его,
Угадать прозорливый;
Указныхъ столбовъ тамъ нѣтъ,
Нѣтъ и признака на небѣ,
Коимъ день бы измѣрять,
Долготу ночей считать.
Адскій день не кажетъ солнца,
Ночь — сверкающей луны;
Нѣтъ на небѣ тамъ и звѣздъ,
Птицъ въ ольховникѣ не видно,
Ни кукушки извѣстителя,
На муравѣ крова мглы,
Ни пріятной росы влаги,
Чѣмъ предѣлы дня и ночи
Различались бы для зрителя“ *
Тутъ разсказывалъ подробнѣй,
Какъ дѣла были въ аду,
Пятикратныя промедленья,
Шестикратныя препятствія
Задержали путь его;
Наконецъ, какъ въ состязаньи
Былъ Рогатый заключенъ,
Связанъ крѣпкими цѣпями.
*Алевъ ужъ убилъ быка,
Умертвилъ вола лѣснаго,

Подъ ярмомъ что не ходилъ,
Сошника лѣтъ семь не видѣлъ,
Десять лѣтъ не пахалъ земли;
Прежде быка ежегодно
Уловляли для торжествъ,
Загоняли его подъ дворъ,
Убивать идти хотѣли,
Умертвить быка большаго,
Мощнаго души лишить.
На затылкѣ (садилась) тысяча,
Сто мужей — на рогахъ,
Десять за я... быка хватали,
Семьдесятъ — за хвостъ бычачій,
Не было мужа въ нашей землѣ,
Изъ чужбины былъ сильнѣйшій,
Кто бы стукнулъ въ голову,
Оглушилъ быка (ударомъ),
Умертвилъ вола (большаго).

Сынъ любезный Алевида
Закололъ быка большаго
Прыгнулъ на шею быка,
За рога его схватилъ
И рѣзцомъ потомъ сталъ бить,
Топоромъ въ главу разить,
Въ горло ножикомъ вонзать;
Крови вытекло сто бочекъ,
Мяса было тысяча бочекъ.*

Мужи мощные вдвоемъ
Ужинъ начали вкушать,
Укрѣплять свои тѣла.
Калевида мощный сынъ
Нагрузилъ до-нельзя пузо,
Брюхо вздулося горой,
Легъ на землю на мураву,
Чтобы въ кости хлѣбъ впустить.

Алевида юный сынъ
Сѣлъ на золота мѣшки,
На углахъ мѣшковъ съ сребромъ,
Сторожить сокровище,
Чтобъ грабитель не похитилъ,
Не коснулся длинными пальцами.

Калевида мощный сынъ
Отдыхалъ отъ адскихъ хлопотъ,
Отъ усталости въ борьбѣ,
Изнуренный ношей денегъ —
Отдыхалъ онъ цѣлыя сутки,
День другой — въ объятіяхъ сна,
Третій — до утренняго завтрака.
Милю слышалось храпѣнье,
Раздавалося сопѣнье,
Какъ-бы топотъ отъ копытъ,
Проѣздъ рати черезъ мостъ
Колебалъ поверхность дерна,
Потрясалъ кусты, деревья.

По срединѣ третьяго дня
Поспѣшили въ путь герои:
Сынъ любезный Алевида
Взялъ одинъ мѣшокъ на шею,
Три остались ношей Калеву.

Сынъ Калева дорогой,
Что по адскомъ путешествіи
Много добраго у насъ
И полезнаго творилъ,
Пребывалъ самъ въ Линданизѣ
Въ обществѣ своихъ друзей.

Олевъ городовъ строитель
Града три еще построилъ:
Градъ одинъ — на югѣ,
На востокѣ — градъ другой,
Третій городъ — у зари;
Старикамъ они защита,
Дряхлымъ старцамъ мѣсто мира.
Сынъ Калева дорогой
На постройку трехъ городовъ
Золота мѣшокъ истратилъ.
Три мѣшка въ свѣтлицѣ скрыты,
Доля для работъ другихъ.

Заодно друзья сказали,
Умоляли Калевида:
*"Кружки, братецъ, ты возьми,
Положи въ мѣшки и вѣно,
Сватовства приманки въ торбы,
Въ Кунглу сватать отправляйся,
Поискать себѣ молодку.
Въ Кунглѣ курочки ростутъ,
Молодыхъ четыре дѣвы;
Птицъ ловить отправимся,
Уносить изъ коппеля,
Изъ ольховника манить.

Дѣвы Кунглы ткани ткутъ,
Дѣлаютъ узоры изъ злата,
Ткутъ изъ пряжи серебряной,
Шелковую выглаживаютъ,
Краснопеструю плетутъ.
Калевида сынъ понялъ
И насмѣшливо сказалъ:
„Городъ созидать идемъ,
Воздвигать валы (вокругъ),
Строить сватанья свѣтлицу,
Шелкомъ устилать кровать.
Градъ построимъ изъ цвѣточковъ,
Башни сдѣлаемъ изъ черемхи,
А вокругъ валы изъ клена,
Избы сдѣлаемъ изъ жолудей,
Горницы — изъ яйца куринаго;
Чтобы тамъ, издали идя,
Чужестранцы заглядѣлись:
Кто разумный — размышлялъ,
Мудрый дѣло испыталъ:
Градъ къ чему построилъ Калевъ,
Соорудилъ къ чему валы?
Калевъ градъ веселья строилъ,
Ставилъ сватанья избу,
Вылилъ ложе золотое,
Сплелъ кроваточку изъ шелка.
Еслибъ вы проникли внутрь,
Посмотрѣли бы затѣю:
Изнутри обведена шелкомъ,
Вылиты края изъ сребра,
Каймы сдѣланы изъ шелка,
Изъ тройныхъ златыхъ волоконъ;
Верхъ покрытъ орѣшникомъ,
Низъ обсаженъ яблонями,
Вишни промежду блестятъ,
Посреди красивые камни.
Лошадь вы беречь возьмитесь,
Рысака выхаливать,
Сѣдлоносителя кормить
И поить коня гнѣдаго!
До другихъ ведите на мураву,
До зари ведите въ коппель,
Преждевременно — къ ключу,
До исхода дня — на поле;
Тайно вы коня кормите,
До разсвѣта дайте пуру,
На зарѣ же — килиматъ,
Два — на завтракъ утренній,
Пуру широкую на полдень;
Мѣсяцъ кормите, два кормите,
Третьяго мѣсяца часть кормите,
Мѣсяца четвертаго недѣлю;
Запрягите вы коня,
Сивку межъ оглоблей (ставьте):
Ужъ тогда поѣду сватать,
На тропы дѣвицъ помчусь,
Въ горницы локоношейныхъ,
Въ избы чепчики носящихъ.
Ляжетъ лишь роса на шубу,
А на новый кафтанъ — туманъ,
Капли дождика — на камзолъ,
Градины же — на платокъ:
Калевъ сватать тогда поѣдетъ,
Брать себѣ жену младую.“*

Сынъ Калева дорогой
Со дружиною сидѣлъ,
Звукъ веселья за столомъ,
Шумъ забавы — во свѣтлицѣ,
Обходили кружки кругъ,
Кружки меду въ рукахъ мужей,
Въ счастьѣ мужи ликовали
И бросали по полу
Пѣну бѣлую искрившуюся
Домохранителямъ въ подарокъ,
Мощнымъ домозащитникамъ;
Относили свѣжій супъ
Камню Укко для подарка.
За столомъ пѣвецъ сидѣлъ,
Посреди другихъ — гусляръ,
Пѣснь заставилъ раздаваться:
*„Пять на игрищѣ было тайнъ,
Шесть златыхъ во ельникѣ,
Семь было во мху,
Восемь тайнъ въ вереснякѣ;
Тамъ-то я связалъ слова,
Собиралъ себѣ извѣстья,
Тамъ извѣстія я слышалъ,
Откровенія серебряныя.

Птица Сіуру[1]), Тары дочь,
Птица Сіуру, синекрылая,
Въ перьяхъ шелковистыхъ,
Выросла безъ матери,
Безъ желанія сестеръ
И безъ воли своихъ братьевъ.
Гнѣздышка у птицы не было,
Мѣста теплаго у ласточки,
Гдѣ бы пухъ возобновить,
Перья юныя возрастить;
Самъ же Укко предназначилъ,
Старый дѣдушка сготовилъ
Дочери изъ вѣтра крылья,
Крылья вѣтра, тучъ носителей,
На коихъ дитя, воспаривъ,
Понеслося бы далеко.
Птица Сіуру, Тары дочь,
Птица Сіуру, синекрылая,
Много летѣла, много парила,
Къ югу полетѣла, парила,
Поперегъ свернула къ сѣверу,
Пролетѣла чрезъ три міра:
Міръ дѣвицъ тамъ былъ одинъ,
Юныхъ кудрявоголовыхъ другой,
Третій — верхнихъ родина,
Верхнихъ[2]) сборное мѣстечко.
Птица Сіуру раскрыла крылья,
Крылья шелковыя раскрыла,
Полетѣла рѣя къ солнцу,
Близко къ солнечному граду,
До блестящаго луны жилища,
Небольшихъ воротъ изъ мѣди.
Птица Сіуру раскрыла крылья,
Крылья шелковыя раскрыла,
Много летѣла, много парила,
Вечеромъ домой свернула.
Вопрошалъ отецъ у дочери:
„Гдѣ парила и летала,
Какъ далеко ты плыла,
Что видала, черноокая?“
Сіуру понявъ отвѣчала;
Безъ боязни возразила:
«Гдѣ въ пареньи поскользнулась,
Тамъ оставила я блестки;
Гдѣ я рѣя закружилась, —
Пали шелковыя перья;
Гдѣ махнула крыльями, —
Перья пали изъ хвоста;
Что я видѣла черноокая,
Семь разсказовъ есть объ этомъ,
Восемь передать могу.
Долго была на пути Кыо,
Да на радуги пути,
На тяжеломъ пути града;
Долго туда сюда летѣла
И скользила напрямикъ,
Три пока нашла я міра:
Міръ одинъ былъ дѣвичій,
Юныхъ кудрявыхъ другой,
Третій — родина верхнихъ,
Сборное мѣстечко верхнихъ,
Гдѣ росли прелестныя,
Шелковыя вытягивались.

Что ты слышала, возвѣсти,
Что ты видѣла, покажи!
„Что я слышала, дѣдъ драгой,
Что я видѣла, батюшка?
Слышала забавы дѣвъ,
Ихъ забавы, ихъ печали,
Перемигиванья кудрявыхъ,
Верхнихъ жительницъ рыданья:
Почему веселыя дѣвы,
Тѣ кудрявыя питомицы
Одинокими живутъ,
Безъ супруговъ выростаютъ?
Всюду меня вопрошали:
Развѣ у дѣда нѣтъ сына звѣзды,
Сына звѣзды или другаго,
Кто спасти дѣвицъ пошелъ бы,
Поразвѣдать о кудрявыхъ.
Тара понялъ, отвѣчалъ:
«Дочь, воспарь и полети!
Къ югу, дочь моя, лети,
Къ западу спустись покато,
Съ запада къ сѣверу поперегъ,
Ко дверямъ спустися Укко,
Ко порогу бабы западной,
На межи той бабы сѣверной,
Разспроси ты тамъ о сватахъ,
Дѣвъ спасителей проси!“

Калевида славный сынъ
Со друзьями тамъ сидѣлъ,
Звукъ веселья за столомъ,
Шумъ забавы во свѣтлицѣ;
Обходили кружки кругъ,
Кружки меду въ рукахъ мужей,
Въ счастьи мужи ликовали.

Сынъ Алева мальчуганъ
Пѣснь заставилъ раздаваться:
„Горло увлажимъ, дорогіе,
Бросимъ пѣну домозащитникамъ,
Мужи юные, пейте медъ,
Опоражнивайте кружки,
Чтобъ на донышкѣ ни капли,
Влажной жидкости во кружкахъ!
Брошу обручи на поле,
Доски широко въ ольховникъ,
Рукоятки на рябину.
Гдѣ я бросилъ обручи,
Острова тамъ появились;
Гдѣ я доски разбросалъ,
Тамъ поднялись вѣщіе дубы;
Гдѣ разсыпалъ рукоятки,
Тамъ я тучи размѣстилъ;
На землѣ гдѣ влага пала,
Море тотчасъ заиграло,
Волны заблестѣли вширь.
Что же въ морѣ томъ росло?
Въ морѣ томъ росли два дерева:
Счастья яблоня — одно было,
А другое — вѣщій дубъ.
Полны бѣлокъ вѣтви были,
Листья же — поющихъ птицъ;
Посреди орлы гнѣздятся;
Подъ корнями текла рѣчка,
Рыбы плыли въ ней у брега,
Черноспинные сиги,
Лососи широколысые.
Забавляясь стоятъ бабы,
До голеней стоятъ въ морѣ,
Бѣлоглавыя — въ волнахъ;
Кудрявоглавыя — въ икрѣ.
Что поймали эти дѣвы,
Что за рыбу уловили?
Рыба тѣхъ ловцовъ хватала,
А лосось дѣтей ловилъ,
Уносила вода братца,
Волны дитятко душили.

Брата началъ я искать,
Мать оплакивала юнаго,
Я спустился прямо въ волны,
И до шеи во икру —
Во глубокія пучины.
Что же я нашелъ въ волнахъ?
Въ морѣ томъ нашелъ я мечъ,
Въ волнахъ свѣтлое желѣзо.
Началъ брать я тотчасъ мечъ;
Съ берега сестра воззвала:
„Братецъ, приходи домой,
Живо воротись домой!
При смерти отецъ лежитъ,
Мать ужъ испускаетъ духъ,
Братъ въ послѣднемъ издыханіи,
На солому сестру спустили,
На полъ дѣву положили.“
Плача я на зовъ пошелъ,
Живо зашагалъ домой.

О, ты, лжецъ и негодяй,
Языка двойнаго носитель!
Средь избы сидитъ отецъ,
Кружка пива въ рукахъ его;
Мать стрижетъ овцу шелкову,
Ножницы въ рукахъ златыя;
Хлебъ пшеничный сестра мѣситъ,
Перстень серебряный на пальцѣ;
Братъ же вспахиваетъ паръ
Бѣлоспинными волами;
Пашетъ полосатый — спина качается,
Бѣлый тащитъ — глава дрожитъ;
Шиллинги выпахиваетъ полосатый,
Бѣлый старую деньгу извлекаетъ
И все талеры поднимаетъ.
Килиматъ уже шилинговъ,
Пура есть ужъ старыхъ денегъ,
Полная бочка талеровъ.“

Калевида славный сынъ
Со дружиною сидѣлъ,
Звукъ веселья за сталомъ,
Шумъ забавы во свѣтлицѣ,
Обходили кружки кругъ,

Кружки меду въ рукахъ мужей,
Мужи въ счастьи ликовали!
Сынъ Сулева мальчуганъ
Пѣснь заставилъ раздаваться:
„Хмѣль изящная вѣтвь куста,
Шишка свернутая прелестная,
Въ высоту когда растетъ,
Вьется бѣдный, извиваясь
Вверхъ по кольямъ хмѣлевымъ.
Поспѣшите, юноши,
Чтобы снять его съ кола,
Чтобы грозди собирать!
Высушите на рѣшетинахъ,
У стѣны овина ставьте;
Попадетъ въ котелъ оттуда,
Тотчасъ въ бочку устремится
И полѣзетъ въ бочку пива;
Умъ свернетъ онъ у мущинъ,
Половину ума женъ,
Омрачитъ и дѣвушекъ.
Какъ любезный мой ходилъ,
Братъ мой ѣздилъ дѣву сватать,
Отправлялся чрезъ поляну,
Проходилъ сквозь верешнякъ;
Шли на встрѣчу четыре дѣвы,
Всѣ прелестницы кудрявыя.
Началъ сватъ ихъ спрашивать:
„Вы зачѣмъ на поле, юныя,
Далеко изъ дому ходите?“
Дѣвы, понявъ отвѣчали,
Такъ красотки молвили:
„Мы какъ птички въ градъ идемъ,
Миленькія (идемъ) въ предмѣстье,
(Какъ) голубушки на рынокъ,
(Какъ) безумныя — на улицу.
Разъ парнишки на пиру
Надъ дѣвицами смѣялись,
Злые языки въ деревнѣ;
Много въ волости лжецовъ,
Тѣ позорили дѣтей,
Порицали голубушекъ,
Я сталъ дѣвицъ тутъ ловить,
Дѣтокъ тѣхъ опутывать;
„Покажи лицо, дѣвица,
Очертанья щекъ румяныхъ.“
Дѣвушки бѣжать пустились,
Пролетѣли чрезъ поляну,
Скорымъ шагомъ ко деревнѣ;
Участилъ и я шаги,
Побѣжалъ пятами быстрыми;
Сквозь ворота я глядѣлъ
И выслѣживалъ сквозь стѣнку:
Кратконогія ужъ спали —
Лишь завидѣлъ эту шутку,
Сердце тотчасъ цѣпенѣло,
Зимнимъ холодомъ остыло.
Хмѣль горделивая вѣтвь куста,
Шишка свернутая прелестная,
Не влѣзай въ главу дѣвицъ;
Шутокъ съ дѣвой не съиграешь,
Плачь изъ радости родится.“
Калевида славный сынъ.
Со дружиною сидѣлъ:
Звукъ веселья за столомъ,
Шумъ забавы во свѣтлицѣ;
Кружки обходили другъ,
Кружки меду въ рукахъ мужей,
Мужи въ счастьи ликовали!
Предузнать не можно было,
Также мыслью угадать,
Разсчитать главой разумной,
Что за шутками у нихъ
Злополучье могло утромъ,
Предъ зарею вдругъ возникнуть.
Ужъ несутся вѣсти быстрыя,
Мчится о войнѣ извѣстье,
Кони ужъ запряжены,
Въ шкурахъ медвѣдей гнѣдые
Къ Линданизѣ полетѣли,
Чтобы передать царю
Вѣсти тяжкія о брани.
Несся парень съ предѣловъ Пскова,
А другой съ полей Летоніи,
Изъ-за Тары дубняка,
Возвѣстить царю печаль,
Дѣло брани передать,
На суднахъ приплыли въ Летонію
Мужи желѣзные подобно граду,
Рать другая изъ-за Пейпуса,
Съ широчайшихъ полей Руси,

Отъ предѣловъ Поляковъ,
Что хотятъ похитить клады,
Мирную нарушить жизнь
И приволье прекратить.
Мчитесь, вѣстники, (скорѣй)!
Въ кошелькѣ печальныя вѣсти,
А приказъ старшинъ въ камзолѣ.
Калевида славный сынъ
Со дружиною сидѣлъ,
Ликовалъ въ своей свѣтлицѣ;
Громогласно раздавалась
Пѣснь веселая (средь нихъ):
„Выпьемъ-те мы, удалые,
Вкусимъ сладкаго медку,
Во хмѣлю повеселимся,
Возликуемъ съ кружками пива,
У бокаловъ пира долгаго!
Опорожнимъ кружечки,
Сбрасывая пѣну съ нихъ,
Разольемъ-те на полу:
Процвѣтетъ тогда намъ счастье,
Время милое начнется!
Брошу обручи на вишни,
Крышки кружекъ въ березнякъ,
Доски далеко въ ольховникъ,
Донья сокрушу на полѣ,
Завтра самъ начну искать,
До зари осматривать;
Что тѣ обручи на вишняхъ,
Крышки кружекъ въ березнякѣ,
Доски брошенныя въ ольховникъ,
Доски донышекъ на полѣ,
До зари тамъ породили,
Проявили въ прохладѣ ночи?
Выросла дуга изъ обручей,
Сельская качель — изъ крышки,
Пѣнія столы — изъ досокъ,
Изъ донышекъ — скамьи сказанья.
Дѣвы сельскія, драгія,
Локоношейныя качались,
Распѣвали пѣснь веселья;
Пѣли — воды взволновались,
Всколыхались корабли;
Ликовать шли на корабль,
Пѣснь затягивать въ волнахъ,
Ожерелья на иву клали,
Бусы на сѣнной покосъ,
А цѣпочки на длинный камень;
Ленты клали на песокъ,
Перстеньки свои на хрящъ:
Вышла щука изъ подъ водъ,
Птица ласточка сверхъ водъ,
Черноспинная изъ ила;
Ожерелья присвоили съ ивы,
Бусы съ сѣннаго покоса,
А цѣпочки съ длинныхъ камней,
Ленты со песковъ широкихъ,
Перстни съ крупнаго песку.
Дѣвы кликали на помощь,
Неотступно умоляли:
„Парень Гарью, приди на помощь,
Парень Перновскій, спасать;“
Но не слышалъ парень Гарью,
Не внималъ Перновскій парень,
Парень скалъ пришелъ на помощь,
Тотъ игрокъ на шведской арфѣ.
„Отчего вы, дѣвы, плачете,
Дорогія жалуетесь?“
„Шли мы ликовать въ корабль,
Порѣзвиться — на море,
Пѣсни распѣвать въ волнахъ;
Ожерелья клали на иву,
Бусы на сѣнной покосъ
И цѣпочки на длинный камень,
Ленты на пески обширные,
Перстеньки свои на хрящъ;
Вышла щука изъ-подъ водъ,
Птица-ласточка сверху водъ,
Черноспинная изъ ила;
Съ ивы ожерелья присвоили,
Ленты — со песковъ широкихъ,
Перстни — съ крупнаго песку.“
Тутъ отвѣтилъ парень скалъ,
Тотъ игрокъ на шведской арфѣ:
„Вы не плачьте, дѣвицы,
Не печальтесь, дорогія!
Мы навѣрно плѣнимъ воровъ,
Закуемъ грабителей въ оковы.“
Началъ кантеле звонить,
Струны кантеле бренчать,

Пѣсенку затягивать.
Море въ ужасѣ внимало,
Засмотрѣлись облака,
Щука выплыла изъ-подъ водъ,
Сверху водъ летѣла ласточка,
Черноспинная изъ ила,
Принесли назадъ наряды
И отдали ихъ дѣвицамъ.

Руку предложилъ гусляръ,
Дѣву юную просилъ:
„Мнѣ голубка, приди въ суженыя,
Праздникъ будетъ у насъ ежедневно,
Торжество въ теченье года.“
Парень скалъ, я не могу,
Выйдти не могу, удалый,
Дома сваты у самихъ;
Лѣто пройдетъ, вотъ осенью
Деревенскіе псы залаютъ,
Желѣзнолапые пріѣдутъ,
Привезутъ боченки винные.
За твою помогу спасибо,
Благодарность за доброе дѣло!
Большаго тебѣ не будетъ.“

Коль сынъ Калева могучій
На пиру такъ ликовалъ,
Трели весело тянулъ,
Лапу мудрецъ въ избу вошелъ,
Сына Калева колѣна
Обнимая, такъ сказалъ:
„Укко, доброе счастье дай,
Небо — мудрыя рѣшенья,
И тебѣ, твоимъ друзьямъ!
Какъ велика радость здѣсь,
Разыгралося приволье,
Разставаясь мнѣ позволь
Весело пуститься въ путь
И на родину поѣхать.
Выметая тутъ чуланы,
Перешаривая углы,
Много я истратилъ времени,
Какъ нечаянно по счастью
Завчера нашелъ я въ башнѣ,
Въ каменной избѣ подъ сводомъ
На цѣпи привязанный даръ,
Тамъ опутанный подарокъ.
Взять его дай позволенье
И пуститься завтра въ путь.“

Сынъ Калева отвѣчалъ:
«Нѣтъ опутаннаго вола
За замкомъ, какъ мнѣ извѣстно,
Нѣтъ и связаннаго щенка,
Ни упрятаннаго клада,
Также и раба въ цѣпяхъ.
Что ты въ башнѣ, мнѣ признайся,
Въ каменной избѣ подъ сводомъ,
Цѣннаго нашелъ случайно?“

Варакъ понялъ, отвѣчалъ:
„Съ письменами листки нашелъ,
Книгу съ желѣзными покрышками,
Въ привязи на прочныхъ цѣпяхъ.
Разрѣши мнѣ рѣдкую вещь,
Письмена съ собою взять.“

Сынъ могучій Калевида,
Что о письменахъ привязанныхъ
Ничего теперь не помнилъ,
Угадать и не съумѣлъ,
Гдѣ (нашъ) старый мудрый Калевъ
Какъ наслѣдье долгой жизни,
Знаній (народу) полезныхъ
Много записать велѣлъ,
Въ коихъ утвержденъ законъ,
Ясно выражено право,
Для царя объявлено
И для подданныхъ раскрыто.
Выше серебра и злата
Были въ письменахъ на привязи
Вольная былая жизнь,
Да свобода нашихъ предковъ —
Кладъ убогихъ дорогой.
Варакъ кладъ сей захотѣлъ
Счастьемъ родинѣ увезть.

Упоенный торжествомъ,
Сынъ Калева тотчасъ молвилъ:
„Варакъ, письмена возьми
Для занятья въ зимнія ночи
И для чтенія при лампѣ,
Можетъ, нѣчто странное
И отрывки пустыхъ сказокъ
Ты найдешь въ тѣхъ письменахъ“.

Сынъ Сулева сталъ перечить,
Сынъ Олева — умолять:
„Прикажи изслѣдовать,
Прежде чѣмъ отдать свое!
Кто торги свиньи въ мѣшкѣ
Слѣпо станетъ производить?
Вѣдь не сталъ бы мудрый дѣдъ
Тѣхъ письменъ опутывать,
За замокъ бы не поставилъ,
Еслибъ въ пользу не служили,
Не были бы прибылью.“

Сынъ Калева дорогой,
Не внимая друзей запрету,
Продолжалъ въ весельи пѣть:
„Еслибъ въ нихъ и было цѣнное
И невѣдомо полезное,
Долженъ мужъ обѣтъ исполнить:
За рога — быка, мужа — за слова,
Научаетъ пословица.“

Письмена опутанныя
Выдать Вараку велѣлъ;
На привязи трехъ цѣпей,
Заперты тремя замками
Были тайныя письмена.
Не нашолъ никто ключей
Чѣмъ бы заржавѣлыя кольца
Отъ замковъ освободить;
Гдѣ ключи, лишь Варакъ зналъ,
Но онъ мудрый знать не далъ.

Сынъ Калева приказалъ:
„Сокрушите каменныя стѣны,
Вырвите скалы обломокъ
Вмѣстѣ съ привязями вонъ,
Чѣмъ тѣ стѣны сплочены.“
Выломали тяжкій камень
Вмѣстѣ съ книгой изъ скалы,
Покатили на телѣгу;
Пару воловъ подъ ярмо,
Чтобы клада возъ везти.
Проводили потомъ въ гавань,
Нагрузили на корабль,
Гдѣ ужъ прежде мѣшки злата
Варакъ дѣдъ везти велѣлъ.

---

* Мчались уже вѣстники,
Проѣзжали черезъ мостъ
Летомъ къ городскимъ воротамъ;
Затрещали моста бревна,
Задрожали врата града.

Сынъ Калева вопрошаетъ:
„Кто проѣздомъ черезъ мостъ
Бревна мостовыя потрясъ
И ворота всколебалъ?“
Пригласили вѣстниковъ
Во свѣтлицу Калевида,
Гдѣ они такъ возвѣстили:
„Приплываетъ ужъ война,
Брани катится телѣга,
Вьются уже знамена,
Работаютъ острыя копья,
Угрожаютъ топоры,
Мужи желѣзные пришли съ брега,
Ада исчадія толпами,
Мирную нарушить жизнь,
Нашу землю притѣснять.
Старцы дряхлые трепещутъ,
Жены по угламъ рыдаютъ,
Дѣвушки стоятъ въ слезахъ,
Матери дѣтей въ печали.“

Сынъ Калева вопрошаетъ:
„Что же юноши то дѣлаютъ?
Не растутъ-ли сильные,
Крѣпкіе не подымаются ль
На защиту старикамъ,
Миротворцами для старцевъ?“

Вѣстники тѣ возвѣстили:
„Наши юноши въ унынiи,
Изнуряетъ печаль бѣдняжекъ,
Мечъ желѣза не сломаетъ,
Не расколетъ топоръ стали.“

Сынъ Калева тотчасъ молвилъ:
„Пищу, братцы, вы примите,
Омочите, драгіе, горло
Въ укрѣпленье усталаго тѣла.“
Спать мужей тогда вели,
Уложили отдыхать,
Въ ложѣ шолковомъ дремать.

Сынъ Калева дорогой
Глазъ своихъ не могъ закрыть,
Также вѣжды опустить.
Вышелъ онъ на игрище,
Духъ унылый разсѣвать,
Потушить свою печаль;
На отцовскій холмъ шагалъ,
На краю могилы сѣлъ.
Гласа не дала могила,
Ни могильный холмъ извѣстья,
Волны съ воемъ лишь катились,
Да со стономъ вѣтеръ несся,
Грусть являлъ покровъ росы,
Облаковъ глаза въ слезахъ.
Тѣни духовъ, колыхаясь,
Вѣтеръ поднялись топтать. —
Калевида мощный сынъ
Зашагалъ домой уныло. *

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Объ этой таинственной птицѣ ничего неизвѣстно, кромѣ названія. Судя по описанію, она изображаетъ солнце съ его видимымъ круговращеніемъ.

2) Koogaline — финск. kokka — нѣчто стоящее; kokko — конусообразное возвышеніе. По лексикону Видемана koogaline — заика, дитя; съ послѣднимъ значеніемъ перевелъ Бертрамъ.

3) Нѣкоторые находятъ связь между „Warak“ и „Варягъ.“

ДВАДЦАТАЯ ПѢСНЬ.

Приготовленія къ войнѣ — 284; война и отступленіе Эстовъ — 494; смерть Алевида — 524; Калевичъ предоставляетъ царство Олевичу — 609; жизнь Калевича при рѣкѣ Койвѣ — 814; Смерть Калевича и жизнь его духа — 950; Его должность при адскихъ воротахъ — 1046; Надежда Эстовъ.

Сумракъ ночи стелетъ рощи,
Мглы покровъ повсюду вкругъ
Блѣднымъ цвѣтомъ покрываетъ
Образы златыхъ холмовъ;
Волны моря же дробятся,
(Образуя) печали извивы,
Облако густаго тумана
Обликъ солнышка скрываетъ.
Проливной-ли дождь шумитъ,
Градъ тяжелый ли со трескомъ
На изсохшія нивы палъ?
Щитъ ли сына Калевида
На скалахъ ужъ прозвучалъ?
Или кровожадная брань
Порождаетъ уже смерть?
Пой, пой, птичій языкъ,

Клювъ серебряный, гласи,
Возвѣсти, златая кукушка:
Что посѣяли печальнаго,
Смертоноснаго родили?
Смерти глубокая, безмолвная пропасть,
Кровожадное поле брани
Поглощаетъ трупы тысячей,
Упокоивая въ нѣдрахъ праха,
Усыпляя въ объятьяхъ муравы.
Дорогой сынъ Калевида!
Не по тѣнямъ-ли вечернимъ
Нынѣ ты пришелъ смотрѣть
Язвы бѣдствія послѣдняго?
Разсказать-ли, другъ, пріѣхалъ
Изъ качели временъ явить
Обстоятельства кончины?
Рать тебя не одолѣла,
Не могла сгубить война;
Угнетенія печали
Преждевременно одолѣли;
Финскаго кузнеца заклятья,
Собственныя несчастныя рѣчи
Необдуманно къ мечу
Сдѣлались тебѣ убійцей.
Какъ услышалъ вѣсть войны
Калевида мощный сынъ,
Медлить болѣе не могъ
Долѣе на праздникахъ;
Онъ послалъ верхомъ пословъ,
Чтобы воиновъ побуждать
И сильнѣйшихъ торопить
На войну готовиться.
Прежде чѣмъ пуститься въ путь,
(Началъ) Алеву открывать,
Такъ Сулеву передавать:
«Золото, что во свѣтлицѣ
Въ сундукѣ, сребро подъ крышкой
Украдетъ воръ на войнѣ,
Лапы хищника похитятъ:
Понесемъ-те кладъ въ тайникъ,
Скроемъ его въ нѣдрахъ праха,
Гдѣ не можетъ схапать воръ
И грабитель не похититъ.
Засіяетъ лучшее солнце,
Процвѣтетъ вновь время счастья:
То сокровище мы вынемъ,
Изъ подъ холма возы злата.“
Начали затѣмъ въ пескѣ
Тайно яму вырывать,
(Принялись) втроемъ копать,
Гдѣ спустили золото,
Положили серебро.
Подъ покровомъ тайнымъ ночи
Произнесъ сынъ Калевида:
*„Въ нѣдро дерна, да подъ землю,
Среди крупнаго песку,
Въ глубину (подземной) глины
Зарываю сладкую ягодку,
Шляпу золота валю,
Опускаю добычу брани,
Узловатую воинскую пряжку,
Кладъ побѣды въ состязаньи.
Бусы сребра изъ нарядовъ матери,
Шейныя тяжелыя деньги,
Старые кресты, рублевики,
Деньги съ ушкомъ, талеры съ кольцами,
Мелкія и денежки,
Прадѣда наслѣдіе,
Собранныя вдали копѣйки.
Три да будутъ черныхъ брата,
Совершенно безъ бѣлыхъ волосъ,
Задуши три существа:
Чернаго съ гребнемъ пѣтуха,
Чернаго кота или щенка,
Третье черное изъ подъ земли
Чернаго крота, что безъ глазъ.
Будетъ примѣта — Ивановъ огонь,
Да подымется сокровище;
Человѣкъ придетъ, чтобъ кровь
Черныхъ трехъ тѣхъ проливать,
Да подымется котелъ въ три фута,
Въ ширину ладони вдобавокъ!
Пусть онъ внемлетъ звуку словъ,
Силѣ (?) Тары мудрости.
Коль у мужа мать сблудила,
Опозорилъ чужой аль свой:
Пусть не будетъ сей заклятый
Старый кладъ въ его рукахъ!

Кладъ за чистой матерью будетъ,“
Благородному сыну въ наслѣдство!*

А затѣмъ устами въ грантъ
Тайныя изрекъ слова,
Возвѣстилъ крѣпчайшія,
Что другимъ при размышленіи
Никогда въ умъ не прійдутъ,
Какъ лишь счастья баловню,
Коему въ награду дастся,
Въ рѣдкое сочтется счастье —
Приподнять котлы со златомъ,
Взять сокровище изъ земли.

Не рожденъ тотъ человѣкъ,
Не явилось дитя счастья,
Кто бы злато Калевида,
Изъ сребра добычу счастья
Получилъ бы изъ холма,
Пріобрѣлъ изъ тайника

Какъ потомъ взошла заря,
Обагрила щеки неба,
Бранный мечъ взялъ сынъ Калева,
Взялъ и острое копье,
Изъ амбара также щитъ,
Вывелъ лошадь онъ изъ стойла,
Браннаго коня отъ яслей,
Сына Алева заставилъ
За пятами щитъ носить;
Бранный рогъ къ устамъ наладилъ,
Началъ тотчасъ въ рогъ трубить,
Издалека людъ сзывать,
Ратоборцевъ побуждать
Приготовиться на брань.
*„Туту-луту, туту-луту!“
Калевида рогъ звучалъ;
Вняли горы, лѣсъ проснулся,
Дуновеніе утихло,
Шумъ морской задумался
При воззваніи Калевида;
Отозвались въ ужасѣ,
Кличъ призыва умножая.
Слышалъ людъ на брегѣ Виру,
На предѣлахъ Гервы, Гарью,
На широкихъ лугахъ Війка,
Посреди Перновскихъ липъ;
Въ Алутагѣ слышали кличъ,
У предѣловъ Дерпта зовъ.

„Туту-луту, туту-луту!“
Калевида рогъ звучалъ;
Вняли горы, лѣсъ проснулся,
Задремали вѣтерки,
Шумъ морской задумался
При воззваніи Калевида.
Отозвались въ ужасѣ,
Кличъ призыва расширяли,
Уносили его дальше.
Устремился народъ рать
Провожать на смерти путь
И на брани путь готовить.
На печи братъ парился,
Мать катала бѣлую рубаху,
Снаряжалъ отецъ коня,
Дядя прилаживалъ сѣдло;
Шпоры чистила деревня,
А мечи точила другая,
Обостряя на точилѣ.
На дворѣ сестра рыдала,
На полу — сестра другая,
Милая — въ свѣтлицѣ задней.

„Туту-луту, туту-луту!“
Калевида рогъ звучалъ;
Горы вняли, лѣсъ проснулся,
Задремали вѣтерки,
Шумъ морской задумался,
Скалы въ ужасѣ внимали.
При воззваніи Калевида.
Отозвались въ ужасѣ,
Кличъ призыва увеличили,
Уносили его дальше.
Голосъ трубача звучалъ
Далеко въ предѣлахъ Виру,
Раздавался въ Гервѣ, Гарью,
На широкихъ лугахъ Війка,
Посреди Перновскихъ липъ.
Звукъ донесся въ Алутагу,
Проникалъ за рубежъ Дерпта,
Широко въ предѣлы Пскова.
Торопясь пришли борцы
Быстро за знаменоносцемъ,
Попирая бранный путь,

На пути кровавомъ мчась.
Вѣстники же все гнались,
(Рыская) кругомъ въ странѣ,
Торопя медлительныхъ.
Научала сестра брата:
„Снаряжаю брата нѣжнаго,
Снаряжаю, наставляю!
Братецъ ты мой нѣжненькій!
Коль на смерти путь поѣдешь
Иль пойдешь на поле брани,
Не гонися ты впередъ,
Позади не оставайся:
Избиваются передніе,
Убиваются и задніе;
Среди рати ты вращайся,
Близко къ знаменоносцамъ;
Средніе домой вернутся!“

Плакала жена въ углу,
Милая супруга въ избѣ:
„Кто меня въ любви согрѣетъ,
Будетъ въ объятіяхъ лелѣять:
Примирителя не будетъ изъ ольхи,
Унимающаго боль — изъ клена,
Изъ березы — обнимающаго.“

„Туту-луту, туту-луту!“
Калевида рогъ звучалъ,
Горы вняли, лѣсъ проснулся,
Задремали вѣтерки,
Шумъ задумался морской,
Скалы въ ужасѣ внимали
При воззваніи Калевида!
Отзывалися во страхѣ,
Увеличивая кличъ,
Уносили его далѣе!

Ратоборцы быстрымъ ходомъ
Ужъ неслися по полянамъ
За призывомъ Калевида,
Мчась впередъ на пути смерти.

Сынъ могучій Калевида
Ѣхалъ на боевомъ конѣ
Торопливо къ рощѣ Тары,
Гдѣ собрали ратоборцевъ;
По пути звукъ туту-луту
Раздавался все изъ рога,
Чтобы рать въ лѣсу не сбилась,
Мужи въ лѣсъ не заблудились.

Вѣщая птица дубняка
Возвѣстила Калевиду;
„Наточи мечъ хорошенко,
Прежде дротикъ заостри,
Отпусти конецъ копья,
Чѣмъ героевъ ты разить,
Крѣпкихъ (воиновъ) убивать
Ты отправишься въ сраженье.“*

Калевида сынъ понялъ
Пожеланье вѣщей птицы,
Поспѣшилъ сыскать точило,
Взять клещи у кузнеца;
Тѣмъ началъ точить свой мечъ,
Также дротикъ заострять,
Отпускать конецъ копья.

На брегъ Матери — рѣки
Собралися полчища;
По приказу Калевида
Сулевичъ пришелъ туда
Со дружиною большою,
Сынъ Олева — со своими.

Стойкихъ прибыло туда,
Собралося самыхъ крѣпкихъ:
Пять сотъ изъ страны Виру,
Шесть сотъ — изъ Куресара,
Семь сотъ — изъ Суоміи.
Сынъ Калева началъ числить,
На полянѣ сталъ считать
Ратоборцевъ полчища,
Чернокафтанниковъ сборище.

При прохладѣ пятаго вечера
Ужъ клонилось къ закату солнце,
Какъ послѣдніе медлители,
Мѣшкатели собрались.

Сынъ могучій Калевида
На полянѣ велѣлъ лагерь
Ратоборцамъ разложить,
Далъ на отдыхъ день одинъ,
Снарядиться въ путь — другой.
Въ третій день же до зари,
Рано до разсвѣта
Поспѣшила рать въ походъ,

Устремилась въ путь воинскій.
Съ Тары горы взяли путь,
Направляяся къ востоку.

Ужъ въ началѣ дня другаго
Возгорѣлася война,
Грянуло сраженіе
Съ рыцарями въ бронѣ крѣпкой;
Что суда несли издали,
На бѣду водныя волны
Въ нашу землю прикатили.

Калевида мощный сынъ
Разсѣвалъ почти полдня
Тамъ ряды людей желѣзныхъ.
Утромъ лошадь околѣла,
Дорогой конекъ издохъ
Подъ ударами желѣзныхъ.
Тутъ слабѣйшихъ увядало
Сотнями на ложѣ смерти;
Тяжкіе удары желѣзныхъ
Порождали всюду смерть,
Гдѣ лишь пали на затылокъ,
Опустилися на темя.

Брани топоръ кровавое орудье,
Поражая смертоносно,
Сулевида бедра коснулся
До костей прорѣзалъ тѣло.
Братъ свалился на полянѣ —
Мужъ на землю на мураву.
Кровь полилася рѣкой,
Погасить хотѣла жизнь.

Слововѣдъ туда спѣшилъ
Крови токъ остановить
И страданія унять:
* „Кровь, кровь, ты вѣдь не вода,
Кровь, кровь, медъ для жизни!
Изъ ключа куда течешь,
Исчезаешь изъ колодца?
Жилы въ камень укрѣпи,
Кровь какъ дубъ ты остуди
Въ щели каменной жилы,
Тара, кровь останови.“*

Коль приказа кровь не слушалась,
Жила бедра не вняла просьбѣ,
Слововѣдъ сталъ изрекать
Чаръ таинственныя слова,
Произнесъ слова желѣза,
Болѣе мощныя въ отпоръ,
Къ жилѣ палецъ онъ прижалъ,
Красной нитью обвязалъ,
Дунулъ воздуха на рану,
Чѣмъ и крови (токъ) унялъ.

Слововѣдъ сварилъ и мазь,
Рѣдкое лѣкарство раны,
Изъ сортовъ травъ девяти,
Что онъ прежде самъ тайкомъ
Въ хладъ ночей, на лунномъ свѣтѣ,
Въ вереснякѣ себѣ сорвалъ,
Собиралъ въ бору дремучемъ,
Отыскалъ въ лѣсу еловомъ;
Положилъ онъ мазь на рану,
Унимающее боль — на язвы;
Раны онъ связалъ узлами,
Въ лоскутки платковъ окуталъ.

Калевида мощный сынъ
Разсѣвалъ людей желѣзныхъ,
На полѣ валя рядами.
Всколебалъ ряды враговъ,
Обратилъ потомъ ихъ въ бѣгство.

* Груды мертвыхъ стлали поле
Какъ бы сѣно — скошенный лугъ,
Градъ тропинки на суглинкѣ,
Лужи крови — всю поляну,
Какъ бы дождевая вода
Ниву выжженную изсохшую,
Сотнями головъ убитыхъ,
Тысячами частей членовъ. *

Свалка брани убійственная,
Солнечный удушливый зной
Изнурили Калевида,
Истомили баловня побѣдъ.
Богатырскій языкъ изсохшій
Прилипалъ уже къ гортани;
Долгой жаждою мучимый
Съ поля брани онъ отправился
Омочить языкъ у озера. 1)

Какъ онъ въ подкрѣпленіе,
Въ утоленье сильной жажды
Влагу языка изъ волнъ

Въ свой желудокъ пропустилъ,
Не осталось на днѣ и капли,
А лишь черный илъ одинъ.

Подъ муравой хоронили
По порядку кругомъ озера
Трупы увядшихъ (въ бою) мужей,
На войнѣ друзей убитыхъ,
Чтобъ, коль ливни дождевые,
Тайныхъ источниковъ разливы,
Распростерли свои волны,
На изсохшее то мѣсто,
Дружественные духи въ бесѣдѣ,
На волнахъ водныхъ качаясь,
Въ полночь время провесть могли.

Отдыхали два дня
Побѣдители отъ устали,
Пораженія лѣчили,
Опухоли исправляли,
Уцѣлѣвшіе мечи точили,
Заостряли орудья убійства,
Выбивали концы копій
И вырѣзывали стрѣлы.

На зарѣ на третій день
Сумки на плеча сложили,
Брани орудія на спины,
Зашагали потомъ опять,
Понеслись путемъ кровавымъ
По пятамъ Калева сына,
Кой со щитоносцемъ вмѣстѣ
Путь другимъ указывалъ.

Ужъ предѣловъ Святой рѣки
Выганды достигло войско.
Калевъ началъ сносить камни,
Сламывать въ лѣсу деревья,
Дубы (другихъ) крѣпчайшіе,
Лучшія (изъ лѣсныхъ) сосенъ;
Олевъ мостъ (сталъ) наводить,
Размѣщать плоту подобно.
*Войско ѣхало черезъ мостъ,
Балки нижнія дрожали,
Камни на углахъ тряслись.

Родовитые Поляки,
Смертоносные Татары,
Со знаменами Литовцы
Стали у предѣловъ Пскова,
Такъ лазутчики вѣщали.

Разразилося побоище,
Покатилась телѣга брани.
Мощный Калевида сынъ
Началъ колотить враговъ,
Разсѣвать ряды Поляковъ
И въ полонъ хватать Татаръ!
Мечъ разилъ сыновъ героевъ,
Скашивая ихъ въ бору,
Головы швырялъ Поляковъ,
Какъ бы въ ягодникѣ ягоды,
Какъ орѣхи подъ кустомъ,
На тропахъ суглинка градъ!
Стелютъ землю трупы мертвыхъ
Вышиною трехъ локтей,
Кровь же льется изъ подъ грудъ
Глубиной въ пять пяденей.

На другой день поражали
Въ схваткѣ убійственной Татаръ.
Сынъ могучій Калевида
Рати вражеской валилъ
Сотнями въ смертельномъ снѣ;
Мечъ разбойницкій срубалъ
На траву сыновъ мужей.

Бой переходилъ семь дней
Чередою съ мѣста на мѣсто,
Уменьшая полчища;
Многихъ воеводъ сразилъ
У Калева подъ холмы.
Сынъ Сулева смерть нашелъ,
Въ юности увялъ на полѣ.

Калевида сынъ могучій
Тутъ собралъ (полковъ) остатки
И повелъ ихъ противъ русскихъ
Бушевать въ смертельной схваткѣ;
Алеву онъ далъ приказъ
Передовыхъ поддерживать
И середнихъ ободрять.

Сынъ любезный Алевида
Съ быстротою вѣтра несся
Друга исполнять приказъ,
Супостата разсѣвать;
Подъ размахами меча,

Подъ уколами копья,
Отъ порѣзовъ косы страшной,
Подъ ударами сѣкиры,
Много пало на равнинѣ,
Много на полѣ увяло.
Кровь окрасила вереснякъ,
Обагрила вкругъ кусты.

Сынъ могучій Калевида
Бой велѣлъ остановить,
Брань кровавую утишить,
Онъ пока друзей умершихъ
Подъ муравой не схоронитъ.

Ложемъ сыну Сулевида
Холмъ высокій нанесли,
Размѣстили и горшокъ
На холмѣ промежъ камней,
Гдѣ его истлѣвшій прахъ
Уложили намъ на память.

Хоть Калева мощный сынъ
На другой день и Татаръ,
Также Русскихъ поражалъ,
Все же пало изъ дружины
Много сыновей эстонскихъ.
Кто остался, тотъ умчался,
Отступая въ страхѣ прочь.

Сынъ Олева со Алевомъ,
Сынъ Калева самъ третей
Стали какъ стѣна желѣзная,
Скалъ обрывы неколебимо,
Твердостью дубовой рощи
Противъ вражескаго войска.
Вечеромъ несчастнаго дня
Обликъ солнца осѣняющій
При прохладѣ сумерекъ
Бой заставилъ прекратить,
Дѣло кровавое утишить.

Эти витязи втроемъ
Перешли черезъ поляну,
Чтобы лужу высмотрѣть,
Влагу языка откуда
Почерпнуть изъ волнъ могли.

Было озерко въ долинѣ
Со холмистыми брегами;
Отражали волны зарей
Путь ихъ при мерцаніи неба.
Къ брегу витязи пошли
Утолить у озера жажду.
Алевида сынъ любезный,
Шею съ берега нагнувъ,
Поскользнулъ ногой усталой,
Погрузился тутъ подъ волны,
Тотчасъ въ глубину попалъ.
Въ помощь поспѣшили другіе;
Не могли уже дружка
Тутъ спасти изъ пасти смерти,
Вынесли лишь трупъ застывшій
На брегъ (озера) на сушу,
Гдѣ насыпали и холмъ
Другу ложемъ засыпанья.

При сіяніи солнышка,
Видимъ лишь счастливому глазу,
Черезъ волны тамъ блеститъ
Шлемъ желѣзный витязя,
А равно и мечъ трехгранный,
Что остался на память
Алевида проявлять.

Брани послѣднія насчастья,
Родичей тяжелая смерть
Опечалили Калевида,
Такъ что ни покоя днемъ,
Ночью счастія не видѣлъ.
Скорби не гасила заря,
Сумерки не уняли гнета.
Бремя безпокойства духа
Угнетало Калевида.

Тутъ онъ громкими словами
Обнаружилъ Олеву:
*„Счастія былаго цвѣтки,
Дней веселія утѣхи
Ужъ исчезли на лугахъ,
Ужъ увяли на поляхъ,
Ужъ на выгонахъ пропали,
Попраны на игрищахъ,
Разлетѣлися съ черемхи,
Съ вишень поразсыпались,
Пали на землю въ ольховникѣ
Средь весенняго расцвѣта,

Средь паханья поля пара,
Прежде наступленья лѣта,
До сіянія долгихъ дней!
И кукушка печаль кукуетъ,
Птица распѣваетъ скорбь,
Соловей — былое счастье. *

„Какъ увядшій дубъ на полѣ,
Высохшая весной береза,
Лѣсъ безъ листьевъ лиственный,
Я (стою) друзей лишенный
Сиротою безъ братушекъ,
Угнетаемый печалью.
Дни веселья разстались,
Время счастья закатилось.

„Олевъ, братецъ, ты прими,
Ты прими правленья власть,
Царственныя почести,
Ты прими защиту въ Виру,
Попеченье усердное въ Гарью
Въ покровительскую десницу.
Быстро въ Линданизу мчись,
На Калева родину;
Укрѣпленья града старайся
Поустойчивѣе сдѣлать,
Выкопать вокругъ канавы
Противъ храбрыхъ супостатовъ;
* Мѣстомъ защиты старикамъ,
Старцамъ желѣзною стѣною,
Домомъ сѣтованья вдовамъ,
Дѣвамъ юнымъ угломъ плача,
Слезъ свѣтлицею невѣстамъ,
Кои въ тяжкихъ узахъ печали
По друзьямъ какъ вдовы сѣтуютъ,
О супругахъ скорбятъ слезно,
Что погибли на войнѣ,
Гдѣ ни влага подъ бровями,
На щекахъ слеза не канетъ.

„Уходить я долженъ прочь,
Птицей сѣтуя разстаться,
Лебедемъ — на другія волны,
На другія скалы — орломъ,
Уткой — спрятаться въ тростникъ.
Влѣзу въ чащу я кустовъ,
Скроюся въ долу безмолвномъ,
Средь листвы печальной березы,
Время былое оплакивать,
Скорби (сердца) унимать
И несчастья забывать. *

„Виру областью ты правь,
Въ мирной жизни правь народомъ,
Подданными десницей любви,
Будь начальникомъ счастливымъ,
Будь счастливѣй, чѣмъ я былъ.“ —

Дорогой сынъ Калевида,
Разставаяся со скорбью,
Нивы оставлялъ рыдать,
Сѣтовать — просторъ луговъ.
Удаляяся въ убѣжище,
Одинокое сыскалъ мѣсто
Посреди дремучаго бора,
Гдѣ нѣтъ путнику тропы,
Ни проходу для пришельца,
Чтобъ покой его нарушить,
Мысли отъ печали сбить.
* Дорогой сынъ Калевида,
Коль печалію томимый,
Много дней въ лѣсу напрасно
По холмистой шелъ землѣ,
По трясинѣ сранствовалъ,
Проходилъ песчанники,
(То) по счастья указанью,
Тайными желателями водимый,
Очутился у рѣчки Койвы,
(Гдѣ) нашелъ уютное мѣсто;
Здѣсь подъ сѣнію елей,
Подъ прикрытіемъ сосенъ,
Для себя пріютъ устроилъ,
Гдѣ при проливномъ дождѣ,
При разгарѣ зноя дня
И при бушеваніи бури,
Туловище удрученное
На боку чуть подкрѣплялъ.

Тамъ вдали отъ зрителей
Пребывалъ сынъ Калевида
На подобье бѣдняка,
Дни въ страданьяхъ проводилъ,
Тяжкія ночи злополучья.
Очи, бодрствуя, не смежались,
Вѣжды не спускались внизъ;
Много дней не принималъ

Даже крошки пищи въ ротъ;
Подпираемый вѣтромъ жилъ,
Подъ сіяньемъ солнца грѣясь,
Парясь подъ ливнемъ дождя. *
Голодъ сталъ его щемить,
Въ руки тотчасъ бралъ удило,
Прутъ съ приманкою для раковъ,
Чѣмъ улавливалъ онъ рыбъ
И вытаскивалъ рачатъ.
Съ брега латники пришедшіе,
(По странѣ) втроемъ гуляя,
Указаньемъ счастья попали
На брега рѣки той Койвы,
Гдѣ уже сынъ Калевида
Приготовилъ пристанище.
Чужеземцы стали хитро
Калевида сманивать:
„Калевида сынъ драгой,
Изъ Вироніи правитель,
Подружись съ дружиной нашей!
Крѣпость принадлежитъ тебѣ,
Сила въ твоемъ распоряженьи,
Мудрость же въ карманахъ нашихъ,
Въ нашихъ мѣшкахъ понятливость.
Коль мы шествуемъ совмѣстно,
Тащимъ соху подъ братскимъ ярмомъ,
Брань не можетъ одолѣть насъ,
Никогда война умертвить.
Дай правленія бразды
Подъ защиту хитрѣйшаго.“
Калевида сынъ могучій,
Слушая красивую рѣчь,
Обратилъ глаза къ рѣкѣ,
Опустилъ на волны вѣжды,
Спину (повернулъ) къ плутамъ
И не молвилъ ни словечка.
Отражалися отъ водъ
Ясно въ глазахъ Калевида
Собесѣдниковъ образы,
Коль разбойницкіе мечи,
Тайные замысля планы,
Извлекли они изъ ноженъ,
Чѣмъ разбойники героя
За спиной убить хотѣли.
Калевида сынъ могучій
Произнесъ, обманъ (сей) видя:
„Мечь такой еще не проданъ,
Острое желѣзо не сдѣлано,
Да рука еще не выросла,
Не родились члены пальцевъ,
Чѣмъ героя мнѣ подобнаго
Ранили бы до крови.
Дѣти наслѣдникъ ада,
Иззаспинные убійцы!“
Такъ сказавъ, тотчасъ схватилъ
Незнакомца коварнаго
(Богатырской) рукой за шлемъ,
Вихремъ вѣтра завращалъ
Латника вокругъ себя,
Какъ бы паклевую кужель.
Шумъ поднялся на вѣтру,
Какъ бы сѣверный злой орелъ,
Въ ночь глухую пернатыхъ стая
Попирали крылья вѣтра.
Сынъ Калева схватилъ руками,
Бросилъ на земь сына ада
Въ черноземъ до полу-груди.
Друга другаго потомъ схватилъ
(Богатырской) рукой за шиворотъ,
Вихремъ вѣтра завращалъ
Латника вокругъ себя,
Какъ бы паклевую кужель.
Шумъ поднялся въ дуновеніи,
Гулъ въ бору дремучемъ,
Какъ бы буря бушевала,
Быстролетно несся вихрь,
Ели стройныя качалъ,
Выгибалъ (могучія) сосны,
Потрясалъ (великіе) дубы.
Сынъ Калева взялъ руками,
Бросилъ въ землю сына ада
Въ черноземъ до половины щекъ;
А затѣмъ пса третьяго
Взялъ рукою за затылокъ,
Вихремъ вѣтра онъ вращалъ
Латника кругомъ себя
Какъ бы паклевую кужель;
Шумъ поднялся въ дуновеніи,
Гулъ — въ бору дремучемъ,

Клокотъ — въ волнахъ водныхъ,
Громъ — высоко въ облакахъ,
Какъ мостомъ желѣзнымъ ѣхалъ
На телѣгѣ мѣдноколесной,
Потрясая Пикеръ дѣдъ,
Гнѣвный Эйке угрожалъ.

Сынъ Калева взялъ руками
Бросилъ на земь сына ада,
Подъ землей совсѣмъ схоронилъ;
Въ дернѣ яма лишь осталась,
Чтобъ о третьемъ возвѣщать.

Разъ другой пришелъ умнѣйшій,
Мальчуганъ коварнѣйшій
Искушать Калева сына;
Съ брега латники его
Сдѣлать договоръ послали.
И когда онъ тутъ коварно
Долго разговаривалъ,
Сладкой рѣчію прельщалъ,
Сынъ Калева отвѣчалъ:
„Молодецъ, зачѣмъ мы время
Въ словопреніи проводимъ?
У меня въ желудкѣ ноетъ,
Знать даетъ о пустотѣ;
Ты сходи на брегъ рѣки,
Вынь мнѣ удочку для раковъ,
Много-ль раковъ, погляди,
Прицѣпилося клещами.
Коль желудокъ подкрѣплю,
То умнѣй тебѣ хочу
Объявить свое рѣшенье.“

Тяжкими шагами латникъ
Къ берегу рѣки пошелъ,
Посмотрѣть добычу раковъ,
Вытянуть на верхъ удило.
Кто бы слышалъ болѣе странное,
Видѣлъ прежде болѣе забавное,
Чѣмъ представшее глазамъ?
Калевъ мощною рукою
Вырвалъ прежде вмѣстѣ съ стволомъ
Самую длинную изъ сосенъ
И съ приманкой опустилъ
Въ воду какъ тычинку раковъ.

У безсильнаго латника
Силы не было сосну
Хоть бы шевельнуть въ волнахъ,
А тѣмъ менѣе вынуть тычину.
Калевъ самъ отправился
Посмотрѣть на замедленье,
Что у друга тамъ шаги
Неожиданно сдержало.
Лишь на берегъ онъ ступилъ,
Вытянулъ одной рукой
Изъ воды тычину раковъ,
Поднялъ верхъ ея изъ волнъ
Высотою трехъ возовъ —
Вонъ! виситъ что на удилѣ?
На удилѣ качается кляча,
Падаль цѣлаго коня виситъ,
Содрана съ нея лишь шкура.

Калевида сынъ могучій
Издѣвательски сказалъ:
„Удалецъ, ступай домой,
Объявить скорѣй сходи,
Что узналъ ты о героѣ.“
Какъ призналъ ты его крѣпость.
Въ дернѣ знаки другіе найдешь,
Славныя другія свидѣтельства
О могуществѣ сына Калева,
Дѣлѣ завчера свершенномъ:
Втиснулъ одного по грудь,
Водрузилъ до щекъ другаго,
Третій палъ повыше бровей,
Гдѣ и яму выкопалъ,
Въ память мѣста погребенья.
Я по силѣ васъ могучѣй,
Тверже-крѣпостію тѣла
По длинѣ — гораздо длиннѣй.
Подвиги не годны въ слуги,
Величина во батраки,
Ни длина въ поденщики,
Подъ чужую волю мощь;
Проживу скорѣй одинъ,
На подобье батрака,
Чѣмъ поддамся принужденью,
Или волѣ чужеземца.

Мощную выю Калевида

Недоуздокъ не задержитъ,
Ни осилитъ ярмо раба."

Тайныхъ посланцевъ поѣздки,
Тщетныя хожденья чужихъ
И топтанія путей напрасныя
Безпокоили Калевида.
Угнетаемый печалью,
Въ лѣсъ отправился онъ бродить,
Разсѣвать тоску душевную,
Гдѣ еще пята не была,
Не ходили пальцы ногъ.

Коль вывѣтривая тоску
День ходилъ, два ходилъ,
Да и третій день ходилъ,
По лѣсамъ бродя дремучимъ,
То стопы его попали
Въ страны озера Чудскаго,
Гдѣ въ дни счастья его ноги
Часто прежде проходили;
Хоть глазамъ печальнымъ мѣсто
Представлялось нынѣ чуждымъ.
Далѣе отсюда идя,
Калевида сынъ достигъ
Береговъ рѣки той Кэпы,
Гдѣ онъ прежде, идя въ Псковъ,
Во цвѣтущее время счастья
Брата крови похищеннаго —
Мечъ заклялъ на (вѣчный) сонъ:
Во каратели носителю,
На бѣду таскателю.

Калевида сынъ драгой,
Ты не могъ того предвѣдать,
Заднимъ разгадать умомъ,
Предувидѣть въ сновидѣніи
И во время сна понять:
Какъ велѣнье, мечу данное
Въ наговорѣ кузнеца
И въ заклятіи ковача,
Причинитъ тебѣ здѣсь смерть,
Месть кровавую уготовитъ.

На прогулкѣ ты вѣдь рекъ,
Прямо въ волны распѣвалъ,
Ложе водное заклялъ,
Глубину заговорилъ:
„Если на пути случайно
Сунетъ въ воду тотъ пяту,
Кто тебя *носилъ самъ раньше*,
Мечъ, дружокъ мой, ты тогда
Обѣ ноги срѣжь ему!"

Злое заклятое велѣнье
Принуждало мечъ (геройскій)
Чародѣю отомстить,
Что принесъ сюда (сей) мечъ,
Въ воду воровски спустилъ;
Но меча намѣренье
Клятва кузнеца смѣшала.

Коль теперь сынъ Калевида
Сунулъ въ рѣку пяты ногъ,
Мечъ тотчасъ задумался,
Размышлять сталъ такъ въ умѣ:
Не носилъ-ли прежде самъ
Сей герой мечъ (богатырскій)?
Не должно-ли покарать?

Побуждаемый заклятьемъ,
Мечъ разбойницкій вонзился
Сыну Калева въ бедро,
Срѣзалъ у него ступни,
(Ноги) до колѣнъ отсѣкъ.

Сынъ могучій Калевида
Подъ вліяніемъ смертной боли
Горько тотчасъ зарыдалъ,
Сталъ въ бѣдѣ на помощь звать,
Выползъ къ брегу на рукахъ,
Повалился на равнинѣ,
По полю полилась кровь.

Хоть оставшихся въ рѣкѣ ногъ
До колѣнъ не доставало,
Туловище заняло
Пуру окровавленной земли.

Сына Калева рыданья,
Кликъ на помощь во бѣдѣ,
Стоны во смертельныхъ болѣхъ
Разнеслись до облаковъ,
Приподнялися повыше,
Восходили въ небеса,
Въ горницу отца высокаго.

Сына Калева рыданье
И страданье въ страшныхъ мукахъ
Раздается непрестанно,
Длится все неумолкаемо
Сыновьямъ семьи Эстонской,
Дочерямъ дворовъ Эстонскихъ!
Станутъ сотни лѣтъ еще
Объ утратѣ говорить,
Дерна объятія пока
У послѣдняго пѣвца,
У (той) птички златоклювой,
Не закроютъ въ смерти устъ.

Снизошли небесные знакомые
Навѣщать его бѣдняжку,
Боли унимать пришли,
Погашать и горечи.
Положили травъ на рану,
Унимающія боль — на язвы.
Все же смерть отъ ранъ явилась,
Кровь бѣдняжку одолѣла,
Молодой герой увялъ!

Въ мукахъ смерти Калевъ боролся,
Духъ въ страданьи испускалъ,
Кровь, остывшая на полѣ,
Обагряла мѣсто вкругъ,
Трупъ холодный и остылый;
Прекратился крови токъ,
Стало біеніе и сердца;
Все же Калевида очи
Ясно сверкали (обращенные)
Къ избамъ дѣдушки небеснаго,
Ко свѣтлицѣ стараго отца.

Духъ, изъ праха вырвавшійся,
Птицей весело летѣлъ
Въ облака на длинныхъ крыльяхъ,
Поднялся на небеса.
Въ небѣ создали цѣлое тѣло
Калевида духу въ защиту,
Чѣмъ на играхъ побѣдителелей,
Въ Пикеровичей торжествахъ,
Ликовалъ въ счастливые дни,
Жизнь сладчайшую вкушалъ,
Отдыхалъ отъ тлѣнной жизни.

Тутъ сидѣлъ онъ у костра
Посреди героевъ Тары,
Слушалъ, подъ щекой рука,
Повѣствованія пѣвцовъ,
Въ коихъ подвиги его,
Славныя дѣянія,
Чудеса явленныя въ свѣтѣ,
Воспѣвали при огнѣ,
На златыхъ вѣщали струнахъ.

Самомудрый дѣдушка
Былъ навѣрно опечаленъ,
Коль главы на свое ложе
Цѣлыя ночи не могъ склонить,
Разбирая въ своихъ мысляхъ,
Что бы мощному герою
Въ небѣ дать работою,
Что назначить должностью?
Въ жизни праха (этотъ) сынъ,
Прежде смерти своей на свѣтѣ,
Совершалъ дѣла великія,
Подвиги могучіе творилъ,
Одолѣлъ враговъ въ бою,
Дѣда адскаго связалъ:
Сильному нельзя безъ дѣла,
Мощному быть безъ работы,
Въ лѣности бродить по небу!

Сомомудрый дѣдушка
Сыновей хозяйскихъ созвалъ,
Тайный чтобъ держать совѣтъ,
Планы мудрые придумать.
Тары мудрецы на небѣ
Межъ собою засѣдали
За стѣною тайной избы,
Въ уголкѣ совѣтъ гдѣ держатъ;
Совѣщались пару дней,
Ночи двѣ безъ отдыха
Обсуждали тайный планъ:
Какъ бы Калевида сына
Въ небѣ позанять работой.

Тары мудрецы на небѣ,
За одно всѣ разсудили,
Сообща постановили:
Калевида мощнаго сына

Ада сторожемъ поставить,
Охранять подземный міръ,
Сторожить его ворота
И рогатаго стеречь,
Чтобы парень изъ западни,
Злой съ привязи не сорвался.
Духъ изъ трупа вышедшій,
Голубка, поднявшагося въ небо,
Тутъ понудили сейчасъ
Въ тѣло хладное вернуться,
Основать селенья мѣсто.
Тѣло Калева остывшее
Снова оживилось
Съ головы до самыхъ ногъ;
Но оставшихся въ рѣчкѣ ногъ,
Срѣзанныхъ съ него голеней
Не смогла и власть боговъ,
Мудрость Тары исцѣлить,
Прикрѣпить ко туловищу.
Калевида посадили
Тутъ на бѣлаго коня
И послали тайнымъ ходомъ
Ко предѣламъ царства ада
Сторожить его ворота
И Рогатаго стеречь,
Чтобы парень изъ западни,
Злой съ привязи не сорвался.
Коль затѣмъ сынъ Калевида
Прикатилъ къ воротамъ скалъ,
Ко преддверью нижняго міра,
Свыше кликнули ему:
„Тресни кулакомъ въ скалу!“
Дланью тяжкою взмахнувъ,
Онъ разсѣкъ скалу на двое,
Но рука въ скалѣ осталась,
Въ глыбѣ тамъ засѣлъ кулакъ.
Тамъ-то на конѣ сидитъ
Нынѣ Калевида сынъ,
Связана въ скалѣ рука,
Сторожитъ ворота (ада),
Связанный — привязаннаго.
Ада исчадія стараются
Съ двухъ концовъ лучиною
Сдѣлать цѣпи хрупкими,
Привязи его порвать,
Звенья дѣлаются въ Рождество
Толщиною съ волосинку;
Возгласитъ зари пѣтухъ
На воротахъ дѣдушки
Приближенье Рождества:
Звенья дѣлаются тотчасъ
Такъ же толсты, какъ и прежде.
Сынъ Калева хочетъ руку
Въ промежуткѣ мощной силой
Вырвать изъ стѣны скалистой,
Потрясаетъ и гремитъ,
(Такъ что) дно земли гудитъ
И колеблются холмы,
Море воздымается въ пѣнѣ;
Держитъ мужа Маны рука,
Чтобы сторожъ изъ воротъ,
Охранитель не спасся изъ ада.
Будетъ нѣкогда то время,
Коль лучины съ двухъ концовъ
Широко воспламенятся;
Срѣжетъ огненное пламя
Руку изъ средины скалъ:
Калевъ поспѣшитъ домой
Счастье дѣтямъ своимъ несть,
Возсоздать Эстонцевъ жизнь. [2]

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Озеро Жажды (Jänu-järw) лежитъ въ пограничной области имѣнія Альтъ-Келлитцъ, въ Канапэскомъ кирхшпилѣ.

2) Стихи о посмертной жизни сына Калева могли бы имѣть важное значеніе для характеристики міровоззрѣнія древнихъ Эстовъ; къ сожалѣнію трудно рѣшить, насколько Д-ръ Крейцвальдъ остался вѣренъ народнымъ представленіямъ, облекая ихъ въ стихотворную форму. Что онъ

для связыванія фрагментовъ саги прибѣгалъ къ собственному творчеству, вставляя въ нее много собственныхъ образовъ, это едвали подлежитъ сомнѣнію. Поэтому въ интересахъ миѳологіи и этнографіи крайне желательно, чтобы вопросъ о степени оригинальности саги, въ цѣлости и частяхъ, былъ выясненъ на основаніи сохранившихся рукописей покойнаго Крейцвальда. Нѣкоторые собранные въ новѣйшее время изъ устъ народа варіанты не сходятся съ представленіями въ сагѣ, напр. поѣздка сына Калева къ дверямъ ада по одному варіанту совершается имъ въ концѣ жизни въ здоровомъ тѣлѣ, на чортѣ, обратившемся въ дикаго коня. Въ одной пѣснѣ изъ Вироніи, заключительныя слова которой довольно близко подходятъ къ послѣднимъ стихамъ саги (1047—1054), положеніе и надежда Эстовъ изображается такъ:

Дѣдушка ты милосердый,
Тара дѣдъ, премудрый мужъ!
Гордому барину воздай,
Злому кубъясу отомсти,
Искусителю килтеру; [1])
Ты воздай имъ прежде ночи,
Прежде чѣмъ сойду въ могилу;
Все въ землѣ измѣнится,
Подъ землей не будетъ гнета,
Ранъ въ могилѣ не увидишь:
Чѣмъ бы право доказать,
Знать какъ могъ бы Тара дѣдъ
И мнѣ право воротить....
Баринъ мастеръ говорить,
Кубъясъ очень ловокъ спорить,
Я же бѣдный батрачокъ,
Рабъ на барщинѣ гнетомый;
Мысль моя не дѣльная,
Да не мѣткое и слово:
Потому-то я безъ права
Буду воздыхать дотоль,
Буду раны очищать,
Какъ домой вернется Калевъ
Навѣстить подъ гнетомъ братьевъ....
Калевъ подъ броней гремитъ,
Грудь моя же подъ ремнями,
Въ синихъ вся спина рубцахъ;
Отъ щитовъ гремитъ его шея,
Бедра отъ мечей блестящихъ,
Чѣмъ враговъ бѣжать заставитъ,
Удирать мучителей....
Будетъ жизнь тогда прекрасна,
Будемъ жить на горѣ Тары,
Въ чудной горницѣ изъ дуба,
Въ золотой избѣ Ванемуйне.

[1]) Kubjas и Kiltter — распредѣлители и надзиратели за работами на барщинѣ.

ESTICA
A-16424
i 2947372x

Цѣна 70 коп.